

А. Клименкова

*КТО СУКЮБА?
Я - СУКЮБА?!*

Быть попаданкой в магическом мире очень опасно, как чуждый элемент ты можешь случайно учинить светопреставление. Если не хочешь ощущать себя бомбой замедленного действия, придется вписаться в здешнюю реальность и стать одной из нелюдей — секс-бомбой суккубой. Вот уж тогда никто не будет тебя избегать, а мужчины и юноши всех видов охотно помогут пробудить внутреннего демона и накопить запас магии для возвращения в родной мир. Только сомнительно, что попаданку занесло сюда случайно. Тем более клиенты новоявленной суккубы один за другим принялись исчезать при весьма подозрительных обстоятельствах.

1

В аудиторию вошла большая кошка темно-песочного окраса. Задней лапой она небрежно пнула за собой дверь, чтобы та закрылась с негромким щелчком. На этот звук все студенты повернули головы, если оные у них имелись, обратили глаза на палочках, если оные вращались, некоторые особо аморфные существа просто поменяли местами лица и затылки. Шум плавно стих. Кошка под пристальным вниманием студентов прошла к месту преподавателя. Нестройный хор разнообразных голосов протянул:

— Здрасьте, мисс Пума!

— Доброе утро всем, — без воодушевления отозвалась кошка. Для тех студентов, кто не воспринимал звуковые сигналы, она продублировала приветствие отчетливой мыслеформой.

Радоваться мисс Пуме было нечему: не выспалась, дела не ладились, с кухонным призраком поругалась, молоко на завтрак упустила на плиту, опоздала на занятие. Да еще заменять приходится специалиста по чернокнижию, который не вовремя удрал в отпуск, а оплатят ли ей эти вычеркнутые из жизни часы, еще неизвестно. Кто ж надоумил директрису, будто некромантка обязана справиться с чернокнижием? Это ведь совершенно разные предметы! Пусть местами взаимопроникающие, но всё-таки!

Пума тряхнула пушистыми ушами, не в силах скрыть легкого раздражения. Студенты, заметив выразительное движение, притихли тщательнее, даже шуршать перестали и кашлять — нарочно сердить ту, кто работает в морге и живет рядом с кладбищем, смельчаков не было.

— Сегодня мы будем разбирать тему «Призыв демона» на примере инфернальных сущностей третьего ранга разумного уровня, — провозгласила Пума скучным тоном, — на суккубах. И не надо хмыкать и лыбиться, я для вас никого вызывать не стану, просто покажу, как это надо делать правильно. Потом сами вместо домашнего задания попробуете, уж я вас знаю.

Она не стала запрыгивать на стул, чтобы диктовать нудную лекцию, а сразу перешла к наглядной демонстрации. Сев по-кошачьи прямо на пол перед преподавательским столом и подвернув длинный хвост, Пума сняла специальные кожаные варежки, позволяющие ее полурукам-полулапам оставаться чистыми при ходьбе на четырех конечностях. Кстати, варежки были из особой «темной» модной коллекции — с фигурными кнопками-черепами на ремешках, застегивавшихся на запястьях, с тиснением в форме пентакля на тыльной стороне ладони. Из сумки, что висела у нее на шее, кошка достала мешочек с разноцветными кристаллами.

— Итак, все помнят, что перед занятием магией всегда проверяем, заряжены ли

камни? — кажется, в тысячный раз за семестр задала вопрос Пума. Ответа привычно не ждала, монотонно продолжила: — Можете не хихикать, эти кристаллы я проверила еще дома, они пусты. Потому не ждите, что я вам сейчас впрямь кого-то призову. Значит вот, мы расставляем эти камни так, строго по концам пятилучевой звезды, в народе известной как пентаграмма. Затем читаем формулу призыва. Здесь важно задать либо имя призываемой сущности, либо как следует сосредоточиться на координатах, где предположительно искомая сущность должна находиться в данный момент. Ни имя, ни места я не знаю и знать не хочу, поэтому в нашем случае в формулу ничего не подставляем. Что вы притихли? Я читать заклятье не собираюсь. Дружно открываем учебник с черной-пречерной обложкой, ищем сорок третий параграф пятой главы и зачитываем... Все читаем про себя, а один вслух. Кто же это будет? Хм... Флавиан!

— Да, мисс Пума! — отозвался красавчик человеческого типа, сидевший в самом дальнем ряду у прохода.

Кошка-некромантка лизнула тыльную сторону лапки и скучаяще пригладила пушистые усы на мордочке. Велела:

— Раз ты у нас инкуб, ты и зачитаешь нам формулу призыва суккубы. С выражением, пожалуйста.

— Да, мисс Пума, — покорно отозвался студент.

Под взглядами всей аудитории он взял в руки учебник и начал творить заклинание, оставляя паузы вместо имени призываемого демона.

И то ли инкуб Флавиан сам думал что-то не то, пока читал, то ли жаждущие увидеть суккубу студенты в аудитории невольно своим дружным страстным желанием умудрились-таки каким-то чудом зарядить кристаллы, но факт остается фактом: едва завершилась формула призыва, от напускной невозмутимости некромантки не осталось и следа. Хвост трубой, шерсть торчком, когти выпущены, в глазах непонимание и ужас — шипящий вопль:

— Какого дьявола?! Почему сработало?!

Пентаграмма на полу засветилась призрачным сиянием, линии сопутствующих магических знаков ожили и задвигались, превращаясь в другие по мере действия призыва. Яркая вспышка — это в центре с треском грозовой молнии разорвалось пространство между мирами. Когда же студенты и кошка-препод перестали жмуриться, то призыв уже был завершен и необратим.

В середине пятиконечной потухшей звезды, прожегшей паркетные половицы, сидела на корточках перепуганная взъерошенная человеческая девушка. Полненькая, невысокая, одетая в пижамный комплект из маечки на бретельках и коротких шортиков. На руках у нее пушился и тарачил глаза не менее перепуганный внезапным перемещением упитанный кот полосатой «дворовой» масти средней мохнатости.

— П-персик, мы это где? — вымолвила девушка.

— Мать вашу за хвост, попаданка? — в шоке мякнула преподавательница некромантии и по совместительству чернокнижия. — Флавиан, ты что натворил?!

— Это не я, мисс Пума! — инкуб округлил глаза не хуже кошачьих.

— Суккуба какая-то странная, — не теряли времени, сразу стали прицениваться студенты. — Но зато аппетитная, в теле!

Девушка обвела безумным взглядом зашумевшую аудиторию со всем разнообразием студентов человекоподобных и чудищеобразных видов и разновидностей. Все эти существа и сущности пялились на нее множеством парных и непарных глаз, шевелили в возбуждении и

любопытстве руками, щупальцами, конечностями, хвостами.

— Я в ад провалилась? — сделала вывод попаданка. — Мамочки, за что?..

Тихонько ахнула и повалилась без чувств. Благо виноватый Флавиан как раз успел вскочить со своего места и вовремя подбежал, чтобы поддержать «родственницу». Кот моментально признал в нем защитника: неожиданно шустро для своей круглой комплекции забрался ему на плечи, для равновесия вцепился когтями, проколов не только одежду, но и кожу, вздыбился заново — и страшно зашипел в сторону страхолюдных студентов.

— Ох, мамочки, за что мне такое наказание? — посетовала некромантка. Нервно пригладила лапой шерсть на мордочке, снова надела варежки. И кивнула инкубу: — Потацили ее в лазарет, что ли? И пусть кто-нибудь сообщит директору, что у нас чрезвычайное происшествие! Нужно срочно усиливать щиты от разрывов пространственного континуума, сейчас ведь начнет из-за нее всё трещать по швам.

Несмотря на достаточно стройное телосложение, инкуб легко поднял на руки бесчувственную попаданку и вместе с котом на плечах двинулся следом за преподавательницей.

— Простите, это всё моя вина! Я так хотел, чтобы в академии появилась суккуба, что невольно спроецировал эту мысль во время чтения заклятья вызова. Прошу вас, не ругайте мисс Пуму, виноват только я! Если сочтете нужным, я согласен на отчисление!

Первым, что она услышала, когда темнота обморока рассеялась, был взволнованный голос инкуба. Ему отвечал приглушенный женский голос:

— Ну уж, Флаффи, я надеюсь, до такой крайности дело не дойдет. Ты нам здесь нужен.

— Но может и дойти, — понизил голос Флавиан. — Я вам уже не раз говорил, что не возьму на себя обязанности суккубы, я не готов к подобному совмещению.

— Совмещение обязанностей вообще штука скверная, — поддакнула мисс Пума.

— Нам нужна суккуба на постоянной основе! — продолжал парень. — Если не верите моим словам, проверьте статистику: человекоподобные девушки, с которыми я работаю, в среднем получают оценки на тридцать баллов выше, чем остальные учащиеся. И они никогда не устроят взрыв в спортзале или лаборатории! В отличие от студентов мужского пола, среди которых уже отмечен высокий процент неустойчивых всплесков энергии. А что будет с ними накануне тестов? Или экзаменов? Вы об этом подумали, директор?

— Академию разнесут по камушку, самцы необъезженные, — поддакнула кошка-некромантка.

— Флаффи, успокойся. Никто тебя ни к чему не принуждает. Хотя, физически тебе ничего не мешает поработать и за суккубу, за должное вознаграждение, разумеется. Тем более мы проводили анонимный тайный опрос среди студентов и выяснили, что ты нравишься не только человекоподобным девушкам.

Инкуб поперхнулся возмущением, перешел на еще более тихий шепот:

— Физически, может, и способен, но не психологически!

— Тише, Флавиан. Мы ведь даже еще не уверены, что эта девушка действительно пригодна для того, чтобы стать суккубой. Пока что она всего лишь попаданка — объект нестабильный, крайне опасный, негативно влияющий на устойчивость канвы материального и метафизического пространства. Не стоит на нее давить, у нее и так стрессовое состояние.

Инкуб замолчал, признавая этот довод, как основную проблему.

Попаданка приоткрыла глаза, подсмотрела сквозь ресницы: да, действительно, она не у

себя дома. Ей это всё-таки не приснилось. Какой кошмар!.. Нет, теперь вокруг нее не наблюдалось страшных чудищ, как в том зале со множеством столов и школьной доской на стене... Пойдите, неужели там был всего лишь класс? И все эти чудища сидели чинно за партами? Правда, что ли?!

— Где Персик?! — с воплем села в кровати девушка. Обратила на окруживших ее существ умоляющий взгляд, мигом брызнули слезы для убедительности: — Где мой маленький котик? Он ведь был со мной! Мы вместе!.. Я не прощу себе, если с ним что-нибудь!..

— Успокойся, пожалуйста! — мягко промурчала мисс Пума. Погладила широкой полулапкой-полурукой девушку по голове, как маленького ребенка, видимо, чтобы успокоилась скорее. На удивление помогло, попаданка прекратила истерику, стала дышать глубже и смотреть осмысленнее. — С твоим котиком всё в порядке, он сейчас с нашей медсестричкой, они скоро здесь появятся.

— С медсестрой? — растерянно повторила девушка. — С ним что-то случилось?

— С ним всё в порядке, просто проведем небольшие безболезненные тесты, которые покажут, как он перенес межпространственное перемещение.

— У него слабое здоровье, ему противопоказан стресс, — поведала попаданка. — Мой маленький пушистик... Он у меня такой понимающий, вы не представляете! Когда я его подобрала на улице, совсем крошечного, он пил молочко из пипетки! Полгода я его прятала от хозяйки съемной квартиры. Но однажды он не захотел сидеть в шкафу тихонько, она его услышала, но к счастью прониклась и разрешила оставить — с условием, что я его отнесу на кастрацию, если он будет себя плохо вести. Но Персик у меня такой умница! Вы не представляете, он всё понял с полуслова! Мне было бы ужасно жалко его пушистые шарики, они такие забавные!.. Ой, простите, что я такое говорю... — спохватилась девушка, прикрыла себе рот ладошкой. Но тут же продолжила трещать дальше: — А Персиком я его назвала не потому, что он рыжий. Он ведь совсем не рыжий, а просто коричневый полосатый. И не персидской породы. Но, знаете, он обожает кушать свежие персики! Какие-то кошки едят огурцы, какие-то предпочитают мандарины, а вот мой ценит персики. Я специально стараюсь на работе, чтобы получить премию и его побаловать, ведь коты разборчивы, абы какие фрукты не станут есть, только дорогие!

— Да-да, я знаю, мы, кошачьи, очень привередливы в еде, — поддакнула мисс Пума, добродушно жмурясь и топорща усы.

Попаданка наконец-то замолчала. И обратила внимание на людей (и не совсем людей), что стояли по другую сторону от ее больничной койки.

Кстати, обстановка в комнате, вернее сказать в палате, всем своим видом подтверждала, что здесь действительно лечебное учреждение. Стерильная чистота, царящая вокруг, была невидима, но физически ощутима. Возле кровати на тумбочке стояли какие-то приборы, с проводками, трубками или без оных, при взгляде на которые на ум приходили слова «алхимия», «медицина» и «стимпанк». Рядом с таинственными приборами лежали вполне похожие на обычные земные: градусник, аппарат для измерения давления, пузырек с разноцветными пилюлями.

Мисс Пума сидела возле кровати на табурете, запрыгнув на него, как обычная (пусть и большая) кошка и обернув длинный хвост вокруг лап. С другой же стороны от постели маялся инкуб Флавиан, переминаясь с ноги на ногу — и посекундно косясь на свою собеседницу. По-видимому, именно с этой дамой красавчик горячо объяснялся в момент,

когда попаданка пришла в себя.

Девушка внимательно посмотрела на даму. Не поверила своим глазам. Перевела взгляд на улыбающуюся леди-кошку. Взвесила в уме, что, если в этом мире можно беседовать с кошками, то почему бы и русалкам не разгуливать по суше, запаянным в гигантский мыльный пузырь? И она еще раз пристально, но быстро, чтобы не показаться невоспитанной, взглянула на русалку.

Да, до пояса обычная дама, в традиционных для учительниц строгих очках, с волосами, убранными в «фигу» на макушке, в светлой блузке с мелкими оборочками. Ниже пояса из-под узкой юбки с глубоким разрезом виднелся рыбий хвост. По всей видимости, передвигаться на суше с плавником вместо ступней было неудобно, поэтому вся русалка была «запаяна» в эдакий большой прозрачный мячик, наполненный водой. В воде играли мелкие пузырьки, струйки шли от небольшого аппарата, прикрепленного к стенке пузыря. Скорей всего это был портативный очиститель воды, ведь, наверное, невозможно с утра до ночи, весь рабочий день плавать в одной и той же емкости, не сменяя жидкость. Попаданка с трудом заставила себя перестать думать о том, как же русалка справляется с естественными потребностями организма и при этом наверняка в перерывах между будними делами пьет кофе там же, в пузыре? Наверное, пузырь всё-таки раскрывается благодаря какой-то потайной застежке, эдакой молнии-невидимке.

— Позвольте представиться, — спохватился инкуб, отвесил попаданке легкий галантный поклон, — меня зовут Флавиан, для друзей Флаф. Это, — он повел рукой на кивнувшую кошку, — мисс Пума, она некромант и смотрительница морга. О, не волнуйтесь, смертность в Академии равно нулю, поэтому мисс Пума обычно занята только учебным процессом, преподает также чернокнижие.

— Чернокнижие только по совместительству! На практическом занятии по оному мы вас и выдернули из вашего пространства-времени, — пояснила Пума. — Случайно получилось, приношу извинения.

Попаданка машинально кивнула в ответ.

— Это директор нашей Академии, мисс Сирена Ску-Брия, она преподает магию огненной стихии и обществоведение для негуманоидов.

Попаданка удивилась, почему русалка специализируется на огне, но постаралась этого слишком явно не показать. В свою очередь представилась:

— Клавдия. Можно Клава. Работаю кассиром в супермаркете. Скажите, пожалуйста, а почему я понимаю всё, что вы мне говорите? — осторожно уточнила она. Пояснила: — Я слышу, что вы все говорите на разных языках, но почему-то в голове у меня словно кто-то читает субтитры к вашей речи, и мне становится понятно каждое слово.

— Это магия! — развела лапами мисс Пума. — Причем древняя и неподражаемая. Сам Основатель придумал и наложил сие заклятье на Академию и всех, кто в ней находится. К нам ведь приезжают учиться самые разные существа со всех известных вселенных и миров. Тратить время на изучение языков слишком расточительно, и не все достаточно одарены в этой области, поэтому Основатель и придумал такие удобные и практичные чары.

— Это да, удобненько, — ошеломленно пробормотала Клава.

— А вот и мы! — В палату вошла медсестра в кокетливом розовом халатике, на руках у нее восседал Персик.

Увидев хозяйку, кот мигом сбросил пухломордую вальяжность, заорал, оглушив всех:

— Мамуленька!!! Я так за тебя волновался!!!

— Персик, маленький мой! — протянула к нему руки попаданка.

«Малыш» вывернулся из объятий медсестры, толстой пушистой пулей прыгнул в кровать к хозяйке. И только после взаимных поцелуев и нежностей, Клава сообразила изумиться:

— Ты стал говорящим?!

— Это всё чары Академии. Ты просто поняла, о чем он мяукает, — пояснила мисс Пума, с интересом следившая за хвостатым меньшим собратом, не стеснявшимся проявлять эмоции и любовь к своей «мамуленьке».

— Не только магия понимания речи сработала на этом пушистике, — важно подняла вверх палец медсестра. — Общее поле Академии привело к глубинным внутренним изменениям в его разуме и теле.

— Что это значит? — обмерла от испуга Клавдия, прижала к себе пискнувшего кота.

— Ваш любимец очень способный мальчик. Уже сейчас тесты показали высокий уровень интеллекта, и ум его будет развиваться с возрастающей скоростью. Возможно, ваш кот в скором времени станет похож на мисс Пуму. Или вовсе превратится в оборотня с двумя ипостасями. Сейчас пока еще нельзя сделать прогноз с полной уверенностью, должно пройти некоторое время, необходимое на адаптацию.

Клава обхватила ладонями пухлощекую морду и посмотрела в глаза Персику, пытаясь понять, что же им грозит в скором будущем.

— Что касается вас, моя дорогая, — продолжала медсестра, — тесты подтвердили — из вас получится прекрасная суккуба!

Клавдия заморгала, переваривая обилие информации.

— Простите, а как скоро я смогу вернуться домой?

— Боюсь, очень нескоро, — покачала головой русалка-директриса.

— Как это? — округлила глаза попаданка.

И тут все наперебой радостно взялись ее утешать: мол, перенести ее домой просто так, щелкнув пальцами, не выйдет. Она уже своим проявлением проделала серьезную брешь в границах между мирами. Если сейчас, в своем нестабильном состоянии попаданки, она попытается вернуться обратно — ничего не выйдет. Ничего хорошего не получится! Во-первых, домой не попадет. Во-вторых, провалится черте куда, и очень сомнительно, что там, в этом черте где, ей будет так же комфортно, как здесь, в Академии.

— Провалившись сквозь границы пространства, вы можете случайно угодить в такие миры, где не будет даже кислорода для дыхания, — привела пример медсестра.

Но и здесь оставаться и бездействовать было бы крайне опасно. Клавдию, как чужеродный объект, данный мир стремится исторгнуть из своих координат. Проще говоря — выкинуть куда-нибудь еще при любом удобном случае. Прямо сейчас директриса подпитывает чары, стабилизирующие ее положение, не позволяющие провалиться сквозь пространство, как Алисе через кроличью нору.

Выход из мягко сказать затруднительного положения только один — стать похожей на здешних жителей. Как Персик, следуя исконному кошачьему умению приспособливаться к любым обстоятельствам, сразу начал перестраиваться, чтобы благополучно вписаться в картину данного мироздания, так и его хозяйке придется изменить себя. В измененном состоянии она получит возможность накопить достаточно силы, чтобы обучиться магии вообще или одному конкретному заклинанию перемещения — и сама легко отправит себя и своего кота назад домой.

— Я помогу вам во всём, Клава! — в порыве воодушевления взял ее руки в свои инкуб, встав перед кроватью на колени. — По первому времени, разумеется, вам будет трудно привыкнуть к новой сущности. Но дальше вы поймете, как вам повезло! Суккубы очень редки в нашем мире, их труд высоко ценится, у них не бывает недостатка в подпитке магической энергией. В вашем превращении плюсов будет несравненно больше, чем минусов, поверьте мне!

Клавдия опасливо улыбнулась красавчику и аккуратно высвободила свои руки. На лице ее ясно отразилось сомнение. Она читала достаточно фэнтезийных книжек, чтобы понимать: на суккубу она со своими внешними данными никак не тянет. Красавчик инкуб, видимо, в полном отчаянии перед угрозой насильственной смены ориентации, раз искренне верит в произнесенную перед ней речь.

— Не волнуйтесь, по мере обретения новой сущности ваше тело также начнет соответственно изменяться, — угадала ее мысли медсестра.

— А нельзя выбрать что-то другое? Не суккубу? — робко попросила Клава.

На это ей дружно заверили, что, конечно, можно. Но сложно. И болезненно. Если к роли суккубы она предрасположена сама по себе, раз откликнулась на заклинание призыва, то под любую другую ипостась ей придется перестраиваться куда дольше и проблематичнее.

— Я поняла, — вынужденно кивнула Клава, чтобы от нее только отстали наконец-то. — Могу я немного подумать?

— Да-да, разумеется, — развела руками в своем пузыре русалка, откатилась от постели на пару шагов. — Только недолго. До завтрашнего обеда крайний срок, дольше тянуть будет вредно в первую очередь для тебя же.

— Хорошо, — шмыгнула носом Клавдия.

Перед глазами всё как-то странно замерцало, еще не хватало расплакаться от переизбытка впечатлений под их внимательными взглядами. Она порывисто подвинулась к краю постели, откинула одеяло. Оказалось, она до сих пор одета в свою домашнюю пижаму, как стыдно-то! Вот же «повезло» — перенеслась в иной мир прямо из собственной кровати, где перед сном играла с Персиком... Она пробормотала, что ей нужно в уборную. Медсестра вызвалась проводить. Клава спустила ноги, почуяла ступнями пушистый ковер на полу...

— Сирена, держи ее крепче!!!

Всё вокруг закружилось. Пол под ногами стал не просто мягким из-за коврового ворса, но каким-то жидким, он податливо прогнулся под нею, расступился воронкой, кажется, чавкнул... Клавдия глянула вниз, и волосы встали дыбом. Окружающее вылиняло в прозрачность, как напечатанная на пленке картинка. Сквозь эту реальность просвечивала совсем иная: извергающиеся огнем вулканы, клокочущая лава, купающиеся в этой лаве черные скелетообразные существа, покрытые шипами и зубьями где только можно и где, казалось бы, нельзя. Заметив Клаву, смотрящую на них, безглазые глазницы шипастых черепов обратились в ее сторону, к ней потянулись когтистые лапы и руки, клешни, чтобы схватить и сдернуть вниз, к ним, в крошечный черно-лавовый раскаленный ад...

И ее резко дернуло, правда, к счастью, не вниз, а вверх. Клава судорожно выдохнула. И осознала себя в крепких, надежных объятиях Флавиана. Инкуб шептал ей на ухо:

— Всё хорошо. Ты здесь, с нами, ты в безопасности.

— Мамуленька?! — вопил перепуганный Персик, нервно топчась на тонком одеяле на больничной койке и не решаясь подойти ближе. — Мамуленька, не уходи! Не бросай меня! Мне страшно!

Флавиан подвел ее назад к постели и бережно усадил, подложил под спину подушки. Персик сразу же залез к ней на колени, встал лапками на грудь, заглянул в лицо, точно хотел удостовериться, что ее не успели подменить на кого-то чужого. Признав, тщательно обтерся мордочкой о щеки и подбородок, лизнул в нос.

Русалка в пузыре провела ладонью по побледневшему лицу:

— Чуть-чуть успели. Уф, как же это сложно всё-таки — бороться с самим пространством!

— Вот почему мы опасаемся попаданок, — извиняющимся тоном пояснила Пума для Клавы. — Вы непредсказуемые во всех отношениях особы.

Клавдия не сразу заметила, что продолжает крепко держать за руку стоящего рядом Флавиана. На ее ошарашенный взгляд он мягко улыбнулся и просто пожал ее вспотевшую ладонь, чтобы не смущалась. Вырваться она пока остереглась, можно было и одной рукой гладить кота, тяжело разлегшегося на коленях.

— Скажите, Клава, у вас дома остался кто-нибудь, кто будет беспокоиться о вашем исчезновении? — вспомнил о немаловажном аспекте Флавиан. — Родители? Супруг? Дети?

— Я не замужем, — отчего-то густо покраснела Клава. — Живу отдельно от родителей, у них своих забот хватает. Если только через пару недель вспомнят, позвонят. На работе, правда, засчитают прогулом. За квартиру я платила недавно... Борис! Дома остался только он.

— Кто это? Еще один кот? Собака?

— Рыбка в аквариуме? — подсказала и русалка.

Клава помотала головой:

— Кактус. Он мне достался по наследству от предыдущих квартирантов, но я его очень люблю!

— Что ж, растение мы вам доставим, — вздохнула с облегчением Сирена. — Разумеется, потребуются одежда и прочие личные вещи. Что-то еще вы хотели бы получить из дома? Мне не составит большого труда открыть портал прямо к вам в квартиру и забрать всё необходимое, если это не разумное существо.

Клава не стала высказывать вслух сомнение, что кактус вполне может оказаться разумным существом, не зря же она имела привычку подолгу с ним разговаривать, и он в ответ очень понимающе молчал.

— Одежду можно и здесь подобрать, — предложил Флавиан. — Чтобы не затрачивать лишнюю энергию.

— Я согласна, — пожалала плечами Клава, относившаяся к своему гардеробу без фанатизма, ибо никогда не была модницей. — Вот если только ноут получится забрать...

— Ноут? — выгнула бровь Сирена.

— Это техническое устройство, вычислительная машина, работающая на электрических токах, — пояснил инкуб. — Я немного изучал современность вашего мира, мисс Клава.

— О, отличная идея! — загорелась русалка. — Я давно собиралась наладить прямую связь между нашей Сетью и человеческим Интернетом. Теперь, с настоящим пользователем из людского мира, у нас это наверняка получится быстрее и надежнее. Сегодня же извещу наших техников.

— Но я совершенно не разбираюсь в том, как это всё устроено! — слабо возразила Клава. — Я не специалист!

— Ничего страшного, в вашей голове хранится множество ценной информации, о

которой вы и не подозреваете, — пожалала плечами директриса. — Вот увидите, у нас с вами всё получится!

Загоревшись идеей, русалка выкатилась в своем пузыре из палаты, на прощание помахав всем рукой. В дверях обернулась, успокоила напрягшуюся попаданку:

— За стабильностью вашей привязки к нашему миру я буду следить на расстоянии, ни о чем не беспокойтесь.

— Значит, кот, компьютер и кактус? — негромко произнес инкуб. — Вы уверены, что не хотите остаться у нас навсегда?

Клава промолчала. Как будто в этом мире жизнь у нее сложится сказочным образом! Очень сомнительно. Тем более делаться суккубой в магической Академии, полной нелюдей... Бррр!..

2

Медсестричка проверила ей пульс, измерила давление, зачем-то попросила показать язык. И весело объявила:

— Вы совершенно здоровы, я вас больше не держу! Можете проваливать из лазарета.

Клавдия округлила глаза — и медсестра, воспользовавшись возможностью, оттянула ей нижние веки и убедилась, что там тоже всё в порядке. Клава надула губы: как же так? Недавно упала в обморок, только что едва не сверзлась в какой-то непостижимый ад — и выгоняют? Тем более в пижаме — куда она пойдет? Она скосила глаза на некромантку, прячущую волнение за тщательным вылизыванием коготков. Похоже, просить одолжить одежду у мисс Пумы было так же разумно, как у русалки искать запасные туфли.

— Я дам вам халат и резиновые тапочки для бассейна, — прочла ее мысли по выражению вытянувшегося лица медсестра. Хихикнула: — Нет, я серьезно, вам здесь оставаться не надо, я больше ничем помочь не могу в вашей ситуации. К тому же лекции скоро закончатся, и сюда прибегут парни со всех факультетов, чтобы лишить меня запасов зеленки и заодно поглазеть на суккубу.

Клава сообразила: медсестра на самом деле назвала другое лекарство, а ее собственный мозг перевел его как зеленку, чтобы было понятнее.

— Пумочка, не отведешь Клаву домой? — обернулась медсестра к некромантке.

— К кому домой? — клацнула зубами кошка. — Ко мне?

— Ага. Разве ты не слышала распоряжение Сирены? Раз уж ты напортачила, то и присматривать за попаданкой тебе. Тем более ты у нас отшельница, живешь при кладбище, а в нештатных ситуациях стертое с лица земли кладбище будет не так сильно жалко, как взорванный жилой квартал.

— Ну, в общем, я не против соседки, — протянула Пума. И неожиданно затараторила: — Но в данный момент мне совершенно некогда, я обязана написать объяснительную!

Она спрыгнула с табурета и стрелой сиганула вон из палаты.

Медсестра перевела выразительный взгляд на инкуба.

— Ладно, всё равно сегодня я прогулял все пары, — вздохнул Флавиан.

Спустя несколько минут, облаченная в короткий розовый халатик, который был маловат в груди и не сходиллся на пузе, и в кокетливых пляжных шлёпанцах на босу ногу, Клавдия покинула лазарет, опасливо поглядывая по сторонам. Инкуб, с Персиком на руках, ее заверил:

— Занятия еще не окончились, мы никого не встретим.

Клава поджала губы: «Не волнуйся! Не переживай! Не бойся! Не беспокойся!» — эти

слова определенно стали девизом ее дня.

На прощанье медсестра сказала еще кое-что:

— Осмотритесь в Академии, прогуляйтесь по городу. Чем больше эмоций и впечатлений вы здесь получите, тем легче вас будет привязать к нашему измерению.

Что ж, погулять по галереям и залам Академии Клава не откажется — когда будет одета соответствующе. А то как-то неловко — идешь следом за тонко улыбающимся инкубом, пялишься с открытым ртом на витражные окна, на высоченные сводчатые потолки с арками и разными готическими финтифлюшками, набираешься впечатлений. И вдруг врезаешься в выскочившего из неприметной двери эльфа под два метра ростом. Красавец-незнакомец! В очках, с туго заплетенной косой золотых волос, весь каноничный и в то же время неожиданно деловой-интеллигентный. Под строгим взглядом у Клавы аж извинения в горле запершились. И с одной стороны вроде хорошо, что на нее поглядели, как на мебель, поставленную не к месту. А с другой всё равно обидно: наконец-то сбылась мечта детства — эльфа увидела собственными глазами, и вот так опозорилась.

— Попаданка? — сочувствующе кивнул эльф инкубу, проигнорировав возможную разумность и отсутствие глухоты у самой «мебели».

Флавиан виновато кивнул в ответ, молча принимая соболезнования. Эльф похлопал его по плечу и убежал дальше по своим делам.

— Обо мне уже вся Академия знает? — прошипела Клава.

— Пока еще не вся, — невозмутимо отозвался Флавиан, переместив кота с одной руки на другую, устал с непривычки. — Но вот закончатся занятия, и тебя наверняка покажут в новостях. Городок у нас тихий, поэтому твоё появление произведет фурор.

— Прямо вот так и покажут? Какой позор... — обмерла Клава.

Похлопала глазами — и поняла, что вины ее в этом «фуроре» нет. Ведь ее же не предупреждали заранее: мол, мы вас сейчас похитим, оденьтесь, пожалуйста, прилично! Вздохнув, она гордо задрала нос. И отобрала у хлипкого инкуба Персика, взвалила на плечо, погладила по попе, успокаивая и кота, и себя заодно.

— У вас тут даже телевидение есть, выходит? — холодно уточнила Клава.

Зашлепала шлёпками по коридору вперед Флавиана. Вот были бы на ней туфли с каблуком, звук получился бы достойный, а не какой-то «чпок-чпок». Так обидно, хоть плачь — кажется, всё в этом мире против нее!

— Не совсем телевидение, но вроде того, — смутно пояснил инкуб, торопясь за нею.

Клава стремительно вышла в огромное фойе, куда сходились все коридоры и галереи со всех крыльев непостижимого здания магической Академии. Посредине зала, просторного, как средний стадион, над лениво журчащим фонтаном висел не то настоящий хрустальный шар, не то его иллюзорная замена — в общем, стеклянно-прозрачный пузырь шириной с автобус. В момент, когда Клава нашла взглядом высоченные двери, ведущие на улицу, а инкуб вежливо кивнул, что им туда и надо, этот шар вдруг всколыхнулся неярким светом, помигал секунду рябью — и стал транслировать местные новости. Клава замедлила шаг, запрокинула голову. Стоило посмотреть на шар прямо, как в ушах возникло звуковое сопровождение, словно на голову надели невидимые и неосягаемые наушники. Клава отвела глаза — и звук тотчас пропал. Что ж, удобненько.

— Не хочешь посмотреть репортаж о своем появлении? — вежливо предложил Флавиан.

— Нет, не любопытно, — отрезала Клава.

И потопала к воротам, которые назвать просто «входной дверью» язык не поворачивался: изукрашенные, массивные, чуть ли не чугунные — внушительные, аж жутко. Против справедливых опасений, створы открывались плавно и автоматически, таранить плечом эту громадину не пришлось.

— Хочешь погулять по городу или сразу домой к Пуме?

— Сразу к Пуме.

— Коротким путем или так, чтобы меньше прохожих встретить?

— Где безлюднее, пожалуйста.

В то же время Клава понимала, что спрятаться от забот в доме у некромантки не выйдет. Тем более одежду где-то всё равно придется купить, значит, нужно будет идти в магазин. Но вот на какие средства ей здесь жить? Даже если она согласится стать суккубой и работать — кстати, а как работать? с кем? по какому графику? — всё равно некоторое время она будет вынуждена одалживать деньги в долг будущей зарплаты, или нет? Голова шла кругом от всех этих проблем. Только-только в собственном-то мире устроилась, только тихую жизнь наладила независимой самодостаточной кошатницы — нет, надо же было вляпаться в приключение на свою пятую точку! Причем умудрилась вляпаться, не выходя из дома, сидя на этой самой пятой точке.

— Посмотри, — отвлек ее от невеселых размышлений инкуб, указал на возвышающуюся над домами башню, увенчанную циферблатом часов, да не одним, а четырьмя, по разным сторонам света. — Это центр нашего Академгородка — башня Основателя. Он был отшельником, не любил, когда его беспокоили, но всё равно ради развития магических наук он позволил нескольким молодым волшебникам стать его учениками. Потом у тех колдунов появились свои ученики, у тех свои, и так далее. В итоге вокруг башни вырос целый город, а после смерти Основателя башню переделали в часовую. Глядя на нее, ты никогда не заблудишься в нашем городке.

Клава внимательно выслушала и кивнула. Даже как-то легче стало, что инкуб перестал ей «выкаты». Впрочем, сразу дружить с ним она тоже не планировала. Ведь это с его легкой руки она сюда прилетела. Ему страсть как важно, чтобы она здесь осталась и приняла на себя некие обязанности, которые ему жуть как не хочется исполнять самому. (Клава догадывалась, что это за обязанности, но пока не решалась назвать их даже в мыслях). Значит, у нее нет причин доверять этому красавчику безоглядно. На вид любой прохиндей будет милым, честным и невинным, как ангел, а потом подставит так, что лучше к тем, в лаву!.. Ой, нет, вот зря Клава про них вспомнила — среди летнего дня морозным холодом обдало.

Между тем они шли дальше по улочке, и Флавиан продолжал развлекать ее разговором. Улочка была симпатичная, что и говорить: коттеджи или дома на несколько квартир, двух— или реже трехэтажные. На балкончиках и окнах — горшки и ящички с цветами. Крыши черепичные, как в иллюстрациях к сказкам. Заборчики низкие, прозрачные, за оградами — сады и палисадники, опять цветы-цветочки. Под деревьями то тут, то там скамеечки. Вообще улочка выглядела исключительно пешеходной, в воздухе даже не пахло бензином или каким-нибудь горючим. Пешком они все здесь ходят, что ли? Экологически чисто и полезно — не всё же сидеть над учебниками, надо и растряситься! Проникнувшись тишиной и летним полуденным спокойствием, Клава разрешила Персику слезть с рук и пройти рядом по газону вдоль дорожки.

— ...Можешь мне не верить, но тебе действительно повезло! Чтобы стать суккубой, не

нужно долго учиться или готовиться, тебе не понадобится наставник или тренер. Инициация проходит легко и естественно, без обрядов или жертвоприношений. В отличие от многих других форм магии, наша не изменяет человеческое тело радикально, значит, тебе не придется терпеть мучительное перерождение. Перестроение внутренних органов будет самым минимальным, ты даже не заметишь различия. К тому же у тебя никогда не возникнет проблем с подпиткой энергией, особенно здесь, в Академии, где парни просто выстраются в очередь к тебе на прием, чтобы ты помогла им сбалансировать потоки сил и забрала излишки. Неокрепшим магам такие излишки энергии очень мешают, особенно когда перед ними ставится задача, требующая кропотливого труда, а волнение подхлестывает выплеснуть всё лишнее. Вот они и выплескивают — то залпом огня учителю в лицо, то заливают целый класс или этаж, смотря у кого какая стихия в приоритете.

Он сам понял, что сбился с мысли. Задумался, потер гладкий подбородок беспокойными пальцами, тем самым выдав себя с головой. Клава молчала, только внимательно косилась — то на инкуба, то на Персика, весело прыгающего среди газонной травки и цветочков за мимо пролетающими бабочками. Вернее, кот пытался прыгать, но при его весе выходило не слишком высоко и не особо грациозно. Но забавно.

— Ма-ам! Там стрекоза! Гляди!.. — помуркивал увлеченный любимец, выросший в четырех стенах тесной съемной квартирki.

Клава не знала, умиляться и радоваться, что очутилась в таком чудесном месте вместе со своим пушистиком, или же ей горевать, что тут слишком мило, а за идиллии всегда, во всех романах и кино с героев спрашивают дорогую цену.

— Ты не подумай, суккубы очень уважаемые специалисты в этом мире. И в смежных мирах тоже. Тем более чистокровных суккуб или инкубов осталось очень мало. Такие редкие существа обычно служат при дворах правителей, как особое украшение общества и советники по энергетической безопасности венценосных особ.

— А может быть, вас, таких редких, осталось мало потому, что никто не хочет быть суккубой? — не удержалась, съязвила Клавдия. — Если есть чистокровные демоны, значит, есть и нечистокровные? И их больше, верно? То есть при смешанных браках у детишек появляется выбор — стать по маме суккубой или же по папе, не знаю, скажем, например, дантистом. Так? И сколько же, по-твоему, сделает выбор не в пользу профессии по починке кльков? А?

Флавиан замолк, уличенный логичным построением цепочки рассуждения. Клава торжествовала:

— Значит, не больно-то уважаемая это работа, быть ночной бабочкой! Тем более иметь дело со студентами — тут любая... хм... куртизанка устанет. Всю Академию перебрать! Ишь ты!.. Кстати, а почему ты сам трудишься инкубом?

— На самом деле я числюсь энерготерапевтом и помощником штатного психолога, — поправил ее Флавиан, пряча за густыми ресницами недобрые молнии. Обиделся, значит.

Клава малость утратила пыл и обузда гнев, образно говоря, засунула в карман поглубже. В самом деле, с чего она взяла, что парень хочет ее подставить? У него и самого жизнь наверняка не сахар: к такому принцу без инкубства будут девки липнуть, не отвяжутся, учиться спокойно не дадут, а тут приходится в открытую со всеми по обязанности романы крутить. Бедолага.

— А я буду энерготерапевткой и вторым помощником? Ты по девочкам, я по мальчикам?

— Да.

— А сам психолог чем занят?

— О, у него столько забот, что только пожалеть можно. Нам-то отдали всех человекоподобных студентов, с ними всё более-менее понятно и привычно. А вот ему достались учащиеся, прибывшие из миров, где две ноги и две руки с одной головой — это редкость. У нас учатся разумные моллюски, осьминоги... А, нет, те осьминоги, у которых половина тела человеческая — это тоже считается наш контингент. Еще есть разные призраки, вернее, бестелесные сущности: протоплазменные — то есть из слизи, плазменные — из огня или молний, магнитно-полевые — невидимки... Ну, это первые, кто приходят на ум. Еще на зверей есть похожие.

— Как мисс Пума?

— Именно. Но кошки или волки для человека тоже понятны, а вот представь разумного червя? Был у нас такой в прошлом году, я застал его перед самым его отъездом. Скажу тебе, вид у него был необычный.

Клава поежилась, постаралась уgomонить свое воображение и больше такого не представлять.

— Членистоногие тоже есть, хоть их мало, им климат наш не нравится почему-то, — продолжал Флавиан, шагая рядом и поглядывая на спутницу. — Так вот, задача нашего психолога как раз состоит в том, чтобы вся эта разношерстная компания жила если не дружно, то хотя бы относительно мирно. Сидеть рядом с говорящим пауком не каждый захочет, даже если сам поднятое умертвие и пахнешь не духами.

Клава невольно скривилась. И очень понадеялась, что зомби в ее контингент суккубы не войдут, будь они хоть сто раз человекоподобными. Впрочем, мертвецы ведь должны быть импотентами? Откуда им взять инстинкт размножения? А без одного зачем по девкам ходить, не в шашки же играть ночь напролет? Клава сделала себе мысленную заметку на будущее: спросить, как тут дело обстоит с вампирами. Если верить одним фэнтезийным романам, вампиры это главные секс-агрессоры магического мира. А если брать другие серии бестселлеров, то зубастые красавцы все сплошь либо геи, либо евнухи по техническим причинам, скажем так.

Улочка сделала поворот и немного расширилась. Теперь дома не прятались в зелени за заборчиками, но поблескивали широкими окнами. Витринами — догадалась по выставленным в окнах предметам и приклеенным изнутри объявлениям Клава. Значит, и здесь практикуют держать на нижнем этаже лавочку, а на втором квартироваться. Удобненько!

— Хочешь выпить чая? Можем зайти в кофейню, торопиться некуда, — предложил Флавиан, поймав ее заинтересованный взгляд.

— Нет, спасибо, — отмахнулась Клава. Внимание ее привлек магазинчик, в окне которого стоял манекен без головы, зато в расфуфыренном нарядном платье.

— Я думал, она сегодня не откроет ателье, — Флавиан взял спутницу за руку и повел к заведению. — Вон, смотри, на вывеске так и написано: сегодня выходной день. Странно.

Клава послушно шла, куда ведут, только головой крутила, чтобы не потерять из вида Персика. Слава богу, умный кот следовал за ними, не помышляя удирать и скрываться по подвалам. Кстати, Клавдии подумалось, что тут и подвалов наверняка нет в привычном для нее смысле — сплошь погребки или подземелья.

— Тетя Бетси, можно зайти? Не помешаем? — крикнул инкуб, распахнув дверь в ателье.

Внутри было темно. Где-то в задних комнатах вещал местный телевизор, видимо, не снабженный функцией направленного звука:

«...Просим местное население не волноваться, попаданка будет обезврежена в ближайшее время. Уже подобрана подходящая для ее сущности ипостась. Да, многие уже знают новость: в нашей Академии наконец-то появится настоящая суккуба...»

— Я же говорю: ты засветилась в новостях, — оглянувшись на Клавдию, ухмыльнулся инкуб.

Она поджала губы и вырвала свою руку из его крепкой хватки.

Раздались шаркающие шаги, в небольшую прихожую вышла... Клава постаралась не таращиться больше, чем это позволено приличиями. Она никогда прежде не встречала гномих, но это не повод с порога показывать себя невежливой хамкой.

— Тетя Бетси, разве у тебя сегодня не выходной? — поздоровавшись, уточнил у хозяйки ателье инкуб.

— Да вот, заказ спешила доделать, — развела руками гномиха.

Клава старательно отводила глаза от ее сросшихся густых бровей и старушечьих усиков над уголками рта. Гномиха махнула им пройти в комнату, сама просеменила вперед и встала между ними и окном, украшенным тяжелой бархатной гардиной с парчовой бахромой.

— А вы что не на занятиях? Ох, погоди-ка! Это ведь не?.. Ай, Флаф, как не стыдно! Девочка первый день в Академии, а ты уже с ней за ручку ходишь! — Гномиха засмеялась и шутливо погрозила инкубу пальцем.

Флавиан коротко описал, как так вышло. Впрочем, хозяйка ателье видела репортаж в новостях, поэтому переспрашивать и долго ахать не стала. Понятливо кивнула, что «девочке», то бишь Клаве, необходим приличный гардероб.

— Иди в примерочную, снимем мерки, — махнула гномиха на дверь в смежную комнату. А инкубу пригрозила пальцем снова: — А ты и котик тут подождете!

— Чего я там не видел, — хмыкнул инкуб, но послушно уселся на диван. К нему тут же запрыгнул Персик, забрался на колени, требуя ласки.

— Вот именно, поэтому обойдешься, — лучилась добродушным ехидством тетя Бетси. — Уж наверняка сам ее собираешься инициировать? Ну да правильно, кто ж, кроме тебя-то, хех!..

Клава, подглядывавшая за разговором через приоткрытую дверь примерочной, заметила даже в сумраке темного помещения, что гномихе удалось-таки смутить инкуба.

— Ну-с, девочка, подберем тебе наряды к лицу? — развернулась к ней «модистка». — Суккубе скромной быть не положено, так что эротизму не пожалеем!

Закрыв дверь, гномиха принялась неожиданно шустро шнырять вокруг Клавы с гибкой мерочной лентой в руках. Несмотря на малый рост — Клаве по грудь, — и сравнительно короткие руки, немолодая портниха умудрилась в считанные минуты без стула и стремянки снять мерки с клиентки от ног до головы.

— Простите, а можно что-то не слишком вызывающее? — осмелилась попросить Клава.

— Можно, отчего ж нельзя, — пробурчала гномиха, что-то записывая по ходу дела. — И впрямь, к чему низкое декольте, если студенты будут без ума от тебя и в глухом свитере, верно? Да и преподаватели, я так думаю.

— Вот я только пока не уверена, действительно ли мне нужно соглашаться на роль суккубы, — вырвалось у Клавы. Хотя у кого ей еще было спрашивать совета? Время, отпущенное на раздумье, катастрофически уходило, а пока что она выслушивала лишь

заинтересованные стороны. Где ж ей найти непредвзятый взгляд?

Гномиха поняла ее сомнение. Она наклонила голову, прищурилась поверх узких очочков, уставилась Клаве прямо в глаза, так что та едва подавила желание отступить назад.

— Не сомневайся, будешь суккубой, — как отрезала гномиха.

Пусть и сказано это было негромко, но веско. Клаву будто чем-то тяжелым к полу придавило от этих слов. Между тем портниха отвела пронзительный взгляд.

— Эх, девочка, была б я молодая, я б тебя заменила! Хе-х, если б можно было, без таланта-то. Но вот видишь, к суккубству таланта у меня не было, пришлось учиться на швею, всю жизнь иголкой пальцы колола, глаза на стежки напрягала. Так жизнь и прошла, с согнутой спиной. А суккубой чем плохо? Лежи, ничего не делай, в потолок плюй — и красавцев меняй! Хочешь, гарем себе из верных рыцарей подбери, как избранную армию, будешь за ними, как за каменной стеной. А труд тут несложный, обычный, для каждой женщины понятный и привычный... Или ты еще ни разу замужем не бывала?

Клава еще сильнее поджала губы и вместо ответа помотала головой. Щеки пылали. В голове билась мысль: дура! А если Флаф специально ее сюда привел? Соврал, что лавка сегодня не должна была работать, а эту тетку заранее поговорил? Например, пока Клава валялась в лазарете без сознания — подсуетился, чтобы у глупой девочки развеялись последние сомнения.

— Знаю, о чем думаешь, — усмехнулась гномиха, будто впрямь оскорбилась на невысказанные мысли, но не за себя, а за инкуба. — По лицу твоему всё видно, ты как книга открытая, уж не взыщи. Тебя любой прочтет, здесь в Академии слепцов и глупцов нет, уж такое это место. Ну ничего, научишься еще, тем более суккубе это пригодится, кхе, на практике. А про Флаффи плохо не думай, он хороший парень. Если где и приврет, то не корысти ради, а по необходимости. Потом сама узнаешь. Позволь ему тебя инициировать, он больно не сделает.

Дальше она говорила, не понижая голос, чтобы инкуб ее слышал:

— Вон, моя внучка перед экзаменами к нему пришла, так он с ней всю ночь предмет повторял, по всем темам ее прогнал! И так хорошо магические токи по телу наладил, она после бессонной ночи летала, словно бабочка! И вся светилась. На экзаменах не волновалась ни капельки — сдала лучшей! Правда, потом пришлось ее долго убеждать, что за инкуба замуж выходить не принято, хе-х... Вот так-то вот, девочка. Хороший инкуб для женщины — это не лекарство от всех болезней, это эликсир жизни!

Из-за двери послышался приглушенный смешок.

Гномиха тоже покосилась на дверь, улыбнулась кривовато, по-ведьмински. А Клаве подмигнула:

— Пойдем теперь в кладовку. Обувку на тебя подберем, есть у меня в запасе твой размер. Ночную сорочку, для дома платице, для лекций, для работы блузочку... А остальное сошью на днях, пришлю, как будет готово.

Клава открыла было рот, чтобы напомнить, что у нее пока крайне негусто со средствами. Но в примерочную заявился инкуб, видимо, соскучился:

— На мой счет запиши все расходы, тетя Бетси.

— Как скажешь, — пожала плечами портниха.

Флаф, пользуясь тем, что гномиха отвернулась, убирая мерочную ленту в ящик, подмигнул Клаве, словно не замечая, как девушка сердито закусилла нижнюю губу: за несколько лет свободы от родителей она успела отвыкнуть от того, что кто-то за нее

оплачивает ее покупки, и теперь беспомощность в денежном отношении очень больно била по самолюбию.

— Потом отдашь, — шепнул Флавиан ей на ухо, когда двинулись по длинному коридору в сторону кладовки. — Тетя Бетси на словах добрая, а за рассрочку дерет втридорога. Зато вещи шьет добротные.

От него не сумели отделаться, так и решал вместе с ними, какая блузка будущей суккубе к лицу, а какая полнит. Персик тут же под ногами развлекался с клубками пряжи, выпавшими из огромного шкафа с вещами.

— Учти, девочка, фигура твоя со временем изменится, — изрекла гномиха и хлопнула ладонью Клаву по животику.

Та немедля живот втянула, правда, получилось не весь, и щеками опять вспыхнула. Всю жизнь она считала, что животик уравнивает ее полный зад, так какие претензии? Сделается суккубой — и сразу станет плоской? Или и зад тоже обвиснет?!

— Ш-ш! — миролюбиво шикнул ей на ухо Флаф, мимоходом погладил по спине и словно случайно махнул ладонью ниже талии. — Всё у тебя хорошо, не слушай, старушка просто завидует.

— Это кто тут старушка? — ворчливо возмутилась гномиха, доказывая остроту слуха. Замахнулась на инкуба юбкой, которую только что достала из очередного ящика: — Ужо тебе, охламону, глумиться над пожилыми! Вот возьму и закажу тебя на ночь! Скажу, мол, для вдохновения приспичило!

— Умоляю, пощадите! — чуть не лопнул от смеха Флаф, повалился перед портнихой на колени и прикрылся мимо пробежавшим Персиком.

— Тьфу на тебя! — театрально-образно плюнула хозяйка ателье.

Клава только похлопала на них глазами. И отложила в стопку симпатичную юбку с широкой оборкой — в такой самое то в кафе сходить за пирожными или в булочную за свежим пышным хлебом. Почему-то она была уверена, что в Академгородке продают именно такие булки — невесомые, дышащие, разве лишь не парящие в воздухе, как облака.

— ...Только ты так и не ответил мне, почему ты стал здесь инкубом? — вспомнила Клава, когда они наконец-то покинули гостеприимное ателье. Она шла по улице нормально одетая, чувствуя себя наконец-то человеком. Инкуб помахивал объемной сумкой с выбранными вещами. Рядом семенил Персик с нарядной ленточкой на шее и с колокольчиком под горлышком. — Неужели не получилось занять место посолиднее?

— «Поприличнее» — ты это хотела сказать? Просто так же, как у тебя, у меня не было выбора. Мне не повезло, я родился в семье у простых людей, не у демонов и не у магов. Вероятно, кто-то из прадедов был скрытым инкубом, от него дар через поколения случайно передался мне. Других способностей у меня нет, увы. Как маг я совершенно бесполезен. Здесь я изучаю в основном немагические предметы — историю, языки, культуры иных миров, немного технических наук. И честно скажу, если бы не способность инкуба, я не смог бы позволить себе учиться в Академии. Для таких бездарностей, как я, не предусмотрены стипендии, а семейный бюджет мое обучение не потянул бы. Теперь же я получаю солидную зарплату и могу даже помогать родителям.

— Угу, или одевать незнакомых девушек, — мрачно поддакнула Клава.

3

Дома расступились, улица перед ними повела вниз, под откос. Впереди и ниже открывался простор пригорода: настоящие сады, а не просто палисаднички, среди высоких

деревьев прятались домики с остроконечными кровлями, некоторые с башенками. И в довершении картины — кладбище за высоким забором, а за кладбищем только лес до горизонта.

Отсюда, с высоты пригорка, можно было заглянуть за кирпичную стену ограды: невысокие кустарники составляли строгие аллеи, рядами стояли каменные обелиски и надгробные статуи — белые замершие силуэты, деталей, конечно, издалека не разглядеть. От центральных, запертых, ворот тянулась дорожка к «сердцу» кладбища, куда сходились лучами и все прочие аллеи — к траурному шпилю на черном постаменте.

— Это памятник Основателю, — пояснил инкуб, проследив за взглядом Клавдии. Поинтересовался с ноткой ехидства: — Боишься, что придется жить через забор от кладбища?

Клава подхватила на руки подуставшего гулять Персика.

— Чего мне бояться? Вон какой забор крепкий, качественный. Специально такой построили, чтобы мертвецы не разгуливали по ночам? И ворота кованые, железные! Или серебром черненым отделаны? Отсюда не разберу что-то.

Флавиан хмыкнул нечто неопределенно-утвердительно, пошел вперед.

— Слушай, а я не помешаю Пуме? — внезапно озаботилась удобством кошки-некромантки попаданка. — Ну, мало ли, у нее семья, дела...

— Нет у нее семьи, не обзавелась пока, — успокоил инкуб. — Ничуть не помешаешь, ей даже веселее будет. А то днем в морге, вечером на кладбище, ночами с призраками. Так хоть с тобой, с живой душой, пообщается.

Персик на руках у Клавы понятливо притих, только поводил ушами, ловя звуки по сторонам. Клава тоже прислушалась: тихо. Пусть до кладбища еще идти и идти, а тишина вокруг почти мертвая... Ан, нет, вороны где-то вдальеке закаркали. Даже кот вздрогнул.

— Мы пришли! — возвестил Флавиан, распахнув калитку и пропуская спутницу вперед.

Клава так и думала: дом мисс Пумы оказался самым крайним, отделенным от прочих жилищ приличной полосой зелени. Дальше только склепы за забором. Хорошо хоть вокруг дома и прилегающего садового участка тоже был выстроена высокая кирпичная ограда — можно будет хотя бы сделать вид, что рядом нет ничего такого inferнального.

Войдя в калитку, Клава поняла, что некромантия как профессия откладывает на жилище мага свой отпечаток. Нет, сам дом был вполне симпатичный: двухэтажный коттеджик под красной черепичной крышей, с жилым чердаком и балкончиком под острым треугольником кровли, с крыльцом-терраской, с выкрашенной зеленой краской входной дверью, на которой висел венок из засохших колючих веток и выцветших лент — видимо, не убрали с давно прошедшего праздника. На окошках сквозь стекла виднеются легкие занавесочки с бантиками.

Сад и клумбы вокруг дома тоже никаких нареканий не вызывали. На клумбах цвели цветочки и зеленела зелень. Балкончик от солнечных лучей прикрывала кроной не то глициния, не то акация. Клава была не сильна в ботанике, но это дерево с повисшими плетями гибких веток и косами душистых соцветий желтого и сиреневого цвета ей напомнило нечто земное восточное, виденное на красивых фотографиях о сказочных далях.

А вот вдоль дорожки, ведущей от калитки к крыльцу, в два небрежных косых ряда были выставлены всяческие надгробные камни.

— Это материалы к ее научной работе, — отмахнулся Флавиан. — Не обращай внимания, камни старинные, не все даже взяты с могил, многие просто памятные знаки

древности. Не споткнись только.

Клава угукнула. Ну, а что, с другой стороны, вон рельефы на камнях всякие красивые высечены, руны что ли, письмена непонятные. Среди клумб даже оригинально смотрится. Бульжники и есть бульжники. Кто-то на даче и похуже барахло держит, а тут антиквариат с исторической и художественной ценностью!

Флавиан отпер дверь без ключа. То ли на замок были наложены чары, не пропускающие грабителей, то ли воровать у некромантки было слишком рискованно. Или дверь просто не запирали, потому что городок был слишком мал, все друг друга знали как облупленных, и любое преступление можно было раскрыть в два счета.

— Добрый день! Можно войти? — крикнул инкуб, прежде чем переступить порог.

Клавдия удивилась: насколько она поняла, Пума жила одна. Это у местных такой обычай — здороваться с пустым домом?

В доме оказалось... обыкновенно. Как-то слишком просто для кошки-некромантки, очень по-человечески. Переступив порог, Клава попала в самый обычный холл, с вешалкой для одежды на стене, со шкафчиком, с зеркалом и низкой полочкой для мелочей. Относительно небольшая зона прихожей плавно перетекала в гостиную зону: ковер на полу перед креслами и широким диваном, низкий столик, на стенах картины и фотографии в рамках; в углу то ли камин, то ли его декоративное подобие, на полке над очагом — часы, подсвечники, крупные друзы цветных кристаллов. Противоположная от входа стена состояла практически из одного широкого окна, совмещенного со стеклянной дверью на террасу, всё это красиво венчали легкие светлые занавески, подвязанные бантами.

— Что? — поймал ее разочарованный взгляд Флавиан. — Гробов не видно? Так у нее для мертвецов есть морг. А гомункулов она в подвале держит, потом сама тебе покажет, если захочешь. Итак, про подвал я предупредил... Кстати, без Пумы вниз не спускайся, а то мало ли что, у нее там эксперимент серьезный. Так, на втором этаже есть две спальни — одна гостевая, как раз для тебя будет. Вон там кухня, — он махнул на проход справа, ведущий в смежное светлое помещение. Затем кивнул на закрытую дверь слева, в тени лестницы на второй этаж: — А там туалет.

— Отлично! Туда-то мне и надо! — обрадовалась Клава, не дослушав объяснений.

Она поторопилась в означенном направлении, спустив Персика с рук на пол. Кот успел сделать свои дела по дороге: сперва на газон, потом «уединился» в пышной клумбе во дворе, а Клава от всех событий так разволновалась, что сейчас боялась просто лопнуть. По счастью, в туалете, совмещенном с ванной комнатой, всё было так же обыкновенно и по-людски. Ну, разве только унитаз был немного ниже привычной Клаве высоты, а крышка на нем из теплого шершавого материала, плоская и широкая, со следами от когтей большой кошки. Но в целом вполне удобно. Ванна, прикрытая цветастой занавеской, напоминала низкое джакузи и занимала порядочный угол комнаты. Раковина тоже имелась, но чтобы ею воспользоваться, Клаве пришлось присесть на корточки — похоже, мисс Пума мыла в ней лапы после прогулок. Кран вообще вопросов не вызвал, хотя встроенные в вентили кристаллики белого и розового цвета заставили на мгновение задуматься, где здесь холодная, а где горячая вода.

И хорошо, что Клавдия позаботилась о насущных делах прежде, чем заглянула на кухню! Иначе точно пришлось бы заниматься стиркой.

— ...А здесь обитает наш уважаемый призрак Основателя академии, — продолжал «экскурсию» инкуб. — Позвольте представить, мастер, это мисс Клава, попаданка.

Флавиан обернулся к углу, где перед окном стояло кресло-качалка. И у Клавы на голове зашевелились волосы: в ответ на обращение из пустого воздуха проявился настоящий призрак! Сперва прозрачный силуэт, затем отчетливо выступили черты лица: желчный старик с профессорской аккуратной бородкой и с острым носом, на кончике которого чудом держалось пенсне, с волнистой челкой, зачесанной на плешь. Одетый в прозрачную мантию, под оной были не менее прозрачные брюки, жилет, из кармана которого свисала цепочка от часов.

Клава не разглядывала долго. Вытаращила глаза, хлопнула ресницами. И завизжала.

Как она визжала! Обычный человек взвизгнет, выпустит весь воздух из легких и замолчит. Она же визжала на полных три выдоха. Да еще схватила с низенькой плиты широкую тяжелую сковороду, коей и замахнулась на привидение. Ну, то есть как замахнулась — что было сил вдарила по тому месту, где проявился фантом. Почувствовав, что орудие активной защиты от паранормального не встретило ожидаемого сопротивления и легко прошло через воздух, Клава, не раздумывая, повторила сокрушительный удар. И не единожды. Пока отпрянувший от изумления инкуб не догадался напасть на нее со спины и отобрать сковороду с криком:

— Ты что? Кресло ломаешь! Это же старинная мебель! Редчайшая вещь!

Только в его крепких объятиях Клава более-менее пришла в себя, запыхавшаяся, снова захлопала глазами, пытаюсь осмыслить происходящее:

— П-п-привид-дение?.. Флаф, т-там вп-правду п-призрак? Ж-живой п-призрак?!

— Правда-правда, — пытался успокоить ее инкуб, поглаживая по плечам и по голове, заодно чтобы волосы дыбом не топорщились. — Он старый, уважаемый призрак, совершенно безобидный. И давно уже не живой. Натуральный, да, но, увы, не первое столетие мертвый.

Сам призрак молчал, состроив презрительно-высокомерную мину. Клава невольно порадовалась, что каким-то чудом не раздолбала кресло-качалку сковородкой. Видимо, это был неофициальный трон уважаемого призрака.

— Вот поэтому я всегда утверждал и буду утверждать, что попаданки опаснее стаи плазмоизрыгающих оборотней, сотворенных первокурсником-двоечником! — колюче пророкотало обиженное привидение.

— Флаф! — взвизгнула Клава, повиснув на шее инкуба. — Оно говорящее!

— Мисс Клава, перед вами самый могущественный маг из всех существовавших в мире, — потребовал должного уважения Флавиан.

— Да ну? — изумилась она.

— Основатель Академии, — напомнил инкуб.

— А-а, ну, может быть, — признала она довод существенным.

— Что значит «может быть»?! — возмутился ее великодушным допущением Основатель.

Далее Флавиан еще минут пятнадцать пытался их помирить, попутно растолковывая Клавдии, что любой почтенный колдун и после смерти не растеряет здравомыслия, не превратится в кровожадное чудовище или зомби, а тем более сам Основатель на такое не способен. Он ни на кого не нападет, даже на попаданку. Призрак якобы вообще не способен оказывать на материальный мир сколько-нибудь существенного влияния — максимум сможет поднять кружку с любимым горячим напитком, чтобы насладиться ароматом!

В то же время Флаф клятвенно заверял призрака, что Клава вообще-то вменяемая особа,

просто перенервничала из-за непривычной обстановки. Возможно, еще и проголодалась, ибо ничем иным он не мог объяснить ее навязчивую мысль о пожирании заживо.

Призрак и Клава не думали слушать инкуба молча, в кухне от общего ора звенели стекла и посуда...

Конфликт пресек Персик. Он появился на кухне, ни на кого не обращая внимания, и под резко наступившее общее молчание запрыгнул в кресло-качалку, улегся на подушке сидения, подрумянив под себя лапки — приготовился с удобством подремать, покуда не настанет пора обеда и его не позовут к столу.

Призрак скривился еще брезгливее. Однако промолчал, с оскорбленным видом отошел к окну.

Флавиан с облегчением перевел дух.

Клава задумалась: а ведь и правда, ужасно хочется есть!

— Ничего, если я воспользуюсь запасами Пумы и что-нибудь приготовлю? — спросила она у инкуба. Тот сразу засуетился:

— Да, разумеется! Прости, я сразу не подумал. Не знаю, найдешь ли ты здесь что-то съедобное, Пума не любит готовить и питается в столовой или кафе. Но я сейчас закажу продукты с доставкой. Что ты хотела бы?

Клава задумалась еще крепче: что из местной провизии окажется по вкусу Персику? Насколько это безопасно употреблять ей, попаданке из другого мира? Если тут всё выглядит достаточно обычным, это отнюдь не значит, что с пищей ей тоже повезет.

И опять Флавиан угадал причину ее затянувшегося молчания, поспешил развеять сомнения: проведенные в госпитале медсестрой тесты показали, что строение организма Персика практически неотличимо от кошачьего рода мисс Пумы. Так что он спокойно может употреблять всё то же, что ест некромантка, а она практически всеядна, Флавиан готов в этом поклясться, ибо неоднократно по-дружески сопровождал ее в кафе. Что касается самой Клавдии, то здесь простор для меню еще шире — ей не повредит любой из продуктов, что пригоден для любого человекоподобного обитателя академии, начиная от людей-магов, гномов и эльфов, заканчивая русалками вроде Сирены, нагами, кентаврами и прочими существами, сколько-то похожими на людей. Правда, никто не гарантирует, что какая-нибудь особо экзотическая кухня придется ей по вкусу, но вреда не принесет точно. После инициации, превратившись в суккубу, Клавдия к тому же обретет устойчивость к отравлениям любого толка.

Пока Флавиан объяснял, Клава огляделась на кухне, стараясь не вспоминать о маячившем возле окна привидении. Очень кстати тот от расстройства сделался достаточно прозрачным, чтобы не бросаться в глаза. Оказалось, что кухня в доме некромантки также вполне сгодится для временного проживания. Низкие столешницы обеденного стола и рабочих тумбочек возле мойки и плиты, конечно, доставляли свое неудобство, но если попросту встать на колени, то не придется нагибаться. Ножи, вилки, ложки и прочие орудия кулинарного труда выглядели привычно. Блендера, комбайна, тостера Клава не нашла, зато обнаружила мясорубку. И холодильник! Замаскированный под два отдельных шкафчика с деревянными лицевыми дверцами. Она опасалась, что в доме будет погреб или какой-нибудь ледник в подвале, но всё оказалось проще. Все полки в морозилке и в холодном шкафу были забиты, конечно же, рыбой и мясом — без намека на гарнир и овощи.

— Ты что-то сказал о доставке продуктов? — обернулась она к Флавиану, прервав его затянувшиеся разъяснения о последствиях превращения в суккубу.

Тот увлекся, разливался соловьем, точно коммивояжер, которому наконец-то открыли дверь. Нет, ей, конечно, было интересно послушать, что ее ждет в вероятном будущем: избавление от ежемесячных проблемных дней, невозможность забеременеть без осознанного желания, совместимость с любым партнером независимо от его рода-племени и особенностей детородных органов, да что там — чего стоит полное исчезновение волос на теле, эдакая эпиляция навечно!.. Но не при Основателе же это обсуждать!!! Теперь щеки горят, хоть в морозилку прячься!

— Ах да, — кивнул инкуб.

Он поддернул манжет на рукаве, показав на запястье браслет из серебристого металла, украшенный крупными прозрачными кристаллами. Потыкал пальцем в эти камушки, как в кнопки — и над рукой, прямо в воздухе, раскрылся голографический шар. В этой сфере, как на обычном экране обычного компьютера, Клава узрела процесс посещения интернет-магазина.

Благодаря представленным фотографиям и тому, что Флавиан изучал культуру ее родного мира и мог сравнить, например, эти ярко-фиолетовые клубни с привычной ей картошкой, Клава без особых проблем разобралась в здешних продуктах. Составленный список отослали на доставку, а счет отправили на имя госпожи директрисы. Клава порадовалась, что в этот раз инкуб не настаивал на оплате из своих средств, что больно било по ее самооценке. Гораздо легче было надеяться, что русалка все расходы вычтет потом из ее собственной зарплаты.

Пока ждали доставку, Клава покрошила Персику в блюдечко отварное мясо, найденное в недрах холодильника. Как незамедлительно рассказал инкуб, это была и не птица, и не говядина — гусеница. Во всяком случае именно на гусениц больше всего походили гигантские существа, что в промышленных масштабах разводили на побережье здешнего моря. Эти создания имели интеллект камня и в огромных количествах пожирали водоросли, из-за чего за считанные дни одна особь могла вымахать больше самолета. Флаф показал фото — по форме вылитый самолет, только без крыльев!

С одной стороны, есть гусениц было противно. С другой стороны, Клаве в своем мире было стыдно перед коровами и свиньями. Но что важнее всего, она успела попробовать кусочек, перед тем как дать Персику. И мясо оказалось таким нежным и вкусным, что его насекомое происхождение стало совершенно неважным. Клава всегда ценила и уважала вкусную еду, оттого и похудеть у нее не получалось, если честно. Что ж, гусеницы так гусеницы — значит, в этом мире не жалко быть невегетарианцем.

В шкафчике она наткнулась на банку с порошком, очень похожим по запаху на молотый кофе. Инкуб подтвердил ее догадку:

— Утренний напиток бодрости, делается из желудей особого вида дубов, что произрастают... А, впрочем, тебе название этой местности ничего не скажет.

Клава угукнула и загремела посудой в поисках турки.

— Мисс Пума его не употребляет, держит только ради Основателя, — приблизившись, шепнул Флаф ей на ухо конфиденциальную информацию.

— Разве призраки пьют кофе? — удивилась Клава.

— Нет, но он наслаждается ароматом.

— Ясно, я что-то подобное встречала в мистических романах, — кивнула она. Поставив подходящий ковшечек с водой на конфорку, засыпала порошок, размешала. И шепотом же спросила: — А как он разговаривает вообще? У него же нет горла и голосовых связок!

Неужели это телепатия? Тогда выходит, он может читать мысли?!

— В ваши мысли, милейшая, я бы не стал заглядывать за все сокровища мира, — фыркнул Основатель.

Клава чуть не опрокинула турку от неожиданности, обнаружив призрака в полушаге слева от себя. Но практически прижавшийся с правого бока Флавиан не дал ей отпрыгнуть. Впрочем, стоя на коленях перед низкой плитой, прыгать в принципе было довольно проблематично. С трудом она заставила себя успокоиться: глубокий вдох — длинный выдох. Видно, вредный старикашка был фанатом кофе, раз так быстро сменил гнев на милость. А значит, в ее руках ключ к приручению призраков!

— Телепатией я не увлекался даже при жизни, — соизволил поведать Основатель, жадно вдыхая поднимающийся аромат напитка, делающийся всё явственней и гуще с нагревом воды. — А слышите вы мой голос просто потому, что духовно-информационное поле моей посмертной личности производит вибрации в воздухе, что вызывает колебание на перепонках вашего слухового аппарата.

— А, ну ладно, хорошо, поняла, — пробормотала Клавдия. Спросила: — А ложку вы можете удержать?

Основатель поднатужился — и с кривоватой усмешкой предъявил попаданке ложку, повисшую в воздухе прямо перед ее носом.

— О, отлично! — оценила Клава. Деловито велела: — Тогда последите за кофе, пока не закипит, помешивайте, чтобы не убежал на плиту. Я пока почищу рыбу для жарки. А ты, Флаф, помоги накрутить мяса для котлет. Там, глядишь, и лучок привезут нам...

Когда, спустя полчаса после заказа, в дверь постучал курьер доставки, на кухне вовсю кипела жизнь — даже Основатель оживился, став менее прозрачным. Правда, блаженствуя от ароматных паров, он едва не проворонил закипевший кофе, благо Клава заметила вовремя, «догнала».

Флавиан, сполоснув руки от жирного мяса, побежал принимать продукты. Клава тоже с любопытством высунулась из кухни, услышав топот копыт. Она подумала, что в экологически чистом Академгородке развозчики ездят верхом. Ошиблась: на пороге стоял обвешанный множеством матерчатых сумок пони-кентавр, ростом не выше инкуба. Хорошенький пухлогубый юноша, почти мальчишка, с длинной гривой заплетенных в косы пшеничных волос, одетый в плотный комбинезон, закрывавший как человеческую часть тела от горла до запястий, так и конскую, до самых копыт. Клава хихикнула, подумав, что не удивилась бы теперь, будь кентаврик обут в кроссовки. Курьер, вежливо с ней поздоровавшийся через холл, поймал ее смешок своими подвижными ушами, торчащими из пышной шевелюры. Отчего-то парнишка ужасно смутился, украдкой стрельнул на будущую суккубу своими карими телячьими глазами под жирафьими густыми ресницами, торопливо вручил инкубу пакеты, в спешке едва не перепутав с чужим заказом, ладно Флавиан заметил разницу — и с топотом удрал.

— А расписаться-то за доставку? — крикнул ему вслед Флаф, но поздно, уже стукнула калитка.

— Какой милый, — заметила Клава, продолжая улыбаться.

— Рад за тебя, — проворчал инкуб, притащив тяжелые полные сумки из холла в кухню.

— Почему это? — не поняла Клава. Обрадовалась свежему хрустящему батону, как родному.

— Эдди будет одним из первых твоих клиентов, когда станешь суккубой, — пояснил с

усмешкой призрака, в блаженстве витающий над туркой с кофе. — Он из тех, у кого дар к магии просыпается только после контакта с противоположным полом. Но так как он пони, а все другие кентавры в академии лошади, верблюды или олени, подобрать для него самку не представляется возможным. Так что сейчас он тратит время впустую, свое и преподавателей, так как заучивание теории без практических упражнений бессмысленно.

— Что ж, я буду за кентавро-ослицу, да? — сердито съязвила Клава.

— Я подберу для тебя партнеров на первое время, — извиняющимся тоном тихо произнес Флаф, делая вид, будто всецело занят распахиванием покупок по шкафам и холодильнику, лишь бы не смотреть ей в глаза. — Чтобы ты привыкала постепенно к своей работе. А Эдди, он действительно милый. Когда встал вопрос, чтобы мне совмещать... ну, две должности, я думал о нем как о подопытном. В том смысле, что он один из немногих, кого я могу назвать своим другом — понимающий, доброжелательный...

— Ой, хватит! — взбунтовалась Клавдия, отмахнулась лопаточкой, которой собиралась переворачивать котлеты. — Пока не пообедаем, не хочу больше ничего слышать!

Ей не показалось: Флаф определенно вздохнул с облегчением, осознав, что не придется выкладывать печальную повесть о моральных мучениях и метаниях инкуба-гомофоба.

В доме запахло котлетками, подрумяненными на той самой сковородке, что полюбила Клава с первого взгляда. Фиолетовая картошка, любезно почищенная инкубом, от томления в духовке приобрела нежно-голубой цвет. Рыба пожарилась как надо, а пестрый салат из овощей, напоминающих помидоры, огурцы и сладкий перец, пустил сок и достаточно пропитался бледно-зеленым соусом, по вкусу похожим на горчичный майонез. Основатель и Персик успели насытиться один запахом кофе, а второй отварным мясом, и оба устроились в кресле-качалке, чтобы подремать, причем друг другу совершенно не мешая. И Клава уже собиралась позвать Флавиана к столу — как тут очень вовремя на угощение явилась хозяйка дома, а с нею госпожа директор в сопровождении улыбчивого парня-гота.

То есть это Клаве сперва показалось, что студент принадлежит к неформалам: у него были длинные черные волосы, бледное, почти белое лицо, глаза как будто обведены черными тенями, да и одежда подходящая — всё черное, облегающее, подчеркивающее идеальную фигуру, и удлиненный приталенный пиджак романтического кроя. Второй мыслью Клавы было то, что парень тоже инкуб — каждое движение отточено и плавно, как у танцора, соблазнительно, как у стриптизера. Однако увидев красную радужку глаз и улыбку, демонстрирующую острые тонкие клыки, Клава невольно поежилась и оглянулась на окна. Так и есть — за готовкой и общением она не заметила, как отпыхал закат, сменившись сумерками.

— Привет, — мурлыкнул вампир, подойдя к Клаве.

И сунул ей в руки горшок с кактусом. Ее родным Борисом! Клава тут же раздумала отпрыгивать от всамделишного вампира, напротив, едва сдержалась, чтобы не броситься обнимать в благодарность. А еще подмышкой он принес ее ноутбук! Да из кармана выудил мышку! И горсть флешек вместе с переносным жестким диском!.. Нагруженная вещами Клава чувствовала себя счастливой, как на Новый год, словно вдруг вернулась в детство и получила гору подарков.

— Вильгельм любезно помог мне забрать твои вещи, — пояснила русалка. — Мы с ним открыли проход в твой мир прямо из той аудитории, где тебя призвали, пока там сохранился след червоточины между пространствами. Виль прекрасно ходит по теневой стороне, поэтому его перемещение туда и обратно не нарушило канву измерений.

— Благодарю вас, — промямлила Клава, глупо улыбаясь готичному вампиру.

Тот сексуально оскалился в ответ, заверил:

— Мне было совсем не трудно помочь вам, мадемуазель. Ради такой милой барышни я готов притащить через Вселенные хоть целый шкаф с гардеробом.

— Виль, поумерь пыл, она пока не инициирована, — ловко мелькнул рядом Флавиан и шепнул на ушко вампиру: — Она еще дев-стве-нни-ца!

— Что ж, буду ждать с нетерпением своей очереди, — промурчал вампир, наклонил голову к плечу, продолжая любоваться на зардевшуюся деву, не отводя глаз.

— Я... мы... это... — забормотала Клава. В голове пронеслась догадка: судя по легкости общения, перед ней еще один из близких друзей инкуба. Что логично, к опасной попаданке чужих людей и нелюдей не подпустили бы, только проверенных и доверенных.

Тут она потянула носом и заорала в ужасе:

— Котлеты? Горят! Я думала, что выключила плиту! Дядя Основатель, выключите, пожалуйста, у меня руки заняты!..

Сирена тем временем откатилась в своем пузыре на середину гостиной, нажала на кнопки на ящике управляющего «аквариумом» агрегата — и пузырь лопнул с громким «чпок!». Да так быстро трансформировался в круглый бассейн с бортиком высотой по колено, диаметром около двух метров, что на ковер не пролилось ни капли воды. Русалка плюхнулась вниз вместе с жидкостью, высунулась по пояс, с наслаждением потянулась, вдохнув воздух полной грудью, вытащила из волос заколку, распустив мокрые пряди вольно струиться по плечам... И застыла, услышав, как попаданка обратилась к призраку:

— «Дядя»? — повторила она, проводив убежавшую на кухню Клавдию ошарашенным взглядом.

— Девочка освоилась на удивление быстро, — заметила вернувшаяся из туалета Пума. Варежки-ботинки на ее лапах сменились мягкими тапочками с помпонами. Кошка повела носом по воздуху: — Жареной рыбкой пахнет? Нам настолько повезло — она еще и готовит хорошо!

— И сама выглядит аппетитно, — поддакнул, облизнувшись, вампир.

— Обойдешься пока, — шикнул на него Флавиан.

— Ой, Флаффи, смотри только, не увлекись! Тебе следует быть осторожным во время инициации, — напомнила директор со вздохом.

— Сам знаю, — огрызнулся инкуб.

— А рыбку ты уступишь мне, — подытожила русалка, обращаясь к Пуме.

— С чего бы это? — моментально вздыбила шерсть на загривке некромантка.

К счастью, увлекшаяся Клавдия приготовила столько, что хватило на всех гостей. Вампир тоже остался на ужин, спокойно захомячил парочку котлет, красного вина к удивлению Клавы не просил. Зато очень понятно и довольно подробно разъяснил ей, чем местная маго-техника отличается от привычной ей, работающей на электричестве. Клава не удержалась, потребовала подтвердить слова экспериментом. На что Вильгельм позаимствовал с каминной полки один из кристаллов, просто поставил его на ноут рядом с клавиатурой — и тот легко включился, да еще показал заряд аккумулятора в 1000%! Клава точно помнила, что перед ее «похищением» запас энергии не превышал 10%. Просто чудеса, да и только! Вот только отсутствие интернета огорчало, хотя и глупо было надеяться на такую удачу. Но и на это вампир ухмыльнулся и легко пообещал в скором времени всё устроить.

— Я сделаю всё, что в моих силах, ради вашей счастливой улыбки, — заявил клыкастый обольститель, бессовестно разыгрывая традиционную для бульварных романчиков роль.

— Незачем канителиться со старыми железками, если после инициации выдадим ей обычный коммуникатор, — буркнул Флавиан, недобро следя за приятелем и раскрасневшейся попаданкой.

— Нет-нет, пусть! Я же сказала — хочу класс с людской техникой! Это же так интересно! Так занимательно!

А вот директор от бутылочки красного вина не отказалась, отчего стала разговорчивой до степени неумной болтливости. К общему столу она подъехала на крутящемся стуле на колесиках, завернув рыбий хвост в банное полотенце.

В общем, вечер прошел в непринужденной и дружеской атмосфере. Директор отчитывалась перед Основателем о текущих делах в Академии. Клаву развлекали разговорами вампир и инкуб. Персик же по-своему, по-кошачьи, подружился с мисс Пумой — та угощала его вкусняшками, а он норовил потереться о ее бок, клянчил, чтобы она почесала его по шерстке, используя полувтянутые коготки вместо расчески.

Одно слово — идиллия! Никогда прежде в жизни у Клавы не было вот таких душевных посиделок с друзьями. Сказать по правде, у нее никогда и не было друзей, даже в школьные годы — сначала из-за насмешек над ее полнотой, после сама отгораживалась, втайне завидуя стройным худеньким девочкам... Кажется, только ради этого стоило бы попасть в параллельный мир! Если бы не одна проблема, о которой Клава никак не могла забыть.

Когда Вильгельм откланялся, русалка и Основатель заперлись на кухне, обсуждая свои секреты, Пума и Персик задремали на диване в обнимку — Клава собрала всю силу воли и кулак, глубоко вздохнула. И выпалила шепотом:

— Хорошо, Флаф, я согласна! Сделай меня суккубой.

Флавиан, допивавший свою пятую за вечер чашку цветочного чая, не ожидал столь прямого предложения, потому поперхнулся и кашлял после еще несколько минут, прежде чем смог вымолвить слово.

— Уверена? Можем подождать до полудня.

Клава поджала губы и помотала головой:

— Всё равно другого выхода у меня нет? Чего ж тогда ждать. Я только надумаю всякого и еще больше перенервничаю.

— Тогда идем, — поднялся он с места, протянул ей руку.

— К-куда? — не поняла та с испуга.

— Наверх, в спальню.

4

Поднимаясь по лестнице, Клава машинально отметила, что Флавиан идет не впереди, а следом. Для того чтобы не дать ей сбежать? Нет, наверное, потому, что из вежливости всегда дам пропускают вперед, инкуб же воспитанный парень.

На пороге спальни Клава резко развернулась, хотела что-то сказать, но оказавшись нос к носу со своим будущим первым любовником, только рот открыла и закрыла, не выдавив ни писка.

— Сначала в душ? — понял по-своему Флавиан, мягко улыбнулся, ободряюще. — На этом этаже тоже есть ванная комната, чтобы не бегать по лестнице среди ночи.

Клава обрадовалась, энергично закивала: так у нее появится отсрочка минут на пятнадцать.

Она не подумала, что инкуб зайдет в ванную вместе с ней.

— Не прогоняй меня, — без объяснений понял он ее возмущенный взгляд и угрожающее громкое сопение. — Ты слишком напряжена сейчас, так у нас ничего не получится. Обещаю, я лишь помогу тебе расслабиться, я не стану домогаться тебя здесь. Просто здесь не так удобно, как в постели, — не удержал он смешок.

— П-почему бы тебе не заколдовать меня? — робко предложила она, держа дистанцию в один шаг, насколько позволяло тесное помещение. — Я слышала, инкубы так умеют.

— Но ведь это было бы принуждением, — возразил он. С неловкостью признался: — Тем более я не владею гипнозом. На самом деле инкуб из меня так себе.

Клава машинально вскинулась, хотела было горячо возразить, что Флаф очень даже хороший инкуб! Но тут же поняла по его едва заметной улыбке, что ей элементарно заговаривают зубы.

— Ты целовалась раньше с кем-нибудь? — негромко спросил он.

Клава помотала головой, умудряясь при этом не потерять настороженного зрительного контакта.

— А хочешь попробовать? Со мной? — вкрадчиво предложил соблазнитель.

Клава обдумала предложение. И смущенно кивнула. Однако отодвинулась в самый угол, буквально забившись за низкий унитаз, украшенный меховой пушистой крышкой.

— Можно мне тебя поцеловать?

Клава еще подумала. Кивнула, хотя и неуверенно.

Флавиан не сделал ни шага навстречу. Ждал. Пришлось Клавдии самой выбраться из-за унитаза. Она встала перед своим соблазнителем, не зная, куда деть руки и на чем остановить забегавший взгляд. Решилась: спрятав руки за спиной, чуть нагнулась вперед, отодвинувшись всем телом, чтобы случайно не соприкоснуться с ним грудью или животом, и выставила губы бантиком.

Флавиан невероятным усилием воли сдержал смешок, опасаясь спугнуть будущую суккубу. Он повторил в точности ее нелепую позу — и осторожно клюнул сухими губами ее губы. Клава в изумлении, смешанном с возмущением, вытаращила глаза. Наверняка со стороны они представляли собой дурацкую картинку — точно два пупсика с пасхальной открытки!

— Что? — не отодвигаясь, ухмыльнулся Флавиан. — Ты разочарована? Прости, я всего лишь отражаю твои собственные желания. Покажешь мне, чего бы ты хотела от своего первого поцелуя?

— А? Ну... Угу. Только закрой глаза.

Инкуб послушался. Клавдия секунду полюбовалась на длинные, роскошные ресницы. Да и вообще в целом красавчик, что ж тут думать-то! Вдохнув полную грудь воздуха для смелости, она чуть наклонила голову, как показывали в романтических кино, приоткрыла рот от усердия — и накрыла своими губами его, теплые и мягкие. И застыла, лихорадочно соображая, что же делать дальше. В вульгарных романах что-то писали о языках, устраивающих дуэли, вылизывающих десны и нёбо партнера...

К счастью, опозориться еще больше ей не пришлось. Флавиан устал ждать ее решительных действий — и ответил на неумелый поцелуй. Сперва ненавязчиво, затем увлек за собой, повел властно, заставив замычать ему в губы от удовольствия. Клава и представить себе не могла, что бесчисленные фильмы о любви вовсе не приукрашивали процесс лобзаний — напротив, они оказались неспособными передать даже толику ощущений, от

которых подкашивались ноги. Или это оттого, что она целуется с инкубом? С простыми смертными такого удовольствия не получилось бы наверняка. Что ж, значит ей несказанно повезло.

Клава вдруг обнаружила, что виснет на шее у соблазнителя, а в ушах у нее звенит, и всё тело стало каким-то радостным и легким.

— Пойдем в душ? Здесь тесновато, но нам хватит места, — шепнул он ей на ушко, не собираясь разжимать объятий.

Клава зарделась, пролепетала:

— Ты что! Это ж надо... р-разд-деться же... Не в одежде же мыться...

— А в постель со мной ты тоже одетая ляжешь? — подколот вредина с очаровательной улыбкой. — К тому же скрывать тебе нечего, я уже имел честь видеть тебя в пижаме. Полагаешь, та маечка на ляпочках и обтягивающие трусики много оставили простора для воображения?

Клава потеряла дар речи. Нет, она подозревала о том, в каком виде предстала перед этим миром и его обитателями, но напоминать ей об этом, глядя прямо в лицо — такая бестактность!

— Я тоже буду голым, — одним дыханием обдал ее пылающее ушко соблазнитель.

И в подтверждении слов отодвинулся, чтобы снять с себя рубашку.

Под насмешливым и одновременно подбадривающим взглядом Клаве пришлось стащить с себя блузку.

Он, не отводя от нее глаз, изображая мачо и давясь смешками, расстегнул ширинку на брюках, спустил с бедер, медленным, плавным движением.

«Устроил стриптиз, поганец!» — полыхнуло у нее в голове. Щеки горели, уши горели, тело горело! Но сил отвернуться и не смотреть не было совершенно.

Он избавился от брюк, обуви и носков. Ей пришлось неловко выбраться из юбки, колготок, туфель.

Прикрывая ладошками трясущуюся от волнения грудь далеко не первого и даже не третьего размера, Клава притопывала на месте, стискивала коленки вместе, рассеянно ощущая под ступнями жестковатый коврик. Флавиан стоял перед нею в боксерах. У нее был выигрыш в один предмет — на ней оставались лифчик и трусики. Эта мысль приободряла. Еще больше вдохновляло то, что во взгляде инкуба не появилось презрение, он не морщится на ее колышущиеся тела и складочки жира.

О, нет! У Клавдии мурашки пробежали по всему телу: разглядывая в меру мускулистый торс, — хотя вернее будет сказать «поджарый» или «подтянутый», — она заметила тонкую цепочку с небольшим медальоном. К тому же на запястье у него поблескивал уже знакомый ей браслет-коммуникатор. Она лихорадочно сложила в уме два предмета — и поняла, что проиграла. Если за лифчик он снимет медальон, то за браслет пойдут трусики. О, боже! Клаве стало ужасно стыдно заранее — оказаться полностью раздетой, тогда как он останется в...

Флавиан проследил за выразительным взглядом ее расширившихся от ужаса глаз:

— А, это я не могу снять, извини. Браслет без контакта с кожей отключится, придется будильник настраивать заново. А медальон мне нужен для твоей же безопасности — он не позволяет мне, как инкубу, забирать у партнера слишком много энергии.

— Ох, с такой следилкой, наверное, как под надзором, не расслабишься, — пробормотала Клава сочувствующе.

— Напротив! С ним нет опасности увлечься и нечаянно навредить доверившемуся тебе существу.

Клава кивнула. Сообразила, что, скорее всего, потом ей выдадут такой же.

Тянуть дальше не было смысла. Со вздохом она расстегнула лифчик. Опустила глаза, продолжая придерживать освободившиеся груди рукой, уже не только от стыда, но и от того, что иначе они отвиснут некрасивыми «колоколами». Что будет с ее фигурой к старости, вообще думать страшно. Хотя, если она станет суккубой, возможно, всё изменится, и старость ей не будет грозить? Ходить согнувшись, с титьками-тряпочками до колена, было бы так грустно, так... так...

— Ну, ты чего? — подошел к ней Флавиан, погладил по щеке, стирая полившиеся слезы. — Я же сказал: я тебя не трону без твоего разрешения.

Клава замотала головой, хотела сказать, что он тут не при чем. Но горло сдавил комок, ни слова не выдать в оправдание своей неуместной, постыдной истерики.

Флавиан, похоже, к девичьим слезам привык. Не стал на нее ругаться или напирать с попытками успокоить и не бросил одну. Просто включил в душе воду. Теплые струи с шумом полились в гулкую широкую ванну. Инкуб мягко обнял Клаву за вздрагивающие плечи, подвел под воду. Его ладони утешающе скользнули по ее ссутулившейся спине... Присев перед ней на корточки, он осторожно стянул с нее трусики. Икая и моргая от не унимающихся слез, Клава не стала брыкаться и отпихиваться, только на мгновение зажмурилась. Когда же он отвернулся, чтобы взять губку и флакон с мылом, она украдкой отметила, что его боксеры тоже пропали. При виде поджарых ягодичек смущение накатило новой волной, у нее аж слезы миготом высохли, а рыдания вместе с икотой застряли в горле, толкаясь с тем самым комком, что мешал говорить. Она с великим трудом сглотнула, едва не подавившись — и наконец-то с облегчением выдохнула. Как раз к тому моменту, как Флавиан развернулся к ней, держа в руках губку в пене.

Инкуб улыбнулся ей обезоруживающей улыбкой:

— Потереть тебе спинку? Нет? Тогда ты мне потри.

Он вручил ей мочалку и развернулся спиной. Клава еще раз шумно сглотнула. Что, можно вот так запросто потрогать его, пока он не смотрит? Она прикоснулась легко-легко, до дрожи боясь сделать что-то не так.

— Не щекочи, а три нормально, — приказал ей инкуб, поежившись от чересчур осторожных прикосновений.

— А? Угу... — отозвалась Клава. И продолжила с тем же невесомым нажимом.

Флавиан передернул плечами, но приготовился терпеть.

Воодушевленная его неподвижностью и молчанием, Клавдия отложила губку — и осмелилась прикоснуться рукой. Провела ладонью по спине от кончиков намокших волос до поясицы. И немножко ниже. И еще чуть ниже...

— Извини, мне не нравится, когда в меня тыкают пальчиком, — сдерживая смех, заметил Флавиан. — Тем более ТАМ у нас, инкубов, особо чувствительная зона.

Клава ойкнула и отдернула руку.

— Но я не буду против, если ты меня погладишь, — предложил Флаф, понизив голос до урчания.

Клава в увлечении приоткрыла рот, прикусив зубами кончик языка, и, медленно протянув руки, приложила обе ладони к упругой, теплой, скользкой от воды и мыльной пены... попе... мужской... жестковатой...

Коварный инкуб какими-то чарами примагнитил ее руки к себе, ей-богу! У Клавы не было сил оторваться от гладкой шелковистой кожи. Да еще Флаф шагнул назад, и ей пришлось отодвинуться, но за ее спиной встала стена. И он, коварный, сделал еще полшага и прижал ойкнувшую Клаву к холодному кафелю, да так, что ее руки оказались зажаты между их телами, а ее груди расплющились о его лопатки. Вдобавок он откинул голову назад, чтобы взглянуть ей в глаза, искоса, лукаво, с одобрительной смешинкой. И, заведя руки за спину, ухватился за ее большой мягкий зад.

— Мне тоже хочется. Надеюсь, ты не против?

— Ах? А-а... А-ах!..

Клава вопрос слышала, но понять или тем более внятно ответить была не в состоянии.

Флаф с удовольствием потискал «сдобные булочки», выгодно отличающиеся от его «черствых с отрубями» как размером, так и пышностью. Выдавил из Клавдии писк смешанного толка и значения. После чего неожиданно отстранился с тяжким вздохом. Под струями воды смыл с себя мыльную пену, затем вылез из ванны, наскоро вытерся полотенцем, накинул на ссутулившиеся плечи один из двух гостевых банных халатов. Кивнул Клаве, оставшейся стоять под душем в полной растерянности:

— Я подожду тебя в комнате. Не задерживайся, пожалуйста.

И вышел.

Клавдия выдохнула так полно, что почувствовала себя проткнутым шариком. Аж на дно ванны села, до того ноги в коленках затряслись. Первый любовный опыт оказался таким утомительным... Подумать жутко, что ждет ее дальше!

Однако она была благодарна ему за возможность побыть наедине с собой. Встав под льющуюся воду и сделав температуру прохладнее, Клава даже подумала, не стоит ли побрить ноги ради такого случая. И в зоне бикини у нее девственный беспорядок — стыдоба! Но здравый смысл подсказал, что рыться на полках в поиске бритвы слишком долго, не факт, что она там вообще есть. И потом, не умеет она наводить такой марафет, не приучена за ненадобностью. Да и порезаться пара пустяков при дрожащих-то руках. В конце концов, Флавиан уже видел ее ВСЮ, прихорашиваться теперь будет глупо.

Стараясь не думать о том, что ее ожидает за дверью, Клава выключила воду, запахнулась в мягкий пушистый халат, туго завязала пояс. Вдохнула поглубже — и смело вышла навстречу своей судьбе. В самом деле, чего ей бояться? В первый раз с красивым обходительным парнем — не об этом ли она всегда мечтала? Инкуб уж точно знает, как сделать потерю девственности приятной и незабываемой. Если он целуется умопомрачительно, значит, и в постели должен быть просто богоподобен!

Инкуб сидел на кровати, подобрал ноги, закутавшись в одеяло. И грыз заусенцы. Так сильно задумался, хмуро глядя прямо перед собой, что не услышал, как она вошла. Впрочем, Клава при своем весе умела ходить бесшумно, да и босиком по ковру не особо потопает.

Увидев ее прямо перед собой, Флавиан дернулся — и сразу нацепил на лицо дежурную улыбку. Выпрямился, сбросив с плеч одеяло, оперся на вытянутую руку — в общем, принял картинную позу соблазнителя. Клава улыбнулась в ответ: приятно всё-таки было узнать, что не одна она нервничает.

— Скажи, пожалуйста, — она села рядом на край постели, поправила машинально полы халата на коленях, — что мне пришлось бы сделать для инициации, если бы я оказалась не суккубой, а, например, каким-нибудь стихийным магом?

— Овладеть своей стихийной силой, естественно, — пожал плечами инкуб. — Сперва,

конечно, тебе пришлось бы в срочном порядке выучить тома теоретических выкладок, зазубрить правила безопасности, потренироваться в заклинаниях. И только после устного и письменного экзаменов тебе разрешили бы в присутствии Совета Наставников продемонстрировать свои способности. Если бы ты владела стихией огня, то тебе велели бы зажечь спичку. Если бы подчинила стихию воды... Честно сказать, я не знаю наверняка в точности, — сдался он.

— Предложили бы вызвать дождь? — подсказала Клава.

— Может быть. Хотя этим занимаются маги-погодники, ведь нужно учитывать потоки воздуха и аэродинамические волны, изучать карты температур, циклонов... К чему эти вопросы? Ты передумала?

— Нет, не передумала.

— Просто тянешь время, — понятиливо кивнул он. Перебрался ей за спину, принялся массировать плечи, чтобы быстрее ушло напряжение.

Клава прикрыла глаза, позволяя инкубу делать свое дело. Не возразила, когда он аккуратно приспустил халат, обнажив ее плечи, лопатки и верх груди.

— Скажи, а как это было с тобой? Ты родился с даром инкуба? Как прошла твоя инициация?

— С ума сошла? Ребенок-инкуб — это что-то противозаконное! Нет, конечно. Я открыл свою... хм, способность всего лишь год назад, когда приехал сюда, в Академию, чтобы... Ну, чтобы подробнее узнать, что это за место такое. Я даже не предполагал, что меня пригласят остаться для обучения. Никакой магии в себе до этого я не ощущал, даже не подозревал, уж поверь.

— Сильно удивился?

— Не то слово! Я был в шоке.

— Тебе тоже пришлось пройти через инициацию?

— Конечно. Иначе дар инкуба не проснулся бы.

— И... и кто... — Клава понимала, что вопрос крайне нетактичный, однако не задать его не могла. Любопытство, слишком похожее на ревность, просто душило изнутри жаркой волной.

— Сирена, — не стал утаивать Флавиан. Заметно было, что ему неловко говорить об этом, но совсем не в такой степени, как Клавдии. — Она заметила это во мне, она и дала... хм, первый импульс для раскрытия.

— А как... то есть, где... — проямлила Клава, не зная, как бы выразиться прилично о том, что должно быть между ног, если у русалки этих самых ног не наблюдалось.

— В бассейне, — пояснил Флавиан. — У нее дома вместо спальни с кроватью подвал с бассейном. Там очень красивая отделка, как сказочный грот. Правда, в воде заниматься сексом было довольно неудобно. Да и на берегу, то есть на бортике бассейна, тоже — когда кожа чувствительна к прикосновениям, острые камешки и песчинки вместо простыней не лучший вариант, если не имеешь склонности к мазохизму.

— Да уж, — сочувствующе вздохнула Клавдия.

А сама принялась гадать: не значит ли это, что до появления в Академии Флавиан был невинным юношей? Выходит, русалка его совратила, буквально превратила в демона похоти! Или же инициация подразумевает под собой нечто иное, чем простой акт плотской любви? Клавдия терялась в догадках. И вместе с тем воображение жгла картина: неискушенный студент из провинции и развратная директриса! С рыбьим хвостом, который в фантазии

Клавы всё-таки не желал укладываться. Кстати, и Флаф, видимо, тогда еще не был студентом Академии и даже не собирался им становиться. Теперь стало интересно другое: зачем же он приехал? Имеет ли Клава право напирать со своим любопытством еще сильнее или это будет слишком невежливо с ее стороны — так бесцеремонно совать нос не в свои дела?..

Между тем за разговорами Флавиан времени зря не терял. От массажа плеч он плавно перешел к более пикантной «разминке». Аккуратно уложив будущую суккубу на спину, он, продолжая отвлекать ее разговорами, развязал на ней пояс банного халата, но оголил пока что вполне невинно — ноги до середины бедра. Устроившись между оными, он легчайшими ненавязчивыми движениями принялся не то чтобы разминать мышцы голени и бедер — скорее дразнить и волнующе гладить чувствительную бархатистую кожу, приятно пахнущую свежестью после душа. Клава невольно задыхалась глубже и чаще, забывшись, пару раз слегка взбрыкнула конечностями, пытаясь уйти от особо дразнящих прикосновений, когда его чуткие пальцы скользнули под полы ее халата немного выше, чем позволяла ее скромность. Но инкуб, улыбаясь теперь с заметным собственническим и чуточку самодовольным оттенком, просто подхватил ее под коленки, задрал повыше и придвинулся поближе. Клава поняла, что позволила «противнику пробраться в тыл» и осталась совершенно незащищенной перед его определенно нескромным взглядом. Она обреченно выдохнула и просто откинула голову на подушки, закрыла глаза рукой. Надо постараться ни о чем не думать, чтобы самой не испортить удовольствие от собственного соблазнения. В романах этот процесс расписывают с упоением, а она слишком занята посторонними размышлениями — как бы всё не проворонить!

Вот только выбросить лишние мысли из головы не получалось.

Флаф, сам увлекшийся процессом, перешел от прикосновений к легким поцелуям: под коленкой, по внутренней стороне бедер, игриво чуть пощипывая тонкую кожу губами — неуклонно продвигаясь к «искомому».

— А... Ох!.. А! Флаф?

— Что? — откликнулся тот с ленцой мартовского кота. Запустил обе руки ей под халат, стал углаживать-дразнить мягкий живот, кончиками пальцев щекотно прошелся по бокам, очертил крутой изгиб от талии к ягодицам.

— А ты будешь, ну, для инициации чертить пентаграммы или, не знаю, вызывать духов?

— Самый главный дух Академии сидит у нас на кухне, кофе нюхает, — ухмыльнулся инкуб. — Позвать его сюда? Ты уверена?

— Да нет же! — возмутилась напускной непонятливостью Клава. — Я не о том! Я серьезно спрашиваю!

— Читать заклинания, прыгать вокруг тебя с бубном, бить по голове увесистым томом ветхой летописи, резать тебе и себе запястья, чтобы обагрить кровью жертвенный алтарь, — перечислил Флавиан все пришедшие на ум обряды, а сам, подлец, встал на коленях над потерявшей дар речи Клавой и снял с себя халат. Затем и на ней распахнул, тут же ухватив за дернувшиеся ноги, с силой разведя в стороны. Заключил обольстительным негромким голосом, нависнув над нею, как коршун над курочкой: — Я просто овладею тобой, как испокон веков мужчины овладевают женщинами ради продления рода. А дальше твой организм сделает всё необходимое сам. Ты всё еще не передумала? Если есть возражения, скажи сейчас, пока не поздно.

Клава приподнялась на локтях и внимательно поглядела на орудие лишения невинности, нацеленное и готовое, как таран перед запертыми воротами осажденного замка.

И поняла: уже поздно. Если она сейчас струсит, Флавиан ей не простит. Да и «ворота» предательски себя вели — распалившись от предварительных ласк, готовы были распахнуться от первого удара, «смолой» облились пусть не горючей, но отчетливо горячей... Клава помотала головой, чтобы отогнать дурацкие поэтизмы, лезущие в мозг, и без того затуманенный.

Флавиан ошибочно посчитал ее движение жестом отрицания, Клава с изумлением заметила, как вытянулось его лицо, но вместе с тем в глазах блеснуло нечто, похожее на облегчение и вину.

— Нет! То есть да! Я не отказываюсь, продолжай! — В подтверждении своего пылкого заявления Клавдия обхватила соблазнителя ногами за пояс, крепко притиснула к себе, пока тот не успел отодвинуться.

Очень крепко! Тот аж невольно всхлипнул:

— Осторожнее! Помнешь же, погнешь! Чем я тогда работать стану по специальности?

— Ой, прости! — всполошилась Клава.

Торопливо села, проверила «таран» на погнутость. Вроде всё нормально, упруго... И не сразу поняла, отчего инкуб отвернулся и бессовестно ржет в кулак. Потом до нее дошло и то, что она вообще-то в первый раз в жизни держит в руках мужское достоинство.

— Ё-моё... А он в меня влезет?

— Ты же суккуба. Боюсь, тебе еще мало покажется. Ну как, достаточно рассмотрела?

— Да, спасибо.

— Пожалуйста, всегда к вашим услугам, мадам.

— Он у тебя на сосиску похож! Совсем не противный. Я думала, будет хуже.

Флавиан надул губы, демонстративно раздумывая, обидеться на съедобное сравнение или принять как комплимент.

— Продолжим?

Клава кивнула, зевнула. Рухнула на подушки и раскинула руки и ноги в стороны:

— Давай. А то не успеем выспаться. Мне надо что-то делать?

— Нет, можешь просто лежать и наслаждаться.

— Ладно, попробую... — И тут же вскинулась: — А презерватив не нужен разве?

— Нет. В этом мире все пользуются магией. К тому же мы, инкубы и суккубы, не восприимчивы к болезням вообще. Мы не можем заразиться и сами не принесем никому заразу.

— Удобно, — оценила Клава, снова откинувшись.

Поерзала попой, ощутив скользнувшие между складочек нижних губ пальцы. От последовавших хлюпающих звуков у нее снова загорелись щеки.

— погоди пока ерзать, успеешь еще, — пробормотал он деловито.

— Что, промахнуться боишься? — хихикнула она.

Пока что ощущения были не особо впечатляющими: как будто надела слишком тесное белье, натирающее при ходьбе.

5

Она заставляла себя лежать спокойно, не дергаться. Внимательно рассматривала люстру на потолке, сделанную из ветвистых рогов какого-то животного: вместо лампочек в гнезда были вставлены прозрачные длинные кристаллы, торчащие, как свечи. Точно такие же сейчас неярко светились в рожках двух бра на стене по обеим сторонам от кровати.

Между тем Флавиан вошел и начал в ней двигаться, поначалу плавно и неглубоко.

— Тебе не больно? — поинтересовался он заботливо.

— Неа, — прислушавшись к ощущениям, заверила Клава. Поделилась: — Как-то странно, я чувствую тебя только в самом начале, и то смутно, как что-то распирающее... Чего ржешь? Я пытаюсь понять, что со мной происходит!

— Просто твой мозг еще не способен распознать сигналы от органов, которыми ты прежде не пользовалась надлежащим образом. Ясно?

— Ну, наверное. Тебе виднее.

— Теперь глубоко вдохни и медленно выдыхай, — велел он.

Клава послушалась: вобрала полную грудь воздуха, стала спускать по чуть-чуть. Флавиан ускорился, стал двигаться резче, глубже... На последних мгновениях выдоха она дернулась всем телом от проскочившей вдоль позвоночника острой искры.

— Ой! Что это было? Ты мне что-то сломал? Признавайся!

Флавиан сел на пятки, выскользнув из ее «взломанных врат невинности», и завсхлипывал от смеха:

— Это был твой первый оргазм, между прочим! Не знаю, как с тобой, а со мной такое в первый раз! О, боже!..

— Что, ты тоже успел... это... кончить? — зарделась и насупилась Клава.

Инкуб помотал головой, взглянул весело из-под растрепавшейся челки, сверкнул глазами:

— Не успел. Мне надо для этого сосредоточиться, а ты слишком много говоришь.

— Ну, извиняюсь, что отвлекала! Уж прости, что такая фригидная тебе попалась суккуба! — обиделась Клава. Попыталась отползти от растлителя: — Раз ты всё сделал, пожалуй, на сегодня можно и закругляться.

— Э, нет, не всё! Куда же ты? Мы только начали!

Он с неожиданной силой перехватил ее за коленки, каким-то почти бойцовским хитрым движением мгновенно перевернул ее на живот, поставил на четвереньки. И зловеще шепнул на ухо:

— Хорошо, теперь обойдемся без шуток и разговоров. Продолжим инициацию в тишине, чтобы мы оба могли сосредоточиться. За каждое сказанное тобой слово я буду шлепать тебя по твоей большой попе. Не надейся, не промахнусь.

— погоди, ты чего задумал?! — вскинулась было она.

Но инкуб властно уткнул ее обратно носом в подушку:

— Четыре слова? Что ж, считаем! Раз!..

Его ладонь со звоном обрушилась на содрогнувшуюся, как кисель, ягодицу.

— Два!

Клава сдержалась, не ойкнула в голос, стиснула зубы. Вообще-то было не особо больно, просто унижительно. Хотя, если подумать, после того, что он только что с ней делал, эти шлепки всего лишь продолжение игры. Ладно, если он хочет, чтобы она молчала, значит, так надо для процесса?

— Три! Не надо задумываться! — прикрикнул на нее Флаф. — Ты должна сосредоточиться на происходящем здесь и сейчас, а не на клубке чепухи, запутавшемся в твоей голове! Слушай только мой голос. Отдайся мне, как подобает женщине отдаваться мужчине. Как самка стелется под сильным самцом, принимая его ласку, как высочайшую милость...

Клава не удержалась, хрюкнула: это он-то сильный самец? Красавчик, да. Но далеко не

брутальный мачо! Да в ней веса на таких, как он, двоих хватит!

— Четыре! — еще один звонкий шлепок. — И пять! За насмешку над твоим господином.

— Эй, ты играй, да не заигрывайся! — повернула голову Клава.

И покраснела: такой возбужденно запыхавшийся, грозно сверкающий строгими глазами инкуб ей тоже понравился. Если всерьез заиграется, она его одной грудью зажмет, другой прихлопнет, ничего страшного, за себя постоит. А потерпеть шлепки — да легко! Лишь бы вот так продолжал гладить ее половинки обеими ладонями, разгоняя возбуждение и прилившую к заду кровь.

— А, делай, как знаешь, — вернулась в позицию «носом в подушку» Клавдия, выставила попу еще вызывающей. — Сколько там мне добавочно полагается за пререкания — шесть шлепков? Начинай, я готова.

— Уже двадцать, кажется, — неуверенно ответил Флавиан. — Я думал, тебе это поможет. Похоже, ошибся.

— Тогда сейчас же подуй там, где ударил! — фыркнула Клава.

И едва не заскулила от удовольствия, ощутив попой ветерок от дыхания. Она от себя самой не ожидала, что это ощущение окажется настолько острым.

— Хорошо, — шепнул Флавиан ей в загривок. Подул на позвонки, от шеи до поясницы. Лизнул языком копчик и опять подул, вызвав лавину мурашек. — Ты только помолчи, договорились? Я же себя уважать перестану, если не смогу тебя пробудить за эту ночь.

— Угу!

Раз на кону честь инкуба, Клава решила молчать изо всех сил.

Теперь Флавиан подошел к ней в прямом смысле с другой стороны. С «черного входа», который Клава доселе полагала исключительно выходом.

— погоди! Прости, что опять отвлекаю, — изогнулась она, выглядывая поверх своего плеча. — Но там же... ну, как при всех «задних дверях» не слишком... э... прибрано. Тебе не противно? — последнее она прошептала жалобным тоном.

Флавиан вместо ответа отвесил ей еще шлепок. И широко лизнул половинку, где шлепнул, при этом не разрывая зрительного контакта. А глаза томные, почти пьяные, почти злые. «Как будто съесть меня собрался», — подумалось Клаве. Она шмыгнула носом в крайнем сомнении, однако покорно вернулась в позу.

Инкуб принялся за дело. Одной рукой, кончиками пальцев, нашел среди влажных лепестков кнопочку такого яркого удовольствия, что у Клавы спина сама собой выгнулась, стоило лишь сжать этот комочек плоти между пальцев и слегка потереть.

— О, да! Начнем же точную настройку, раз рычаги нашлись, — прошипел сквозь зубы Флаф.

Пальцы второй руки сперва выкупались в соках, текущих из «взломанных врат», затем нырнули в «колодец без дна», как мысленно окрестила дырку в пятой точке будущая суккуба. Ощущения оказались странные. Не сказать, что неприятные, но тянущая наполненность слегка зудела, хотелось вытолкать нахальных вторженцев прочь и поскорее. Но ловкие пальцы Флавиана мягко и настойчиво добивались своего — растягивали, входили всё глубже, гладили изнутри, размазывали ее же собственную обильную смазку... И вскоре уступили место орудию длиннее и толще.

Ствол оказался приятно горячим. Он входил медленно и трудно. Клава изгибала спину, грудью прижавшись к скомканым простыням. Ее затвердевшие соски терлись о складки ткани, что раздражало и вместе с тем добавляло пикантных ноток. Уже никакие

посторонние мысли не толкались в ее голове. Разум ошеломленно затих, пытаясь осознать то, что творится в глубоком, доселе неприкосновенном тылу.

ТАМ она могла ощущать его тепло, трение, его длину и движения в полной мере, от корня до глубоко забравшейся головки. И это было потрясающее чувство контроля. Она моментально научилась по желанию сжимать и расслаблять мышцы, о которых в своем теле раньше не подозревала. И она полностью взяла его оружие в плен, сжала шелковыми тисками, обняла кольцом, не позволяя двигаться без ее желания.

Флавиан сорвался с тяжелого дыхания на стон:

— Пожалуйста!

И она разрешила войти еще немного глубже. Затем выпустила, чтобы на полпути сжаться от недовольства этим бегством — и остановить беглеца, сковать и поработить.

— Прощу тебя! — выдохнул Флавиан, забывшись в стремлении к разрядке.

Клава свела колени, не позволяя руке, прижимающейся ладонью к ее животу, двигаться, зажала кончики пальцев в горячей щели припухших влажных лепестков, чтобы не тревожили чувствительный бугорок. Она не разрешила ему ускорить приближение пика наслаждения, напротив, хотела продлить это волшебство слияния и обладания.

Это было безумно ново — и потрясающе прекрасно. Ни капли стыда не осталось, ни тени сомнения в правильности происходящего. Всё растворилось в ослепляющем сиянии, нахлынувшем на нее широкой, поглощающей волной. Она чуть расслабилась, утопая в этом свете, чем воспользовался инкуб, толкнувшись резче, затем еще. Волна отхлынула — и накатила снова, еще выше, еще искристей прежнего. Клавдия неосознанно повела бедрами навстречу Флавиану, разрешая тому двигаться сильнее. Ведь от каждого его толчка изнутри куда-то в ее копчик, в животе и одновременно перед глазами будущей суккубы расцветали яркие фейерверки.

У нее ослабли ноги от накатившей световой волны, она словно качалась на поверхности теплого моря... И Флавиан воспользовался этой ее слабостью — надавил на невозможно чувствительный скользкий комочек плоти, обвел круговым движением раз, вызвав низкий стон. Еще раз — Клава прогнулась в пояснице, как акробатка. И еще! Одновременно с ее пронзительным криком Флавиан вошел так глубоко, что застонал сам. Его ствол сковали кольца жадных внутренних мышц, будто желая высосать досуха, до последней капли. И он с наслаждением отдал ненасытной утробе всё, что имел.

Клава зажмурилась, ослепленная поглотившим ее искристым светом. Тело двигалось само собой, будто в нем проснулся разум более древний, чем мозг. Инстинкт или что угодно — оно не терпело суеты и возражений. Оно завладело ее телом, заставляя корчиться в сладких судорогах. Заставляя изнывать от благодарности к тому, кто довел ее до границ рая. Раскачивая эти невидимые качели, что дали ей взлететь высоко-высоко, а теперь плавно возвращали ее назад, в тяжело дышащее тело, влажное от пота, горячее от страсти, с гулко бьющимся сердцем в груди.

— Только не вздумай влюбиться, — прошептал срывающимся голосом Флавиан предупреждение. Он повалился на постель рядом с нею, мимолетно поцеловав в плечо и в локоть.

— Вот еще! — устало фыркнула Клава, насмешливо махнув длинным тонким хвостом, непонятно когда успевшим вырасти из ее копчика. — Всё-таки вечно у меня всё через задницу!

— А? Это еще зачем? — изогнувшись, она глянула себе за спину.

Так и есть, не привиделось: из спины торпорщились нетопырьи крылышки поросыачье-розового цвета. Причем размерчик явно маловат, чтобы использовать их для полетов — при попытке поднять ее вес тонкие косточки наверняка захрустят, как спички. Разве только вместо вентилятора в жару? В комплект из копчика торчал такой же розовый хвост с помпоном на конце.

— Чтобы подтвердить твой статус полудемона, — зевнул Флавиан.

— А у тебя такие тоже есть? Покажешь?

— Неа, — он повернулся на бок и подложил под щеку ладонь, пробормотал: — Я же бракованный инкуб, не то что ты. Вон, все соки из меня выпила, хоть и начинающая...

Он еще что-то пробормотал, неразборчиво, и засопел, провалившись в сон.

Клава попробовала помахать крылышками, и те неуклюже забултыхались с мягким шелестом. «Надо увлажняющим кремом помазать, шуршат, — решила Клава. — Как Карлсон, ё-моё! Правда, у него хвоста не было».

Она обняла подушку, почмокала губами:

«Теперь всегда придется спать на животе, что ли?» — промелькнуло в стремительно засыпающем сознании новорожденной суккубы.

Проснулась Клава часа через два, судя по личным ощущениям и по слегка изменившейся синеве неба за окном. Тело прекрасно отдохнуло, сознание никогда не казалось столь ясным. Она похлопала глазами в темноту — видимо, Флаф успел выключить бра, и теперь в спальне царила уютная тихая ночь, нарушаемая лишь ровным дыханием.

Клава повернула голову: спит. Рядом, сопит тихонько. Замучился с нею, вымотался, бедняжка... Неужто она наконец-то дожила до этого момента? Делит постель не с котом, а с мужчиной! Ну и ну! Сама себе изумилась.

Еще немножко полежав, она осознала, почему собственно проснулась: приспичило в туалет, потом в душ, а то кое-где чесалось, вдобавок хотелось пить и неплохо было бы поесть. Переволновалась. А когда Клава нервничала, её всегда тянуло что-нибудь слопать. Ну, хоть в чем-то ее организм остался верен привычкам!

Кажется, на кухне в холодильнике имелся запас молока — вот заодно и попьет, и желудок обманет, чтобы не требовал большего среди ночи.

Сползти с кровати и не разбудить партнера удалось. На удивление после всей постельной акробатики у Клавы нигде ничего не болело. Прокравшись на цыпочках в ванную, она проверила: крылышки и хвост пропали. Но чтобы она не подумала, что метаморфоза ей привиделась, на копчике и под лопатками на коже краснели пятна с монету размером.

С задумчивым видом Клава почесала под лопаткой, еще покрутилась перед большим зеркалом. И запоздало заметила: она изменилась! Вся, дело не только в пресловутых отметинах. Как будто побывала у Голливудских пластических хирургов, при этом не оставивших никаких шрамов. В талии она похудела и весьма значительно. Живот втянулся и сделался почти плоским, хоть в пупок серьгу вешай вместо ордена «за похудение». Попа и ляжки перестали выглядеть рыхлым скоплением жира, они не сильно уменьшились в объемах, зато подтянулись и стали упругими, гладкими, без следа проклятушего целюллита. Грудь — отдельная песня! Причем для каждой по отдельной оде. Размер, похоже, остался прежним. Зато такая шикарная форма появилась: идеальные шары с небольшим уклоном в грушевидность, увенчанные дерзкими сосками. Никаких унылых «ушек саниеля»! Клава

чуть не завизжала от счастья, увлеченно тиская себя то за одну, то за другую, то за обе сразу. Никогда прежде она не радовалась своим немалым богатствам, но теперь-то можно — теперь-то они никогда не отвиснут ниже колен! Вот прям хоть лифчик больше не надевай, ибо грех такую красоту от мира прятать!

Лицо тоже посвежело. Глаза как будто увеличились, ресницы отросли на сантиметр длиннее, ей-богу! Нос стал изящнее, тоньше, что ли. Губы сделались определенно пухлее и соблазнительнее, никакой помады не надо. Кожа словно засияла изнутри, такой нежной и чистой она даже в допрыщавом детстве не бывала. Вроде бы Клавдия осталась похожа на себя саму прежнюю — и при этом совсем другой человек!

Самодовольство малость поутихло, когда Клава рассеянно почесала ногу — и поднесла к глазам оказавшийся в руке пук вылезших волос. Как и обещал Флаф, волосяной покров на теле суккубы стремительно самоэпилировался. В зоне бикини вообще кошмар творился — на засохших-то жидкостях после бурной страсти. Аж ойкнула и ругнулась, как поглядела на себя в зеркале там, задрав ногу чуть не за ухо. Батюшки, еще и гибкости добавилось! Прямо облезшая гимнастка какая-то.

Клава на всякий случай подергала себя за волосы на голове, но те выпадать явно не собирались. Напротив, на ощупь показались более гладкими, мягкими, густыми. И здесь выигрыш — прощайте, секущиеся кончики и перхоть! Да здравствует гладкая попа! Хихикнув, Клавдия ненадолго залезла под душ, после быстренько запахнулась в халат и отправилась за молоком, чтобы сей здоровой «выпивкой» отметить свое сказочное перерождение.

Еще спускаясь по лестнице, очень осторожно, чтобы не заскрипели ступеньки, Клава разглядела в свете искусственного камина спящих на диване: мисс Пума и пристроившийся к ней Персик. Вдвоем они свернулись в большой пушистый клубок. Из него при ее приближении на Клаву глянули недовольные глаза-огоньки.

— Прости, не хотела разбудить, — прошептала она, извиняясь.

Персик ничего не ответил, только зыркнул обиженно и спрятал мордочку обратно к Пуме в подмышку. В любую другую ночь в прежней жизни кот тут же вскочил бы и увязался за «мамулей», ласково обтираясь об ноги, клянча вкусенького для полуночного перекуса. Но сегодня хозяйка ему изменила! Поэтому не удивительно, что он решил изменить ей. Клава вздохнула — всё справедливо, но терять любовь любимца было больно. Вдруг Персик ее никогда не простит? А с Флавианом ничего не получится всё равно, ведь между ними ничего не может быть по определению.

Задумавшись над таким раскладом, Клава чуть не вскрикнула, резко остановившись на пороге кухни. Опомнилась, юркнула за дверь.

Она совсем забыла, что тут обитает призрак Основателя. И не помнила, что Сирена осталась ночевать. Но она и предположить не могла, что увидит этих двоих, увлеченно целующимися! К ее счастью, парочка уединилась на террасе, выходящей на задний двор. И увидела их Клава через кухонное окно, так что сама осталась незамеченная в глубине неосвещенного помещения.

Клавдия еще разок выглянула: да, ей не примерещилось. Русалка держалась сильными руками за перила, ограждающие террасу, ибо на рыбьем хвосте стоять в полный рост вне пузыря с водой без опоры не могла. Основатель усилием воли и остатками магии приклеил к своим губам две дольки мягкого овоща, похожего на помидор. И таким вот образом у этой парочки получалось лобызаться, игнорируя хвост одной и бестелесность другого партнера.

Причем оба отдавались затянувшемуся поцелую самозабвенно. Впрочем, что им еще оставалось? Обнять друг друга нормально не получится, Основатель же говорил, что может одновременно удержать только один небольшой предмет. Вот на губах из помидора они и сосредоточились.

Клаве вдруг стало их обоих ужасно жаль, до слез. Это ж как директрису угораздило втюриться в занудного покойника? Неужто других кандидатов в мужа не нашла, посвежее? Хотя Основателя жаль не меньше: всю жизнь потратил на науку и магию, а чувства настигли только в посмертии!

Промокнув глаза рукавом, Клава вспомнила, зачем собственно пришла. Согнувшись в три погибели, пробралась к холодильнику, благо тот был низенький и свет из воровато приоткрывшейся дверцы с террасы влюбленные не заметят. Потом по-утиному, почти на корточках, с бутылкой молока суккуба покинула кухню.

В спальне ее на мгновение ослепил свет одного бра. Флавиан сидел на постели, ссутулившись, опершись локтями о колени, взъерошенный, сумрачный.

— Молока? — предложила Клава. Забравшись под одеяло и устроившись с комфортом, откупорила бутылку.

— Нет, спасибо.

Клава пожала плечами — и жадно выдула пол-литра, не отрываясь. Закончив, довольно крякнула и облизнулась.

— Наверное, мне лучше уйти, — подумал вслух Флавиан, не глядя в ее сторону. — Инициация прошла успешно, нам больше нельзя...

— Нет! Останься, пожалуйста! — вскинулась Клава. Торопливо придумала причину, пригрозила: — Если ты сейчас уйдешь, я разревусь! И буду рыдать до утра.

— Тебе настолько не понравилось? — не поверил он.

— Не знаю, мне не с чем сравнить, — уклончиво заявила она.

— Всё прошло не так, как ты об этом мечтала? Хранила свою девственность до первой брачной ночи, как подарок на свадьбу? Извини, что спутал твои планы.

— Да нет, не совсем. То есть, пока была маленькая и глупая, так и мечтала. А потом вроде бы и рада была согрешить, но как-то не складывалось. Все девочки ведь мечтают о принце на белом коне, чтобы поцеловал, подвел к алтарю, а дальше — хлоп! — куча детишек, совместная счастливая старость, смерть в один день и общий камень на могиле. Когда становишься старше, понимаешь, что сказок не бывает. Да и сама далеко не принцесса, без полкоролевства в приданом никто не посватается.

Флавиан, выслушав, поежился:

— Надо Пуму спросить, она, как некромантка, уж точно должна была мечтать именно о двойном надгробии с надписью «жили долго и счастливо».

Клава рассерженно пихнула его кулаком в плечо.

— Ай, больно. Чего дерешься? — констатировал инкуб. Актер из него был никудышный, Клаве так и захотелось стукнуть еще разок, побольнее, чтобы сбросил маску напускного безразличия.

Но вместо этого она спросила:

— Сирена была твоей первой женщиной?

— Угу.

— Она же рыба! Рыбам положено метать икру.

— Ну, она тоже иногда мечет.

— Что, правда?!

— Угу. Раз в сезон. Так я пойду?

— Нет, сиди. То есть, лежи.

— Послушай, нам нельзя влюбляться друг в друга... — начал он снова.

Но Клава перебила:

— Кто это тут в тебя собирается влюбиться? Ничего подобного! Но раз уж ты инкуб, а я теперь суккуба, то мы просто обязаны поддерживать друг друга. Так что побудь со мной, как друг, а не как любовник.

— Ты хочешь... — растерялся Флавиан.

— Я другого и не прошу, — проворчала Клава. На доньшке бутылки скопился целый плоток молока, она выпила последнее, запрокинув голову. И добавила: — Впрочем, если ты предложишь провести с тобой ночь во взаимной тренировке для повышения квалификации, я не откажусь.

Флавиан усмехнулся. И, заметно расслабившись, улегся обратно.

— Эй, а кто будет светильник выключать? — возмутилась Клава.

— Ты, — заявил нахал. — У тебя ведь крылья, значит, ты легче на подъем.

— Еще бы я знала, где у этих кристаллов выключатель!

Хмыкнув, инкуб щелкнул пальцами, и свет плавно затух.

— Спокойной ночи, — прошептал Флаф.

— Спасибо, — за всё сразу поблагодарила Клавдия.

6

— Мамуль, спишь?

Нос и щеку Клавы пощекотали пушистые усы, шершавый язык лизнул в подбородок.

— Еще минуточку, Персик... Ну, не надо лизаться!.. — Клава всё никак не могла заставить себя проснуться. Ощущения были такие, будто на дворе первое января, и всю ночь ей не давали заснуть фейерверки и пузырьки шампанского. Хотелось проспать сутки, не меньше. — Лапуль, я сейчас... Иди, похрусти на кухне сухариками, ты знаешь, где пакет с кормом...

— Я уже завтракал! — Довольно мурча, кот плюхнулся рядышком, ощутило привалившись теплым боком к бедру хозяйки, как будто собрался спихнуть ее с кровати. — Пумочка меня покормила вкусеньким мясом. Я хорошо покушал и хочу поваляться с тобой! Ночью ведь ты променяла меня на того парня, я обиделся. Так что теперь гладь меня всего!

С этим заявлением он, невзирая на упитанность, ловко вывернулся из позы «клубочек с ушами» в позу «сарделька с лапками», растянулся вдоль Клавиного бока кверху пузиком, а ей под ухо подставил две своих длинных «лыжи» с розовыми пяточками.

— У-у, зайка, не пинайся... — пробурчала Клава, с трудом разлепляя глаза. Протянула руку потеревить пяточки. Но так и замерла. Захлопала глазами.

Персик не дождался привычной утренней игры «Не смей трогать мои лапки!». С недоумением поглядел на задумавшуюся хозяйку, для чего пришлось слегка напрячь пресс и приподнять ушастую голову. Затем снова лениво откинулся, растянулся — и с истинно кошачьим пофигизмом принялся вылизывать пушистые кулачки.

Клава вспомнила всё, что происходило с ней накануне. И попаданство, и «переквалификацию» в суккубу. Покраснев, она забарахталась, при этом стараясь не помешать коту, сдвинулась на самый край постели и откинула одеяло.

— Мамуль? — недовольно подал голос Персик, оказавшийся внезапно накрытым с

головой.

— Извини, я просто проверила, — отозвалась Клава, вернула одеяло на место. Задумалась еще крепче.

Кровавых пятен, что обожали описывать в любовных романах, на простыне не нашлось. Вообще всё постельное белье выглядело так, словно только что из прачечной — пахнет свежестью, хрустит, как накрахмаленное, ткань белее снега. Неужели Флавиан, прежде чем сбежать от нее утром, поменял белье, и при этом умудрился ее не разбудить? Чудеса! Кстати, почему это он сбежал, не простившись? После всего, что было! Клава обиженно надула губы.

— Персик, ты не переживай, но нам, похоже, придется здесь задержаться, — начала она с осторожностью. Всё-таки кошки очень привязаны к дому, к привычной обстановке...

— Ладно, мамуль, — легко согласился любимец.

— То есть ты не против пожить здесь? — удивилась она.

— Тут интересней, чем дома, — заявил кот. — Мне не нравится тот парень, который дрых с тобой сегодня вместо меня. Еще мне не нравится мрачный прозрачный мужик на кухне. А так всё замечательно, мамуль. Пумочка хорошая. Ты меня понимаешь и не переспрашиваешь по пять раз, о чем я тебе пытаюсь промяукать. Я даже как-то умнее стал, кажется. И лапки у меня...

— Что — лапки? — насторожилась Клава.

— Вот! — Персик гордо показал ей «пятерню» с растопыренными пальчиками и острыми коготочками. — У меня получилось вытащить кости из рыбки! Я сам всё сделал, не плевался и язык не уколел! А скоро вообще научусь кушать с вилкой и ножом, как Пумочка. Здорово, правда? Скажи, мамуль, я уже совсем большой котик, да?

Персик, довольный своими достижениями, прижался к хозяйке, требуя погладить по спинке, от загривка до хвоста. А Клаву до мурашек проняло осознание: коту здесь вправду лучше, чем в родном мире. Начать с того, что здесь в его распоряжении дом с садом. Да и весь городок выглядит безопасным — гуляй, сколько хочется, гоняйся за бабочками без страха попасть под машину. Дома ждет лишь запертая на целый день тесная квартира, скука и одиночество, пока Клава мается на работе. Снова мяуканье вместо осмысленной беседы? Клава и раньше не сомневалась, что Персик разумный зверь, но теперь он доказывает это на словах и на деле! Он и прежде любил изображать белочку, беря в лапки игрушку или наслаждаясь раздиранием ненужных бумажек. Но удержать столовые приборы?!

Вчера в разговорах она выяснила, что разумные звери в Академии, даже не превращаясь в оборотней, в среднем живут до сотни лет. Это еще относительно мало: маги-профессора могут похвастаться полутысячелетней биографией! Половину обычного кошачьего срока жизни в своем мире Персик уже прожил, а значит, самое большее через десять лет ей предстоит с ним попрощаться навечно. Так имеет ли она право стремиться вернуться домой — и тянуть его за собой? За него решать его жизнь, отказываться от предоставленного сказочно удачного шанса?

Да что говорить, они оба изменились! Они оба теперь совсем не те, что прежде. Причем «прежде» — это всего-то сутки назад. Ужас! Как они могут возвратиться к привычному существованию? Не получится делать вид, будто ничего не было!

Попытка осознать все изменения Клавиному мозгу не давалась легко, аж голова разболелась. «Всё равно пока я не могу вернуться, — решила она, досадливо плюнув на слишком сложные размышления. — Вот накоплю достаточно энергии — и опять подумаю

хорошенько. Возможно, тогда я тоже, как Персик, поумнею и сумею найти лучший выход. Хотя это вряд ли, кот-то у меня всегда был умницей.»

Под ворчание любимца она всё-таки вылезла из постели, оставив кота вальяжно потягиваться то вдоль кровати, то по диагонали, и поспешила сперва в туалетную комнату, потом оделась и спустилась вниз.

Как объяснил Персик, искать мисс Пуму следовало в ее домашней лаборатории в подвале. Проголодавшись после бурной ночи, Клава, конечно, предпочла бы наведаться сперва на кухню. Вот только оставаться там наедине с призраком Основателя совершенно не хотелось. Потому, сбежав по лестнице со второго этажа в гостиную-холл, Клава сразу же юркнула в неприметную дверцу, за которой пряталась темная крутая лестница, ведущая в «некромантские подземелья».

— Там плохо пахнет, поэтому я не остался с Пумочкой, а пришел к тебе, — поморщился Персик, пока заботливая хозяйка, перед тем как уйти, устраивала ему уютное гнездо из одеял.

Клава фыркнула: вот и проговорился! Выходит, кот не собирался ее так быстро прощать, просто не хотел оставаться в одиночестве, пока «Пумочка» ушла заниматься своими делами. Вот ведь пушистый предатель!

Обоняние суккубы оказалось не таким острым, как кошачье, потому Клава ничего особенного в атмосфере подвала не учуяла. Немного химических запахов от банок и бутылей, стоящих плотными рядами на стеллажах. Довольно прохладно и не слишком светло: один тусклый светильник над лестницей, чтобы не пересчитать ступеньки, спускаясь вниз, и пара ярких ламп над низким рабочим столом некромантки.

Еще сверху, от двери, Клава заметила, что на столе лежит длинный большой предмет в рост человека, накрытый полотном светлой ткани. Сквозь материю просвечивали разноцветные огоньки, зажигаясь по очереди в загадочном строгом порядке. Поэтому Клава решила не доверять своим глазам, которые уверяли, что под покрывалом, судя по складкам и очертаниям, скрывается труп. Тем более запахом гнилого мяса не тянуло. Пусть Пума подрабатывает в морге — не станет же она брать работу на дом! Наверняка ткань укрывает от пыли какой-то редкостный аппарат, которым некромантка очень дорожит. Ну, или работа.

С усилием поборов в себе внутреннее инстинктивное отвращение, Клава спустилась — и с середины пролета окликнула Пуму. Та настолько увлеченно химичила над разноцветными колбами в дальнем углу подвала, что не услышала топающих шагов.

— Доброе утро!

От неожиданности золотисто-песочная шерсть на загривке большой кошки встопорщилась дыбом. Но оглянувшись и сдвинув на лоб устрашающего вида очки-лупу с автоматическим-магическим-лазерным наведением, мисс Пума коротко рассмеялась:

— А, это ты? Доброе! Говорят: «ранее утро добрым не бывает», поэтому сейчас добрее некуда — час дня на дворе.

— Ух ты! — смущенно пробормотала Клавдия. — Я проспала.

— По уважительным причинам можно, — снова посмеялась Пума. Вернулась к своему занятию, продолжая разговор: — Флавиан скоро вернется, обещал на обед сводить тебя в центральную столовую Академии.

— Ух ты! — снова повторила Клава.

Она понимала, что выглядит глупо, но не знала, ни как реагировать на такое обещание,

ни куда можно деться в лаборатории, чтобы не помешать хозяйке. И куда смотреть в первую очередь, тоже непонятно. На столах были разложены всяческие таинственные инструменты. На нижних полках стояли рядом пузатые бутылки, соединенные трубками и проводами, где в разноцветных растворах плавали куски мышц, кожи, органы вроде глаза на ниточке, уха или даже целой руки с когтями. А еще здесь было множество книг: магическо-электронные досочки-планшеты с плывущим текстом, обычные учебники в гляцевых обложках, старинные гримуары и некрономиконы в окладах из тисненой темной кожи с металлическими пряжками и чеканными уголками. Клава даже не была уверена, что стоящая рядом на столе тарелка с бутербродиками — это заранее приготовленный перекус, а не часть огромного эксперимента. Впрочем, кусочки рогалика с ломтиками сыра выглядели слишком аппетитно для черной магии.

Пума, мельком глянув на свою растерявшуюся гостью через мигающую кристаллами-лампочками лупу, махнула лапой на одну из подушек, разложенных прямо на полу. Клава послушно уселась, подобрав под себя ноги.

— А обед в столовой во сколько? То есть мне пока не завтракать? — уточнила Клавдия.

— В столовой у нас обедать можно круглосуточно, смотря в какое время освободишься от занятий и проектов. Но лучше приходить туда голодной, а то местечка для десерта не рассчитаешь. Десерты там стряпают отменные!

Пума пододвинула ей тарелку, и Клава с благодарностью взяла бутерброд, принялась жевать, продолжая разглядывать диковинки. В ближайшей бутылке, примерно пятилитровой, обнаружилось шевеление. Стоило Клаве сесть рядом, как плавающий в растворе корявый человечек с белесой сморщенной кожей развернулся в ее сторону и принялся строить обидные рожицы. Клава продолжила невозмутимо уплетать бутербродики, благо на тарелке их было еще много. Только делать вид, будто никто перед тобой не вертит голой морщинистой задницей размером с кулак, становилось всё сложнее: от бесшумной возни соседа проснулись гомункулы в других бутылках — и присоединились к развлечению. От некоторых особо бесстыжих дразнилок Клава едва не поперхнулась.

— Суккубу учуяли, похабники, вон как оживились! — усмехнулась Пума. — Знают, что в тебе скоро накопится много живительной энергии.

— Какой-такой энергии?

— От секса же! Источник силы живительнее некуда. После трех-четырех мужиков сможешь из такого вот червяка, — она постучала когтем по одной бутылке, и человечек внутри сразу напыжился, сложил ручки на груди, — за одну минуту сделать вон такую громадину, как на столе там валяется. У меня, профи-некромантки, на его выращивание ушло пять лет!

Пума приподняла покрывало, и Клавиному взору открылась часть безжизненного тела, что привлекло ее внимание с первых минут в лаборатории. Вдоль локтя, покрытого синеватой кожей, тянулась полоса индикаторов из мелких, ярко светящихся вживленных кристаллов, заменявших в этом мире диоды.

— Фу, труп! — невольно передернуло Клаву.

— И ничего не фу! — хохотнула некромантка. — Труп — это то, что умерло. А это никогда толком не было живым.

— Тебе виднее, — вздохнула суккуба.

— Жалко только, что даже тебе, даже после года практики, будет не по силам поднять этого крррасавца, — добавила Пума, явно гордившаяся своей работой. — Зараза жрет

столько энергии, что Сирена меня скоро отключит от сетей Академии за растраты. Совершенствую его, улучшаю, а толку как не было, так и нет. Атомный реактор встроить в него, что ли? Да Совет попечителей не разрешит, эх.

Клава не решилась приподнять покрывало на лице большого гомункула. Судя по развитой мускулатуре и немалому росту, Пума лепила взрослого молодого мужчину человеческого вида. Наверняка и с лицом постаралась, супермена с квадратным подбородком наваяла. Посмотрит Клава — и мало ли, влюбится с дуру в недоделанную куклу? Лучше уж сдержать любопытство от греха подальше.

— А из чего ты своё чудище Франкенштейна сшила, если, говоришь, в морге у вас вечная мерзлота и пустота? — спросила Клава. — Откуда трупы берешь? У вампиров покупаешь объедки?

— Ты меня которым ухом вообще слушала? — слегка обиделась на глупое предположение Пума. — Во-первых, у вампиров своя лаборатория по синтезированию крови, они у нас тут почти травоядные, пацифисты. Во-вторых, у мертвой ткани свои заморочки: консервируй ее, да так, чтобы эластичность и регенерацию сохраняла, да сшивай от разных доноров, да угадывай, у какого исходника на что аллергия есть, а что для него яд чистой воды. И нет у нас в морге трупов, просто для проформы организовали холодильники, чтобы были, если от Министерства комиссия нагрянет с проверкой. Профессора помирать не спешат, они и в шестисотлетнем возрасте все бодренькие, как огурчики-корнишоны, все в бородавках. А если кто и помрет вдруг, себе на удивление — так тех после панихиды сразу на кладбище, зачем им долго лежать? Да и холодильники им не нужны, они все усушенные, как мумии, гнить нечему. Только и мне для ремесла взять с них нечего: кости ломкие, кожа пергаментная, тьфу!

— А студенты? — заикнулась Клава.

— Ты что! — возмутилась кошка-некромантка. — Если у нас студент окочурится, нас же Министерство следствием замучает! Нет-нет, никогда у нас такого не было. И не будет!

— Извини, я думала, некроманты именно по трупам, — повинулась Клава.

— Я практикую на чистой экологичной органике! — ударила себя в пушистую грудь лапой Пума. — Раньше даже приходилось самой материал собирать: в мужских туалетах вешала плакаты, ставила баночки, чтобы студенты спермой не разбрасывались, а сдавали для научных целей. Теперь хорошо Флавиан помогает, растолковывает парням, чтобы бережнее к сперме относились, не швырялись ценной субстанцией в канализацию.

— А... — смутилась Клава столь откровенных подробностей, но интересно было ужасно. — А с девочками как?

— С женскими клетками проблем никаких — Сирена в сезон размножения столько икры сбрасывает, хоть в банки закатывай! Впрочем, кое-кто впрямь солит. Потом, будет случай, свожу тебя попробовать — шикарная закуска к виски! Ты как к алкоголю, кстати, достаточно взрослая? Хотя о чем это я, была бы ты несовершеннолетняя, Флаф с тобой не связался бы.

Клава поморщилась:

— Разве это не каннибализм?

— С чего бы? Икринки-то неоплодотворенные.

— То есть директриса не замужем? — осторожно уточнила Клава, вспомнив ночную сцену на веранде за домом.

— Есть у нее любовник, тоже из водных полулюдей, — продолжала с удовольствием

сплетничать Пума, не забывая между тем и делом заниматься. — Но свадьбы никто не ждет. Любовь у нашей Сирены безответная, на всю жизнь, представляешь! Так что в бассейне поплескаться с кавалером и икру в брачный сезон сбросить — это одно. А с фатой под венец — только с возлюбленным! А возлюбленный не из тех, кто букет лососей принесет в Междупланетный день Семьи и Брака.

— Лососей? — перебила Клава в недоумении.

— А, ну, это у моего народа принято невесте лучшую рыбу нести, когда решишь предложение делать, — пояснила кошка. — В поговорку вошло.

— Как практично, — оценила Клавдия.

— И вкусно, и удобно — жениха сразу этим подарком и накормишь, чтобы у плиты не стоять в праздник, — покивала некромантка.

Клава краем глаза заметила, как между столбиками лестничных перил мелькнули заинтересованные уши. Показалось или впрямь Персик подслушивал девичью болтовню и «наматывал на ус»? Ничего себе амбиции в котёнке пробудились! Неужели лососей теперь пойдет разыскивать?

— Что? — обернулась к ней Пума, обратив внимание на вытаращенные глаза собеседницы.

— Н-ничего, — пролепетала та, поспешно отвернувшись от лестницы. Случайно наткнулась взглядом на выплясывающих в своих бутылках непристойные танцы гомункулов, не удержалась и показала им язык. — Слушай, а этот возлюбленный директрисы...

— Призрак Основателя! В прошлом закоренелый отшельник и женоненавистник, — громким шепотом поделилась секретом Пума. Добавила со смешком обычным тоном: — В эту тайну посвящена вся Академия, не переживай. Только парочке в глаза ничего не сболтни случайно, они стесняются своего ненормального романа.

— Я? Нет! Что ты, я ни за что! — шепотом поклялась Клавдия.

— Это я для него тело пытаюсь сделать, — кивнула в сторону большого гомункула Пума. — Он давно требует от меня оболочку, хоть какую-нибудь. Якобы, бесплотный дух не имеет права голоса в Совете Академии. Представь, каково ему это терпеть? Основатель, старейший чародей в Академии — не имеет права участвовать в важнейших решениях администрации! Вот и поселился у меня тут, стоит буквально над душой. Пользуется тем, что мой коттедж ровно в пределах его досягаемости. Слишком-то далеко от кладбища беспокойный призрак отойти не в состоянии.

— А ты, значит, делаешь такое тело, чтобы и Основателю угодить, и Сирена осталась бы довольной, — поддакнула Клава.

— Схватываешь на лету! — похвалила некромантка. — Быстро у нас освоишься, молодец.

Клава промолчала. Что тут ответишь, если сама еще не знаешь, какую выбрать для себя судьбу. Причем что самое страшное — выбирать придется именно ей самой. Никто не подскажет правильного решения, потому что оба могут быть правильными. А могут и не быть. И если ошибешься, потом жалеть будешь всю жизнь до самой смерти. И не на кого будет свалить ответственность и вину за промах... Никогда еще в жизни, кажется, Клавдии не было так тяжело. Голова словно под свинцовым котелком гудела и соображать отказывалась. А ведь так нужно трезво взвесить все «за» и «против»...

Как и было обещано, Флавиан вернулся! Довольно быстро, Клавдия даже толком соскучиться не успела. Так, погрузила чуть-чуть, представляя, как инкуб в этот самый

момент вполне может соблазнять какую-нибудь красотку. И вот вдруг — он, собственной персоной.словно луч света в темном царстве. Нет — ангел на вершине лестницы, ведущей в райские врата!..

Без шуток, Флавиан на самом деле нашел момент — ворвался в подвал именно тогда, когда Пума погасила все светильники и огоньки ради какого-то сложнейшего алхимического процесса, который должен проходить обязательно в крошечной тьме.

— Простите, что задержался, дамы!.. — едва успел воскликнуть инкуб, тотчас был нещадно обруган некроманткой за сорванный эксперимент и вытолкан за дверь.

Клаву выставили за компанию. Впрочем, она и не сопротивлялась, насмотрелась уже на гомункулов.

— Привет, коллега, — улыбнулся ей Флавиан.

Клава приказала себе не краснеть от этой улыбки, хотя понятия не имела, возможно ли сознательно управлять цветом собственных щек. В общем, она очень старалась... и от натуги краснела еще больше, поглядывая на инкуба из-под ресниц.

— Привет, сэмпай, — парировала она.

— Извини, что сбежал утром, не попрощавшись, — повiniлся Флаф. — Хотя я не сбежал формально, просто торопился...

— Ой, а как тебе удалось сменить постельное белье? — вырвалось у Клавы.

— Что, прости? — не понял тот.

— Ну, — мгновенно смешалась она, прикусила язык, да уж поздно, пришлось объяснять. — Я не нашла никаких пятен, поэтому подумала, что ты... Извини, глупость в голову пришла.

— Нет-нет! Не глупость, вовсе нет.

Флавиан удержал ее за руку, чтобы она не пыталась от него сбежать и не отворачивалась. Подвел к гостининому уголку, усадил на диван рядом с собой. Клавдия была готова от смущения сгореть заживо и рассыпаться пеплом, лишь бы не чувствовать на себе его взгляд...

— Ой, черт! — взвизгнула она и со всей силой вцепилась в охнувшего инкуба.

Из-за ее опрометчивого желания сгореть пол под ногами зыбко прогнулся, стал просвечивать иной реальностью. Клава уже знала, какие страшилища могут ее ждать в иных вселенных, потому и ухватилась за самого близкого и надежного человека, какой был у нее в этом мире.

— Всё прошло, не бойся, это был секундный всплеск искажения пространств, — тихо проговорил Флавиан, успокаивающе поглаживая ее по спине. — Теперь ты суккуба, ты не провалишься в чужие миры. Ты крепко привязана к нашему, это был только отголосок вчерашней волны возмущения континуума. Выдохни. И вдохни. Глубже. Да, вот так.

Клава слушала его уверенный голос. И послушно стала дышать. Надо же — сама не заметила, как задержала дыхание! Эдак в обморок можно упасть... Вот только как бы после объятий снова не схлопотать приступ стыдливости, снова не вспыхнуть — так ведь заколдованный круг получится.

— Всё хорошо, всё нормально, — продолжал убаюкивать ее страхи Флаф. Решил, что эффективней всего будет отвлечь внимание. Достал из кармана принесенные для Клавдии браслет-коммуникатор и медальон-ограничитель: — Смотри, я утром сходил на кафедру артефактов и техномагии, там для тебя уже приготовили и настроили всё заранее. Давай, я застегну.

Клава послушно подставила шею под цепочку и запястье под браслет. Краем сознания, скованного стыдом, заметила, что браслет оказался гораздо легче, чем можно было подумать. Да и медальон моментально нагрелся, цепочка на коже совершенно не ощущалась чужеродным непривычным предметом. Напротив, с этой «полезной волшебной бижутерией» Клава сразу почувствовала себя как-то даже уверенней.

— Медальон послужит тебе дополнительным якорем, удержит в нашем пространстве при любых обстоятельствах, — объяснил Флавиан, заботливо поправляя ей волосы. — Основная его функция — накопитель энергии. Как суккуба ты будешь забирать лишнюю энергию у партнеров и накапливать не прямо в себе, а в медальоне. Так ты не повредишь свое тело, которое пока будет продолжать перестраиваться, подлаживаться под твою новую сущность. Как работает коммуникатор, я покажу тебе чуть позже. А что касается простыней...

Клава, успевшая расслабиться, снова превратилась в натянутую струну.

— Прости, что не сказал тебе раньше, но обо всём сразу рассказать просто невозможно, столько разнообразных нюансов тебе предстоит узнать. Чистота постелей после полового акта — это одна из приятных особенностей дара инкуба и суккубы. После бурной ночи страсти постельное белье всегда останется чистым, как только что из прачечной. Удобно и даже забавно, правда? Этой ночью в постели были одновременно мы оба, дар суккубы и инкуба срезонировал, поэтому белье сделалось чистым настолько, что ты сразу обратила на это внимание. На счет пятен крови... — продолжил Флаф, и теперь он сам отвел глаза, смутившись. Через силу договорил: — Ты не лишилась девственности в привычном для людей понятии. Тело незамужней суккубы всегда будет выглядеть, как тело невинной девушки, просто потому, что определенные... хм, участки кожи и полости обладают особенной эластичностью. То есть любой из следующих партнеров сможет с полным правом посчитать, что он у тебя первый. Сколько бы мужчин ни было — каждый, как первый. Это вовсе не значит, что тебе придется терпеть болезненные ощущения, вовсе нет! Просто твое тело чутко подстроится под любого партнера, принимая любой размер мужского... хм, орудия. То есть...

— То есть, я стала, как резиновая секс-кукла? — поджала губы Клавдия. — Сначала приму кентавра-верблюда и тут же подтянусь для гномика? И со всеми буду невинной девой.

Флавиан поднял на нее растерянные глаза, взмахнул трепетными ресницами:

— Я не могу сравнить, я не занимался этим с резиновыми куклами. Но точно скажу одно: ты сведешь с ума любого.

Клава поднялась с дивана, отошла на пару шагов. Ей сделалось как-то тяжело и душно оставаться с инкубом наедине.

— Пума сказала, что ты отведешь меня пообедать. Я вообще-то еще толком не завтракала.

— Да, разумеется! — вскочил, засуетился Флаф. — В столовой ты увидишь разнообразие нашей Академии! Это очень интересно, ты будешь впечатлена, обещаю!

— Да я уже под впечатлением, — пробормотала Клавдия. Добавила громче: — Ты уже подобрал мне нового партнера для вживания в роль суккубы?

— Разумеется, — кивнул Флавиан, резко перестав улыбаться. — Как раз за обедом я представлю его тебе. Очаровательный паренек, он тебе придется по душе.

Клава пожала плечами.

Она переделалась для выхода в присланное из ателье новое платье — всё-таки

центральная столовая Академии это почти ресторан, значит, следует выглядеть нарядно. Чмокнула в носик Персика, (пусть кот делал вид, будто крепко дрыхнет без задних лап, вообще не вылезал из кровати и в подвал не заглядывал). И смело отправилась навстречу новым приключениям.

7

Столовая оказалась вполне нормальной, Клавдия даже чуть-чуть разочаровалась. Никаких летающих столов или парящих над головой авто-раздатчиков. Посетители просто подходили к длинному прилавку из застекленных холодильников, и добродушная тётка раскладывала порции по тарелкам. Ну, разве что высокие окна с витражными вставками напоминали, что это всё-таки столовая в Академии магии. И у тётки было шесть рук, а не две. Студенты, конечно, тоже отличались разнообразием. Однако Клава поймала себя на мысли, что как-то слишком уж быстро она привыкла к местному колориту. Смотреть на всяких чудищ и мутантов было по-прежнему интересно, а вот хлопнуться в обморок с испугу больше не тянуло.

Флавиан помог выбрать и заказать аппетитный кусок пирога с ягодами, напоминающими малину. «Псевдо-кофе» Клава уже научилась определять сама.

Когда сели за столик в углу, возле окон, из которых открывался вид на город, она заметила еще одно, но существенное отличие этой столовой от земных — тут в принципе не было грязи. Никакой! Стоило упасть капельке из чашки на скатерть, как пятнышко тут же исчезало без следа. Такое же загадочное исчезновение происходило с крошками от пирога, попавшими мимо тарелки. Клава сразу догадалась, что здесь не обошлось без специальных чар чистоты. Стало любопытно: если кофе вылить не на скатерть, а на юбку, пятен тоже не останется? Или чары не действуют на не включенные в замкнутую систему объекты типа посетителей? Или действуют, но сперва успеешь заорать, ожегшись горячим напитком? Или от ожогов здесь тоже есть специальные чары?..

Пока она была занята сомнениями и предположениями, Флавиан что-то увлеченно выискивал в своем коммуникаторе и хмурился. Клава решила, что с таким мрачным лицом можно только проверять расписание пропущенных лекций и подсчитывать не зачтенные рефераты.

— Можешь пялиться, — пробормотал он.

— Что, прости? — не поняла Клава.

— Ты исподтишка разглядываешь окружающих, — пояснил Флавиан, оставив наконец-то свой браслет в покое и занявшись собственным завтраком, состоящим из чего-то фаршеобразного, явно белкового, и горки каких-то малопонятных сизо-сиреневых овощей в желтую крапинку. — Так невежливо.

— Я просто... — смутилась пойманная с поличным Клава.

— Если хочешь смотреть, то просто смотри, прямо и не скрываясь, — посоветовал инкуб. — Все новички в Академии по первому времени ходят с открытым ртом, это нормально. В ответ все получают право разглядывать тебя.

— Я подумала, что если стану глазеть, кто-нибудь может принять это за вызов с моей стороны, — оправдывалась Клава.

— Но теперь они все решили, что в твоём мире запрещено рассматривать существо прямо, поэтому все тоже из вежливости рассматривают тебя украдкой. — Флавиан усмехнулся, оглянувшись вокруг. — По мне, так это еще нелепей. В конце концов, ты здесь удержишься на некоторое время, поэтому новые знакомства будут не лишними.

Клава собралась с духом и последовала совету, принялась открыто вертеть головой. Верно Флаф сказал: вон, у одного чудика глаза на палочках от усердия не косятся в ее сторону заплелись в косичку, все пять штук. У желеобразного толстячка три глаза уползли на затылок. Впрочем, большинство сидящих за столиками были более или менее человекоподобными. Встретившись взглядом с Клавдией, они отвечали на улыбку широкими улыбками, кивали ей, приветливо махали руками (или плавниками). Она даже выдержала улыбку, наткнувшись взглядом на дружелюбный скелет, который на ее кивок галантно приподнял шляпу-цилиндр на голове. К великому ее облегчению никто не подходил, чтобы познакомиться ближе.

— Этот сектор столовой предназначен для плотоядных гуманоидов, — пояснил Флаф. — Но сюда заходят многие из других разделов — здесь лучшая кондитерская во всем Академгородке.

— Что правда, то правда! — раздалось над ухом Клавы смакующее чавканье. — Здешние повара знают толк в сладостях и вкусняшках! Зато за лучшей выпивкой все приходят к нам в клуб.

— Познакомься, Клавдия, это Василий, — представил Флавиан подсевшего к ним парнишку. Тот успел купить себе вафельный рожок с мороженым, которое теперь капало ванильно-клубничными подтеками ему по пальцам — что чавканье и услышала Клава. — Василий из рода славянских винно-водочных чертей. Возможно, ты даже читала что-нибудь о жизни его предков в произведениях классиков твоего мира.

— Ликёро-водочных! — поднял вверх измазанный палец Василий. Задорно улыбнулся Клаве: — А бабуля моя вообще из аристократок — из шампанско-коньячной породы. Очень рад познакомиться! Руки пожимать не станем, отложим с вашего позволения. — Хихикая, он поспешил догнать мороженое, докапавшее до самых манжет его красной атласной рубашки.

Помятуя наставления инкуба, Клава не постеснялась рассмотреть нового знакомого. Похож на человека, на мальчишку лет семнадцати, только кожа цвета фисташкового пломбира. При всей любви к сладостям на удивление довольно щуплый, как не успевший нарастить мяса на костях подросток. Кудряшки на голове пушистые, ярко-изумрудного цвета, стоят торчком, на макушке виднеются недлинные рожки с округлыми кончиками, не то полированные, не то покрытые блестящим лаком. В острых ушах по пять штук сережек, еще пирсинг в курносом носу, смахивающем на пяточок поросенка. Когда Василий хихикал или облизывал вафельный рожок, то забавно прихрюкивал.

Быстро расправившись с одним рожком, Василий незамедлительно отправился за добавкой:

— Клава, тебе взять за компанию? — предложил он. — Рекомендую ореховое, пальчики оближешь!

— Да, пожалуй, — кивнула она, смущенно заулыбавшись в ответ.

— Облизывайте, что хотите, а мне пора, — проворчал Флавиан, поднялся с места. — Василий, поручаю тебе нашу новенькую, развлекай ее до вечера.

— Отлично! Развлеку хоть до утра! — пообещал тот.

— В любое время можешь вызвать меня по коммуникатору, — склонился Флаф к ней, якобы чмокнуть в щеку на прощанье. — Василий вертихвост, но порядочный. Если не приглянется, просто откажи ему, он поймет.

— Л-ладно, — пролепетала Клава.

Она проводила растерянным взглядом инкуба. И запоздало сообразила, что не успела

выяснить, как же работает этот самый «мобильный» браслет. Поморгав, она перевела взгляд на бёсенка, приплясывающего в нетерпении возле витрины с мороженым, пока буфетчица выполняла его мудреный заказ. Василий переступал с копытца на копытце, скручивал спиралями подвижный хвост, ради которого в его полосатых красно-зеленых брючках была проделана дыра пониже поясницы. На конце хвоста у него была кисточка помпоном, украшенная атласным бантиком, красным в белый горошек.

— Я взял на свой вкус! — объявил он, вернувшись. Довольная мордашка сияла, когда чертенок водрузил на стол две немаленькие вазочки, в которых горкой высились шарики мороженого разных сортов и оттенков.

— Вот это из аналога вашего шоколада, — усевшись на место напротив, Василий стал указывать ложечкой на длинном черенке. — Вот это из ягоды вроде вашего киви. Кстати, я пробовал — прикольный фрукт, волосатый такой!

— Да, мне он тоже нравится, — закивала Клава, подумав, что с таким общительным пареньком она легко сможет найти темы для разговора.

И она не ошиблась. Вернее, не ошибся Флавиан, передав начинающую суккубу под попечение чертенка из клана винно-водочных бесов. Уже через каких-то полчаса болтовни ни о чем Клава чувствовала себя уверенно и свободно. Язык развязался, в голове было легко, как будто она выпила пару бокалов шипучего веселого вина. Василий хихикал, пытался шутить, не всегда остроумно, правда, но щедро добавлял живой мимикой. Он отвечал на все ее вопросы и даже на те, какие она не успевала задать вслух, пока рот ее был занят ледяным лакомством. Вдвоем они быстро разобрались с ее коммуникатором, позвонили Флафу, который нашипел на них и быстро отключился, так как сидел на лекции у строгого профессора. Для тренировки они вызвали еще Вильгельма — того самого вампира, с которым Клава познакомилась на вчерашнем ужине. Оказывается, Василий, Флаф, Виль и Эдди (пони-кентавр-курьер) — все вместе были хорошими друзьями.

— Были бы не-разлей-собутыльниками, но каждый предпочитает выпивку по своему вкусу, — хихикнул Вася. — Виль пьет только кровь, Эдди предпочитает свежесжатые соки, а я люблю молочные коктейли.

Вампир, как и положено вампирам днем, спал.

— Хватит дрыхнуть, соня! — заорал Василий, нагнувшись к браслету, когда в кольце голографического экрана, повисшего в воздухе над столом, отобразилось заспанное лицо черноволосого красавчика.

— Что? Кто? Сколько сейчас времени? — пробормотал вампир, не сразу поняв, кто ему названивает.

— Солнце высоко, птички поют! Жизнь кипит! А ты всё дрыхнешь?!

— Я сова, мать твою! — рыкнул Вильгельм. — Хватит уже прикалываться, иначе я тебя сам подловлю и приколю на оба клыка!

— А я тебя забодаю! — парировал бесенок, веселясь.

Но проморгавшись и отбросив мешающие встрепанные волосы с лица, Вильгельм наконец-то заметил пунцовую от неловкости суккубу.

— А, мисс Клава? — улыбнулся вампир, мигом сменив приятельский гнев на флиртующую вежливость. — Выходит, благодаря этому оболтусу у меня есть ваш номер? Какая приятная неожиданность.

— Извините за эту шутку, — пролепетала Клава. — Я не сообразила, что у вас другой режим дня.

— Кажется, вчера мы перешли на «ты»? — вспомнил вампир, изо всех сил строя глазки.

Кстати, полусонный и рычащий он понравился Клаве больше, чем проснувшийся с джентльменским мурчанием искусителя. Хватит с нее одного инкуба... Хотя это же шайка приятелей, что ж с них взять.

— Вчера? Не помню, может быть, — натянула улыбку Клавдия. И поспешила попрощаться. Отключив коммуникатор с пятой попытки, выдохнула с облегчением.

— Чаю с пироженками хочешь? — поглядев на нее, не стал ничего комментировать Вася.

Клава помотала головой — она и так объелась мороженым. Спросила, как заплатить по счету, на что бесенок подробно разъяснил: на территории Академгородка все заказы автоматически считываются тем же самым коммуникатором, а стоимость товара или услуги автоматически же вычитается с личного баланса. Василий показал, как проверить ее баланс.

— Ого! Тебе аванс уже перевели! Гляди-ка, оклад сделали даже больше, чем у Флафа! Как тебя Сирена оценила — почти на вес золота! Вот Флаффи обзавидуется! Хотя, наверное, он уже в курсе.

Клава посмеялась за компанию, а сама подумала с опаской: чем же ей придется расплачиваться за такие щедрые условия труда?

— Флаф-то, бедняга, крутится, как белка в колесе, — продолжал Василий, пальцем подбирая из вазочки последние растаявшие капли мороженого, — отрабатывает каждую монетку. Вот сейчас покажется на лекциях, а потом побежит по свиданьям. Вчера-то сколько у него встреч сорвалось! Считай, день, весь вечер и ночь пропали. Девчонки ему, наверняка, весь коммуникатор взорвали от возмущения — всех их на одну тебя променял!.. Ой! — он застыл с пальцем во рту. — Клав, ты только не говори ему, что я тебе сказал, потому что он просил меня тебе не говорить. Ладненько?

— Да мне-то что? — пожала плечами Клавдия. — Я знаю, что у него много клиентов.

— Много — не то слово! — завистливо вздохнул чертенок. — Счастья своего не понимает мужик. Мне б его работу, уж я б девчонок в очереди на конец недели не записывал — всех бы сразу! Гаремом! У-у!..

Клава не удержалась: подцепив на кончик пальца молочную капельку из своей вазочки, мазанула замечтавшегося Ваську по носу.

— Идем гулять, гаремщик! Столько мороженого слопали — пошли, растрясем жирок!

— Зачем что-то трясти? — недоуменно оглядел ее чертенок, особенно уделив вниманию тылу. — Ты ж суккуба, у тебя идеальные формы! К тому же я знаю получше способ, как можно эффективно и быстро согнать лишние калории.

Клава погрозила ему пальцем, и чертенок послушно заткнулся, но заухмылялся при этом очень вызывающе.

Пока гуляли по территории Академии, Василий больше никаких намеков себе не позволил, за что Клава была ему благодарна в глубине души. Она понимала, что Флаф выбрал для нее самого лучшего первого клиента, чтобы ей было легче освоиться в своей новоприобретенной специальности. Но как-то это всё получалось слишком быстро, из старой девы разом превратиться в леди-вампа — это же стресс, как ни крути!

Сначала Василий водил ее по самым «туристическим» достопримечательностям Академии: посмотрели на бронзовый бюст Основателя в пересечении центральных коридоров. В актовом зале послушали репетицию сводного хора эльфов и волков-оборотней с кафедры бардов и поэтов-заклинателей. Побывали в читальном зале библиотеки отдела

религий и фольклора. Прошлись по дорожкам внутреннего дворика профессорского сектора, послушали пение фонтана, сверкающего хрустальными струями среди вечно цветущей зелени.

— Пряма как Хогвартс! Только лучше, спокойнее, — вырвалось у Клавы.

— Неа, тут задействован в корне иной принцип использования пространства и смежных параллельностей, — возразил Василий. Поймал ее удивленный взгляд: — Что? Я вообще-то на архитектурном учусь, а не мух хвостом гоняю!

Он подробно рассказал, какие предметы преподают в Академии на разных кафедрах и факультетах. Клава тотчас загорелась идеей: если ей придется здесь остаться, то почему бы не пойти на биологический, чтобы изучать разницу в строении организмов человека и человекоподобных существ? С другой стороны, культурология её тоже интересовала. А еще, как суккубе, было бы не лишним просветиться в области энергообмена и энергопотоков.

Василий ее горячо поддержал сразу во всех направлениях: схватил за руку, потащил в другой корпус и после петляния по коридорам втолкнул в тесную библиотеку, где с трудом можно было развернуться от набитых в шкафы книг. Подключив к суете мирно дремавшую на своем посту библиотекаршу с классическим пучком седых волос на голове и в круглых очках, винно-водочный бесенок быстро нагрузил Клаву стопкой тяжелых книг.

— Здесь всё простенько, написано легко и доступно, научно-популярные труды, — заверил он, не слыша ее жалобных просьб остановиться и больше не рыться по шкафам. — Эти учебники для начинающих помогут тебе определиться, действительно ли тебе будет интересно углубляться в сложную и захватывающую тему биологии! А эти про культуру. А эти про биоэнергетику. Ну, на досуге будет что полистать. По идее тебе надо бы сперва проучиться в Школе, а уже потом поступать в Академию. Только боюсь, родительский комитет выдвинет протест, ха-ха! Это ж будет вопиющая несправедливость — у одной ученицы сплошные пятерки, а у всех остальных, особенно мальчишек пубертатного возраста, сплошные двойки! Догадайся, почему?

— Уж даже не знаю! Ума не приложу! — Клава сообразила просто отойти от «взбесившегося» на почве любви к науке беса, плюхнула выбранные книги на стол смотрительницы. Стала перебирать и поняла: — А как я это читать буду, если тут всё на вашей магической латыни написано?

Василий мимоходом кивнул библиотекарше:

— Отметьте нам, пожалуйста. — И подошел к Клаве, заглянул ей через плечо в раскрытую книгу: — И здесь нас опять выручит наш любезный коммуникатор! Нажимаешь вот на эту пимпочку, даешь голосовую команду: «Перевод текста!» — и читаешь. Можно даже в темноте без фонарика. Удобненько?

— Угу, — согласилась Клава. Улыбнулась — чертенок успел заразиться от нее ее любимым словечком.

Коммуникатор выпустил луч света, который прямо поверх книжной страницы наложил копию текста, только уже на чистом русском языке. С небольшими опечатками, правда, но нечастыми и простительными. Теперь-то Клава прониклась уважением и даже толикой почтения к тонкой технике, маскирующейся под безвкусный браслет с разноцветными стразами.

— Крутотень! — оценила она. — Волшебство!

Полистала книгу дальше, отмечая, как моментально накладывается перевод на страницы, даже все сноски на графиках и пояснения на иллюстрациях изменялись на

родную кириллицу за мгновение ока — в прямом смысле слова, Клава успевала только моргнуть.

— Не волшебство, а техно-магия, — заулыбался Василий. — Ладно, потом считаешь.

Он отобрал у Клавы книжку и пояснил библиотекарше, что всю стопку следует отправить в дом мисс Пумы, где квартируется суккуба.

Услышав о суккубе, библиотекарша поглядела на Клаву поверх очков:

— Вот вы какая, значит, милочка. Повезло же Основателю.

— В чем это ему повезло? — не поняла Клава.

— Как это в чем? Такая соседка замечательная теперь у него! — отвела взгляд та. — Скучать не придется.

«Ведьма!» — подумалось Клаве. Почему интуиция подкинула ей такую неожиданную мысль, она понятия не имела. С другой стороны, в Академии магии про любую женщину можно сказать «ведьма» — ошибёшься едва ли!

Когда покинули библиотеку, Клава расспросила спутника о Школе, про которую он упомянул. Оказалось, при Академии имеется кроме подготовительных курсов для взрослых студентов еще и самая настоящая школа-интернат для несовершеннолетних магов и волшебниц. Получившие там образование юноши и девушки могут по желанию продолжить обучение в самой Академии, обычно их зачисляют сразу на третий курс. Но большинство уже после Школы становятся отличными специалистами в своей области, ведь в школе преподают те же профессора, что и в Академии.

— Ох уж эти малявки! — покачал головой Василий. — Такие шустрые, на общих олимпиадах иные младшеклашки взрослым пятикурсникам носы утирают.

Разумеется, Клаве стало любопытно посмотреть на Школу и школьников. Василий предупредил, что войти на территорию без специального пропуска они не смогут, но через забор, разделяющий общий фруктовый сад пополам, вполне возможно подсмотреть за жизнью детворы.

— В некоторых семьях получается, что старший брат учится в Академии, а младший поступает в Школу, — пояснил Василий, пока они брели по вытоптанной в траве тропинке под сенью раскидистых яблонь и прочих деревьев, чьи ветви приходилось подпирать специальными шестами, чтобы они не обламывались под тяжестью плодов. — Вот не позавидую я их родителям! Но одно хорошо — обучение бесплатное, отпрыски на полном довольствии. Вот, — он сорвал попавшийся под руку фрукт, напоминающий сливу размером с яблоко, протер о рубашку и презентовал Клаве: — Даже витамины свежайшие круглый год — всё предусмотрено для растущего организма!

Они пришли вовремя: на лужайке по ту сторону узорно-кованого забора мальчишки лет двенадцати выясняли, кому из них носить учебники за барышней лет четырнадцати. Сама «Елена Прекрасная» сидела поодаль со скучающим видом и трескала за обе щеки яблоки, коих у нее был набран полный подол форменной клетчатой юбки. Зрителей и болельщиков набилась целая поляна, все они шумно подбадривали соперников. Дуэль проводили под строгим контролем старшекласника. Разумеется, оружием была избрана магия.

— А, мы тоже так развлекались! — хихикнул Василий. — Состязание в меткости — победит тот, кто любым способом собьет с соперника кепку. Магам-стихийникам, конечно, удобнее всего — сдул ветром, и всех делов!

Он не думал прятаться за кустами, поэтому и Клавдия спокойно встала в нескольких шагах от забора. Приятно было посмотреть на воспитанных детей, которые не употребляют в

общении друг с другом матерные слова, не обзываются зазря. И одеты точно как на пасхальных открытках рубежа прошлого и позапрошлого столетий! Штанишки с подтяжками, жилетики, картузы, клетчатые рубашки, полосатые гольфы. На Клавин взгляд немного выбивались из старомодного образа кислотно-яркие кроссовки, но, видимо, такой в этом сезоне тренд среди молодежи.

Следя за дуэлью, Клава не сразу заметила обращенный на нее самый внимательный взгляд. Равнодушный к общему развлечению голубоглазый златокудрый херувим подошел к ним, без стеснения разглядывая ее сквозь прутья забора.

— Сестрица, а ты суккуба? — спросил он прямо.

— Как ты догадался? — заволновалась под пристальным взглядом Клава. Оглянувшись, пощупала рукой: вроде бы крылышки из спины не торчат, хвост тоже не вылез.

Мальчишка не ответил, усмехнулся хитро и самодовольно. И вдруг завопил во всю силу легких:

— Эй, дурики! Плюньте на вашу тощую курицу, глядите сюда! Вот такой должна быть настоящая баба! Суккуба! Это вам не ведьма-задавака с косичками!

Тут же штормовой волной из мальчишек чуть не снесло забор. Клава шарахнулась назад, всерьез испугавшись, что столбы не выдержат, рухнут на нее. Но нет, даже не погнулись под любопытной мелюзгой, повисшей гроздьями, держась-цепляясь за прутья и кованые завитки.

— Чур, на нашу сторону не перелезть! — повысил голос Василий. — Забыли? Автоматом штрафные баллы получите за нарушение!

— А правда суккуба? А чо, настоящая? Всамделишная? Реальная суккуба? — с благоговением тараторили и шушукались мальчишки кто еще звонкими, а кто уже басовито-ломающимися голосами, с заметной хрипотцой от волнения.

— Правда-правда! Натуральная суккуба! — авторитетно подтвердил Василий. Прошелся перед забором с видом то ли профессора перед кафедрой, то ли игумена перед послушниками. — Вот, смотрите и запомните хорошенько: если будете прилежно учиться, сможете поступить в Академию. А у нас в Академии отличникам полагается свидание с суккубой, чтобы, значит, сбалансировать внутреннюю энергию...

Но его перебили, терпения не хватило у молодежи дослушать старших:

— А у меня уже энергия разбалансировалась! — завопил кто-то смелый с «задних рядов». — По-взрослому! Мне уже нужна помощь! Помогите, тётенька! Спасите!

Все загоготали, наперебой принялись выкрикивать: «И мне! Мне тоже!»

— Мартышки! — фыркнула Клава.

И вдруг вскрикнула, метко получив яблоком по голове. Обернувшись, встретила глазами с ненавидящим взглядом — та самая «Елена Прекрасная», теперь уже поверженная соперницей в лице Клавы.

— А вот за это кто-то получит мытье туалетов вне очереди! — пригрозил Василий и поспешил увести слегка дезориентированную спутницу.

«Елена» ему в спину некрасиво показала язык, за что сразу же подверглась жестокому осмеянию от бывших своих поклонников.

— Ангелочки! Тоже мне, ангелочки!.. — бормотала Клава, обиженно потирая шишку на голове. — А если бы она камень кинула? От ревности! И таких вот головорезов здесь обучают магии? Да они же мир взорвут!

— Без обучения точно взорвут, и не почешутся, — поддакнул Василий.

На краю сада он вдруг развернул ее за локоть и прижал спиной к стволу дерева.

— Ты чего? — пискнула Клавдия.

— Головная боль — это специализация моей семьи, — пробормотал чертенок, прижавшись к ней всем своим довольно-таки тощеньким телом. — Похмелье, бодун, мигрень...

— И ушиб? — скептически вскинула брови Клава, но отталкивать от себя беса не стала, очень уж он трепетно дышал ей в шею.

— И ушиб тоже. Можно мне тебя поцеловать? — робко спросил он.

— А надо? — уточнила Клава.

— Если не хочешь, то не надо, — огорченно согласился Васенька.

Клава от такой покладистости оттаяла. Взъерошила ему кудряшки обеими руками, взялась за гладкие рожки, отвела голову назад, чтобы не щекотался носом у нее над ключицей — и сама тронула губами приоткрытые губы. Шепнула:

— У тебя вкус, как у кофейного ликера.

— Ты не подумай, сам я непьющий, — вдруг взялся оправдываться чертенок. — Зажмурься на секундочку. Пожалуйста!

Клава закрыла глаза. В ушах что-то хлопнуло, словно от резкого скачка давления, ее шатнуло, но тут же всё снова стало нормально.

— Можешь посмотреть, — велел Вася. Застенчиво повел рукой: — Это моя комната в общежитии. Извини за беспорядок.

Клава поморгала: они мгновенно перенеслись из сада в помещение. Небольшая комната с узкой кроватью, рядом письменный стол, заваленный тетрадями и учебниками. В углу грудой свалена одежда, сумки, вещи, обувь. Никаких сомнений — действительно обычный мальчишеский бардак.

— Хочешь чаю? — неуверенно предложил Василий, не зная, куда девать руки и куда бы деться самому. В саду был смелый, а на собственной территории отчего-то сник. Неожиданно для Клавы юркнул под кровать, спустя минуту чертыханий и активного поиска вылез оттуда с парой банок: — Может, пива?

— Тепло и взболтанного? — улыбнулась Клава. — Ты же не пьющий?

— Это не мое, — открестился бесенок. — Это Михаэля. Он мой сосед, у нас смежные комнаты. Он из расы крылатых, но ненавидит, когда его называют ангелом, учти.

— Учту, — кивнула Клава, уточнила: — А он нам не помешает?

Василий вскинул на нее непонимающие глаза.

— Когда он должен вернуться? — спросила Клавдия, наступая и берясь за ворот его рубашки. — Ты запер дверь?

— Угу, — слабо выдохнул чертенок, откровенно прибалдев от ее решительных действий. — Угу-угу...

«Шурх!» — и в руках обескураженной Клавы осталась только опустевшая рубашка. Штаны и нижнее белье упали на пол кучкой тряпья.

— Ой! — вскрикнула она. — А ты где? Куда делся?

— Извини, это я от волнения! — пропищал тоненький, но на удивление узнаваемый голосок.

Клава проверила, что это за шебуршание появилось у нее под блузкой, расстегнула пару пуговиц, от воротника да лифчика. И чуть не взвизгнула: мелкий бесенок копошился у нее между грудей! Сам росточком с мизинец, ярко-зеленый, как огурчик, совершенно голый. И с ужасно нахальной рожей!

— Ты чего там?! — возмутилась Клава, задергала руками, запрыгала на месте, но ловить похабника не решилась — эдак схватит сгоряча, а ему все косточки переломает? — А ну вылезай! Вылезай сейчас же!

— Поймай меня! — показал ей длинный язык чертенок. И юркнул между грудей вниз, под блузкой пробрался ящеркой и нырнул под пояс юбки.

Клава завизжала, как резаная. Заматерилась, не стесняясь. Но ничего не помогло. Бесстыдник шебуршал уже в трусиках. Подбирался мелкими лапками к самому сокровенному! И прохаживался где ни попадя горячим слюнявым языком.

— Да как же тебя поймать-то?! — заныла Клава. — Я ж просто на тебя могу сесть и раздавить!

— А ты раздевайся, не стой! — подсказал ей охальник из трусиков. — Ой, какие у тебя тут кружавчики! Флаф выбирал, поди? Шикарно! Хотя с другой стороны еще лучше — гладенько всё, как попка младенца! Мням-ням!..

Он всеми мелкими конечностями уперся и растопырился, пытаясь раздвинуть ее ноги, чтобы пробраться к «гроту страсти», который в нынешнем его размере вполне мог бы сойти за колодец.

— Только не залезай туда! Ой-ёй-ёй! А-ай!!! — вопила суккуба. — Только не суй туда голову, умоляю тебя! А если утонешь? А если задохнешься? А если я тебя стисну?!

— Я остороженько, — пообещал мелкий пакостник.

Между тем Клава кое-как разделась, от щекотки в интимной зоне приплясывая на месте. Остались только трусики. Она оттянула резинку, широко расставила ноги и попыталась заглянуть вниз:

— Эй, ты где там? Держись за что-нибудь, я трусы снимаю! Смотри, грохнешься — наступлю, не замечу!

— Ой, да хватит угрожать! — рассмеялся Василий своим обычным голосом.

Клава резко обернулась: паршивец за спиной стоит в полный рост, в чем мама родила, хвостом помахивает, лыбится.

— Ну, слава богу, — выдохнула Клава с невероятным облегчением. И плюхнула поганцу пощечину: — А это за то, чтобы не пугал! Тоже мне, шуточки у него! Вот возьму, обижусь, оденусь и уйду сейчас!

Василий брякнулся на колени, молитвенно сложил руки, заныл:

— Не уходи! Не покидай меня! Видишь, я весь в огне любви — от рогов до копыт!

— Это не любовь, а похоть, — поправила Клава, сложив руки на груди, (вернее, под нею, поддерживая оную, так как еще не привыкла к тому, что бюст перестал отвисать без лифчика).

— Может, и вождеделение, — покорно согласился бесенок. — Только всё равно не уходи, а? А я покажу тебе, как можно использовать хвост не по назначению. Идет? У тебя ведь тоже есть хвост.

— Флаф растрезвонил? — нахмурилась Клава.

— Вообще-то хвост всем суккубам полагается, — увильнул от прямого ответа поганец.

8

И ведь сдержал обещание — показал! Уж чего только он ей ни показал!..

Сначала, отбросив покрывало с кровати, Вася продемонстрировал свежее постельное белье в веселенький рисунок: улыбчивые рогатые черепушки с крылышками и с сердечками в глазницах.

— Специально подготовился! — похвастал чертенок.

Клава кисло улыбнулась в ответ. Как-то не особо приятно думать, что кое-кто решил всё заранее за нее. Однако обижаться и хандрить было некогда.

— Давай, доставай свой хвост! Буду тебя учить им владеть как надо! — велел Василий, решительно развязав бантик на кончике своего. Эта ленточка, кстати, была последней тряпицей на его фисташковом поджаром теле.

— Я не знаю, как это сделать, — отвела взгляд Клава, неосознанно прикрывая руками грудь.

Василий гостеприимно усадил ее на постель, объяснил:

— А ты не думай! Ты просто вспомни, что он у тебя есть. Ты же не думаешь постоянно, что у тебя, скажем, есть мизинец на левой ноге?

С этими словами он присел перед ней на полу и ухватил ее за ступню, приподнял, так что Клаве невольно пришлось завалиться спиной на простыни.

— Вот! Он у тебя есть? Есть! — подергал ее за мизинец бесенок. — Так же и с хвостом. Расслабься и почувствуй его. Ощути, как хвост является продолжением твоего копчика. Не сомневайся, он там! Даже когда его не видно и когда ты его не можешь потрогать — хвост у тебя в комплекте.

Клава постаралась не думать, в какой бесстыдной позе она сейчас перед ним развалилась, задрав одну ногу выше головы. Василий ведь не обращает внимания на собственный «огурец», топорщащийся из курчавых зеленых завитков? И на то, что этот самый «овощ» случайно то и дело вскользь касается теплой головкой ее правого колена.

— А, я понял, что тебе мешает! — воскликнул он в воодушевлении.

И ловко сорвал с нее трусики, Клава ойкнуть не успела.

Василий деловито пошарил у нее ниже поясицы, заулыбался:

— Вот! Чувешь теперь?

Теперь Клава действительно почувствовала: чужую руку на своем хвосте! Это было непередаваемо странно.

Раньше она думала как? Хвост нужен птицам в качестве руля для полетов. Нужен зверям для удержания равновесия при беге и прыжках. Кошке нужен, чтобы хлестать себя по бокам, когда злится, или чтобы ходить с ним, как с гордо поднятым флагом, иногда загибать крючком на кончике в знак вопроса. Собаки хвостом виляют от радости или поджимают трусливо. Обезьяны и опоссумы цепляются за ветки деревьев.

А человеку? Зачем человеку хвост? Может, он не зря отсох в процессе эволюции? Клава полагала, что ее хвост способен только болтаться сзади, как неподвязанные лямки фартука. В торжественные случаи на кончик хвоста можно повязать бант, как делал это сам Вася, или привесить блестящую бижутерию, как древнерусские девушки вешали на косы жемчужные или бисерные накосники.

Однако Василий развеял ее заблуждения. Оказалось, хвост для суккубы очень полезное орудие труда! Им можно игриво щекотать партнера в самых разных местах. Можно легонечко оглаживать, дразнить прикосновениями пушистой кисточки. А можно довольно сильно сжимать, обвивая за ту или иную часть тела. Хвостом даже можно стегать, как мягкой плеткой! Василий для демонстрации пару разиков хлопнул ее саму по попе, так Клава не сдержалась, охнула, до того сильными оказались шлепки.

Самая развратная функция хвоста — залезть кончиком партнеру по играм либо в рот, либо в иное отверстие.

— Давай, сначала я покажу, а то ты с непривычки промахнешься и мне своим помпоном в глаз засветишь, — заявил Василий. — Кстати, я хвост сегодня мыл.

Но на всякий случай, чтобы избавиться от успевшей прилепиться к шерстинкам пыли, он тщательно прополоскал кисточку в стоявшем на столе стакане с остывшим чаем. После этого Василий с многообещающим видом фокусника нашел в тумбочке возле кровати баночку ягодного джема, наполовину пустую, вынул оттуда припрятанную чайную ложечку — и ввинтился мокрым кончиком хвоста.

— Открой рот! — попросил бесенок.

Клава недоверчиво приподняла брови. Но рот приоткрыла.

И позволила сладкой кисточке проникнуть внутрь, обмазав губы.

Василий встал, подбоченясь. Длины хвоста хватало, чтобы он мог не поворачиваться к Клаве спиной. Клава посасывала шевелящуюся у нее во рту кисточку и ясно видела, какой откровенный кайф ловит бесенок от происходящего. Раззадоренная эффектом, она принялась активно играть с кисточкой языком, даже попробовала слегка прикусить, очень нежно. Васенька застонал, не стесняясь, закатил глаза. И «огурец» в зеленых зарослях принялся быстро созревать.

— Стой-стой-стой! — вдруг зашипел бесенок. Высвободил обслонявленный хвост (Клава и сама не заметила, когда это она успела ухватить его обеими руками), пояснил, сдерживаясь явно через силу: — Я тебе еще не всё показал, подожди. Давай продолжим нашу увлекательную практику по сравнительной физиологии!

Он мягко уложил ее спиной на постель, закинул ноги себе на плечи:

— Ну, приятного мне аппетита! — и ввинтился длинным гибким языком прямо в самое сокровенное.

Клава охнула... и расслабилась. Закинув руки за голову, подгрребла поудобнее подушку. Устроившись, груди накрыла ладонями, чтобы не колыхались и не загораживали обзор. Впрочем, смотреть особенно было не на что: кудрявая рогатая макушка, равномерные движения. Другое дело прикрыть глаза и отдаться ощущениям! Клава облизнула губы, сладкие после ягодного джема. Сплюнула прилипшую на язык длинную шерстинку...

И взвизгнула в смешанных чувствах восторга, наслаждения и смущения: облизанный ею самой же хвост вторгся в «запасное» отверстие, да на немалую глубину сразу! Хитрый бес воспользовался ослабевшей бдительностью и расслабленным сфинктером, вот же партизан постельный. Клаве показалось, что хвост забрался на локоть в глубину! Ощущения были забавными и на изумление приятными, а мысли противоречивые — это же отвратительно, даже представить противно!

— К-куда? Т-ты слишком!.. слишком г-глубоко засунул! Вынимай сейчас же!

Она вцепилась пальцами в зеленые кудряшки. Но поганец увлекся и не слушал — вылизывал шустрее! У Клавы от его рвения перед глазами фейерверки замерцали. Грудь колыхалась от рваного дыхания, в животе что-то сжималось, вторя спиральным движениям наглого хвоста-штопора...

— погоди, — пропыхтел Василий, — давай вместе!

Он оторвался от «трапезы», утер блестящий от соков рот запястьем — и, пристроившись, легко вошел своим фисташковым «огурцом» в ее уже порядком разоренный «грот любви». При этом хвост стал действовать еще решительней.

Клава уже и протестовать сил не имела, хватала ртом воздух. Сквозь мушки и огни, сквозь слипающиеся ресницы она увидела его плечи, ухватилась крепко, чтобы волны и

толчки не унесли ее за тридевять морей.

— Ну, как? Неплохо? — шепнул ей на ухо бес-искуситель.

И Клава согласно замычала в голос, прикусив нижнюю губу от сладости накрывшего ее удовольствия.

Василий мгновение спустя содрогнулся всем телом — и рухнул лицом ей между грудей. Пробурчал что-то неразборчивое.

— А? — выдохнула Клава, улыбаясь. Потеребила его за кудряшки, за рожки повернула голову набок, чтобы не задохнулся.

— Я говорю: вот что значит уметь правильно владеть хвостом! Уяснила?

— Вполне, — фыркнула Клава.

Полежать и полениться им не дал раздавшийся вдруг грохот. Они оба подпрыгнули на кровати, не сразу поняв, что это заколотили в дверь, ведущую в смежную комнату.

— Васька! Ты там с кем трахаешься? Открывай! Я горю нетерпением присоединиться! — Зычный мужской голос отрезвил Клаву, как ведро ледяной воды на голову. — Делись радостями с соседом! Ну?

— Михаэль, что б его черти за перья драли! — прошипел Василий, прищурившись. Кивнул Клаве: — Прости. Лучше тебе одеться, и я перенесу тебя...

— Не вздумай удрать! — заорал из-за двери сосед, то ли подслушав план, то ли имея опыт с прошлых раз. — Оставь бабу в кровати, а сам проваливай! Если не слушаешь, поймаю тебя самого и оприходу в хвост и в гриву!

— Я чертовски натуральный натурал! — заорал в ответ Васька. Жестом поторопил Клаву поспешить, а сам уже спрыгнул с кровати и натягивал штаны. — Я не согласен на роль твоей резиновой феи! И нет тут у меня никого, я сам с усами!

— Сам себя хвостом в зад? — хмыкнул сосед. И долбанул плечом с разбега в дверь, так что створка задребезжала. — Так чего ж тогда увливаешь — я от всей души помогу! У меня потолще баклажанчик, чем твой хвост тощий!

Клава не стала одеваться, не послушала мечущегося по комнате беса. Не сдержала смешок: у чертенка «огурец», а у этого, значит, «баклажан»? Везет ей сегодня на овощи, просто салат делай!

— Ну, что ты? — зашипел Васька. — Он же сюда рвется не чай распивать с тобой!

— Если я сбегу, он всё равно тебя поймает и отметелит, — рассудила Клава.

— Подумаешь! — отмахнулся чертенок. — Я просто съеду из общежития, буду снимать комнату в городе.

— А деньги у тебя есть на это?

— Заработаю!

— Не суетись, — твердо сказала Клава. Встала с кровати, выпрямилась, выставив грудь, как стратегическое орудие всеобщего поражения. — Суккуба я или мышь дрожащая? Таких мужиков усмирять — моя прямая обязанность! Посторонись.

И она подошла к двери, за которой затаился сосед. Явно подслушивал. Клава повернула ручку и распахнула дверь. Мысленно сжалась в трусливый комочек, спряталась сама в себе на дне желудка. Всё-таки предстать перед незнакомцами в чем мама родила, да сразу после сумасшедшего секса — это она смело!

Клава расставила ноги на ширине плеч. Подняла голову. И встретила взгляд онемевшего соседа.

Тот пялился, конечно же, не в ее глаза.

— Михаэль, это... — пробормотал упавшим голосом Василий.

— Суккубу себе раздобыл? — хищно облизнулся сосед. — Тебе Флаф по знакомству выбил номерок? Везунчик. Счастьем надо с друзьями делиться, Васька!

Клава вежливым кашлем напомнила о своем присутствии.

Парень наконец сообразил, что она вообще-то тоже разумное существо, поглядел ей в лицо, а не только на грудь. Неожиданно залился густым румянцем. Хотя, похоже, краснеть ему удавалось легко, как и всем блондинам. Он вообще оказался альбиносом! Коротко остриженные белые волосы, кожа явно неспособная к загару, облупившаяся на носу. Лицо с квадратной челюстью, не лишенное гармонии черт, но в данный момент впечатление портило откровенно глупое выражение. Глаза с длинными белесыми ресницами имели редкостный оттенок: серые с розово-сиреневым отливом. Высокий, плечистый, мускулистый, как бодибилдер. Не повезло Ваське с соседом, одним словом.

— Это ты, что ли, ангел? — небрежно спросила Клава.

— Я ж предупреждал! — тихонько за ее спиной пробормотал Василий.

— Васька! — зарычал сосед. — Провалился в ад! Живо! Чтобы духу твоего тут не было!

— Вообще-то это моя комната, — сообщил струхнувший чертенок, пятясь задом к входной двери. Клава краем глаза заметила, что сосед вломился через общую ванную. — И это моя подруга! Клава, идем.

— Вася, погуляй полчаса, мы скоро управимся, — не обернувшись к нему Клавдия, внутренне ошалевая от собственной смелости, граничащей с дуростью. — Так что, ангел? Где крылья-то?

Васька с невнятным писком вылетел вон.

Михаэль скрипнул зубами. Насупился. Шагнул на Клаву, но та лишь подняла голову и не подумала отступить перед этой горой нервно играющих под тонкой футболкой мышц.

— А твои крылья где, суккуба? Или они не прилагаются к хвосту?

— Дурак, что ли? Крылья прилагаются к спине! — Клава подняла руку и пальцем постучала ему по лбу. Пока тот охреневал, она приказала: — Давай показывай, с чем пришел.

— Что? — не понял он.

— Шкаф, покажи ключик!

— Чего?! — раскалился сосед.

Клава тяжело вздохнула на его непонятливость, указала пальчиком на ширинку:

— Предъявите инструмент совращения, товарищ ангел. Вдруг вам по невинности вашей не положено телесное непотребство, а мы тут зря только воздух сотрясаем.

Ухмыльнувшись, Михаэль живенько расстегнулся, спустил брюки и боксеры до ботинок. Клава сперва отметила высокие носки с тугой резинкой, поразительно белоснежные даже на фоне бледной кожи прокаченных икр, покрытых густым белым пухом волосяной растительности. От рельефного торса через пупок и ниже тоже тянулась белая шерсть полоской. Клава машинально протянула руку и зарылась пальцами в «ворс». Альбинос снова заскрипел челюстями, но стерпел. Клава молча переместила руку ниже — и вот, помянутый «баклажанчик» явил себя миру. Клава скривила губы в недоумении: она ожидала бОльшего от такого качка. Что ж, «баклажанчик» несколько ее не пугал.

— Сойдет, — произнесла она вслух. Поглядела в глаза присмирившему альбиносу, кивнула в сторону постели: — Пойдем? У Васи кровать крепкая, мы только что проверили. Тебя тоже выдержит. А вот когда ты белье у себя менял, я не знаю и проверять не хочу.

Допекла! Клава едва не ойкнула, когда он вдруг наклонился и взвалил ее на плечо. Вися головой вниз, а голой попой к потолку, она растерянно заметила, как нелегко ему пришлось: чуть не растянулся, забыв о стреноживающих штанах. Зарычал еще сердитее, с треском выпутался из ткани. В пару шагов пересек комнату — и свалил «пойманную самку» на постель. Клава только обрадовалась, что при этом он чудом не грохнул ее головой о стену.

Она раскинулась с самым развратным видом, какой смогла изобразить. И насладились зрелищем, как альбинос, кидая на ее телеса косые голодные взгляды, сперва долго расшнуровывает ботинки, путаясь в шнурках, потом стаскивает носки и вешает их на спинку стоящего возле письменного стола стула. Едва не забыл о футболке, этот предмет гардероба как-то не смотрелся в ансамбле с голой прокаченной попой, так что Клава даже хихикнула.

Наконец, альбинос запрыгнул на кровать и придавил Клаву всем весом. Ухмыльнулся довольный, многозначительно подвигал бедрами:

— Я слышал, ты еще девочка? Никогда еще не принимала настоящих мужиков?

Клава отвела глаза, ответила честно:

— Ты третьим будешь, поздравляю.

— После Васьки и инкуба? — еще шире заухмылялся блондин. — Считаю, я буду твоим первым!

— Как скажешь, — вздохнула Клава, решив его не огорчать на счет заурядного размера его «баклажанчика». — Будут еще какие-то предпочтения? Пощекотать тебя хвостом? Станцевать стриптиз? А, нет, уже поздно, тебе будет неинтересно.

— Просто молча лежи, женщина!

— Что тебе полизать? — выгнула она бровь.

— Лежи! — рыкнул альбинос. — В смысле, ничего не делай! Мужик в постели сам всё сделает.

— Ну, сам так сам, — пожалала она плечами. — Значит, тебе нравятся дамы-брёвна?

— И помолчи! — огрызнулся он, занятый важным процессом: нашарил рукой свой «баклажан», навел в верном направлении.

Клава попробовала помочь, шевельнула бедрами навстречу, но получила снова предостерегающий рык. Пришлось молча изображать древесину.

Молчать пришлось долго. Получившая сильную разрядку с Васей, Клавдия ощущала настойчивое трение как раздражающий массаж. Впрочем, даже без недавнего оргазма ей эта «горизонтальная физкультура» тоже принесла бы мало удовольствия.

— Ты скоро? — шепотом спросила она.

Михаэль продолжал сосредоточенно пыхтеть. Клава обреченно вздохнула. Стала разглядывать интерьер комнаты и черепушки на наволочке.

Альбинос, заметно запыхавшийся и раздраженный, привстал, чтобы сменить угол проникновения. Освободившейся рукой он принялся мять Клавин бюст, пощипывать ее за соски. Это было немного неприятно, но терпимо.

— Ты же суккуба! — вдруг возмутился он. — Почему ты до сих пор не кончила?!

Клава искренне удивилась.

— Я начинающая, — попыталась она оправдаться. — К тому же мне не нравится эта поза. И не нравится, когда меня дергают за соски. Попробуй себя подергать, тебе приятно?

Она продемонстрировала на нем самом, и блондин болезненно ойкнул, отпрянул, прикрыв свои накаченные грудные мышцы ладошками.

— Вот видишь! — уличила она. Добавила, надув губы и покраснев: — К тому же ты был

недостаточно нежен со мной. Не про... не простимулировал мне этот... клитор. И не поласкал меня сзади.

— Сзади — это по-собачьи, что ли? — брезгливо скривился Михаэль.

— Нет, сзади — это в попу, — пробормотала Клава, горя от стыда.

— Фу! — аж выпал из ее «грота» «баклажан». — Этим пусть твой Флафик занимается, извращенец!

— Чего это? — насупилась Клава. Она помогает этому дураку, как может, советы бесплатно раздает по обращению с прекрасным полом, вообще предлагает мечту каждого парня — анальный секс! А он морду воротит? Вот уж кто настоящий извращенец! — Разве ты никогда не хотел попробовать?

— Сунуть мой пенис в чью-то задницу? Ты издеваешься? Ей же какают!

— Ну не постоянно же! — возмутилась Клава. — Да, все ходят в туалет, но большую часть времени это отверстие пригодно для другого использования.

— Какая гадость! Лучше замолчи, — попросил Михаэль, понимая, что, если продолжит спор еще немного, то увянет совершенно и окончательно.

Перевернув покладистую Клаву на четвереньки, он вошел в нее сзади, но в правильное отверстие, предназначенное для этого процесса природой. Клава уткнулась лбом в подушку и решила больше ничего ему не говорить.

Через несколько взаимно томительных минут альбинос снова сдался:

— Мужчина моей расы не может кончить, пока под ним не кончила женщина, — нехотя признался он.

— Соболезную.

Клавдии пришлось собрать в кулак всю силу воли, чтобы не расхохотаться.

— погоди! — ухватилась она за логическую лазейку. — А кончить им надо прямо один за другим? Или можно по очереди?

— Я не знаю, если честно, — огорченно отвел он глаза.

Клава внутренне возликовала, посчитав это признанием вины.

— Бедняжка! — расплылась она в улыбке. Развернулась под ним, улеглась на спину, широко разведя колени. И выразительно двинула бедрами, предлагая эксперимент: — Поиграй со мной руками! Пальцами.

— Фу!.. — начал он было снова. Но Клава пресекла все возражения:

— Что «фу»? Можно подумать, ты никогда не чесал себе зад! Не отпирайся, все парни чешут себе в штанах, даже ангелы! Представь себе, что ты просто меня чешешь. По дружбе.

— Ладно, — неуверенно согласился Михаэль.

Сел поудобнее у нее между ног и протянул руку, явно готовый отдернуть конечность назад, словно боялся испачкаться. Клава сравнила эту картину с тем, что было совсем недавно — Флавиан точно так сидел перед нею... Она помотала головой, прогоняя неуместное сравнение. И начала командовать:

— Выше! Чуть ниже. Надави. Слегка надави, а не жми со всей мочи, я тебе не дверной звонок! Нашел? Понял? Теперь помассируй. Еще... Еще немного... Да, хорошо... Пожалуй здесь достаточно. Хотя нет, у тебя ведь две руки! Одну оставь здесь и продолжай в том же духе. Вторую положи мне на попу. Средний палец в ложбинку. Да, погладь, молодец. Вот, сам нашел! Впрочем, это несложно, у тебя тоже есть такая же дырка. Помассируй подушечкой пальца. Можешь глубоко не засовывать... А, уже засунул? Само соскользнуло? Что ж поделать, тогда массируй изнутри. Да, так хорошо. Продолжай...

Очень скоро Михаэль заухмылялся снова — вошел во вкус. Суккуба извивалась под его руками, забыв отдавать команды. И без указаний дальше всё пошло, как по смазке. Ну да, в смазке тоже недостатка не было.

Спустя короткое время Клаву накрыл долгожданный оргазм — мягкий, как теплое одеяло, плавный, как перекачивание леденца на языке. Наслаждение заставило сперва напрячь, а затем расслабить каждую мышцу в теле. Захотелось спать, но Клава стряхнула с себя ленивую негу. Лишь сладко зевнула — и разрешила:

— Теперь твоя очередь!

Михаэль снова воспользовался «классическим входом», пусть собственноручно убедился, что ничего плохого в «черном ходу» тоже нет. Клава только улыбнулась — пусть, если ему так более привычно.

Он задвигался в ней, резко, порывисто, вдохновенно — и всего нескольких толчков хватило для разрядки. Михаэль закрыл глаза в накотившем блаженстве, машинально продолжая дергать бедрами, стараясь войти еще глубже в податливую жадную тесноту. Клаву тоже ждал сюрприз: она поняла, что научилась владеть и этими скрытыми мышцами сознательно. С немножко мстительным удовлетворением она стиснула ствол блондина изо всех сил. И тот застонал:

— О, боже! Это!.. волшебно!

И в короткой ослепительной вспышке света распахнулись белоснежные ангельские крылья. Огромные, во всю комнату шириной, с блестящими широкими перьями.

Клава такого потрясающего зрелища от альбиноса не ожидала.

— Никогда раньше такого не испытывал! Ни с кем! — Он открыл посветлевшие глаза, уставился на Клаву, смущая ее своей искренней благодарностью: — Ты не суккуба, ты богиня!

— Просто твой оргазм связан с моим, а ты со мной хорошо постарался, — пробормотала она, отказываясь от слишком громкого звания.

— Нет, я правда не знал, что в мире есть такие женщины, как ты, — продолжал он. Принялся в порыве благоговения осыпать поцелуями ее груди. Сместился на живот, даже колени покрыл поцелуями, правда, низ живота оставил без лобызаний, чему порядком утомившаяся Клава была и рада, нового захода она бы не хотела.

Ей с трудом удалось унять ангела и заставить его свернуть крылья, чтобы он ими не разнес всю комнату во-первых, и чтобы себе перья не переломал в тесном помещении во-вторых. Клаве даже пришлось прибегнуть к крайнему средству — она пригрозила приласкать его тайное отверстие своим суккубьим хвостом! Лишь после этого Михаэль сбавил эмоции от зашкаливающего восторга до умеренного довольства.

Клава собрала и вручила ему его шмотки, вытолкала в ванную. После чего оделась сама и сбежала, не попрощавшись.

Как ей удалось найти дорогу, ведущую до коттеджа у кладбища, она сама толком не поняла. Как-то добрела, едва видя путь перед собой, размазывая по лицу катящиеся слезы. Хорошо, что на улицах было пустынно, и сумерки объяли город. Она торопливо пробегала освещенные места под фонарями, стыдясь случайного чужого внимания.

— Мамуля! — встретил ее Персик через квартал от дома Пумы.

Кот сразу распознал ее состояние, оставил идею совместной прогулки и запросился на ручки. Клава с благодарностью уткнулась мокрым лицом в его шубку. Заодно заботливый любимец послужил ей штурманом, вовремя напоминая, куда нужно свернуть.

Войдя в дом, Клава хотела незаметно улизнуть на второй этаж. Но с кресла поднялся заждавшийся ее Флавиан:

— Привет! Как прошло свидание с ликероконьячным бесом? — с напряженной улыбкой поинтересовался инкуб.

— Х-хорошо, — буркнула Клава.

— Что случилось? — мгновенно оказался подле нее Флаф, приподнял ей голову, тронув за подбородок, заглянул в лицо. С ужасом констатировал: — Ты плачешь?!

— У-у... — тихонько завывла Клава. От заботы друга слезы потекли рекой.

— Это Васька? Он тебе что-то сделал? — попытался угадать Флавиан. Тон его не сулил ничего хорошего ее обидчику.

— Нет, Вася хороши-Ы-Ы-ый... — прорыдала она, чтобы он не сделал поспешных выводов и не сорвался на неповинном чертенке.

— Кто тогда? Кто-то тебя избил? Изнасиловал? — Флавиан не понимал, что в ярости трясет ее за воротник.

— Нет! — выкрикнула она, совладав наконец с истерическим комком в горе. — Я сама! Я сама переспала с соседом Васьки! По собственной воле! Хотела проверить! Смогу ли! Правда ли я суккуба! А я не суккуба-а-а!.. Я шю-ю-ю-ха-а-а!..

Флавиан понял, оставил ее воротник в покое, отошел на несколько шагов, мрачнее тучи. Не глядя в ее сторону, уточнил:

— С тем белобрысым ангелом?

— Да-а! — прорыдала Клава, уголком сознания радуясь, что на ее вопли не вышла Пума и не высунулся с кухни призрак Основателя.

— И как... тебе понравилось? — еще тише спросил он.

— Ага-а-а!..

Клава, брызжа слезами, развернулась и побежала вверх по лестнице. Хорошо, что держалась при этом крепко за перила, а то ноги промахивались между ступеней, могла бы неслабо грохнуться.

Повсхлипывая минут пятнадцать в подушку, вымотавшись и обессилив, Клава быстро заснула.

Заснув рано, проснулась она тоже рано, едва-едва рассвет забрезжил сквозь прозрачные шторы на окне. Сладко потянувшись, зевнув, она погладила крепко спящего рядышком Персика. И вспомнила вчерашний день. Пригорюнилась над своей окончательно потерянной добродетелью. Повздыхала. И поняла, что умирает от голода.

Стараясь производить как можно меньше шума, Клава мышкой спустилась на кухню, чтобы в рассветном полумраке стащить бутербродик или что-нибудь посытнее.

Однако, несмотря на ранний час, на кухне ее ожидало собрание. Встревоженная не выспавшаяся кошка-некромантка топорила шерсть на загривке и нервно чесалась задней лапой. Флавиан сидел на кресле призрака и тёр виски, словно от головной боли. Призрак, заложив руки за спину, смотрел в окно в сторону кладбища и делал вид, что размышляет о вечном.

— А вы чего все не спите? — удивилась Клавдия.

— У нас чрезвычайное происшествие, — важно сообщил Основатель.

— Одевайся, Клава, тебе придется пойти со мной, — сказала Пума.

— Куда? — Клавдия и не подумала пойти к себе, напротив, она села на ближайшую

подушку на полу.

— На работу ко мне. В морг, — отрывисто пояснила некромантка.

— Прямо сейчас? В такой час? — продолжила непонятливо моргать Клава.

— Можно сейчас, можно позавтракать. Хотя не рекомендую плотно есть. С непривычки может, знаешь ли, случиться неприятность, — рассеянно помахала лапой Пума.

— Но зачем?

— Там труп наконец-то появился. Поможешь мне его поднять.

— 3-зачем? — Клава была совершенно сбита с толка.

— Чтобы полку в холодильнике не занимал, вот зачем! — повысила голос кошка, выдавая нервозность от необычности ситуации. — Чтобы оживить, чтобы юридически парень числился здравствующим, пусть и мертвым, и нам в Академии статистику не портил бы. Чтобы он рассказал Сирене, как это его угораздило грохнуть с часовой башни и разбиться насмерть, имея на спине крылья! Ну, что глазами хлопаешь? Кстати, мне поручено тебя опросить, как свидетеля. Вот как поднимем, так заодно очную ставку и проведем. Идем, говорю!

Клава беспомощно оглянулась на Флавиана. Тот перестал сутулиться и встретил ее взгляд:

— Погиб Михаэль. При загадочных обстоятельствах. Возможно, ты последняя разговаривала с ним перед смертью.

У Клавы горло перехватило. Пришлось дрожащей рукой взять торопливо протянутый Пумой стакан воды, залпом выпить, стуча зубами о стекло.

— Это я убила его! — всхлипнула она, стукнув опустевшим стаканом о стол. — Это я виновата!

— Что ты такое несешь?!

Пума поглядела на вскинувшегося Флавиана с недоумением: уж очень он разволновался от такого неожиданного и очевидно нелепого признания.

— Я виновата! — упрямо настаивала на своем Клава. — Он умер после секса со мной, потому что я заставила его отойти от моральных принципов. Этого он не вынес и покончил с собой от горя из-за поруганной чести.

— Какие еще принципы? — удивилась некромантка. — Я его знала, он был довольно беспринципный хулиган.

— Он хотел заниматься сексом исключительно по старинке, — пояснила Клава, забыв о стыдливости и не замечая замешательства окружающих. — А мне не понравилось лежать, как бревно! Я попросила его взять меня сзади, ну, с тыла. Он заявил, что это извращение! На что я сказала, что все парни имеют привычку чесать себе там, в штанах. Пусть он сделает дружеское одолжение и почешет меня тоже, ну, там.

Флавиан под ее сбивчивые и чересчур громкие показания со стоном закрыл себе руками лицо, да так и застыл статуей отчаяния и безысходности.

— И у нас наконец-то получилось кончить! Если бы я знала, что это его убьет, я бы никогда ему не стала ничего такого говорить! — сорвалась на рыдания Клава. — Я бы не стала просить его! Мой эгоизм его погубил! Что же мне теперь делать? Как я могу быть суккубой?! Теперь, после такой трагедии?! Неужели секс со мной толкает мужчин на самоубийство? Ох, надо позвонить Василию! Срочно! Вдруг он тоже?..

— Василий у Сирены, он в порядке, пишет объяснительную, — сказал Основатель.

— А ты, Флаф? Ты ничего странного не ощущаешь? — скептически обратилась Пума к

инкубу. — Не тянет тебя кинуться грудью на копыта забора с высоты часовой башни? Нет? Вот и славно. Видишь, Клавочка, твоё предположение не подтвердилось: подавляющее большинство подопытных опровергло гипотезу о вреде секса с тобой, следовательно, эта теория ошибочна. Теперь мы все постараемся успокоиться. Выпьем кофе. И разойдемся каждый по своим делам.

Чтобы успокоить расшатавшиеся нервы, Клава первым делом взялась готовить еду для Персика. Ей самой даже бутерброд в горло не лез. Флавиан также отказался от завтрака и вскоре их покинул, сославшись на плотное расписание.

9

— Вот видишь, Персик, почему я всегда просила тебя держаться подальше от открытых форточек и незастекленного балкона, — всхлипнув, Клава крепко обняла кота. Персик не пожелал остаться дома и увязался за ними, словно понимал, как пригодится хозяйке моральная поддержка на опознании в морге.

Михаэль действительно был мертв. Клава и в своем мире прежде не сталкивалась так близко со смертью, все виденные ею покойники чинно лежали в украшенных гробах и были дряхлыми дальними родственниками. А здесь — ангел! Разве ангелы не обязаны быть бессмертными? Да не просто знакомый, а парень, с которым она занималась сексом совсем недавно! Ладно хоть Пума сжалилась над нею и показала для опознания только белое, как мел, лицо с закрытыми будто во сне глазами. По словам некромантки, строгая белоснежная простынь скрывала рваные раны на груди и животе — там, куда воткнулись при падении с высоты пики фигурной изгороди, выставленной вокруг часовой башни.

— Уму непостижимо... — бормотала Клавдия, в десятый раз бездумно обходя стол с телом по кругу, чем ужасно раздражала и без того раздраженную кошку-некромантку.

У мисс Пумы в десятый раз почему-то не ладился ритуал поднятия из мертвых. Конечно, при нулевой смертности в Академии ей нечасто удавалось практиковаться на мертвецах, однако в своих теоретических знаниях она была уверена на все сто. И всё же убиенный ангел Михаэль оставался недвижим и хладен, как положено труп в морге под белой простыней. Что бы она ни делала, к каким бы ухищрениям ни прибегала — безрезультатно. Благовоспитанная кошка в отчаянии от заклинаний перешла на чертыхания и проклятия, которые, впрочем, тоже не возымели эффекта.

— Но ведь я всё делаю правильно! — не выдержала Пума в конце концов, в сердцах стукнула лапой по лотку с инструментами, так что все скальпели, зажимы и волшебные кристаллы разлетелись по чистой светлой препараторской. — Почему он не откликается? Вот скажите на милость, почему он всё еще лежит тут, как бревно, хотя я всё сделала для него?! Ну вот всё! Что ему еще нужно, а?!

Клава невольно хрюкнула при упоминании бревна. Пума строго на нее поглядела, ибо смеяться в обители смерти было еще неприличней, чем матюгаться.

— Так, ладно, пускай пока полежит, отдохнет, если такой несговорчивый, — потеряла лапы Пума, вздохнула. — Раз так, не будем терять время даром и проверим последние предсмертные воспоминания потерпевшего. А насчет его поднятия я вечером с Основателем посоветуюсь. Уж кто-кто, а наше привидение должен знать, что следует делать с такими упрямыми мертвецами.

— Ты хочешь сделать из него з-зомби? — заикнулась Клава.

— Нет, конечно, — передернула усами Пума. — Зомби сущности капризные, требуют ухода и постоянного внимания со стороны хозяина. Кому нужна такая обуза? Только

сумасшедшие колдуны с ущербным самомнением маются подобным. Я собиралась... А, ты всё сама увидела бы и поняла, если бы получилось. Но не выходит, а значит, и говорить тут не о чем.

Между тем она раскладывала на мертвом теле поверх простыни разноцветные кристаллы в каком-то одной ей ведомом порядке. Клава начинала понимать, что в этом мире через кристаллы умеют считывать самую разнообразную информацию. Даже вот связаться с духом покойника не проблема — по сути тот же самый коммуникатор, роуминг с загробным миром.

Чуя, что грядет нечто паранормальное, Персик попросился слезть с рук и юркнул под ближайший шкаф, благо высокие ножки оного позволили упитанному коту пролезть в щель. Его уже не пугало то, что в шкафу за стеклянными дверцами красовался чей-то скелет, скрепленный проволочками.

— Клава, подойди, будь добра, — позвала приблизиться некромантка. — Поможешь мне. Если не получается допросить труп по-хорошему, вынем из его головы то, что видели его глаза перед кончиной. Что ты позеленела? Я не собираюсь вскрывать ему череп, не дрожи.

Так как стол, где лежало тело, был слишком высок для большой кошки, Пуме приходилось пользоваться табуретом-стремянкой, что было довольно неудобно. Клаве совесть не позволила отказать в содействии, тем более чувство вины перед погибшим никуда не делось.

Пума переложила белые руки мертвеца поверх простыни и водрузила ему на живот хрустальный шар, размером с небольшую дыню. Клаве предлагалось удержать ладони погибшего на этом самом шаре.

— Перчатки надень! — одернула ее некромантка.

Но и через тонкий латекс (или очень похожее на латекс местное вещество) прикоснуться к холодному безжизненному телу было противно до мурашек. А если вспомнить, что совсем недавно они с ним соприкасались совершенно бесстыдно и жарко... Брр! Лучше не вспоминать.

Клава положила свои ладони поверх хладных дланей трупа, крепко сжала скользкую тяжелую прозрачную сферу. Некромантка затянула мяукающим тембром заклинание, перед этим предупредив, что в сфере должны будут замелькать картинки воспоминаний. Дабы сосредоточиться, Пума отодвинулась вместе со своей табуреткой-стремянкой, прикрыла глаза.

Клава старалась не смотреть в расслабленное бледное лицо лежащего ангела — и против воли вглядывалась в него, безотчетно пытаясь поймать на обмане. Не может быть он мертвым, это всё розыгрыш. Жестокая шутка над ней, бедной попаданкой. Или дело совсем в другом? Может быть, на самом деле это она погибла — и всё это ей мнится в смертной агонии задыхающегося мозга? Может быть, она не помнит, как попала в аварию. Или взорвался дом из-за утечки газа или теракта, она умерла в собственной постели, ничего об этом не подозревая? И вместе с нею погиб Персик? Нет-нет, это настолько ужасно, что нет сил в это верить! Причем Персика было куда жалче, чем себя саму. Может быть, она лежит в реанимации в коме и не может проснуться? А это всё — бред из-за сильнейших лекарств и наркоза?.. Слезы сами собой навернулись на глаза, губы задрожали. Клава пару раз моргнула с силой: нет! Она жива! Она вместе с котом действительно попала в иной мир и сделалась суккубой! У нее новая жизнь — интересная и захватывающая! И она вовсе не умерла и не

погибла!..

Михаэль поморщился и открыл глаза.

— Пума!.. — пискнула Клава. — Он оживает!..

Кошка, не имея возможности прервать творимое заклинание, спрыгнула на пол и, продолжая бормотать-мяукать таинственное песнопение, стала снова пододвигать свою стремянку, чтобы посмотреть поближе.

Пока она этим занималась, Михаэль вперил безумный пустой взгляд в Клаву. Было не похоже, что он ее узнал. Было вообще не похоже, что он в своем уме. Видимо, наконец-то начали действовать все ритуалы оживления, проведенный Пумой перед этим — но как же не вовремя!

Клава не смела отпускать его руки, хотя собственные тряслись от шока. И она не смела отвести глаз, замороженная взглядом мертвеца.

Пока Пума продолжала скрежетать ножками табурета по плиткам пола, случилось непредвиденное. Михаэль вдруг рывком высвободил свои руки, при этом хрустальная сфера укатилась и с грохотом упала на пол. Ангел же сел на столе и схватил ойкнувшую Клаву за голову — словно ее голова была чем-то лучше шара! При этом простыня скомкалась до пояса и обнажила его грудь. Клава увидела кровавые глубокие дыры, оставшиеся от пик изгороди. Душераздирающий крик огласил помещение, и Клава не сразу поняла, что вопль вырвался из ее сдавленного ужасом горла.

Пума наконец-то справилась со стремянкой, запрыгнула на стол, метким ударом лапы в висок уложила мертвеца обратно в горизонтальное положение. Голос ее, зачитывающий последние фразы заклинания, поднялся до грозного крика с приказными интонациями.

Выпущенная из ледяной хватки Клава с тихим стоном соскользнула вниз. Перед глазами потемнело, ноги не держали, затылок с деревянным стуком встретился с полом. Перед мысленным взором замелькали смутные картинки чужих воспоминаний. Внезапно грудь разорвало фантомной болью — эхом чужой смерти. Клава заорала. Персик метнулся к ней из-под шкафа и нырнул под руку, встал лапками на живот, в смятении выпустив когти. И только эта реальная боль от укусов когтей, словно ниточка, связавшая ее с окружающей действительностью, удержала Клавдию на грани безумия, не позволила утонуть среди осколков чужой памяти.

— Ожить он вздумал! Когда его просили, он ни гу-гу! А когда уже стало не до того, так проснулся! — рычала в бешенстве некромантка. Клава из-под стола не видела, что та делает, но кристаллы, использовавшиеся для ритуала, пулями расшвыривались один за одним по всей препараторской. — Что?! А теперь опять труп, да? Опять уплыл за грань?! И что мне с тобой прикажешь делать — начинать всё заново?! А кто мне гарантирует, что чары не наложатся друг на друга и снова не резонируют?! Как был ты придурком всю жизнь, так и в могиле не исправился!!!

Клавдия постепенно отдышалась, нехотя улеглись плясавшие перед глазами черные и алые точки, затих звон в ушах. Персик, громко успокаивающе мурча, улегся ей на живот, теплой тяжелой мягкостью придавил к жесткому полу, передними лапами пощипывая кожу на ключицах. Она гладила его пушистую шубку — и с великим эгоистическим облегчением понимала, что нет никакой комы, и с башни тоже не она падала. И вообще — жизнь хороша! Даже если ты суккуба в чужом мире. Главное — любимое существо рядом и всегда готово поддержать. Клава чмокнула Персика в холодный нос и, обняв его, прижав к себе, осторожно поднялась, села.

Пума, сидя на столе и почти на самом мертвце, свесила голову вниз и внимательно поглядела на Клаву:

— Ты как? Головой сильно ударилась? Сотрясение мозга есть? В лазарет тебя отправлять?

Клава пощупала затылок, неуверенно промычала, что с ней полный порядок.

Пума протянула ей какой-то пахнувший мятой компресс, предварительно разодрав когтями упаковку, велела приложить к шишке.

— Ты видела что-нибудь? Получила слепок его памяти?

Клава еще более неуверенно кивнула.

— Ну хоть что-то! — вздохнула Пума.

Сообразив, чем ей это может грозить, Клавдия поспешно замотала головой отрицательно, тут же ойкнула от стрельнувшей боли в затылке. Заявила:

— Что-то видела, но ничего внятного, в голове каша, всё очень смутно. Извини.

Пума вздохнула разочарованно. Взмахнула лапой:

— Ты не виновата. Что ж, этого и следовало ожидать, если с самого начала всё наперекосяк. Придется действовать по старинке: искать улики, опрашивать свидетелей. А этот придурок пусть в холодильнике полежит! — она в сердцах пнула труп задней лапой. — Как дерзить преподавателям или третировать первокурсников, так он первым! А как с башни падать — так про собственные крылья не помнит! Идиот!

Перед тем как отправиться на расследование, Пума вместе с Клавой (и Персиком) заглянула к директрисе, дабы представить отчет о проделанной работе. Пусть и не увенчавшейся успехом.

— Понятно, — сплела пальцы под подбородком Сирена.

Она сидела в своем строгом кабинете, удивительно похожая на нормальную начальницу. Хвост прятался под массивным столом, водяной пузырь трансфигурировался, встроившись в конструкцию кресла на колесиках. И только влажные волосы и прилипающая к телу блузка напоминали, что перед ними русалка.

— Прискорбно, — вздохнула она. — Разумеется, поговори с Основателем, но боюсь, запретных ритуалов воскрешения проводить в Академии Совет не разрешит. А всё разрешенное ты перепробовала.

— Можно пригласить более сведущих специалистов, пусть кто-нибудь еще попробует, — надувшись, выдвинула очевидный вариант Пума. Всем видом она показывала, что такой публичный запрос о помощи оскорбит ее саму, как профессионала, но ради общего блага Академии она готова проглотить унижение и позволит чужаку исправить ее ошибки.

— Это оставим на крайний случай, — покачала головой Сирена. — Ты всё делала согласно инструкциям. Вероятно, в противодействие вступили некие тайные чары, наложенные на Михаэля третьей стороной и нам неизвестные. Как только наши профессора алхимии и аурочтения вернутся из медового месяца, они дополнительно проверят тело на остаточные следы заклятий или проклятий. Я уже выслала им извещение о срочном вызове.

От клокочущего внутри огорчения и обиды Пума распушила шерсть еще больше, превратившись в колючий помпончик.

— Кстати, дорогая Клавдия, — обратилась Сирена к тихонько сидевшей в уголке суккубе, — ты видела Михаэля незадолго до, хм, происшествия. Где ты была в полночь,

когда это случилось?

— Ну... — попыталась собраться Клава, поглядела на некромантку, опасно прижавшую уши. — Я спала. Как пришла от него домой, так сразу легла. Флаф встретил меня, он может подтвердить.

— Я тоже могу подтвердить, — вступилась Пума. — Я была на кухне и оттуда слышала их разговор. Так же как Основатель. Позже я заглядывала в ее комнату, хотела убедиться, что с ней всё в порядке.

— Я тоже могу подтвердить ее алиби! — воинственно вскинулся и Персик. — Я был с мамулей всё время, с полвосьмого вечера до пяти утра!

— Ух ты, пупсик, ты научился определять время? — восхитилась Клава.

— А что тут сложного? Я давно умею. Еще когда тебя с работы ждал, всё на часы поглядывал, — смутившись, пробормотал кот. — Другое дело, когда солнечно, а когда пасмурно или вечер, и ты говоришь, что выйдешь на полчаса — я б с ума сошел, если б не ходики с кукушкой!

— Похвально, господин Персик, ваша забота о названной матери трогательна, — усмехнулась русалка. — Я вам поверю. Но должна предупредить, судебное следствие ваше свидетельство рассматривать не станет в виду родственных связей с мисс Клавдией.

Кот насупился и распушился не меньше, чем Пума до него. Столь нарочито официальное обращение смущало своей непривычностью. Но по всему было видно, что за хозяйку он готов драться когтями и клыками до последнего клочка шерсти.

— Получается не очень хорошая картина, — подытожила Сирена. — Если мы не разберемся с происшествием своими силами, сторонние наблюдатели могут прийти к выводу, что налицо преступный сговор. Мисс Клавдия вывела потерпевшего из душевного равновесия, тот по каким-то причинам отправился к часовой башне, откуда ровно в полночь спрыгнул и разбился, чему оказался свидетелем Флавиан. Наш инкуб, ближайший друг и наставник мисс Клавы, именно в этот момент возвращался с очередного свидания. В это же время мисс Клава спокойно спит дома, о чем свидетельствует мисс Пума и заинтересованное лицо — ее воспитанник Персик. Затем мисс Пума в присутствии мисс Клавы проводит безуспешные эксперименты по поднятию тела потерпевшего. И мисс Клава непреднамеренным образом срывает процесс чтения памяти потерпевшего. Как ни крути — чуждому взгляду это всё определенно покажется подозрительным.

Пума мрачно молчала, признавая правоту сказанного. Пораженная Клава не нашла, чем возразить. Один Персик прищурился ревниво:

— Это с кем там гулял Флаф, а?

— Ты хочешь спросить, может ли Флавиан предоставить свидетельницу, дабы она подтвердила его алиби? — улыбнулась и переиначила русалка. — К сожалению, нет, это невозможно. Согласно правилам Академии и обязанностям инкуба, он должен сохранять в тайне личности его клиентов. С другой стороны могу заверить: в свидетеле нет необходимости. Флавиан предоставил на осмотр свой медальон, который зафиксировал выброс энергии явной сексуальной окраски — ровно за пять минут до происшествия. Этого времени как раз хватает, чтобы распрощаться с клиенткой, одеться, выйти из дома и неспешным шагом дойти до центральной площади, где стать свидетелем происшествия. Но слишком мало, чтобы заманить на верхний этаж башни жертву и проверить преднамеренное убийство. Только чтобы по лестнице подняться — уже на это нужно время, ведь Флавиан не владеет телепортацией, да она и не работает внутри башни.

Клава поймала себя на ощущении, что ей было неприятно думать о ночных похождениях своего сэмпая. Значит, встретив ее в дверях дома Пумы, в слезах и растрёпанных чувствах, Флавиан лишь сделал вид, будто интересуется ее проблемами, а на деле сразу же отправился по бабам? Бессердечный проститут, вот кто он после этого! А еще Сирена назвала его самым близким другом Клавдии. Да если б не ночь инициации, она его и приятелем своим не назвала бы!

Но было в этой новой открывшейся ей информации нечто, что настораживало. Почему-то Клаву напрягло упоминание, что именно Флавиан первым обнаружил тело Михаэля. Ведь только Флаф (не считая Персика) видел ее слезы после встречи с ним. И грубиян-альбинос не входил в число тех, кого выбрал инкуб в качестве ее первых «тренировочных» клиентов.

Какой вывод следует из этого сделать, Клава не знала. Поэтому решила не говорить о своих сомнениях ни Сирене, ни Пуме.

Так как лекции по чернокнижию в этот день проходили лишь поздно вечером, Сирена обязала мисс Пуму в свободное время провести опрос свидетелей. Кошка поворчала — и взяла с собой Клавдию и Персика, которым всё равно нечем было заняться. Клаве вручили самый обычный блокнот с твердой корочкой и шариковую ручку, чтобы записывала имена опрашиваемых и особо интересные подробности, которые те смогут вспомнить. Пума в своем коммуникаторе настроила специальный кристалл, который будет беспристрастно фиксировать показания, как видеокамера. Персику повесили на шею медальон-детектор, камень в котором обязан менять цвет в знак того, что говорящий не верит в собственные слова. В свидетелях числились горожане, дома которых выходили окнами на центральную площадь — собственно к часовой башне.

Бывшее жилище мага-отшельника, ныне известного как призрак Основателя, возвышалось над городом, словно перст, упершийся в облака. Словно ось самого города, держащая шатер небосвода, чтобы лазурная твердь не рухнула на приземистые домики с черепичными крышами. Солидная кладка из темного грубого камня носила следы тщательной, можно сказать, любовной реставрации. Вокруг высадили цветы на клумбах, выставили ажурный кованый заборчик с декоративными острыми пиками по верху. Кто ж знал, что такая красота может принести кому-то смерть. Хотя, (Клава прикинула на глаз), если даже Михаэль свалился бы чуть дальше, не на забор, а на булыжную мостовую, или пусть ближе к стене на клумбу — всё равно переломал бы себе все кости и свернул бы шею, такая была немалая высота. Почему он не воспользовался крыльями — вопрос отдельный. Жаль, что Клава не догадалась спросить его, умел ли он вообще летать или крылья были нефункциональным атавизмом.

От довольно широкого фундамента башня постепенно сужалась к верху. На вершине ее имелась площадка, вероятно использовавшаяся для наблюдения как за небесными телами ночью, так и днем за прилегающими пространствами земель. Площадка была обнесена парапетом, что превращало ее в один большой круговой балкон, как у маяка. Остроконечную коническую кровлю над площадкой, напомнившую Клаве шляпы мультяшных ведьм, поддерживали четыре массивные колонны, соединенные между собой арочными перекрытиями. Видимо, в давние времена между колоннами гуляли все ветра четырех сторон света. Теперь же внутреннее пространство между колоннами занимал часовой механизм с четырьмя циферблатами. Клава специально обошла башню вокруг, задирая голову и открыв рот — лично проверила, что все четыре пары стрелок показывают одно и то же время.

Не дожидаясь, пока ее спутница удовлетворит любопытство, Пума принялась стучать в первую же дверь. Судя по витрине под низким козырьком, то была галантерейная лавка, торгующая всяческими нужными мелочами: от шарфиков и носовых платков до булавок, пуговиц, ниток для штопки или шитья, а также пустыми оправками для браслетов-коммуникаторов, медальонами без камней, брошами и заколками для волос с дырками для кристаллов — и тому подобной бижутерией.

Клава как раз закончила разглядывать циферблаты — и наткнулась на то место в заборе, где были погнуты пики. Трава здесь побурела от пятен, хотя крайние к газону камни мостовой кто-то успел тщательно вымыть, о чем говорили потемневшие щели между булыжниками. По коже пробежал холодок. Персик, семенящий за ней по пятам, фыркнул и боязливо прижался к ее ногам.

Дверь галантереи открылась, на пороге показалась недовольная бестактным стуком владелица лавки.

— Тётя Бетси? — вырвалось у Клавы. По счастью, она не успела подойти близко и ее никто кроме Персика не услышал.

— Да нет, мамуль, гляди! У нее даже запах другой, — заверил Клаву более наблюдательный кот.

— Тётя Петси? — с официальной сухостью уточнила мисс Пума. — Я насчет происшествия с белобрысым ангелом. Вы были дома нынче в полночь? Что-то видели? Что-то слышали?

Владелица галантереи сложила руки на груди и скривила зеленовато-оливковые дряблые губы в недовольной гримасе. Клава присмотрелась: действительно, точная копия хозяйки ателье, к которой они заходили с Флавианом в первый день ее попаданства. Только кожа отливает болотной зеленью, а из-под длинной юбки виднеется кончик хвоста, но не с пушистой кисточкой, как у чертенка Василия, а с костяными колючками.

— Дома была, сериал смотрела, по центральному каналу передавали, — покивала галантерейщица. — Услышала крик, выглянула, подняла шум, стала звать соседей. Сериал аккурат в полночь заканчивается. Вот только успела посмотреть, кто ж там убийцей оказался, и нате вам — перед окнами труп!

— То есть вы подтверждаете, что несчастный случай произошел ровно в полночь? — покивала Пума.

— Подтверждаю, рухнул он с верхотуры в полночь, — произнесла тетя Петси. — Я еще голову подняла, на часы башенные глянула: все стрелки вверх торчком.

— А как вы это увидели? — из любопытства влезла Клава. — Темно же было.

— В темное время суток циферблаты подсвечиваются изнутри, — пояснила Пума. Обернулась к свидетельнице: — Почему вы посмотрели наверх? Вы сразу поняли, что он упал с крыши?

— Ну, всяко не полез через забор перелезть! — всплеснула руками та. — Кабы сам залез, то сел бы задницей на острия, а не лопатками и навывлет через грудь. Прямо как в серии, что на позапрошлой неделе показывали!

— Логично, — согласилась некромантка. — К тому же вход в башню всё равно не запирается, нет никакого смысла лезть через забор, если калитка открыта.

— А вот, к слову, ты спросила, почему я туда поглядела, и я сейчас только вспомнила! — задумчиво потерла подбородок галантерейщица. — На цифре шесть что-то темное мелькнуло. Может, был там кто-то...

— Вы полагаете, Михаэля мог кто-то сбросить? — деловито уточнила Пума.

— Этого я не видела, зря говорить не буду, — покачала головой тетя Петси.

Клава промолчала и отошла на шаг. Персик поглядел на нее вопросительно, но она не замечала его беспокойства, поглощенная собственными мыслями и переживаниями.

— Благодарю, вы очень нам помогли, — на прощание сказала галантерейщице некромантка.

— Да уж чем помогла-то? — отмахнулась та ворчливо. — Парнишку жалко. Хоть оболтус тот еще был, а всё равно негоже таким молодым за грань уходить. Ты его хоть подняла?

— Мы работаем над этим, — уклонилась от прямого ответа Пума.

Дверь галантерейной лавки закрылась, и кошка кивнула Клавдии следовать за ней — их ждали другие свидетели. Некоторые соседи слышали разговор через распахнутые окна и, не дожидаясь стука в двери, сами вышли на низкие крылечки. Кто-то между собой обменивались приветствиями, кто-то сорвался на причитания. Кто-то принялся громко ругать директрису Академии, которая в позапрошлом году провела замену оборудования в общегородской системе наблюдения за безопасностью, отчего та стала безбожно глючить в самые неподходящие моменты — этакая безответственность в нынешние-то беспокойные времена, когда на голову сыплются всякие неместные попаданки!

— Жаль, что не удалось снять воспоминания, — пробормотала Пума. — Этот темный силуэт мог примерещиться старухе после сериала, а мог быть реальным убийцей. Воспоминания потерпевшего стали бы хорошей зацепкой.

Она покосилась на подозрительно притихшую Клавдию. Но та задала неожиданный вопрос:

— Тетя Петси и тетя Бетси — сестры-близняшки?

— Как ты себе это представляешь? — хмыкнула некромантка. — Одна гномиха, вторая троллиха.

— Но они так похожи! — упорствовала Клава. — И даже имена почти одинаковые!

— Ничего общего не вижу, — проворчала Пума. — Патриция и Элизабет — где ты видишь сходство?

Следующей их собеседницей оказалась владелица шляпной и перчаточной лавочки — тетя Френси. Она честно заявила, что легла спать рано, как только заперла магазин, а когда услышала шум и выглянула в окно, то на часы посмотреть не сообразила. Пума заверила Клаву, что тетя Френси вовсе не родня Бетси и Петси, тем более по расе она была горным орком, просто усохла до размеров гнома от дряхлости.

Потом они посетили заведение тетушки Мэнси. Она пожилая дама заведовала булочной.

— Она была крошкой-фейри, но на сдобе вымахала и растолстела, — объяснила Пума недоумевающей Клаве.

Миссис Мэнси подтвердила, что на часах в момент трагедии стрелки показывали полночь и ни минутой больше. Однако темного силуэта или чего-то иного подозрительного она не заметила.

Больше Клава ни о чем не спрашивала и ничему не удивлялась. Она догадалась, что это какая-то магия центральной площади делает из представительниц разных рас и национальностей одинаковых с виду старушек. Интересно было другое: сколько же лет понадобилось этому сообществу лавочниц прожить вместе, чтобы превратиться в сестер-

близняшек? Кстати, у тети Бетси на центральной площади нашелся филиал — магазинчик готового платья и нижнего белья, которым с недавних пор руководила ее немолодая дочь, на вид лишь чуть-чуть посвежее прочих старушек.

Но это всё курьезные мелочи, которые Клава отмечала краем любопытствующего сознания. Вниманием ее завладела другая мысль: время! И всё потому, что одна из очередных старушек-лавочниц упомянула, что смотрела тот же ночной сериал, как и тетя Пенси.

— Вот как там вывели убийцу на чистую воду, так начался у нас переполох, — вспоминала хозяйка обувного магазина.

— Во сколько это было? — встряла Клава, перебив Пуму с ее скучными формальными уточнениями.

— В полночь с четвертью, — последовал ответ. — Из-за выпуска новостей детектив задержали на пятнадцать минут, мне пришлось намазать себе лишний бутербродик конфитюром и подогреть еще чаю...

— На какие именно часы вы посмотрели? — не унималась суккуба.

— Да на какие ни смотри, у меня дома все часы идут вровень с этими! — задетая сомнениями в пунктуальности старушка махнула рукой на башню.

Клава не поленилась, напросилась заглянуть в жилые комнаты на втором этаже над лавкой, сама удостоверилась — всё правильно, минута в минуту.

После обувной лавки Клава направилась вперед Пумы на другую, диаметрально противоположную сторону площади. Очевидцы там утверждали, что несчастье случилось без четверти двенадцать. Клава не стала здесь задерживаться, сразу пошла в ту сторону, где жители смотрели на четвертый циферблат. Как чужая: все в один голос уверяли, что часы показывали ровно три ночи.

— Что ж получается? Мы зря считаем, что он погиб в полночь? — Пума вприпрыжку попевала за суккубой. Персика-то Клава сразу подхватила на руки. — Они все путаются в показаниях!

— Они не путаются! — поправила ее Клавдия.

Она обошла башню по кругу снова, уже третий раз за день, запыхалась, но удовлетворенно кивнула сама себе: все стрелки шли синхронно.

— Они не запутались и не ошибаются, — повторила Клава. — Просто вон там видели, что на часах ровно полночь. Вон тут — что без пятнадцати двенадцать. Там — три часа. А здесь — ноль пятнадцать.

— И кто же прав? — запуталась сама Пума.

Чтобы проверить версию, Клава вернулась к галантерейной лавке и постучала. Тетя Петси вышла на стук сразу, как будто под дверью ждала.

— Во сколько начался сериал вчера? — уточнила Клава. — Как обычно или с опозданием?

— А ведь верно говоришь! — осенило троллиху. — Из-за тебя, попаданка, новости шли на пятнадцать минут дольше! Рассказывали про таких, как ты, успокаивали народ, что пространство в трубочку сворачиваться не будет, что ты обезврежена и в нашу систему мира встроена. Вот и сериал задержался, я уж под конец стала носом клевать.

— Ноль пятнадцать! — подняла вверх палец Клавдия, вернувшись к Пуме и Персику. — Настоящее время — двенадцать с четвертью. Три остальные пары стрелок сбились, потеряли синхронность, временно сломались, выпали из континуума — короче, почему-то показывали

неправильное время. Ты слышала о какой-нибудь магии, из-за которой часы сходят с ума, а потом снова сами собой синхронизируются?

Пума покачала головой:

— Время расщепилось на разные потоки? Или механизм часов сбился? На ум приходят только мощные обряды, от которых не просто часы собьются, но планета сойдет с космической оси. Сделать какое-то маленькое и незаметное колдовство с подобным побочным эффектом способен маг уровня Основателя, не слабее. В настоящее время подобных мастеров в Академии нет, ни среди преподавателей, ни среди учащихся.

— Но ведь это башня Основателя! — связала две логические цепочки Клавдия. — Вдруг там внутри остались какие-то его артефакты, которые кто-то тайком запустил?

— За столько-то веков? — усомнилась Пума. — Эту башню несколько раз по камушку перебирали, от подвала до крыши! Тут ничего... Хотя лучше спросить Сирену, ей по должности положено знать обо всех тайниках и артефактах в городе.

— Или у самого Основателя! — поддакнула Клава.

— Если он сумеет хоть что-нибудь вспомнить! Он же призрак, и память у него дырявая, — скептически хмыкнула некромантка. — Впрочем, если нечто такое подтвердится, станет ясно, почему у меня не получилось поднять Михаэля. Чары, которые могут расщепить поток времени, невозможно обнаружить обычными способами, но они оставляют сильнейшие помехи для последующего воздействия...

Пума продолжала бурчать себе под нос всю обратную дорогу до главного здания Академии, где ждала новостей директриса. Некромантка перешла на совершенно непонятные для суккубы термины научного колдовства, поэтому Клавдия оставила попытки прислушаться и что-то понять из потока ее мыслей вслух.

Клава попробовала обдумать добытую информацию молча и самостоятельно. Однако выходило что-то подозрительное: ночью Флавиан где-то шлялся целых двадцать минут, а не заявленные пять! У инкуба не имелось железного алиби, но был мотив: ревность, стремление защитить подопечную, которая прибежала в слезах от незапланированного любовника...

— Да не может быть! — Клава на ходу помотала головой, вызвав недовольство Персика, который сидел у нее на руках, так как ему было трудно угнаться за их быстрым шагом.

Флавиан из ревности сбросил соперника с крыши башни в центре города? Ерунда! Не может такого быть! Причем по нескольким причинам. Во-первых, чтобы ревновать, нужно сперва влюбиться. Однако инкуб просто не имеет права влюбляться в суккубу — это какой-то демонический инцест получается. И Флаф об этом знает куда лучше самой Клавдии.

Во-вторых, Флаф не похож на человека, который будет кидаться на людей без причины. Слезы девушки — причина для мужского разговора, возможно, но не для кровавого убийства. Если убивать, так где-нибудь в тихом безлюдном месте. Почему именно в раритетной музейной башне?..

И тут Клава внутренне содрогнулась. Встала посреди дороги — и неосознанно притиснула к груди пискнувшего Персика, от внутреннего напряжения начав икать. В голове замелькали воспоминания, чужие, спутанные, скомканные, вспышка за вспышкой, осколок за осколком. Последние мгновения жизни Михаэля...

— Клок перьев! — прошептала она.

— Что? — обернулась к ней Пума, успевшая пройти на десяток шагов вперед.

— Ты осмотрела его крылья? Там ведь не было целого клона перьев!

— Что? — повторила с совершенно другой интонацией Пума, подойдя. Она глядела снизу вверх, но Клава поежилась под этим пронзительным взглядом желтых глаз прирожденной хищницы.

— Там на конце одного крыла, — сбивчиво попыталась объяснить Клавдия, — там был выдернут пучок перьев. Как будто М-михаэль сорвался с балкона башни, но кто-то пытался его удержать и случайно ухватил за кончик крыла. Не за руку! А за крыло. И перья выдернулись. Случайно. Поэтому Михаэль не смог вовремя расправить крылья и спланировать вниз. Он запутался в собственных крыльях. Упал кубарем. Как-то так. Вот. Надо осмотреть его еще раз. Ты, наверное, не обратила внимания, потому что думала его быстро поднять и просто спросить, как всё получилось. Да?

Пума посмотрела на нее так, словно хотела забраться в голову. Однако некромантка не умела читать мысли. Она только вздохнула.

— Осмотреть еще раз? Может быть, ты не заметила, — произнесла она, — он там без крыльев лежит. Крылья исчезли в момент остановки сердца. Есть у них, ангелов, такая особенность.

— А... а перья? Выдранные? — робко спросила Клава.

— И перья тоже, увы, растаяли без следа, — припечатала Пума.

— Значит, улики искать бесполезно? — сообразила Клавдия.

— Почему же, — задумалась Пума, передернула ушами. — Пожалуй, есть смысл осмотреть башню изнутри. Вдруг полученные тобой воспоминания сложатся в цельную картину? Если ты увидела момент с вырванными перьями, вдруг увидишь лицо того, кто столкнул парня?

Для пущего антуража отправиться на осмотр интерьера башни Клава решила с наступлением темноты — пусть и с внутренним содроганием. Уж если ставить эксперимент над собой, то с максимальным приближением к заданным условиям. Подумать только: в старую башню! Где произошло убийство! (Возможно, просто несчастный случай, но это еще надо доказать.) В башню, чей хозяин давным-давно умер и стал унылым призраком! Ночью!.. Конечно, Клавдия оставила Персика дома, заявив, что он еще маленький для таких приключений. С собой она взяла двух красавцев, которым доверяла больше, чем кому-либо другому в этом чуждом мире. Не совсем безоглядно и не всецело полностью доверяла, если признаться честно, но всё-таки ответственная охрана в их лице ей была обеспечена. Жаль только, что Пуме надо было идти читать лекции, с ней Клава чувствовала бы себя еще увереннее. Чтобы коленки не очень уж заметно тряслись перед важным делом, пришлось последовать доброму совету призрака Основателя: перед выходом украдкой глотнула прямо из горлышка аналог местного коньяка.

10

«Что за идиотские правила? Почему я обязан ждать месяц? За целый месяц у нее между ног перебивает вся Академия! У того же Флафа запись куда короче — на неделю вперед, хотя озабоченных баб у нас не меньше, чем мужиков, а времени на каждую курицу уходит на полчаса дольше. Что там сложного? Пять минут — и иди по своим делам!..»

— Клава, что ты там всё бормочешь? — остановился Флаф, обернулся к отставшим спутникам.

Инкуб шел впереди, быстрым шагом, явно нервничая. Впрочем, Клаве его волнение было совершенно понятно: кому захочется возвращаться туда, где прошлой ночью увидел кровавый труп в неприглядном виде? Она и сама дрожала, как осиновый лист. Хорошо, что

Вильгельм никуда от нее не убежал, шагал рядом, иногда осторожными прикосновениями за локоть направлял ее, чтобы свернула в нужный переулок. Ночью городок казался мрачным лабиринтом, и все дома одинаково темными... Или просто это ей чудилось. Да еще вампир под боком нагнетал своим бледно-готическим видом и таинственной, едва заметной улыбочкой Моны Лизы, пряча под губами отнюдь не пластмассовые клыки.

Клава поглядела на молчаливого спутника снизу вверх, втайне страдая от слишком очевидной разницы в росте:

— Разве я что-то говорила? — усомнилась она. По ее ощущениям, она шла молча, возможно, слегка углубившись в собственные мысли. Но бормотать что-то вслух? Это у Флафа в ушах шумит от переживаний, нечего на нее спирать!

— Похоже, в тебе просыпаются воспоминания покойного Михаэля, — мягко разбил ее хрупкое достоинство вампир. — Ты всю дорогу сюда повторяешь его мысли.

— Неужели? — насупилась Клавдия. Потребовала доказательств собственного умопомрачения: — И что же я, хм, бормотала?

— Видимо, направляясь к башне, Михаэль размышлял о вашей встрече, — чуть наклонившись к ней, вампир доверительно понизил голос. — Ничего особо информативного, но лучше я не буду повторять этого вслух. Михаэль ведь был у нас прост в выражениях, а мне воспитание не позволяет столь же прямо называть интимные вещи своими именами.

Клава вспыхнула маковым цветом на секунду раньше, чем уяснила себе смысл сказанного.

— Застеснялся, — хмыкнул Флаф. — Клава, гордись: ты первая в мире суккуба, которая умудрилась смутить вампира, даже не сняв чулок.

— Гордюсь, — буркнула Клава.

И, упрямо опустив голову, прошла мимо парней вперед. Благо подножие башни уже виднелось в просвете между зданиями, заблудиться при тусклом свете фонарей ей не грозило. Оставалось пересечь площадь, известную ей после дневного опроса свидетелей, — и вот уже забор вокруг цветника и запертая калитка.

— Погодите, а как мы войдем? — обернулась она к парням.

На решетчатой узорной калитке красовался новенький замок. Клава не смогла удержаться от ворчания:

— Вот если бы догадались раньше запереть башню, тогда, может, и не случилось бы никакого несчастного случая! Куда только местная милиция смотрит? Никакого порядка!

Развернуться и трусливо сбежать ей не позволили. Выяснилось, что замок повесила Сирена лично, кодовый ключ заранее выслала Флавиану на коммуникатор, а никакой полиции или тому подобной организации в Академгородке в помине не существует и никогда не было. К чему этот орган правопорядка здесь? Тут все жители знают друг друга не первое столетие, пришлые подозрительные личности в принципе не шастают, ибо не так-то просто сюда вообще попасть. Попаданки не в счет, они отдельная проблема стихийного характера. Да и те, объявившись в Академии, не имеют шанса остаться непойманными и незарегистрированными — об этом позаботится глобальная система безопасности и наблюдения. Эта же система подключена к каждому коммуникатору, дабы незаметно следить за студентами и преподавателями. Обо всех противоправных действиях сеть колдовской «паутины» немедленно докладывает самой директрисе и ее замам по дисциплине.

— В конечном счете мисс Сирена получается здесь главой судебной и исполнительной власти в едином лице? — подытожила Клавдия с глубокомысленным видом.

— Есть еще Совет попечителей, Совет преподавателей, общество родителей учащихся и Совет Старейшин, — добавил Флаф. — Но собрать кворум на практике нереально — всегда кто-нибудь в отпуске или в командировке для повышения квалификации.

— Ага, — кивнула Клава, — конечно! В случае преступления куда легче обойтись без шумихи и бюрократии: просто надо призвать некроманта, поднять жертву убийства из мертвых, посадить на поезд, вернуть домой и сказать родным, что такого хладнокровного студента они к вам сюда и прислали.

Следом за инкубом она поднялась по щербатым ступеням низкого крыльца и вошла в башню через высокий и узкий проем. Из двойных дверей открывалась одна створа, окованная железом, тяжелая, как дверь в кабинет рентгенографии, сплошь расписанная по чернению золотыми корявыми письменами.

— Обе двери открываются один раз в год, на праздник в День памяти Основателя, — пояснил Клаве Вильгельм, поймав ее недовольный взгляд.

— Дай угадаю: в этот день студенты ходят на демонстрацию со статуей Основателя на носилках, украшенных цветами и ленточками, затем водят хороводы вокруг башни? А потом забираются на башню группами по тринадцать человек и с крыши орут патриотические кричалки во славу альма-матер?

— Почти так.

Если парням было неудобно зайти в дверной проем из-за ширины плеч, то суккубе пришлось пробираться не только по-крабьи бочком, но еще опасно изогнувшись знаком доллара, пытаясь втянуть одновременно и грудь, и попу, что, разумеется, сделать ей не удалось, и ткань платья подозрительно прошуршала по ребристым кромкам створы и косяка.

— Всё нормально, — ободрил ее скользнувший следом Виль. — Платье в порядке, пятен и зацепок не осталось.

Клава недовольно запыхтела: удобно этим вампирам! Тут почти непроглядная темнота, еле-еле в дверь просачивается отсвет уличных фонарей, скорее декоративных и раритетных, чем что-то освещающих, а этот клыкастый видит, ишь ты, не осталось ли у нее на филее зацепок!

— Ворота проектировал сам Основатель, — продолжал Вильгельм тоном гида. — Он специально задумал их такими узкими, чтобы без разрешения хозяина в башню не сумел бы проникнуть ни один рыцарь в латном облачении.

— Осторожно! Поднимаемся по лестнице, — немногословно предупредил Флавиан.

Клава с трудом различала маячившее впереди светлое пятно — рубашка инкуба, вид со спины. Очертания перил и ступеней она скорее угадывала, чем видела, поэтому крепко цеплялась за поручни, заботливо приделанные к стене, и старалась держаться подальше от центрального пролета.

— А если не рыцарь? И если не в латном? — спросила Клава.

Болтовня с вампиром отвлекала ее от вспыхивающих в мозгу картинок: вот кто-то с кем-то встретился перед дверями и вдвоем вошли в темноту. Вот кто-то за кем-то поднимается наверх, как сейчас они втроем. Кто и с кем не разобрать, воспоминание — это ведь не сигнал телевизора, настройку не подкрутишь. Изображение не то чтобы размыто, Михаэль просто не разглядывал ничего специально. Тень там, отсвет тут, обрывок слов, осколок мысли. И всё равно этих обрывков и осколков Клаве хватило, чтобы совершенно

растеряться. И потеряться — между чужим прошлым и своим настоящим.

— Если не рыцарь, то церемониться было ни к чему, — рассказывал Виль. — Это за убийство дворянина с колдунов в те времена спрашивали строго. А если человек пришел без приглашения и не предъявил очевидных знаков высокого статуса, то колдуна никто не смел винить за убийство предположительного вора или разбойника. В древности эта башня была до самой крыши наполнена хитроумными ловушками, как магическими, так и механическими. Кстати, на женщин наш отшельник реагировал еще хуже, чем на воров. Входные ворота имели обыкновение резко захлопываться или выстреливать шипами, если какая-то отчаянная дама сдуру пыталась проникнуть в обитель величайшего колдуна. Но всё это давно в прошлом, ловушки и капканы убрали еще ученики учеников Основателя.

— Что ж не оставили? Была бы эдакая полоса препятствий для алчущих сакрального знания студентов, — поежилась Клавдия. — А наверху какой-нибудь приз бы вручали. Или медаль за покорение вершины.

После второго витка лестницы в толстых каменных стенах появились редкие отверстия, гордо именуемые окнами. Как для Клавы, это были натуральные амбразуры — конические щели, продолбленные в толще блоков. Если изнутри на подоконник можно было сесть, то в само так называемое окно едва пролезала рука. Впрочем, Клава никуда запрыгивать не стала, охоты проверять не было. Суровый Основатель наверняка не брезговал обычным оружием и при необходимости заставлял своих учеников отстреливаться с луком и стрелами — от врагов... и от поклонниц? Клава представила, как дамы-туристки в платьях с кринолинами в сопровождении свиты служанок улепетывают восвояси под градом стрел, камней и файерболов. Что ж, вполне возможно, так и было. Пообщавшись с Основателем лично, она поняла, в чем отличие реального колдуна от всяческих экстрасенсов и прочих шарлатанов: настоящий маг не нуждается в публице и всеобщем обожании. Бедные ученики — стремясь получить знание, они наверняка вынуждены были терпеть страшные притеснения от гения!

— Погодите, а где жил Основатель? — остановилась Клава. Огляделась, благо глаза понемногу привыкли к полутьме. И дух заодно перевести не мешало, по привычным меркам на девятый этаж забрались, наверное, не меньше, а впереди почти столько же ступеней. — Тут же ничего нет — голые стены и лестница! И пролет, как колодец.

Она осмелела настолько, что подобралась к краю ступеней. Крепко держась за перила, глянула вниз, по-совиному крикнула в гулкую бездну:

— У-гу! Угу-гу? Хо-хо-хо-хо!..

Эхо ответило безупречной пародией. Крик отразился от стен, прошел по колодцу пролета до земли и вернулся обратно, искаженный до жуткого баса, миновал Клаву, обдав мимоходом мурашками, поднялся до шатровой крыши и вспугнул стаю летучих мышей.

Вильгельм и Флавиан терпеливо подождали, пока суккуба удовлетворит свое любопытство.

— Может быть, именно из-за этой привычки играть с эхом Основатель в конце концов и невзлюбил женский пол? — философски заметил Флавиан. — Вот выстроил он себе башню, живет, работает. Приезжает одна принцесса — угукает в пролет. Приезжает потом следующая — опять надо угукнуть. И так сто лет каждая клиентка. Не мудрено вскипеть!

— Судя по привычкам наших студенток, все женщины во все времена ведут себя совершенно одинаково, — согласился с инкубом вампир.

— Чем болтать, давно бы спросили самого призрака, как было на самом деле, —

проворчала Клава, уличенная в общем женском проступке. Пустяк, а ведь впрямь неприятно, если представить, что это твой родной дом и каждая гостя считает своим долгом пошуметь.

— Спрашивали, он не помнит, — развел руками Флавиан.

— Или признаваться не желает, — поддакнул Виль.

— Так где тут жилые комнаты? Где были лаборатории? — напомнила свой вопрос Клава.

Они продолжили подъем. Темнота становилась всё прозрачней, амбразуры сменились более-менее приемлемыми для проветривания окнами. Клава мысленно прикинула: этаж двенадцатый, не меньше. А вся башня на вид с двадцатизэтажку, если не считать конус крыши и шпиль. Но изнутри с привычными типовыми постройками не сравнить, между витками лестницы огромная высота, не то что тесные марши на лестничных клетках в обычных подъездах. Клава ярко вспомнила родной подъезд, с битыми лампочками, описанным лифтом и прокуренной лестницей — и что-то ностальгия не всколыхнулась, сердечко не ёкнуло, аж сама удивилась.

— Под башней есть обширное подземелье, — сказал Вильгельм. — Разветвленная сеть, подземный лабиринт. Теперь входы туда замурованы, чтобы первокурсники и школьники не лазили. Там и были лаборатории, самые разнообразные, для таких экспериментов, какие мы и представить не сможем.

— За многовековую жизнь Основатель чем только ни занимался, — подхватил Флаф. — Ведь, если ты не ограничен короткой человеческой жизнью, то можешь провести поистине грандиозные исследования!

— Только бессмертие он себе не изобрел, — обрубил восторги на корню Клава.

— Не успел, — буркнул Флаф.

— Угу, бабы вездесущие, наверное, помешали, отвлекли, — съязвила суккуба.

Вампир за ее спиной фыркнул, но промолчал. Инкуб тоже раздувать ссору из ничего не захотел, лишь вздохнул.

Когда наконец-то вышли на смотровую площадку, вернее сказать, на балкон-галерею вокруг циферблатов, Вильгельм вспомнил, что в башне имелись и другие тайные помещения, не только подземные.

— Основатель был одним из первых, кто открыл и стал использовать для бытовых целей карманы подпространства, — продолжал свою лекцию местной магической истории вампир. Однако свежий ветер съедал его голос, делая слова уже совсем не такими важными, как они звучали внутри башни, и Клава стала прислушиваться вполуха. — Эти карманы он делал в виде просторных комнат, где хранил, как в погребах, продукты питания и книги. Даже молоко в них не портилось и оставалось свежим сколь угодно долго! Свитки и книги не подвергались течению времени — бумага не превращалась в труху, чернила не выцветали, оклады не грызли червяки, моль и мыши. А всё потому, что эти карманы были только частично совмещены с реальным миром, только вход соприкасался с нашим пространством, а вся остальная структура уходила в промежуток между иными мирами, в пустоту небытия, где само понятия времени не имело значения. В двух словах это объяснить невозможно. А Основатель — первым придумал, представьте себе, прочувствуйте! Он первым не просто понял и описал это явление подробными формулами, но и сумел сотворить пробные и тем не менее работающие карманы! Это невероятно!..

Пока вампир восторгался гениальностью отшельника, Клавдия успела подышать ночной прохладой, полюбоваться на тихий город и спящую вдалеке Академию, обошла медленным

шагом площадку кругом и слегка замерзла на ветру. Вильгельм, заметив, как она ежится, оставил в покое историческое прошлое и галантно набросил ей на плечи свой готичный китель, чем вызвал молчаливое недовольство инкуба. Впрочем, Флаф явился в тонкой рубашке, поэтому ничего взамен предложить девушке не мог, да и сам мгновенно замерз.

Клава остановилась ровно на том месте, где с Михаэлем случилось несчастье. На поручнях с внешней стороны не осталось следов. Впрочем, чего она ожидала — клок белых волос? Перьев? Пуха? Если здесь есть отпечатки пальцев, невооруженным глазом она их не различит.

Вспышки воспоминаний подсказали, что именно здесь блондин-альбинос цеплялся за прутья ограды, пытаясь спастись от падения. И кто-то старался втолкнуть его обратно. Кто-то кричал «держиись!» и протягивал руку. Но в ответ этот кто-то, чье лицо Клава не могла увидеть, как ни старалась, — в ответ он не получил руку ангела, так как тот был слишком напуган и не мог разжать пальцы. Хотя пальцы скользили по гладкому металлу, было неудобно и тяжело удерживать вес раскачивающегося крупного тела...

Клава пыталась проморгаться и отогнать видения, но яркие смазанные картинки застилали реальность.

«Держись!»

«Я не могу!!! Я щас грохнусь, ... ты ...!»

«Крылья! Выпусти крылья! Ведь ты умеешь летать!»

«... ...! — матерился Михаэль. — Я тебе кто — вампир гребанный?! Я тебе бабочка?! Стрекоза?! Эльф?!»

«Выпусти крылья, я вытащу тебя за них!»

И снова поток брани в ответ. Но всё-таки удалось сосредоточиться — и белоснежные искрящиеся крылья распахнулись. Кто-то попытался ухватиться обеими руками за сгибы у основания, там, где сухожилия и кости были крепче, а перьев росло поменьше. Но некстати пролетел порыв ветра. В разы увеличившаяся парусность отбросила блондина от башни. Чьи-то руки беспомощно соскользнули по суставам крыльев, вцепились в самые кончики, вырывая пучки перьев. Клава явственно ощутила, как прутья ограды выскользнули из скрючившихся от долгого напряжения пальцев...

— Флаф, держи ее!!!

Клава краем сознания отметила, что упирившийся в спину твердый поручень ограды подозрительно скользнул по пояснице. Ее ноги почему-то ненадолго оказались выше головы... Ощущение невесомости прекратилось так же внезапно, как появилось: правую щиколотку резко и неприятно сдавило, ее сильно дернуло, аж в позвоночнике щелкнул хрящик. Платье задралось, подол качающимися складками накрыл лицо; было странно, словно ее голова — это язык в подвешенном колоколе.

— Тащи помаленьку! Аккуратно!!! Ты не инкуб, ты ...!

Она удивилась: не думала, что Вильгельм умеет материться и так метко подбирать эпитеты! Левую ее ногу попытались тоже перехватить.

— Почему, Флаф? Почему?! — Клавдия не узнала собственный голос, как будто кто-то другой выкрикнул через ее горло.

Она неудачно дернулась, засветила левой пяткой во что-то или куда-то, вернее, в кого-то. Неприятные тиски на правой щиколотке ослабли, туфля соскользнула с ноги. И снова — свобода невесомости.

Большая часть ее разума было словно под гипнозом: ее затягивал, как в водоворот,

растянувшийся момент последнего падения Михаэля. Он падал, падал — и земля не желала приближаться. Или ее собственный мозг заиклился картинку и не пропускал окончание этого воспоминания, настолько оно было ужасным. Только отдаляющееся лицо того, кто остался на башне с протянутыми руками, свисая по пояс через ограждение. Четко, ясно, очень резко и контрастно — огромные глаза, не верящие в происходящее, открытый в крике рот, стоящие дыбом от ветра и ужаса волосы.

Ее встряхнуло. Клава наконец-то опомнилась, вернулась сознанием к реальности.

Она подняла голову — и картинки наложились одна на другую. Лицо на лицо, глаза на глаза. Только сейчас Флаф закрыл рот, поняв, что в этот раз смерть пронеслась мимо, лишь задев тенью ни в чем не повинную девушку.

«Держу тебя! Всё хорошо!» — знакомый голос Вильгельма прозвучал непривычно испуганно.

Клава осознала себя висящей в воздухе. Внизу под ногами маячил и раскачивался город. Ах нет, это она раскачивается. Ее держат сзади за воротник платья. Вот спасибо тетушке Бетси за крепкую добротную ткань! Ворот трещит, врезается больно в горло, швы натянулись под мышками, но не рвутся. Клава постаралась сохранить спокойствие. Лишь бы не начать дергаться. Лучше всего в ее положении продолжать висеть куклой. Вот, можно полюбоваться на городок с высоты птичьего... то есть вампирского полета. Когда еще представится такая возможность? Да никогда больше в жизни! Хватит с нее и одного раза. Внизу красота: домики, как игрушечные, деревца, фонари на столбах-спичках... Лишь бы не замутило с непривычки.

К счастью, всё закончилось в считанные секунды, пусть для самой Клавы мгновения растянулись в резиновые длинные минуты. Стоило ступням ощутить твердую землю, вернее булыжники мостовой, как время вернуло свой обычный быстрый бег.

— Что?.. это?.. было?! — выдохнула-выкрикнула она, без сил просто сев на мостовую, так как ноги бессовестно тряслись и подламывались в коленях.

— Тсс, кругом люди спят, — напомнил в полголоса Вильгельм.

Клава обернулась: вампир стоял у нее за спиной, невозмутимый и лишь слегка запыхавшийся. Голый в том самом смысле «в чем мама родила» — и при этом великолепный и ослепительно совершенный в рельефности стопроцентно мужского тела.

— Ты?.. почему? — сбивчиво уточнила Клава, всё еще с трудом воспринимая случившееся.

— Ты вдруг перевалилась спиной через ограждение. Тебе стало дурно? Флаф успел схватить тебя за ногу, но ему не хватило сил удержать тебя из-за разницы в весе. Ты полетела вниз, я обернулся нетопырем и бросился тебя догонять, — пояснил Вильгельм, ничуть не смущенный собственным видом. Будто бы вспомнил о мелочи, развел руками: — А, из одежды я выпал. Всё-таки нетопырь гораздо мельче человека, одежда сразу становится велика и слетает махом.

Клава понятливо покивала. Обернулась на топот: Флаф, наверное, кубарем скатившись по лестнице башни, спешил к ним, размахивая ее туфлями. На полпути он сбавил скорость, увидев, что оба живы и в относительном порядке. Поставив перед Клавдией туфли, кивнул Вильгельму на цветник за оградой:

— Минутку, я подберу твои шмотки, а то замерзнешь.

Сказано это было не просто сбивчиво от нехватки дыхания после бега по лестнице, но с каким-то отчетливым виноватым выражением, так что Клава мигом вспомнила своё

видение. Стон разочарования и отчаяния вырвался из груди сам собой, она уронила гудящую голову в холодные от испуга ладони.

— Что? Где-то болит? — озаботился вампир, присел рядом на корточки.

Клава, не отрывая рук от лица, помотала головой и, не вставая, развернулась к нему спиной, что вышло неуклюже и не возымело успеха — с другой стороны возник взбудораженный Флавиан:

— Ты ушиблась? Он тебя поцарапал?

— Я?! Пальцем не тронул! — до глубины души оскорбился вампир. В доказательство рванул на Клаве ворот платья, едва не порвал в порыве, она только пискнула, схватившись за подпрыгнувший лиф.

Флавиан осмотрел не поцарапанную спину и плечи, осторожно провел по коже подушечками пальцев. Вздохнув с облегчением, инкуб швырнул в Вильгельма брюки, которые успел подобрать с клумбы. Обиженно фыркнув, вампир натянул штаны и ушел искать обувь. Подняв глаза, сквозь растрепанные волосы Клава увидела, как он вороватым движением сорвал с пик ограды зацепившиеся трусы.

— Ты как? Нормально? — тихо спросил Флавиан. Поправил платье на спине, пригладил ее волосы, всклокоченные после полета.

— Вроде бы, — буркнула Клавдия, отводя глаза.

— Ты... — еще тише спросил инкуб. — Что-нибудь разобрала? В видениях?

— Да, кое-что, — вздохнула Клава. И посмотрела ему в лицо: — Почему? Флаф, почему? Это был несчастный случай. Но почему ты был там?

Инкуб побледнел еще больше. Возможно, слегка посинел, но ночное скудное освещение не позволяло быть уверенным в тонких нюансах оттенков.

— Ты расскажешь? — уточнил он.

Клава помотала головой:

— Это был несчастный случай. Я всё видела! То есть, не всё, но главное. Ты не хотел его смерти.

— Не хотел, — кивнул потерянно Флаф. — Это получилось случайно. Мне правда очень жаль, что так вышло.

— Почему? Флаф, как так? — не оставляла попыток допытаться она. Если виной всему была ревность, это было самое глупое убийство, какое может быть на свете.

Однако инкуб не спешил раскрыть причину трагедии. Он поднялся с колен, вздохнул:

— Можешь говорить что угодно кому угодно. Я не стану отпираться.

Клава тоже вскочила на ноги:

— Это был несчастный случай! — упрямо повторила она.

Флавиан промолчал. И отошел на шаг, словно уступая ей во всем.

— Ну? — подошел к ним вампир, на ходу закатывая рукава рубашки, чтобы был незаметен порванный манжет. — И какой вывод мы сделаем из сего эксперимента? Клавдия?

— Такой, что развернуть крылья при неожиданном падении невозможно, даже если они у меня есть, — буркнула суккуба.

Поежившись, она зябко обхватила себя за плечи руками — и снова получила китель вампира, с застрявшей в пагончике на плече оборванной веточкой незабудки.

Флавиан вдруг схватился за свой коммуникатор:

— Сирена?

— Ты где и с кем? — кратко поинтересовалась вместо приветствия директриса.

Услышав ответ, пояснила свой резкий тон: — Тело Михаэля пропало из морга.

— Может, Пума потащила показать его Основателю? — предположил Вильгельм.

— Нет, я уже проверила. Ни следов, ни свидетелей похищения. Не знаю, что и думать, некрофилов и любителей мертвечины, кроме Пумы, у нас в городе нет.

— Кто-нибудь еще знает? — спросил Флавиан.

— Нет, пока всё в тайне, только наш круг в курсе, — заверила Сирена. Голос ее заметно дрожал то ли от нервов, то ли от злости. — Для общественности заявим, будто мы провели поднятие и отправили бедолагу на лечение в труднодоступный внепространственный санаторий.

— Клавдия утверждает, что произошел несчастный случай, — коротко оглянувшись на суккубу, торопливо сказал Флавиан.

— Вот как? — вздохнула Сирена. — Хоть одна хорошая весть за сегодня. В таком случае сосредоточимся на поиске тела. Раз убийцы нет, его искать не придется.

Попрощавшись, она отключилась.

— Я поспрашиваю среди своих, ночных жителей города, — сказал Вильгельм, хмуря брови. — Пропажа мертвеца может кинуть тень на весь наш квартал.

Флавиан пожал плечами:

— Будем надеяться, что всё разрешится в ближайшем времени.

Сославшись на плотное расписание, он оставил Клавдию под опекой вампира и сбежал в ночь.

— Что теперь? — Виль улыбнулся растерянно переминающейся с ноги на ногу суккубе. — Есть смысл продолжать расследование или уже нет? У нас дальше по плану значилось еще одно задание: проверить алиби Василия.

Клава кивнула, чертенок из ликероводочного рода-племени совершенно вылетел у нее из головы. Не мудрено, после таких-то полетов!

— Это здесь близко, заодно отдохнешь и немного расслабишься, тебе не повредит, — пообещал Вильгельм, заботливо подставив локоть.

Клава улыбнулась: они отправились в ночной клуб, совсем как гулящая парочка: его пиджак на ней, ее юбка помята, ворот растянута. Он вообще в таком виде, будто в клумбе резвился полночи! Что о них люди подумают, представить стыдно.

А тревожную мысль о Флавиане она прогнала из разума. Кто она ему, чтобы он исповедовался ей во всех секретах? Просто случайная знакомая, попаданка, девушка на одну ночь, таких у него полгорода и пригород. Захочет, сам потом расскажет. А если нет, то и не надо. В конце концов, в смерти Михаэля она не виновата. И труп его тоже не она похитила. Так что ж ей казниться? В чужом городе, в чужом мире — единственное, что она может, так это плыть по волнам. Главное, стараться удержаться на плаву и позаботиться о Персике. Остальные здешние обитатели жили прежде без нее, значит, и в будущем обойдутся без ее переживаний.

Твердо решив это для себя, Клавдия переступила порог бара. И за короткие полчаса умудрилась напиться до поросячьего облика.

11

— Так ты свидетель? — в очередной раз переспросила Клава и икнула.

Она всю жизнь считала, что пьяное икание лишь наигранный символ злоупотребления алкоголем — и вот, дожила! Ощущая твердую уверенность в собственной трезвости, Клава

икала, как последняя пьяница. Мысленно проклиная не вовремя взбунтовавшийся голодный желудок, в который незаметно для себя самой залила уже шестой коктейль, она продолжала самоотверженно восседать на высокой барной табуретке — и наседать с допросом на красавчика бармена.

Ее расфокусированный взгляд развратно ласкал его скульптурный высокий лоб с декадентской челочкой, уложенной блестящей незыблемой волной. Его густые брови восхищали суккубу до изумления. Его нос, достойный римских императоров, казался ей весьма привлекательным. О губах и волевом подбородке с ямочкой даже упоминать не стоит — Клавдия облизывалась на рот в целом и на каждую губу в отдельности. А как играли мускулы на его плечах под белой рубашкой с запонками на манжетах, когда он протирал полотенцем очередной бокал! А его мужественная широкая грудь, обтянутая жилетом в мелкую полоску!..

Клавдия засмотрелась, мусоля очередную соломинку в очередном коктейле, позабыв почти обо всём на свете, — и в упор не видела, что над столешницей стойки мелькают не только две мужественные ловкие руки, но также деловито порхают еще более ловкие щупальца с присосками. Длинные гибкие тентакли прекрасно управлялись как с бутылками, так и со стаканами, бокалами, соломинками и коктейльными зонтиками. Ведь присоски — это вам не человеческие неуклюжие пальцы, из присосок ничего не выскользнет, а значит и не разобьется. В общем, пока бармен делал вид, что стоит на месте и внимательно слушает излияния новенькой клиентки, остальные многочисленные посетители заведения по-прежнему получали первоклассное быстрое обслуживание.

— Прости, еще раз повтори, как тебя? — смущенно и кокетливо хихикнула Клава.

— Стив, — ровно повторил бармен. — Стив Спрут.

— Стив... Стивен — Стефан — Степан... — просклоняла Клава. Опять хихикнула, затем изобразила всем лицом, как сумела, пронзительный взгляд роковой красотки: — Скажи мне, Стёпа, значит, ты подтверждаешь алиби Василия?

— Подтверждаю, — в восьмой раз за час не изменил своему слову невозмутимый Стив. Повторил, чтобы у «следовательницы» записалось на «подкорку»: — Василий у меня работает официантом на подхвате. Вчера было много посетителей, а этот стручок явился уже нетрезвым, на рабочем месте выкал в одно рыло бутылку недешевого виски, после чего полночи танцевал на столах, развлекая посетителей, и отлынивал от работы всю смену.

— А мне он клялся, будто непьющий! До сколько — ик! — он танцевал? — перегнула брови Клавдия, оперлась локтем о столешницу, водрузила на ладонь подбородок, но не удержала тяжелую голову и сползла по руке щекой.

— До полуночи, — сказал Стив третий раз за час.

— А где он был в ноль-пятнадцать? А? А?! — привстала Клавдия для убедительности.

Когда она сделала столь рискованное движение, Вильгельм, который сдался и ушел на танцпол после провалившейся попытки отобрать у суккубы четвертый коктейль, ринулся обратно сквозь толпу ей на помощь. К счастью, Клава вспомнила, что у нее имеются крылышки и хвост: выпустив оные на волю, ей удалось удержать равновесие и не сверзнуться с шаткого табурета.

— В ноль-пятнадцать Василий был в кладовке, где я его запер, чтобы он немного поспал и протрезвел, — стоял на своем Стив. — Но так как Василий не желал спать, он продолжил развлекать посетителей, перейдя от танцев к пению романсов.

— Это ты так говоришь! — протестующе замахала указательным пальцем Клавдия. —

А вдруг ты запер в кладовке не чертенка, а магнитофон?

— Что, простите? — не понял незнакомого слова бармен.

— Клава! — подошел Вильгельм, обнял спутницу, принялся умолять: — Клавочка, всё в порядке, никакого магнитофона не было. Я опросил уборщицу и вышибал, они подтверждают, что Васька ругался с ними через дверь. Это точно был он. Ни одно звуковоспроизводящее устройство не способно разумно материться в ответ на обращенные к нему вопросы. Может, хватит? Пойдем домой?

— «Разумно»? — хмыкнул Стив.

— У-у-уйди, у-упырь! — шлепнула Виля по рукам Клава, чтобы не лапал ее без особого дозволения. — Дай мне с хорошим мужик... — ик! — ...ком пообщаться. Он единственный в этом мире меня не домогается... А! О! Слушай, Стёпа, а пойдем с тобой в кладовку, а? А? — Она принялась соблазнительно улыбаться и подмигивать обоими глазами по очереди.

— При всём уважении, но у меня есть любимая женщина, — вежливо отказался бармен.

— Вот бабе повезло! — вздохнула Клава завистливо. — Красивая она, наверное, у тебя, да?

— Очень, — заулыбался Стив.

— Наверное, уж не такая толстая, как я, — шмыгнула носом Клава. — И не суккуба легкого поведения.

Вильгельм со вздохом закатил глаза к потолку, затем выразительно переглянулся с барменом. Тот незаметно для Клавы пожал плечами: мол, все бабы одинаковые, терпи. Заказав себе особый охлажденный коктейль в герметичной одноразовой упаковке, вампир, потягивая красную жидкость через соломинку, снова ушел в танцевальную зону клуба.

— Они мне все врут, Стёпа, — произнесла Клава с почти трезвой интонацией. Обиженно покосилась вослед вампиру. — С первого же дня в этом мире меня окружает вранье.

— Полагаешь? — произнес бармен.

— Чую задницей! — поклялась суккуба. — Она у меня, знаешь, какая чувствительная? У-у!.. И Флаф среди этих врунов самый завравшийся.

— Он же инкуб, ему по профессии положено уметь врать дамам, — заметил бармен.

— Нет, ты не думай, у меня не эта самая, как ее, не паранойя! — даже не слушала собеседника Клавдия, изумленная внезапным пониманием собственного положения. — Они все недоговаривают. Ну, я понимаю, что я здесь чужая, я вообще многого не понимаю в при... — ик! — ...нице. Но это так тяжело — чувствовать, что тебя используют! Ради каких-то своих темных делишек, о которых мне знать не положено. Держат меня за круглую дуру. Круглую, ы-ы...

— Прости, но у тебя разыгралось воображение, — заверил ее Стив. — Попаданки абсолютно непредсказуемые существа. Вас совершенно невозможно использовать. Один шанс на миллион, что в нужный момент в нужное место занесет нужного человека.

— Или нелюдя, — добавила Клава. — А ты откуда знаешь?

— Вчера в репортаже показывали, — пожал плечами Стив. — Но это все знают, проверенный факт. Так что успокойся и держи голову гордо! Ты красавица, и мужики вокруг тебя вьются тучами, так воспользуйся этим — живи и наслаждайся жизнью!

— Думаешь? — недоверчиво шмыгнула носом Клавдия. — Вообще, откуда я знаю, вдруг у тебя с Васькой тоже преступный сговор, а? И уборщица с вышибалами в доле?

Бармен усмехнулся:

— Вот что я думаю: ты перенесла сильный стресс.

— Это да, — согласилась Клава.

— Тебе нужно сбросить негатив, — продолжал он. Кивнул в сторону танцевавшего среди прочих посетителей Вильгельма: — И нет лучшего способа избавиться от негатива, чем тот, что у тебя уже под рукой.

— Что, вампир? — уточнила Клава.

— Не просто вампир, — уточнил Стив по секрету, — а дипломированный психоаналитик и энерготерапевт! Причем эмпат. Здесь он получает свое третье высшее образование на кафедре метафизики.

— Ух ты! — резко зауважала Вильгельма Клава. — А на вид и не скажешь.

— Переспи с вампиром, и весь накопившийся негатив как рукой снимет, — подытожил бармен. Видимо, это была общеизвестная здесь поговорка.

— Тьфу! И ты туда же? — обиделась на такой совет суккуба.

Прислушавшись к своему капризному организму, она поинтересовалась с надеждой:

— Стёп, а шампанское в вашем мире существует?

Клава неохотно разлепила глаза. Спала бы и спала дальше, если бы не захотелось в туалет. Да еще Персик взялся месить ей пониже поясницы мягкое место... Стоп!

Клава открыла глаза шире. Она лежит на чужой широкой кровати, причем по диагонали. Лежит на животе, раскинув ноги, а руки подложила под голову. Голая. Даже простыночкой не прикрытая. В незнакомой комнате. Судя по лучику солнца, проникшему сквозь щель между тяжелыми плотными занавесками на окне, до полудня не сильно далеко. Проспала так проспала! Впрочем, не удивительно, после вчерашней-то пьянки. Удивительно, что похмелье не мучает. В теле разливалась приятная ленивая тяжесть, томность...

Ага! Томность — это от того, что кто-то устроил ей массаж. Только массирует не спину и плечи, а попу и ляжки. Персик тоже любил под настроение залезть на хозяйку и помесить лапками жирок. Причем кот при этом выпускал коготки, и массаж сопровождался иглоукальванием. Теперь же чьи-то пальцы мягко оглаживали и массировали, а коготки на пальцах были не такими острыми, хотя и длинными, они только чуть-чуть царапали кожу, придавая ласке пикантную остроту.

Поняв, что суккуба проснулась, нежные пальцы с полупопий перебрались в ложбинку, а оттуда еще ниже — между ног, где уже стало жарко, упруго и раскрыто от усилившегося кровообращения и влажно от готовности принять большее удовольствие.

Клава, изогнувшись, поглядела через плечо, кто это там у нее в тылах притаился.

— Доброе утро, — улыбнулся Вильгельм, не убирая руки.

Он возлежал на подушках, прислонившись к кровати плечом и затылком. Роскошный и великолепный в своей бесстыдной красоте, как античный бог. И черные волосы в художественном беспорядке обрамляли бледное лицо со сверкающими глазами, рассыпались по подушкам. Маленькие розовые соски торчали на рельефе грудных мышц соблазнительными бисеринками. Торс расчерчен на кубики. Впадинка пупка, от нее темная дорожка — к темному от прилившей крови... хм, «банану». И пара «киви» в комплекте.

Клава поджала губы: вот же нахал! Разбудил и домогается! Она легла в прежнюю позу, раздвинула ноги пошире, приподняла копчик. Подумала мимолетно: видок у нее, наверное, еще тот! Синяки под глазами, волосы дыбом, кошачий туалет во рту... Хотя нет, дыхание вполне сносной свежести. Она же теперь суккуба! А это значит, что она останется

идеальной в любом состоянии. Судя по тому, как предвкушающе лыбится вампирище, даже утренняя лохматость ее не портит. И ему определенно по вкусу ее толстая попа. Интересно, кусать ее он будет тоже за мягкое? Хотя там, наверное, кровеносные сосуды далеко под слоем сала, длины клыков не хватит прокусить.

Клава поелозила бедрами, лоя игривые пальцы в капкан влажных губ:

— Извини, можешь подождать немного? Мне в туалет надо, срочно.

— Очень сильно надо? — мурлыкнул Виль, наклоняясь над ней, как лермонтовский демон над невинной княжной.

— Угу, щас описаюсь, мочи нету. — Клава, не сводя с него глаз, тоже развернулась на бок.

Но покинуть постель ей не позволили.

— И всё-таки потерпи, — наложил вето на «помилование» вампир. И наложил лапы с черным маникюром на ее белое тело. — Я покажу тебе кое-что занятное. Это не займет много времени, но другого столь удобного момента у нас может не быть.

— Только недолго! — пискнула Клава.

Вильгельм, оглаживая ее бедра от колен до паха по чувствительной внутренней стороне, развернул охнувшую Клавдию на спину. Пристроился между ног, почти лег на нее сверху, но чудом умудрился не придавить. Руками завел ее руки у нее над головой, и так оставил, удерживая за запястья.

Клава мысленно взмолилась: «Лишь бы не раздавил меня! Лишь бы не описаться под ним! Вот будет позорище! Да и простыни тут не дешевые...»

Накрыв ее собой полностью, Вильгельм плавным движением проскользнул в жаркую мягкость лона. Его лицо было прямо напротив Клавиного, удивленно-растерянного. Однако вампир не собирался гипнотизировать ее взглядом, напротив, он лишь искоса, коротко посмотрел на нее из-под ресниц, чтобы удостовериться, что всё делает правильно, что ей с ним комфортно. Щеки ее покраснелись, дыхание участилось, груди заколыхались — ее крупные соски скользнули по его груди, выписывая две зеркально отраженные спирали.

Он осторожно двинул бедрами, проникая глубже.

«Только бы не описаться!» — Клава закусилла нижнюю губу, запыхтела.

Легкий изгиб сильного мужского тела — и внутри ее тела разрастается обиженная жадность из-за ускользающего удовольствия, хотелось еще больше горячей наполненности.

Вильгельм закрыл глаза, сосредоточенный на неторопливых, тщательных движениях. И Клава без смущения принялась рассматривать его лицо: рисунок губ, неприметная трещинка на нижней. Густые ресницы, тонкая кожа век. Волосы небрежными прядями свешиваются вниз, у висков зачесаны назад, заправлены за уши. На шее ходит кадык и бьется венка. Клава потянула носом: совершенно иной запах, чем у Флафа. И несколько не похож на Михаэля или Василия. Удивительно, насколько разные у нее мужчины! И каждый по-своему хорош. Правда, именно в данную минуту Вильгельм затмевает их всех. Он определенно умеет доставить наслаждение, причем без лишней суеты. Четкая атака, плавное отступление, и снова мощный толчок... Упоительная простота!

Вот только бы не так сильно хотелось в туалет.

Клавдия не отвлекалась ни на что. Ее тело чутко отзывалось на ритм единения. В голове не было ни одной лишней мысли, кроме главной: «Терплю! Терплю! Еще немножко!..»

От тесноты внутри она ясно ощущала его скольжение в узких тисках ее женского сосредоточия. Его ствол мягко и настойчиво таранил ее матку, которая распласталась на

мочевом пузыре, как на натянутом барабане. И было в этом отражение того, как сама Клава лежала, придавленная вампиром к постели. Некуда было им обоим, бедняжкам, деться от мужской ласки, некуда сбежать и спрятаться. И Клавдия, и ее matka изнемогали от яркости ощущений, от точности толчков, от собственной открытости перед этой атакой нежностью и страстью...

Клава застонала, попыталась выползти из-под вампира. Ей показалось, что еще чуть-чуть, и она опозорится — настолько сильны были эти ощущения. Аж фонтан искр из глаз...

И тут он накрыл ее губы своими. Язык уверенно пробрался в ее рот, заставил широко раскрыться перед вторжением — и принялся измываться над ее языком, над ее нёбом, прошелся по деснам и щекам изнутри. И снова вернулся к ее языку, втянул его навстречу, вынудил вступить в парный танец... Такого бесцеремонного и поглощающего поцелуя Клава никогда в жизни не испытывала! Только видела в порнофильмах и переживала за актеров, как бы те не вывихнули челюсти от усердия. Ей оставалось только попискивать от смятения, смущения и удовольствия.

Слезы брызнули из-под зажмуренных с силой век. Клава судорожно выдохнула, стиснув коленями вампира за пояс, а руками уперлась в грудь, пытаясь неосознанно оттолкнуть. Но он был неумолим — не отпустил, напротив, ускорил ритм, почти вбиваясь в ее тело. И только поцелуй разорвал.

Она вскрикнула. И содрогнулась в опустошительном оргазме.

Вильгельм сделал еще несколько движений, довершая процесс до идеала — доведя Клаву до полного бессилия.

«Я не описалась... Ура! Боже, я выдержала?..» — крутилось у нее в голове.

Такого скорого и оглушительного наслаждения у нее еще не бывало.

— Ты... ты знал! Ты это специально! — укорила она довольно лыбящегося вампира, когда он повалился на постель сбоку от нее.

— Разумеется, знал, — не отрицал он своей заслуги. — Острые ощущения получились, не правда ли? Ты так сильно меня сжимала с самого начала!

— Я ни о чем другом думать не могла!

— Зато не отвлекалась на посторонние размышления, — парировал вампир. — К тому же, дело не только в этом. Ты постепенно учишься чувствовать свое тело. И учишься воспринимать определенные ощущения как источник удовольствия.

— А ты? Ты почему не кончил? — заметила Клава, с трудом сев на кровати. Так вот чего ей не хватило для полноты картины — его выстрела! С подозрительностью спросила в лоб: — Не хочешь?

— Хочу. Но на это у меня тоже есть свои планы. Ты, кажется, куда-то торопилась? — напомнил Виль. По-кошачьи растянулся на сбитых простынях, не помышляя прикрыться.

Клавдия многое хотела ему сказать, но поторопиться действительно стоило.

Уже в туалете она поняла, что в этот раз она действительно кончила без игр с клитором и без пальца в попе. Крышесносный поцелуй не в счет — вампир едва не оторвал ей язык, до того сильно засасывал, прямо как пылесос оброненную купюру! Неужели она действительно превращается в похотливую самку и скоро научится кончать от банального соития с любым существом, у которого найдется любой отросток? Нет-нет! О чем это она думает? Вильгельм — искушенный любовник! Ему-то хватит опыта и мастерства распалить ее одним поцелуем, а вот другим партнерам придется над ней попотеть. Она не дешевая давалка — она суккуба-попаданка!..

Сидя на унитазе без одежды, Клава со стоном стыда схватилась за голову: что за бредовые мысли толкутся у нее в голове? Виль прав, она сама себя лишает радости сумасшедших оргазмов только потому, что вечно думает о сотне глупостей сразу!

А еще она вспомнила, как ночью, совершенно пьяная, этот самый унитаз нежно обнимала — «исповедовалась» фаянсовому другу в самом сокровенном, буквально душу перед ним выворачивала. А Виль в это время заботливо держал ее волосы, чтобы не запачкались. Потом — или между сеансами «исповеди»? — Вильгельм купал ее, полубессознательную и необъективно агрессивную, в этой вот ванне, поливал ее гудящую голову прохладной отрезвляющей водичкой из этого душа. Завернул в это мягкое полотенце в цветочек и отнес на ручках в кроватку, где уложил рядом с собою. Сторожил ее полночи, хотя мог бы пойти на ночные занятия для вечерников. Давал ей минералку без газа, когда она сквозь сон пиналась и канючила, что хочет пить. А ведь мог бы оставить ее в баре, когда она так бесстыдно клеилась к бармену. Мог бы плюнуть и бросить ее посреди улицы, когда ее по дороге вывернуло на цветочную клумбу. Мог бы дотащить до дома Пумы, а не приводить к себе, ссылаясь на то, что его квартира ближе. Мог бы. И имел на то полное право.

После возвращения обрывков памяти Клавдия мысленно поклялась, что больше никогда в жизни не станет напиваться до потери морального облика.

Сделав насущные дела, умыв пылающую от стыда физиономию и наскоро помывшись, она вернулась в спальню.

— Не спешишь домой? — заметил Вильгельм. — Если что, твоя одежда в ванной, выстиранная и высушенная.

Клава помотала головой. После вчерашних мучений он имел право на продолжение. Это единственное, чем она может его отблагодарить. Не каждый стал бы стирать заблёванный лифчик.

— Ты не из тех вампиров, кто прячется от солнца?

— Оконные стекла не пропускают вредное для меня излучение. А перед выходом днем я принимаю специальные таблетки от аллергии на солнечный свет, только и всего.

— Ты... — Клава села на край постели, не зная с чего начать. Спросить хотелось о многом, но все вопросы перепутались в невнятный клубок, стоило выйти из ванной. — Ты классно целуешься. Даже Флаф с тобой не сравнится.

Виль усмехнулся, но оспаривать не стал.

Усевшись поудобней, откинувшись спиной на подушки изголовья, он жестом предложил ей сесть ему на колени:

— Раз ты всё еще здесь, продолжим?

— Ты хочешь, чтобы я раздавила тебя в позе наездницы? — выгнула бровь Клава. — Во-первых, я тяжелее тебя. Во-вторых, никогда такого не пробовала.

— Вот и научишься заодно, — повел плечами вампир. — И не тяжелее, я не настолько строен, как тебе мнится.

— Летать умеешь, значит, пушинка!

Она забралась на него верхом, но садиться на ждущий орган повременила, привстала на коленях. И, положив ладони ему на плечи, спросила, глядя в коем веке сверху вниз:

— Ты будешь меня кусать? Я слышала, вампиры любят доводить девушек до ошеломительного оргазма, чтобы кровь стала, как шампанское.

— Не надо о шампанском, — он с легкой намекающей улыбкой поправил ее волосы. —

Я не переношу необработанную кровь. Это как некоторые люди не пьют парное молоко со сливками, предпочитая обезжиренное или вообще кефир.

Вампир поцеловал ее соски, маячащие прямо перед его губами, сначала левый, потом правый, мягким, сухим поцелуем, почти целомудренным. У Клавы по позвоночнику пробежали мурашки. И внизу живота вновь стало жарко и томно.

— Не спеши, — остановил он ее. — Я утолил твой первый голод, теперь настало время поработать тебе.

— Ну, так я вот!.. — с готовностью попыталась присесть на упругий орган суккуба.

— Дай объясню! — рассмеялся он. — Думаешь, мне легко терпеть? Послушай сначала, потом будешь делать со мной всё, что в голову взбредет.

— Правда? — не поверила своей удаче Клава.

С этим великолепным упырем она хотела бы сделать очень много всего разного! Только стеснялась попросить. А он догадался — и сам выдает ей карт-бланш? Где-то здесь определенно скрыта ловушка! Но где, если он такой разборчивый в пище и отказывается ее кусать?

Оказалось, Вильгельм вздумал повысить ее профессиональную квалификацию суккубы. Она была по определению обязана уметь выравнивать силы у клиентов, развязывать энергетические узлы, забирать вредные излишки. Он же обладал умением видеть не только движение крови в живом теле, но и потоки энергии. То есть его дар не ограничивался способностью переделать ноутбук попаданки, чтобы вместо электричества тот заряжал батарею от магического кристалла-накопителя. Виль прочитал ей короткую лекцию о том, что в каждом живом существе существует индивидуальный рисунок энергетических каналов, напоминающих те же электрические провода в технических приборах.

— Возьми меня за руку и постарайся увидеть во мне этот рисунок, — велел он, наконец-то позволив опуститься на свой занемевший от ожидания детородный орган. — Не смей скакать на мне, пока не ощутишь структуру моего энергопотока! Сядь смирно. Мы соединены с тобой в крепкую взаимопроникающую систему. Закрой глаза. Расслабься... Да не сжимай меня своей жадной норкой! Имей совесть, я не железный! О, боже, зачем я на это подписался?..

Он в изнеможении откинул голову назад. Клава приоткрыла глаза, подсмотрела сквозь ресницы. Но его шея была столь соблазнительно близко, что глаза распахнулись сами собой. Беззащитная шея вампира. Клава наклонилась и тихонько лизнула языком кадык. Вампир недовольно замычал, но не открыл глаза и не шевельнул пальцем, чтобы ее остановить. Свой долг перед Академией он исполнил — объяснил, растолковал, разжевал, сам себя предоставил для опытов. На этом всё. Дальше дело за бестолковой попаданкой.

Клавдия осмелела от вседозволенности, лизнула вампира под подбородком, пригнулась — и облизала оба соска по очереди, широко облизывала впадинку между грудных мышц, при этом изо всех сил сжимая внутри себя пульсирующий и далеко не равнодушный к ее действиям ствол.

Она с любовью собственницы огладила мощные округлые мышцы плеч ладонями. Заставила его поднять руки — и потерлась кончиком носа в каждой подмышке, кайфуя от мужского индивидуального запаха: не противного, не острого, не густого, а именно такого, как надо для возбуждения — едва уловимого, мягкого, обволакивающего, смешанного со свежестью и чистотой от постельного белья, успокаивающего. Вселяющего уверенность в ее собственные силы и женские чары. Значит, хваленые феромоны существуют в реальности, и

она научилась их распознавать?

— Ты вампир, но такой теплый, — пробормотала она, продолжая водить ладонями по его телу.

— Вот здесь ты холоднее, — она нарисовала на коже извилистую линию пальцем.

— А вот здесь очень горячо, — она провела еще одну черту.

— Но я поцелую тебя вот здесь, — суккуба невесомо прикоснулась губами к отмеченной точке, и любовника под ней выгнуло, словно от удара током, — и тогда тут и тут станет одинаково прохладно. Это и есть твои энергопотоки? Я правильно их нащупала?

— Правильно, — простонал Вильгельм, болезненно жмурясь, словно под руками хиропрактика. Сквозь зубы приказал: — Продолжай. Но следи внимательно, чтобы не ты одна получала при этом удовольствие!

— Ах, не торопи меня! Ведь пока еще только учусь, — лукаво напомнила Клавдия, слегка покачав бедрами, отчего вампир застонал еще громче.

Эксперимент занял не один час. Клавдия заставила любовника под ней кончить трижды, причем всеми способами как могла дольше оттягивала каждую разрядку. Иногда она ошибалась, какая же учеба без ошибок? Но краткие вспышки боли для него лишь оттенили остроту наслаждения, подаренного ее внимательными ласками. Она сумела заездить выносливого вампира до обморока, до судорог экстаза.

Лишь когда он отрубился окончательно и перестал на нее реагировать совершенно, превратившись временно в конченного импотента, она позволила ему утонуть в спокойном глубоком сне. Заботливо оттерла влажной губкой подтеки семени и соков с безупречного торса, прикрыла идеальное тело одеялом, чтобы не замерз, остывая от бурных практических занятий. И тихонько покинула квартиру, закрыв дверь на самый обычный по земным меркам замок с защелкой.

Спускаясь по лестнице, Клава самодовольно фыркнула: Вильгельму повезет, если он не проспит вечерние лекции. Пусть он «сова», как все вампиры, и учится по специальному расписанию, но не факт, не факт...

Сама же она чувствовала себя отлично! Свежей, как роза, бодрой, как пташка на рассвете. И голодной, как тигрица.

Бармен оказался мудрецом и дал прекрасный совет — секс с вампиром развеял все ее переживания, обратил в прах неуверенность в своих силах. Больше она не станет тратить время на самобичевание. Не будет топить себя в сомнениях. Она начнет новую жизнь — жизнь королевы любви среди прекрасных мужчин! И плевать на чужие интриги, судьба занесла ее в этот волшебный мир не для того, чтобы сделать детективом-любителем, а чтобы она наконец-то феерически рассталась с заскорузлой девственностью и научилась классно трахаться! Вот этим она и будет заниматься, причем профессионально.

На крыльце подъезда Клава замешкалась, оглядываясь по сторонам и пытаясь сообразить, в какой части города она находится. Никто из редких похожих не подозревал, что именно в этот момент она бесславно проиграла в споре с внезапно проснувшимся внутренним голосом, метко окрестившим ее развратной безыдейной шалавой, готовой ради теплого места под неродным солнцем расстаться с честью и женским достоинством.

12

Вернувшись в коттедж Пумы, Клавдия обнаружила, что Персик обиделся на ее загул. Иначе она никак не могла объяснить то, что кот не дождался ее и ушел гулять. Причем Основатель, с которым Клава поделилась чашечкой кофе, рассказал, что утром заглянул

Флавиан и снабдил Персика новым ошейником со встроенным коммуникатором. С магическим устройством умница-котик моментально разобрался и научился управлять одной лапой. Флавиан забил в память коммуникатора на быстрый вызов номера Клавы, Пумы, свой и Сирены на всякий случай. Кроме того Персик научился пользоваться встроенной картой-навигатором. С таким продвинутым «мобильником» он может разгуливать по всему городу, не боясь потеряться. Вот только у самой Клавы номера Персика пока еще не было, проверить, всё ли с ним в порядке, она не могла. Пропущенных вызовов на ее коммуникаторе не имелось, значит, кот не стал звонить своей «мамуленьке». Значит, точно обиделся, иначе позвонил бы ей первой хотя бы для того, чтобы проверить устройство. Расстроившись тем, что расстроила своего любимца, Клава решила, что кот сам позвонит, когда нагуляется и остынет.

Приняв душ и переодевшись, Клавдия решила, что сидеть дома нет причин. Ей нужно осваиваться в новом мире самой, без присмотра и без няnek в лице инкуба или иных ненадежных личностей. Готовить обед тоже не захотелось — неизвестно, кто и когда вернется домой, а стряпать для себя одной тоскливо. (Основатель не в счет, да и с ним находиться на тесной кухне наедине радости мало). Поэтому она отправилась в столовую Академии: и сама покажется народу, ибо прятаться ни от кого не собиралась, и на других поглядит, всё какое-то развлечение.

Никого знакомого она в столовой не встретила, незнакомые же все были слишком заняты будними делами, чтобы отвлекаться на скучающую в одиночестве суккубу. С другой стороны, попаданка явно перестала быть свежей новостью, теперь она просто еще одна из великого множества прочих разношерстных обитателей Академгородка. За второй порцией мороженого Клава погрузилась в такое привычное по прошлой жизни меланхоличное мироощущение, мягкое и окутывающее, как старое пыльное одеяло. Легкая хандра от собственной ненужности и никчёмности смешалась со спокойствием мысли: «А чего ты ожидала? Не все девочки, воображавшие себя принцессами, становятся королевами. Ты же, Клава, всю жизнь была серой заурядностью, так что серостью и останешься, это не лечится. К тому же не всем попаданкам везет так же, как мне — не в средневековье угодила, не в грязную голодную деревню к варварам, даже уборщицей общественных туалетов не сделали, как гастарбайтершу. Любовники все на подбор красавчики, каких в нашем мире не увидишь и в телевизоре, все нежные и заботливые, никто не изнасиловал, со всеми получила оргазмы. Ну и что, если никто не предлагает замуж после жаркой ночи? Я девушка современная, широких взглядов, без завышенных требований и не тщеславная. Кому нужна эта вся сопливая-слюнявая любовь и романтика, если будет хороший разнообразный секс? Да если б все в меня влюблялись после одной ночи — боже, упаси! — у меня гарем бы собрался! И что с ними я б тогда стала делать? Учить маршировать строем? Принимать в постель строго по очередности, распределив по дням недели? А денег откуда взять столько, чтобы всех их прокормить? Это ж парни — их надо хорошо и сытно кормить! Каждому только белков втрое против женской дневной нормы, не считая овощей, гарниров. Это ж сколько пришлось бы картошки покупать на всю ораву? И мне же ее чистить? Каждый день?.. Нет, даже одного парня тяжело дома содержать, это же не кот. Я как птичка клюю, особенно когда на диетах сижу. Для Персика корм сумками закупаю, уже тяжело и дорого, а тут — парню! И не одному!.. Блин, о чём я думаю? Нет-нет! Никакой романтики мне не надо! Это слишком накладно!»

Чтобы отвлечься от споров с внутренними голосами, утверждающими то одно, то

совершенно противоположное, Клава отправилась в библиотеку, где попросила у вежливой смотрительницы подобрать для нее самый простой учебник для самых начинающих суккуб. На удивление такое пособие нашлось. С книжкой Клава устроилась в тихом читальном зале — на широком подоконнике высокого готического окна. Судя по специальному мягкому матрасику и подушкам с кисточками, многие студенты использовали подоконники вместо диванов. Это же совсем иное усвоение материалов, если не надо сидеть за дубовым столом при лампе с зеленым абажуром и тщательно конспектировать статьи в тетрадочку, а можно читать с комфортом и удовольствием! К тому же у входа в зал имелся автомат, выдававший напитки на любой вкус. Клава взяла себе чашечку горячего чая с зелено-оранжевым лимоном.

За окном с фигурным переплетом Клава увидела один из внутренних садиков Академии — райское зеленое местечко с подстриженной лужайкой, с цветочной клумбой по центру. Деревьями и кустарники здесь были высажены строго по линейке и благодаря стараниям садовников имели густые кроны ровной геометрической формы. В общем, одно удовольствие посидеть в спокойствии и тишине, потягивая ароматный чай, листая книгу и поглядывая на изысканную аристократическую зелень.

Благодаря встроенному в коммуникатор переводчику Клава легко углубилась в чтение учебника. Текст доходчиво рассказывал о сути внутренних энергий, присущих живым существам, объяснял, что же такое энергетические потоки, как их можно почувствовать и определить на практике, отчего появляются энергетические узлы и чем они вредны, когда хронические узлы переходят в патологические образования и какое лечение в таком случае требуется пациенту — и так далее. Феномену суккуб и инкубов в учебнике был посвящен отдельный раздел. Клава читала и попутно сопоставляла с тем, что успела прочувствовать под руководством Вильгельма. И не могла удержаться от смущенного сдавленного хихиканья: очень уж руководство для суккуб напомнило учебник для массажистов, только с примесью не то экстрасенсорики, не то хиллерства, и с изрядной долей камасутры. Во всяком случае она удостоверилась, что до сего момента всё делала интуитивно правильно и своим первым клиентам никакого вреда не причинила. Просто гора с плеч, когда понимаешь, что избранное занятие вполне тебе по силам и способностям! Хотя, возможно ли суккубничество называть профессией — в этом Клава всё-таки сомневалась. Хотя «призвание» тоже не скажешь...

В очередной раз бросив за окно задумчивый взгляд, Клавдия заметила знакомую темно-песочную шкуру — мисс Пума пересекала лужайку, куда-то направляясь по своим некромантским делам. Клава поборола секундное искушение позвать ее и помахать рукой, всё-таки шуметь в читальном зале не полагается, и отвлекать ерундой подругу тоже нет смысла.

Спустя минуту или две среди ровной шеренги кустов показалась полосатая спина Персика. Очевидно, кот тайлся от посторонних взглядов, и Клава увидела его только потому, что смотрела сверху. Персик тайком шел по следу Пумы. Хвост распущен султаном, усы топорчатся — таким заинтересованным Клава не видела своего любимца давно. Пожалуй, всего только однажды, когда она шиканула и единственный раз в жизни заказала на дом шашлыки. Внимательной «мамуле» не пришлось ломать голову, вычисляя, что же так взбудоражило кота, подействовав точно запах сдобренного специями деликатеса — не иначе случилась любовь! Пока она пропадала с парнями, Персик тоже времени не терял, увлекся Пумочкой? И теперь, не зная, как выразить чувства, таскается за предметом обожания

хвостом.

Клавдию и повеселило такое внезапное открытие, и умилило. И даже нотка ревности кольнула — неужели ее пушистый малыш повзрослел и готов променять «мамуленьку» на чужую кошку? Впрочем, куда больше ее занимал вопрос разницы в размерах: согласится ли Пума на ухажера, втрое ее меньше? С другой стороны, оказавшись здесь, Персик за несколько дней уже заметно прибавил в весе и росте. Вполне может стать, что через некоторое время кот сравняется с возлюбленной по всем параметрам. Уж в чем, а в разумности, по мнению предвзятой суккубы, Персик дипломированной некромантке ничуть не уступал.

За учебником и за размышлениями о совместном будущем Персика и Пумы Клава провела время до заката. Когда пришел час библиотеке закрываться, она сдала книгу и задумалась, чем бы заняться еще. Слоняться по улицам без дела было как-то не интеллигентно — всё-таки это Академгородок, здесь все культурные люди. И нелюди. Идти домой не хотелось — Персик так и не позвонил, значит, не слишком-то она ему сейчас нужна. Можно было бы отправиться в клуб к симпатичному бармену, но от такой мысли возмутился весь организм Клавдии, от желудка до печени, до того свежи еще были воспоминания о коктейлях. Поэтому от клуба тоже пришлось отказаться.

Посомневавшись, Клавдия набрала на коммуникаторе ликероводочного чертенка. Если Василий не захочет с нею провести свободный вечер, она хотя бы спросит, как он себя чувствует после всего случившегося.

Однако винный бес не отозвался на вызов. Высветилась голограмма с его дурашливой мордашкой и прозвучала автоматическая отбойка: «Абонент недоступен, попробуйте выйти на связь позже». Фыркнув схожести системы коммуникаторов с обыкновенными мобильниками, которые вечно не ловят, Клава дала отбой.

Звонить Вильгельму она посовестилась, лично ей после утренних упражнений потребовалось бы часов десять на сон, не меньше.

А вот Флавиан на звонок просто не ответил, сбросил вызов без всяких объяснений, даже автоматических. Из чего Клава сделала вывод, что инкубу просто некогда, он занят улаживанием очередной студентки.

Почему-то и без того не радужное настроение поблекло еще больше.

Клава вздохнула... и подпрыгнула на месте: неожиданно коммуникатор ожил, осветив озабоченное лицо русалки.

Директриса была немногословна. Узнав, что суккуба ничем особо не занята, она в обязательном порядке пригласила прийти к ней на лекцию. Ничего больше не пояснив и даже не уточнив, на какую тему будет лекция, Сирена только быстро объяснила, как найти нужную аудиторию, и разорвала связь.

— Почему бы не пойти, — пожалала Клава плечами.

Как оказалось, лекция по этике межрасового общения предназначалась для негуманоидных новичков, поступивших на подготовительные курсы.

Клавдия, войдя в зал аудитории, растерялась от обилия незнакомых форм жизни. Слизняки, многоножки-переростки всех расцветок, воображимых и невообразимых строений, плазмоидные призраки, грибообразные, насекомоподобные, рыбовидные — все выпучились на суккубу точно с таким же непониманием и любопытством, как и она на них.

— Благодарю, что нашла время присоединиться, Клава, — кивнула ей Сирена из-за конторки кафедры, где она парила в своем водяном пузыре, как всегда одетая в строгий

учительский костюм с зауженной юбкой.

Велев ей пройти вперед и сесть на свободный стул сбоку от кафедры, (где уже сидели рядком мохнатый волк-оборотень, метров двух роста и полтора в ширину плеч, а также кентавриха-верблюдица), Сирена приступила к лекции, сопровождая рассказ поясняющими слайдами на голографической «доске» у себя за спиной.

Клава послушно села, напряженная, будто кол проглотила. Мало, что она буквально всей кожей ощущала чистый интерес студентов, так еще оборотень с шумом втянул черным подвижным носом воздух, пробуя запах суккубы — и, не скрываясь, облизнулся длинным красным языком, как на аппетитное угощение. Клава, помня наставление Флавиана о взглядах украдкой, прямо, но быстро оглянулась на обоих соседей — и от немолодой верблюдицы получила покровительственно ободряющую улыбку, а от оборотня многообещающую и весьма многозначительную ухмылку. Он даже бровями умудрился поиграть! Что при его вытянутом по-звериному лице, покрытому не щетиной, а сплошной пепельной шерстью, и при его волчьих клыках выглядело до мурашек устрашающе. Портрет дополняли острые мохнатые уши, торчащие из густой гривы, стоящей дыбом, мех на мускулистых руках с короткими крепкими пальцами — и строгий костюм-тройка с галстуком, как полагается носить всем мужчинам преподавателям.

Чтобы не обращать внимания на пришедшего в романтическое возбуждение соседа, Клава попыталась сосредоточиться на лекции. А уяснив тему, покраснела, как маков цвет.

— ...При личном общении с человекоподобными существами крайне нежелательно прикасаться к определенным местам их тел, — вещала Сирена, и было понятно, что текст этот она повторяла много раз и не первый год. — Так как строение всех человекоподобных во многом схоже между собой, запомнить эти места не трудно. — Она обернулась к укрупненному голографическому изображению мужской фигуры: — Это область паха между ног, как сзади, так и спереди, ягодичные мышцы в целом. У женских особей также табу на прикосновения к грудным молочным железам. Кроме того нежелательно трогать голову. Вообще, прикосновений к незнакомому живому существу лучше совсем избегать. К знакомым можно дотрагиваться в незапрещенных местах, и только слегка, желательно получив разрешение. Кстати сказать, у многих человекообразных существует обычай в знак приветствия пожимать руку. Запомните: собеседник должен первым протянуть вам руку. Пожалуйста, не воспринимайте это как знак агрессии, напротив, этот жест сохранился с древних времен и служит для демонстрации добрых намерений, буквально означает: «У меня нет оружия в руке». Не пытайтесь инициировать рукопожатие первыми, иначе можете по неопытности схватить собеседника за ногу. Прикасаться к ногам, тереться ногами о ноги собеседника, в том числе под столом, имеют право лишь те, кто вступил между собой в близкие любовно-романтические отношения. С другой стороны, не советую отвечать на рукопожатия тем из вас, у кого внешний покров тела выделяет слизь — это может быть неприятно собеседнику. Однако если вы хотите спариться, слизь будет как раз весьма кстати. К теме спаривания я еще вернусь не один раз, но сейчас запомните основное и самое главное правило: всегда спрашивайте разрешения на свои действия! К спариванию это относится в первую очередь: заранее поинтересуйтесь у объекта интереса, подходят ли его внутренние полости по размеру и функциям для того, чтобы принять ваши органы размножения. Имейте в виду, что мужские особи часто реагируют резко негативно к предложению спариться с ними, используя их вместо самки. Так же негативно человекоподобными существами могут быть восприняты попытки случайно или намеренно

забраться к ним под одежду и лишить их одной. Кстати, одежду носят многие из нас, я в том числе, — заключила первую часть своей лекции Сирена, указав на свою юбку и блузку. — Это был краткий обзор общих вопросов в общении с человекоподобными существами. Далее мы перейдем к более конкретным примерам, и в особенности к проблеме спаривания и размножения.

Первым «наглядным пособием» по разнообразию среди человекоподобных выступила сама директриса. Сирена выплыла из-за кафедры в своем водяном пузыре и подкатилась к неприметной круглой площадке. Этот круг на полу загорелся неярким светом, выпустив рассеянные лучи вверх, очертив эдакий стакан. Русалка в этом световом стакане моментально оказалась без всякой одежды. Аудитория в любопытстве зашуршала и забормотала, защелкала, забулькала — уставились на лекторшу пуце прежнего.

Клава подумала, стоит ли ей отвести взгляд, но решила, что раз это исключительно ради науки, то и ей просветиться занимательной анатомией будет полезно.

Сирена деловито пояснила, что у русалок грудные молочные железы располагаются там же, где у большинства гуманоидных самок. Прикасаться к ним имеют право только доктора, любовники и грудные дети. Далее она продемонстрировала отсутствие выделенных ягодичных мышц и паха как такового. Рыбий хвост русалки был покрыт крепкой плотной чешуей и не требовал дополнительной защиты в виде одежды, юбку же она носит ради соблюдения общих установившихся культурных традиций. «Срамные места», полагающиеся ниже пояса, у русалок оказались надежно скрыты в незаметных складочках кожи. Сирена не постеснялась поднатужиться и раскрыть оные перед уважительно загудевшими студентами:

— Тут сдвоенное отверстие для выхода отходов жизнедеятельности, — изогнись она, чтобы дотронуться рукой до ануса сзади. — Для анального секса это отверстие не годится, так как слишком узкое и нечувствительное. А вот здесь, спереди, проход к глубоким икреным пазухам. Эти створки жесткие на вид, но очень чувствительны к прикосновениям. В сезон икрометания русалки становятся крайне любвеобильными, — заключила она.

Аудитория еще сильнее зашумела, но Сирена закончила с демонстрацией, выкатилась в водяном шаре из круга, и одежда возникла на прежнем месте сразу же за границей световых лучей.

— Правда, сезон икрометания у нас случается только раз в год, — еще больше остудила она распалившуюся публику. — В иное время самки нашего вида к спариванию ради развлечения относятся крайне негативно, даже могут нанести увечья настойчивому самцу.

Клава вспомнила подсмотренную сцену: выходит, у Сирены как раз нынче этот самый сезон и наступает? Иначе зачем бы она стала целоваться с призраком Основателя. Нет, конечно, изувечить привидение очень сложно при всём желании, но и он ее принудить к поцелуям не мог бы. Получает, и год назад Сирена соврала... то есть инициировала Флавиана в такой же период обострения, время совпадает. Только Клаве от этого открытия сделалось как-то кисло. Тем более теперь, когда она своими глазами увидела роскошные формы и соблазнительные изгибы русалки.

Следующим «пособием» выступил оборотень. Он смутил Клаву тем, что слишком часто поглядывал в ее сторону, стоя перед всеми в мохнатом неглиже с гордым полнокровным орудием размножения. Вот на член, кстати, Клава глянула с любопытством: этот орган, пожалуй, единственный кроме кончика носа и подушечек на пальцах и пятках был безволос. Всё прочее массивное мускулистое тело волка покрывал густой шелковистый длинный мех.

Сирена на примере оборотня показала строение типичного человекоподобного

мужчины. За исключением меха и хвоста, он был в целом совершенно обычным представителем всех гуманоидных самцов.

— Вы, как вижу, заранее позаботились, чтобы продемонстрировать нам детородный орган в состоянии готовности к спариванию, — со смешком заметила директриса.

Волк промолчал на это с самодовольным видом.

Ради научного интереса она попросила его наклониться и приподнять хвост, чтобы показать на живом объекте, как неудобен для спаривания мужской задний проход. Только это заставило оборотня слегка сдуться и подувянуть «сосиской».

— Благодарим вас, можете вернуться на место, — бросила ему Сирена. Пояснила для публики мимоходом: — Кстати, вы увидели, как легко мужской орган теряет готовность к спариванию из-за смены настроения.

Далее пришел черед кентаврихи-верблюдихи. Она была интересна, во-первых, тем, что молочные железы располагались под верблюжьим брюхом, а не на груди человеческой половины тела. Самой же Клаве было удивительно увидеть, что короткая рыжеватая шерсть покрывает не только круп и ноги, но торс по самую шею и руки. И тем не менее при таком естественном «одеянии» кентавриха пыталась скрыть смущение. Объяснилось это тем, что в современном обществе кентавров царит строгое табу на демонстрацию тела посторонним. Шерсть должна быть полностью скрыта одеждой.

— Поэтому при общении с представителями семейства разумных копытных будьте предельно деликатны относительно темы одежды, — особо предостерегла Сирена. — В некоторых случаях даже брачное спаривание кентавры предпочитают проводить в специальных костюмах вроде полностью закрытых пижам. Касается это как вида верблюжьих, так лошадиных и пони. Причем в древние, так называемые докультурные времена кентавры не признавали одежду в принципе. Из-за отсутствия грудных молочных желез у женщин и из-за специфического строения клитора, так называемого псевдо-пениса, отличить самок от самцов было не так-то просто. Пожалуйста, продемонстрируйте нам этот удивительный орган.

Верблюдиха, зардевшись щеками, приподняла под человеческим торсом, там где у людей был бы пах, а у лошадей грудь, длинный темный отросток. По просьбе Сирены она потеряла его в пальцах, заставив набухнуть и встать строго горизонтально.

Клава слушала, открыв рот. Оказалось, в почти мифическую доисторическую эпоху в своих теплых бескрайних степях кентавры разгуливали, в чем мама родила. Все с длинными гривами, с развевающимися на ветрах хвостами, покрытые теплой густой короткой шерстью — среди молодняка не отличить девушек от юношей. Причем из-за специфического строения тела мочевого пузыря у копытных была анатомически отделена от половой. То есть половой мужской орган располагался там же, где у жеребцов, (Сирена показала на слайде пример, и Клава была впечатлена размером и длиной), и использовался строго для размножения, а мочевого пузырь соединялся с псевдо-пенисом под торсом. Точно такой же псевдо-пенис имелся у женских особей — клитор-переросток. Из-за этого даже появилась особая традиция — «дуэль на кинжалах». И была она так распространена, что «дуэли» проводили как мужчины с женщинами, так и пары одного пола — при любых обстоятельствах, от поединков двух самцов за самку вплоть до ежедневных дружеских приветствий. Впрочем, историки находят тому заурядное оправдание: якобы в степях росла жесткая высокая трава, доходящая ровно до лошадиного брюха большинству половозрелых особей, поэтому не защищенные одеждой псевдо-пенисы постоянно терлись кончиками о

колоски и сами собой вставали при беге, охоте с луками или любым иным обыденном занятии. При этом вместо семени в момент разрядки выбрасывалась струя пахучего секрета, который помогал метить участки территории. Потирание торчащими псевдо-пенисами и клиторами входило в интимную игру «угадай пол избранного любовника», оно заменяло поцелуи и недозволенный до брака секс, однако, разумеется, было строго запрещено в кругу кровной родни. Полноценное же соитие несло глубокий сакральный смысл и разрешалось исключительно по особым праздникам плодородия при соблюдении ритуалов и церемоний — это имело и практическое значение для рождения полноценного потомства именно в благоприятный для этого период года, что при условиях скудной пищей степи было жизненно важно.

— Теперь, повторю, традиции и культура копытных разумных изменилась кардинально. Как видите, даже у человекоподобных существ не всегда по внешнему виду можно угадать пол, — заключила Сирена, разрешив смущенной верблюдихе покинуть аудиторию, что та и сделала галопом. — Еще раз напоминаю: перед попыткой соития спрашивайте не только разрешения, но уточняйте половую принадлежность выбранного партнера и параметры внутреннего строения его органов.

Клавдию настолько впечатлил рассказ о кентаврах и слайды в тему, что она не сразу опомнилась, когда Сирена пригласила для демонстрации ее. Только машинально войдя в круг и ощутив легкую прохладу от отсутствия растаявшей одежды, она осознала, что это всё происходит в действительности и с нею лично. Она перевела ошеломленный взгляд с невозмутимо продолжающей говорить Сирены на студентов — и замерла столбом. Хотя нет, у столбов колени не дрожат и ноги не подкашиваются. Хотелось прикрыться ладошками, но было стыдно так явно проявить стыд после всего увиденного и услышанного. «Это ради науки, я просто натурщица-экспонат», — мысленно успокаивала себя Клава. А студенты жадно глазели на нее и шевелили тентаклями, щупами, лапами, отростками, глазами на палочках, щетинками на брюшках...

— Перед вами суккуба с типичной внешностью обычной человеческой женщины, — вещала Сирена. — При подобном строении нижних конечностей в некоторых позах отверстие для спаривания может быть открыто очень широко. Кстати, если не имеется конечной целью зачатие потомства, то спариваться самки этого вида могут ежедневно по нескольку раз подряд или с перерывами. Для удовольствия мужской особи самки могут использовать как естественное для размножения отверстие... Клава, продемонстрируй, будь добра, — попросила директриса.

И Клавдия машинально подчинилась: расставила наги пошире и развела пальцами нижние губы.

— Спасибо, — кивнула Сирена. — Кроме этого отверстия мужской орган может поместиться также в задний проход. Разумеется, делать это можно только после соответствующей подготовки.

Не дожидаясь постыдной просьбы, Клава повернулась к аудитории спиной, эротично прогнулась в поясице и тронула влажным от выступивших соков пальчиком другую дырку, сейчас пульсирующую от предвкушения. Клава сама на себя дивилась, не думала, что ее так возбудит прилюдный стриптиз! Хотя шевелящуюся в полумраке зала аудиторию людьми не назовешь, но всё-таки вон как тарашатся! Сердце суккубы гулко колотилось, так что ровный голос Сирены звучал не всегда разборчиво.

— ...На этом лекция закончена. Надеюсь, вы запомнили самые основные правила в

общении с человекоподобными. Теперь переходим к практической демонстрации. Прошу вас выстроиться в две очереди! Особи женского вида, встаньте слева. Мужские особи — справа.

Клава, по жесту русалки остававшаяся в круге света, не сразу сообразила, что происходит. Оказалось, под практикой директриса имела в виду возможность дать студентам потрогать «наглядные пособия» лично! Девушки нелюди выстроились в очередь к оборотню, который успел раздеться и сложить свой костюм-тройку на стул возле стенки. А те, кто считал себя мужчиной, составили очередь к Клаве. Причем «парней» в аудитории оказалось больше, чем девушек — цепочка выстроилась в четыре раза длиннее, чем к волку! Или в Академию приезжают в основном парни, или дело в ее личной суккубьей привлекательности, одно из двух.

— Помните, что тело человека очень ранимо! — кружила неподалеку от нее Сирена. — Уберите ваши когти, шипы и стрекала!

Клава стояла ни жива ни мертва. Дышала через раз. Сердце так колотилось, что в ушах закладывало. По счастью, большинство любопытствующих стеснялось прикасаться к «срамным местам». Слизняки, многоножки, двухметровые насекомые и прочие странные существа тянули к ней лапы, щупальца и отростки, чтобы робко погладить по плечу, по животу, спине, бедру. Видимо, многие запомнили, что голову, грудь и ниже пояса трогать нельзя. Но были и смелые — раз директриса единственный раз разрешила, они трогали с восхищенным цоканьем и клокотанием и волосы на голове, и напрягшиеся горошины сосков, и шары тяжелых грудей, и между сжатых коленок запускали щупы, чтобы скользнуть по самому нежному и чувствительному. Клава боялась зажмурить глаза — тарасилась, не моргая, на бесконечный хоровод дружелюбных существ из кошмарных снов.

— Не увлекаемся, господа студенты, вас много, а время демонстрации ограничено, — подгоняла Сирена.

И предательское тело суккубы, ощущая отсутствие реальной опасности, реагировало на шквал прикосновений, как на экстравагантную прелюдию! Клава готова была от стыда сквозь пол провалиться, а тело изнывало в томлении, ноги подкашивались с подлым намерением растопырить колени и раскрыть сокровенное во всей красе влажности и готовности. И ведь находились наглые особи, кто запускал отростки поглубже прочих! Едва-едва не проникая туда, куда без приглашения нельзя. И Клава не смела возразить, чтобы не усугубить, чтобы ситуация не стала еще стыднее. Хотя куда уж...

Она покосилась в ту сторону, где быстро рассеялась очередь к оборотню, а тот неторопливо одевался, поглядывая в ее сторону. И было в его взгляде столько звериного голода, что Клаву мурашки пробрали от макушки до пяток. Мелькнула шальная мысль: уж пусть бы этот хоровод многоножек никогда не заканчивался, ведь наедине вот с этим меховым самцом она оставаться не хочет... Или хочет? Клава выдохнула и прислушалась к своей суккубьей сущности: а ведь хочет, чего греха таить! Хочется запустить в эту густую шерсть пальцы, хочется прижаться к могучему меховому торсу, и чтобы зверь обнял этими могучими руками, а она бы обвила его ногами... Вот только орган у него уж слишком длинный и толстый, аж боязно. И стыдно. И любопытно. И, если получится, это ж как он ее наполнит!.. Клава задохнулась от прилившего жара.

— Всё, демонстрация окончена! — словно издали донесся голос Сирены.

Клава не понимала, что вот уже несколько минут неотрывно смотрит в вишневые глаза под густыми, очень густыми бровями. И когда Сирена выключила «световой стакан» вокруг

Клавы, внезапно вернувшаяся одежда показалась крайне неудобной, ненужной и по самому смыслу нелепой.

Один миг — и оборотень возле нее.

Еще мгновение — Клавдию подхватили сильные руки, она в ответ обняла за широкую шею. Горячий жадный длинный язык прошелся по ее лицу в своеобразной ободряющей ласке.

— Ладно, идите в мой кабинет, — смилостивилась русалка.

13

Клава была, словно в тумане. Желание ошеломило и оглушило. Она таяла на меховой груди, как воск свечи под пламенем. Никогда не понимала героинь розовых романов, а тут сама разума лишилась от нахлынувшей похоти — вот позор-то! Даже не заметила, как из аудитории перебрались в кабинет директрисы, на скрипучий кожаный диван.

Возложив свою «добычу» на упругое ложе, оборотень быстро избавился от одежды на обоих — и в порыве голода облизал Клаву с ног до ушей. Вот эта-то щекотка и привела ее более-менее в чувство.

Пока оборотень вылизывал ее живот и груди, Клавдия между охами и вздохами пыталась сообразить, как бы ему помягче намекнуть, чтобы он притормозил немного, чтобы уллучили минутку хотя бы познакомиться...

И тут выручил коммуникатор на ее руке — Флаф увидел пропущенный вызов и перезвонил.

— Отключи! — рыкнул зверь.

Ойкнув, Клава случайно вырубилась браслет совсем.

Волк, довольно заурчав от ее покорности, продолжил обхаживать ее по бокам и даже по подмышкам своим длинным слюнявым языком. Хорошо хоть клыки заботливо прятал.

И тут Клаву накрыло — нет, не оргазмом, до которого сделалось далеко, как до зимы, а злостью и негодованием. Мало, что зверюга ее разрешения не спросил, не представился, в кафе не сводил, цветов не подарил! Подумаешь, ее от возбуждения переклинило, нельзя же женской слабостью так беспардонно пользоваться? И слюнявит ее, пёс похотливый, фу! Ей, как кошатнице со стажем, эти собачьи нежности никогда не нравились. Да еще порывивает? Да еще командует?!

— Фу! Я сказала: фу!!! — гаркнула Клава. — Место! Сидеть!

От неожиданности волк чуть язык не прикусил. Отпрянул от нее, сел в ногах, поглядел, как на умалишенную.

— Так, — запыхтела Клавдия, отползая на другой конец дивана. Подтянула ноги к подбородку, но в принципе понимала, что метаться и собирать по кабинету одежду, бежать от зверя нет смысла, опозорится только еще больше. Надо как-то выйти из этой ситуации с достоинством, постараться показать себя хозяйкой положения. — Так-так... Слушай, я, конечно, не против с тобой, ну, это... Но давай как-то по-человечески, что ли?

Волк ухмыльнулся во все сорок клыков:

— Извини, поцелуев не получится — в человеческом понимании.

Клава невольно поморщилась:

— Да я и не хотела, вообще-то.

Волк смотрел на нее. Она смотрела на него. И понимала, что деваться некуда.

— Ладно, — проворчала Клава, разворачиваясь к нему тылом и вставая на четвереньки. — Только ты аккуратно и медленно, понял? И слюней больше не надо!

— Как пожелаешь, — отозвался волк, охотно пристраиваясь сзади.

Прежде чем войти, потерялся между ее ног под животом своим немаленьким горячим тараном. Забылся или из вредности провел языком по спине, по позвонкам.

— Фу! Я кому сказала? — одернула его Клава. А сама подумала: вот никогда не хотела собак дрессировать, а, глядишь, вдруг пришлось.

Несмотря на порядочный размер, против опасений суккуба приняла оборотня достаточно легко. Пока он рычал от блаженства, раскачиваясь сам и заставляя раскачиваться и скрипеть диван, Клава под активными толчками как-то и не особо блаженствовала. Единственное, что было приятно — это его длинный роскошный хвост, хлещущий мягкой метёлкой по ее голым ногам и ягодицам. Сам же оргазм пришел довольно быстро и как-то незаметно Просто: «Ах!..» — с ее стороны и ничего более. Приятная мелочь, а не долгожданная разрядка. Возможно, все чувственные порывы перекипели в Клавдии еще там, в аудитории, на постыдной лекции. Было немного досадно.

Волк же кончал долго, со вкусом, с прирыкиванием.

— Вот только посмей меня укусить! — вовремя она вспомнила про где-то вычитанную привычку любвеобильных волков.

Тот промолчал, тяжело пыхтел и не спешил вынимать свой таран из гостеприимного лона. Но хорошо хоть зубами щелкать не стал. Клава понятия не имела, как смогла бы ему помешать прокусить себе плечо или ляжку, если б ему вздумалось. Ведь приказной строгий тон — это всё оружие, что было в ее распоряжении против громадины из мускулов и меха.

— Ты всё, закончил? — заподозрила неладное Клава, когда пыхтение за спиной вроде бы успокоилось, а орудие так и не покинуло «амбразуру».

— Извини, — добродушно и счастливо покаялся оборотень. — Я случайно тебя повязал.

— То есть как? — изогнулась Клава, чтобы поглядеть в эту наглую довольную морду.

— У нашей породы есть такая штука — узел на члене, — пояснил зверь, даже не стараясь выглядеть виноватым. Принялся между беседой углаживать Клаву по попе и поясице. — Ну, от диких предков осталось. Это чтобы самка от самца не убежала раньше окончания течки, и чтобы ее чужой мужик не оплодотворил где-нибудь за кустом втайне от законного мужа.

— И что? — не поняла Клава. — Я обязана теперь родить тебе восемь щенков? Щас! А ну, давай, вынимай свою палицу! Сейчас же, кому говорю?!

Она задергалась всем телом, уцепилась руками за подлокотник дивана, попыталась вытянуться, как с напрягом вытягивают пробку из бутылки, только в данном раскладе пробкой был оборотень, стоявший на коленях и придерживающийся для равновесия рукой за спинку дивана.

— Не получится, — миролюбиво бубнил он, но ее попыткам освободиться не препятствовал. — Если дергать с силой, тебе будет больно. Узел большой, когда внутри, он тебя не должен беспокоить, а вот если попытаться его вытащить — твоей дырке придется плохо. Да еще девственную плеву точно порвем, будет ужасно жалко, никогда не видал суккуб-девственниц.

— И надолго мы так сцепились? — решила на минутку перевести дух Клава, сдунула с лица растрепавшуюся прядь волос.

— Минимум полчаса, — ответил волк. — Если будешь на мне вот так прыгать и скакать, то часа два или три узел не сдуется, это я тебе обещаю. А чем тебе не нравится? От узла должны ведь получаться множественные оргазмы, каскадами и сериями.

— Ага, сериалами и сезонами, — пробормотала Клава.

Она повалила послушного зверя спиной на диван и села на него сверху, попробовала покрутиться на бодром крепком члене, как колпачок на фломастере. Перебирая руками и коленями, сумела переместиться к тяжело задышавшему оборотню лицом. И вдруг сама выпрямилась на нем, напряглась, запрокинув голову вверх: внутри из-за тугой наполненности словно волна морская, бирюзовая солнечная, плеснула — и пеной пузырьков ей прямо по глазам и ушам, опьянив сознание! Целую минуту не хотелось двигаться и говорить. Только прикрыть глаза ресницами и покусывать губы...

— Ведь хорошо же, а? — сломал весь кайф волк, пристально наблюдавший за суккубой.

Клава зыркнула:

— Бывало и лучше.

Она снова предприняла попытку расцепиться, но в итоге лишь упала на пол, на ковер, и утащила за собой оборотня.

Чертыхаясь, на этом Клавдия не угомонилась. Она снова развернулась к зверю тылом — и упрямо поползла на четвереньках в сторону рабочего стола директрисы. На тумбочке возле стола она заметила графин с водой — очень кстати, потому что пить ужасно хотелось. Разгадав маневры, волк подхватил ее под колени и приподнял по типу садовой тачки. Пришлось Клаве пройти по кабинету на руках, а ногами крепко обхватить любовника за пояс. Действительно, от слишком резких дерганий узел внутри разбухал заново и еще больше прежнего, чего Клаве никак не было нужно. К тому же у самой перед глазами звездочки плясали, а внутри всё жарко и жадно сжималось. Суккубья сущность — ни одного-то мужика она не хочет отпускать, пока не выкачает досуха! Клава разозлилась бы и на себя саму, но слишком уж приятными были эти каскады мини-оргазмов.

Когда она стукнулась с разбега макушкой о тумбочку и едва не столкнула графин, волк без спроса подхватил строптивую суккубу на руки, прижал ее спиной к своей груди. Пришлось Клаве одной рукой обхватить его за шею, пусть и неудобно было так висеть, даже с «подпоркой» снизу. Волк взял графин, намереваясь вернуться с ним и с Клавой к дивану, но она заметила под столом спрятанную бутылочку — местный коньяк! Вот чего ей сейчас не хватало, чтобы расслабиться. Она уже пробовала его на кухне некромантки с призраком Основателя вместо собутельника, так что сейчас заначка русалки нашлась очень кстати. Волк хохотнул, но наклонился, следуя за требовательно протянутой рукой суккубы, позволяя той ухватить бутылку за узкое горлышко.

Глотнув горячительного, Клава ощутила прилив всемогущества и смелости. Она велела оборотню приземлить их обоих на ковер перед диваном — не хотелось больше падать с кожаной гладкой обивки, да и скрип раздражал. И следующие полчаса суккуба, изредка прикладываясь к коньяку, чтобы не остыть и не простыть без одежды и одеял, — изо всех сил объезжала пушистого зверя. Она дала себе полную волю: скакала на нем, не боясь раздавить — такая громадина не сравнится с тощим инкубом или деликатным вампиром! Она ласкала его, как котенка, заставляя урчать и ластиться под руку. Пыталась выпить его энергию, чтобы он устал и хоть немного обессилел — куда там! То ли его звериная суть сопротивлялась суккубьим чарам, то ли сам оборотень был непрост и действительно работал в Академии преподом — при всей его открытости к энергоканалам не удалось ни процарапать, ни подладиться.

Кстати, познакомиться толком им так и не довелось. Некогда было.

Спустя два часа безудержного разврата оба выдохлись совершенно и окончательно.

Клава распласталась на животе загнанного зверя, свесив ноги-руки, слушая бьющееся в широкой груди сердце. У нее в животе урчало от голода, а расцепиться всё никак не получалось. Клава начала подозревать, что сама виновата — не надо было, во-первых, в самом начале пялиться на незнакомого волка, стоя перед ним в костюме Евы. А потом не надо было объезжать его с такой яростью — сколько ни дои, а до конца не выдоишь, чай, не корова...

— Сыграем в карты? — подал признаки жизни оборотень. Дотянулся до своего пиджака, валявшегося под диваном, в кармане нашел колоду в пестрой коробочке.

Клава согласилась, ибо больше делать было нечего, а просто ждать в молчании скучно и неловко. Волк сел спиной к дивану, суккубу усадил у себя на коленях, заботливо придерживая за талию. Тасовать колоду вызвалась Клава — не столько тасовала, сколько с интересом разглядывала изображения. Здешние карты в принципе мало отличались от привычных, те же короли, дамы, тузы, пусть и нарисованы иначе. Но валетов оказался двойной комплект: рыцари, которые шли выше рангом, чем дамы, и пажии-оруженосцы, которые шли ниже дам. Вместо четырех мастей было целых шесть: кинжалы вместо пик, чаши зельеваров вместо черв, монеты с магическими знаками вместо ромбиков бубен, колдовские жезлы вместо треф. Пятой мастью оказались клыки вампиров, да и старшие карты в этой масти явно смахивали на бледнолицых кровососов. Шестая же масть тоже не заставила Клаву поломать голову: ракушки, как знак морского народа тритонов.

Клаве не пришлось учить волка правилам игры в дурака, тот заявил, что подобная забава у них тоже есть, хотя называется немного иначе — «эполеты шута». Сыграли трижды, и все три раза суккуба легко вышла победительницей, отчего ужасно разозлилась: оборотень беззастенчиво подглядывал в ее карты поверх плеча и специально поддавался! Совершенно не верил в равенство женского и мужского умов!

Пока играли, а потом препирались, успели замерзнуть, аж захотелось одеться. Отложив колоду, принялись вместе ползать по кабинету, выискивая разбросанные вещи. Пока ползали — расцепились.

— Ну, наконец-то! — Клава мигом забыла о картах, шустро оделась и покинула кабинет.

— А поцеловать на прощание? — огорченно донеслось ей в спину.

— Я тебе звонил, а ты не отвечала! — встретил хозяйку возмущенный Персик на пороге дома некромантки. Принюхавшись, сморщил нос: — От тебя опять выпивкой пахнет! И псиной!!! Я тут места себе не нахожу, а ты с собаками развлекаешься?!

Обессиленной суккубе едва хватило терпения более-менее успокоить любимца. Пришлось даже залезть в домашнюю аптечку к Пуме и найти там капли, знакомо пахнущие валерьянкой.

Как оказалось, у Персика были все причины для паники: мало того, что коммуникатор хозяйки не отзывался на многочисленные вызовы, так еще в доме остался сидеть один-одинёшенек, напуганный и всеми брошенный! (Призрак не в счет, он погладить за ушком не мог и не хотел).

— Где же Пума? — недоумевала Клава. — Я думала, она должна быть дома. Тем более уже ночь на дворе!

Она промолчала на тот счет, что видела, как Персик устроил слезку за чернокнижницей. Следовательно, если уж кто и должен знать, где Пума, так это он.

Однако кот не думал ничего скрывать от любимой мамуленьки:

— В том и дело! — икая от нервов, поминутно нюхая флакон с успокоительными каплями, Персик наконец-то принялся рассказывать: — Пумочка пропала! Совсем! Без следа! Мамуль, я весь город обежал! Я всюду проверил! Я шел по следу, как какой-нибудь пёс!..

Он осекся, покосился на Клавиноу одежду, насквозь пропахшую волком. Признаться, суккуба и сама рада была бы сбегать в душ, но пришлось всё внимание уделить любимцу.

Как выяснилось, кот с самого утра пристроился к Пуме хвостом. Он смутно чувствовал какую-то необъяснимую потребность быть подле этой большой красивой умной кошки. (Тут Клава спрятала улыбку и не стала указывать Персику, что он просто-напросто влюбился.) Так вот, подсматривая за объектом амурного интереса, Персик невольно стал свидетелем разговора между Пумой и Сиреной. Директриса зачем-то зашла к некромантке днем, они вместе спускались в подвальную лабораторию, где о чем-то долго спорили на повышенных тонах. После ухода русалки Пума тоже отправилась по делам. Настроение у некромантки было отвратительное, поэтому Персик стал таиться еще усерднее.

После долгих блужданий по Академии, от которых у бедного влюбленного домашнего кота с лишним весом разболелись лапки, Пума с наступлением сумерек зачем-то отправилась к башне Основателя.

— Она зашла туда и не вышла назад! — всхлипнул Персик.

Он глотнул успокоительной микстуры прямо из горлышка. Но капли, не разбавленные водой, оказались горькими, и кот тут же принялся шипеть, фыркать и плевать. Клава буквально влила ему в рот чистой воды из чашки, чтобы они смогли продолжить разговор.

— Пума расследует несчастный случай с упавшим ангелом! Она вполне могла там задержаться, занимаясь уликами или чем-то вроде.

— Я ждал! Мамуль, я долго ждал! Я ходил вокруг этой проклятой башни кругами — я не мог пропустить ее, она не выходила!

— Но под башней, говорят, полно подземных ходов. Она могла выйти в любом месте в городе или даже за городом!

— Там все двери в подвалы были закрыты на замки — с этой стороны, — возражал Персик. — Пумочка просто исчезла, понимаешь? Она зашла вверх по лестнице, дошла до третьего витка — и запах ее следа оборвался. Но она ведь не умеет летать! Она же кошка, мамуль! Куда она пропала? Я пытался ей позвонить, но мне противным неживым голосом твердили: «Абонент вне зоны действия сети!» А Флаф мне утром объяснил, что связь должна работать и под землей, и под водой, и в космосе!.. Что, мам, почему ты так на меня смотришь?

— Персик, лапа моя, я понятия не имела, что ты у меня настолько умный!!!

— Мамуль, нам некогда тискаться! — заворчал кот под градом поцелуев восхищенной хозяйки. — Давай Пумочку искать!

Ну как отказать любимому коту? Вдвоем они пошли заново обследовать башню Основателя.

И всё действительно оказалось так, как уверял Персик: замки на дверях в подвалы были покрыты нетронутой пылью и паутиной. А вот кодовый замок на калитке оказался, напротив, открыт — причем Клава точно помнила, как накануне его запирали Вильгельм.

Чтобы уточнить, был ли код известен Пуме, Клава попыталась по коммуникатору вызвать вампира, рассудив, что час достаточно поздний и все «совы» давно проснулись.

«Абонент вне зоны доступа, попробуйте повторить вызов позже», — объявил противный механический голос автоответчика.

— Вот-вот! — вернулся к хозяйке суетливо бегавший вокруг Персик. — Мне так и твердили полдня! А когда пытался к тебе дозвониться, то бубнили, что ты сама выключила аппарат.

Клава почесала макушку: а ведь правда! Когда давеча Василий утром донимал вампира, тот, сонный и недовольный, всё равно ответил на вызов. Что это значит? Во-первых, Виль не имеет привычки отключать телефон, тьфу, коммуникатор, когда ложится спать. Во-вторых, его браслет не выключен, а именно «вне зоны». И точно так же «вне зоны» Пума, которая, по словам Персика, вообще внезапно растворилась в воздухе. А если учесть, что недавно пропал труп Михаэля...

От этих сопоставлений и смутных подозрений у Клавы на голове волосы зашевелились. Когда же вдруг у нее с громким писком ожил коммуникатор, волосы вообще дыбом встали — совсем как шерсть на хвосте и загривке у Персика.

— Почему ты не отвечаешь на мои вызовы?! — рявкнул Флавиан. — Где ты пропадаешь целый день?!

Клаву настолько покорило это неоправданное собственническое отношение к себе, что секундное облегчение при виде знакомого лица (живого и в пределах зоны доступа) моментально сменилось едким раздражением:

— Что значит, почему не отвечаю? — переспросила она, специально понизив голос. К тому же орать на улицах ночного города вообще-то неприлично. — Мы с тобой оба взрослые люди, со своей спецификой работы. Ты сам должен понимать, что при некоторых делах невозможно отвлекаться на звонки посторонних.

Флавиан просто подавился званием «посторонний». Проглотил с трудом, осознал ее правоту, буркнул извинение.

— Но ты кстати позвонил! — удержала его на связи Клава. — У нас тут Пума пропала. И Вильгельм не отвечает. Попробуй тоже им позвонить, вдруг какие-то технические неполадки.

Кивнув, инкуб исчез из рамочки голограммы.

Подхватив перенервничавшего кота на руки, Клава решительно отправилась к Сирене. Возможно, ссора с директрисой заставила некромантку просто сбежать из Академгородка? Рассердилась, разозлилась, открыла магический портал в башне — хлоп! И улетела домой, ни с кем не попрощавшись. А что? Пусть и кошка, но тоже женщина, а значит, имеет полное право на импульсивные поступки.

Сирена нашлась в своем кабинете, взъерошенная, замученная делами, окруженная стопками папок с документами и пустыми бутылками из-под минералки. Юбку она бросила на кресло, блузку расстегнула, воду из персонального бассейна наполовину расплескала по полу нервно бьющим хвостом. Несмотря на очевидную занятость, она дружелюбно приняла суккубу. Вот только вопрос о ссоре с некроманткой заставил русалку снова ощетиниться всеми плавниками.

— Неужели ты думаешь, что я ее убила и закопала труп в саду? Ха-ха! О, боги и бескрайнее море... — Русалка тяжело вздохнула. Заговорила спокойнее: — Да, мы немного с ней повздорили. Но разговор касался исключительно дела, мы не переходили на личности и не перестали от этого быть близкими подругами. Считай это творческим кризисом, с Пумой иногда бывает. Она выбрала сложную для себя задачу и решение считает делом чести.

Вернется, куда она денется. Вещи не собрала, деньги со счета не сняла, эксперимент до финала не довела...

Бормоча это, русалка набрала Пуму на своем коммуникаторе. Клава и Персик, сидевшие в кресле, затаили дыхание и наострили уши. Но ответа не последовало, хотя механический голос промолчал.

— Сбросила! — фыркнула Сирена, плеснула свободной рукой по воде. — Всё еще злится на меня. Ну, ничего. У нашей Пумочки от злости мозги начинают соображать еще лучше, так что это даже пойдет ей на пользу.

Клава сразу заметила, как Персик у нее на руках слегка обмяк — наконец-то позволил себе немного расслабиться, поверив обнадеживающим словам директрисы.

— Виля нет ни дома, ни в Академии! — без стука и разрешения ворвался в кабинет Флавиан.

Он коротко оглянулся на полураздетую русалку, мрачно скользнул по ней взглядом, не более того, словно та была частью мебелировки. Клаву одновременно и порадовало, и укололо такое отношение: инкубу явно наплевать на достоинства и прелести Сирены. С другой стороны, рядовой студент с директором так себя не поведет. Та же не застегнула на себе ни пуговички, продолжала что-то увлеченно набирать на своем коммуникаторе. Эти двое достаточно близки, чтобы игнорировать друг друга? Непозволительно близки по мнению Клавдии. Суккуба поджала губы.

— Кстати, Василия тоже никто не видел, он пропустил занятия, — добавил Флав, обращаясь исключительно к Клаве.

— О, кажется, я дозвонилась! — воскликнула Сирена.

Все дружно прислушались: гудки. Клава поразились: банальные гудки, как на обычном телефоне. Потом вдруг треск, щелчок. И голос Пумы: «Я занята, мне некогда отвечать всяким бездельникам и болтунам. Идите в задницу! Я потом вам перезвоню.»

Сирена выразительно подняла брови:

— Всё как всегда с нею! Наверное, сидит у себя в морге и дуется на меня. Или еще где-нибудь устроила себе нору для размышлений. Соскучится — выползет на свет божий.

Флавиан сложил руки на груди и промолчал, подчеркнуто внимательно слушая речь директрисы. Та же продолжала:

— А Вильгельм и Василий уехали. Буквально час назад или около того я лично открыла для них портал. У вампирчика что-то случилось дома, то ли кто-то умер внезапно, то ли заболел, вот его и вызвали. Он даже не успел собраться. Но мы договорились, что я оформлю для него освобождение от сессии и отсрочки для экзаменов, если ему придется там задержаться. Флаф, ты сможешь отправить ему вещи, если понадобится.

— Да, разумеется, — согласился инкуб. Уточнил: — Василий отправился с Вилем за компанию?

— Именно, — с улыбкой кивнула Сирена. — Если это все вопросы, то, пожалуйста, возвращайтесь к себе. У меня и так слишком долго был занят кабинет этим вечером, вон сколько дел накопилось. Эх, молодежь всё развлекается в свое удовольствие, а мне теперь придется ночью сидеть, глаза напрягать.

— О чем она? — вполголоса спросил Флаф у Клавы, не сразу поняв, что суккуба именно от него отворачивается и почему-то глаза отводит.

Клавдия вскочила с места, буркнула «до свидания» директрисе и направилась к дверям, неся кота на плече, как гвардеец ружье.

— Да просто кое-кто решил, что у меня тут диван соблазнительно скрипит обивкой, и ковер на полу мягкий, удобный, — с более чем очевидным намеком мурлыкнула русалка, возвращаясь к своим документам. — Заперлись на несколько часов! Вот как этим можно заниматься часами, а? Это же не отчет за семестр!

Клава замешкалась, бестолково дергая за ручку двери. Персик у нее на плече повел носом по воздуху и выдал с возмущением:

— И тут псиной воняет! Как я сразу не заметил! Фу!

— Какой еще псиной? — нахмурился Флаф, надвигаясь на Клаву со спины.

— Мамуленька с каким-то псом играла, пока я дома сидел один и волновался! — пожаловался обиженный котик. — Пришла домой вся облизанная!

— Не с псом, а с очаровательным, высокообразованным пушистым волком, — заметила Сирена из-за стола.

Ручка двери наконец-то провернулась как надо, задвижка щелкнула, и Клава пулей вылетела из кабинета.

К ее величайшему облегчению (и к тайному разочарованию, в котором она не смела признаться даже самой себе, даже мысленно), Флавиан не стал ее преследовать, чтобы выведать подробности. Инкуб остался в кабинете наедине с директрисой. Клава понятия не имела, о чем они там собрались беседовать — ее это нисколько не волновало! Совсем ни капельки...

Персик полночи дулся на хозяйку. Даже когда Клава приняла ванну с ароматной пеной и переделась в чистую пижаму, пахнущую ландышевым кондиционером для белья, кот продолжал ревниво брюзжать о предательстве легкомысленных родительниц и о голодных бродячих псах, готовых накинуться на чужих мамуль, разгуливающих без должного присмотра. В ответ Клава лишь виновато улыбалась, тормошила и гладила надутого любимца — и ласками вытребовала с него клятву, что тот впредь будет крайне осторожен и предельно благоразумен. В Академии явно творится нечто таинственное и нехорошее! Клава не хотела лишней раз пугать котика, он и так сегодня натерпелся. Однако если он и дальше станет бродить, где вздумается, то может попасть в опасность. А нет ничего хуже на свете, чем неизвестные опасности. К ним не подготовишься, от них не застрахуешься!.. Клава за себя забыла волноваться, настолько распереживалась за любимца.

В общем, так и заснули вдвоем, свернувшись клубочком и спрятавшись от проблем чуждого мира под одеялом.

14

Утром Клавдия вышла на кухню морально подготовленная. Натянула милую улыбку — и вперед! Она будет бороться за себя, за свою жизнь и свободу, и за своего кота всеми доступными способами.

Пусть она беспомощна, пусть слаба и некомпетентна — всё это она в силах исправить. Пусть внешне она пока что подчиняется обстоятельствам — дух ее не сломить! Она не шалава и не проститутка — она куртизанка! Любительница менять мужиков и прыгать за вознаграждение из постели в постель — это не про нее. Именно куртизанка, ни каратом меньше! Она — сокровище, к которому хотят прикоснуться все мужчины. Она — прекрасный цветок, которые радует глаз, хм, ну, и прочие жизненно важные органы любующихся субъектов. Она — специалист высокого класса, которая оказывает квалифицированную помощь в деликатной области, весьма важной для комфортного существования клиентов. Она не банщица-массажистка — она психотерапевт-сексолог!

Перед нею огромный источник энергии, и она возьмет себе ровно столько, сколько потребуется для возвращения домой. Эта излишняя энергия всё равно вредна для ее пациентов, зато для нее станет наградой за самоотверженный труд и чуткость к проблемам окружающих.

Ее тело — это инструмент, а не источник стыда и похоти. Она — прекрасная скрипка!.. Нет, пожалуй, виолончель, которую достают из футляра ради восхищения и наслаждения, ради пробуждения высоких чувств и эстетики. А где вы видели виолончель в одежде? Так что и ей нет нужды краснеть за то, что работать приходится голой и далеко не руками...

Клава старательно отгоняла от себя мысли о том, как же она станет жить, если вернется в свой мир. Тело уже изменилось, без регулярного секса, как было прежде, ей придется несладко, как наркоману без дозы. А заурядные мужчины обычного мира ее никогда не прельщали. Теперь же подавно не захочется заводить плешивого небритого хахаля-трахателя, попробовав красавчиков из Академии. Но она как-нибудь выкрутится. Прижилась ведь здесь? Значит, и в родном мире найдет для себя новую судьбу.

Оставалось только добыть нужное количество энергии, это во-первых. А во-вторых, неплохо было бы научиться каким-нибудь, хотя бы самым элементарным приемам самообороны. Тем более опыт с оборотнем показал, насколько она на деле беззащитна перед настоящими самцами. Клава прекрасно отдавала себе отчет, что ей до сих пор просто везёт, бессовестно улыбается удача в этом мире магии. Но до каких пор Фортуна соблаговолит ей благоволить? Испытывать судьбу не хотелось, как говорится, береженого боги берегут.

Итак, Клава вышла на кухню и принялась через силу кокетничать с Основателем. Не то чтобы в открытую, но мягко, ненавязчиво, лъстя через слово. Пока готовила завтрак для себя и Персика, незаметно разговорилась с призраком: сперва о пустяках, о погоде и кулинарии, затем он сам пустился в воспоминания. Клава слушала, поддакивала, не отвлекаясь от кухонных забот — прекрасно сознавая, что засидевшийся в одиночестве призрак и без суккубьих чар легкая добыча. Наверняка на застывшего женоненавистника ее особенные чары вообще не действуют. С другой стороны, она мысленно напоминала себе, что Основатель — привидение древнее, мудрое, многоопытное, следовательно, не ей с ним тягаться в искусстве манипулирования собеседником. А то, что он брюзжит и ворчит, как склеротик, так это может быть обманный маневр, чтобы усыпить ее бдительность.

И всё же, когда Основатель вдруг вспомнил о своей давным-давно обротившейся во прах бабушке, о том, какую запеканку она творила по праздникам, да еще выдал рецепт незабвенного лакомства — вот тогда Клава мысленно возликовала и приписала себе первое призовое очко.

Заказать продукты для рецепта не составило труда. И спустя час с небольшим по кухне поплыл требуемый аромат, (кстати, довольно аппетитный, несмотря на опасения Клавдии). Основатель, как полагалось, поворчал на счет духовки, которая не в состоянии заменить настоящий очаг с дровами и открытым пламенем. Однако Клава, украдкой посмеиваясь, вскоре заметила, что призрак растекся блаженствующей тенью по креслу-качалке, закрыл глаза и всецело отдался вкушению аромата из полузабытого детства. Ей даже стало жалко, что привидение не сможет оценить ее запеканку на вкус. Впрочем, когда противень был извлечен из духовки и водружен на стол, Клава изменила мнение: на вкус получилось совсем не так хорошо, как на нюх. Но что поделать! Она нарезала запеканку и выложила по куску на две тарелки — для себя и для собеседника. (Персик сразу заявил, что это есть не станет.) Пусть призрак есть не будет по понятным причинам, но хотя бы на время почувствует себя

живым человеком, сможет притвориться, что для него не проблема взять нож с вилкой и угостится, прожевать, проглотить вожделенный кусочек.

Оживившись над исходящей горячим паром тарелкой, Основатель брюзжать стал заметно меньше. И Клава решила, что пора воспользоваться его добродушием. Зря она, что ли, кухарила тут всё утро?

На оброненный между прочим вопрос о самообороне Основатель снисходительно заметил, что главная сила суккубы не в кулаках, а в умении очаровывать. Более того, даже сейчас Клавдия не застрахована от опасности быть отторгнутой этим миром: если она хотя бы на один день забросит обязанности суккубы, она снова превратится в обычную попаданку, нарушающую баланс пространственно-временного континуума.

Новость была огорчительная, но не настолько, чтобы заставить Клавдию впасть в панику.

— А если на меня нападет кто-то, равнодушный к моему очарованию? — гнула она свою линию. — Если прижмет меня к стенке и не даст убежать? Окажется физически сильнее и быстрее меня, как тогда мне быть?

— Деточка, к чарам суккубы чувствительны даже женщины, дети, старики и животные! — отмахнулся Основатель. — Разумеется, они почувствуют не то острое эротическое желание, какое обычно ощущают мужчины при виде тебя, а легкий флер волнующего интереса, однако...

— А если на меня нападет гей? Скажем, гей-злодей? — не унималась Клава.

Основатель поперхнулся воздухом:

— Кто, прости? Я несколько отстал от жизни и не всегда понимаю ваши молодежные словечки.

— Ну, мужеложец-маньяк. Такой, что у него на баб в любом виде страшная аллергия, и ни о какой симпатии речи быть не может. Как мне с ним совладать?

— Хм, мужеложец? Чего только люди не придумают!

— Да ладно! — напирала Клава. — Это не новость, во все времена бывают такие извращенцы. Так что вы мне посоветуете? Как мне защитить свою жизнь, честь и достоинство? Если убежать никак нельзя. Если у меня будет запас магической энергии, я смогу...

— Хотя вот ты сейчас сказала, и я вспомнил! — продолжил Основатель, не слушая собеседницу. — Был одно время у меня ученик, не такой, как все. Он носил короткие пестрые балахоны вместо нормальных черных мантий, отращивал волосы и брил бороду. А еще часто смотрел на меня с каким-то странным выражением, которое я тогда не понимал. И несколько раз во сне телепортировался из своей кельи в мою спальню, прямо в постель, будучи совершенно голым, но при этом натертым с ног до головы вонючими ароматическими маслами.

Призрак погрузился в мысли и воспоминания, хмурясь от слишком поздно раскрывшейся загадки.

— Вот! — поймала его на слове Клава. — Ваш ученик умел телепортироваться даже во сне! Научите меня! Если у него получалось это даже бессознательно, то я тоже смогу. Если меня загонят в угол и некуда будет бежать, телепортация лучший выход из опасного положения!

— Что-то теперь я усомнился, что тот парень действительно спал, когда возник у меня под одеялом среди ночи, — пробормотал Основатель.

— И что с ним получилось в итоге? — спросила Клава. — С тем вашим учеником?

— Увы, — развел руками Основатель. — Когда в очередной раз он внезапно появился в моей спальне, я спросонья не разобрался, принял его за опасного демона и ударил снопом пламени.

— Сильные ожоги получил, бедняга? — посочувствовала суккуба жертве неразделенной любви.

— Да, после этого я проходил с забинтованными руками месяц, — кивнул призрак. — Было очень неудобно вести записи, и бинты на пальцах пачкались чернилами. А тот парень сгорел на месте. Я же говорю, у него была нездоровая страсть к эфирным маслам, он в них буквально купался. Как ты знаешь, масло не зря используется для фонарей и ламп.

— Вот-вот! — подхватила Клавдия. — Научите меня швыряться файерболлами! Я не прошу себе большую шаровую молнию, мне даже с кулачок хватит. Если метко прицелиться, то даже искра сможет выручить в экстренном случае!

Основатель смерил ее снисходительным взглядом, однако вредничать не стал: тут же на кухне открыл ей секрет файерболла. Хотя Клава подозревала, что никакой это не был секрет, наверняка каждый первый в Академии умел пользоваться таким заклинанием.

Каждый первый, кроме нее, несчастной попаданки. После двадцатой попытки на ладони Клавдии наконец-то вспыхнул шарик огня со спичечную головку размером.

— Ты накопила слишком мало энергии, — объяснил Основатель. — До сего дня ты только лишь тренировалась в своем деле. Теперь ты сама понимаешь, как тяжело и унижительно существовать в нашем мире без магического потенциала.

— Да уж, — вздохнула суккуба.

— А представь, каково мне? — запечалился призрак. — Я был самым могущественным волшебником мира! А теперь — лишь тень, лишь неприкаянный разум и голос без тела, без сил, без возможностей...

Клава всё-таки добилась от него объяснения, как пользоваться магической телепортацией. У нее даже получилось с первого раза: она перенесла себя на целый шаг! Правда, не вперед, как хотела, а назад — и больно приложилась затылком о кухонный шкафчик. Но лиха беда начало!

Вдохновленная своими головокружительными успехами в практической магии, Клава не слишком расстроилась из-за звонка от Сирены. Директриса объявила, что с этого дня суккуба обязана начать прием клиентов.

— Вильгельм перед отъездом поставил тебе отличную оценку по работе с энергообменом, — заявила русалка. — Вольф проэкзаменовал на физическую выдержку и стрессоустойчивость...

— Кто? — перебила ее Клава.

— Наш волк-оборотень, — подняла брови домиком Сирена. — Разве он не представился?

— Не удосужился, — буркнула суккуба.

— Не важно, Вольф всё равно уехал на конференцию и пробудет там месяц, не меньше, — заявила директриса. — Кстати, можешь уже сейчас ознакомиться со списком клиентов на ближайшие две недели. В твоём коммуникаторе есть функция ежедневника.

Клавдия послушно нашла и открыла список, не обрывая связи с русалкой.

— Рекомендую заранее изучить каждую заявку, — добавила директриса.

Клава прокрутила список торопливо, стараясь не смотреть на голограммы с

физиономиями будущих любовников. Незачем ей загодя пугаться и нервы тратить, всё равно придется всех обслуживать, не отвертись. Вот с тем же оборотнем Вольфом — увидела бы его на фотке, тряслась бы от страха! А при личном контакте ничего, прокатило.

Взгляд суккубы наткнулся на знакомое лицо: бронь на ночь через десять дней. Белобрысая челка, светло-серые с розово-сиреневым отливом глаза под белесыми ресницами. Михаэль.

Каким-то образом Сирена поняла, чья заявка заставила суккубу замереть, затаив дыхание. Директриса то ли подглядела через видеосигнал, то ли тоже открыла список.

— А, наш ангелочек! — воскликнула русалка. — Гляди-ка, заранее озаботился встать в очередь.

— Почему его не вычеркнули? — тихо спросила Клава.

— Зачем вычеркивать? Это его право! — возразила Сирена.

— К-как это? — опешила суккуба. — Я с мертвецом спать не буду! Нашли некрофилку!!! Тем более тело-то пропало.

— Э, остынь, — засмеялась Сирена. — Нашелся он, и Пума уже над ним поработала славно. От живого теперь не отличишь, будто и не умирал!

— К-как это? — еще больше растерялась Клава. — Правда?

Русалка только фыркнула:

— Придет его очередь, сама увидишь! Уж он не упустит шанса, докажет тебе свою состоятельность.

С этим и отсоединилась.

Встроенный в коммуникатор ежедневник заранее предупредил Клавдию о назначенном свидании, а встроенный навигатор указал адрес. Ее ждали в уютной квартирке на чердаке уединенного трехэтажного особняка, окруженного вечно цветущей сакурой местного сорта. Мансарда с большими окнами в покатой черепичной кровле. «Вот бы прямо под этими окнами была кровать!» — подумалось Клаве. Ведь так шикарно лежать в постели и смотреть в недостижимую синюю высь, где над тобой несутся облака.

Она угадала. Когда на звонок отворилась дверь, первое, что бросилось в глаза в этой просторной «однушке»-студии, это стоящая посередине просторной комнаты кровать. Траходром. Правда, постельное белье было отнюдь не кричаще розовым или алым, как можно было ожидать, а в нежный мелкий цветочек незабудки.

Опомнившись, Клава заставила себя отвести взгляд от мебели и посмотреть на нового любовника. И невольно ойкнула: перед ней стоял фотонегатив брюнета. Если у брюнетов светлая кожа и черные волосы, то у этого всё наоборот: кожа черная, причем не как у негров, (хотя Клава негров вживую не видела, только по телевизору, но подозревала, что у тех цвет кожи скорее темно-коричневый, даже у самых «загорелых»), а у этого угольная масть отливала в синеву! При этом губы и ладони оказались при ближайшем рассмотрении немного светлее, в серость. А брови, ресницы и волосы совершенно седые, то есть белые с легкой пепельностью.

— Дроу? — поняла начитанная фэнтези Клавдия.

— Да, госпожа, — сверкнул тот белозубой улыбкой.

Клава неосознанно выдохнула с облегчением: хоть зубы нормального цвета! А язык, похоже, фиолетовый, как у чау-чау.

«У них, кажется, бытует суровый матриархат», — подумала Клава и не стала возражать

против непривычного обращения к себе. Даже немного приятно, что и на суккубу распространилось почтительное отношение к дамам.

Даже не взглянув в сторону постели, дроу усадил гостью на диванчик, перед которым уже был накрыт столик: свежесваренный ароматный кофе, булочки с карамельным кремом, пирожные всевозможные. Клава аж подсадовала на себя, что успела плотно позавтракать. Но всё равно не смогла устоять перед воздушным пончиком с глазурью.

Дроу завел светский разговор, вежливо расспросил попаданку о ее мире, немного рассказал о своей родине. Минут через сорок такой милой болтовни Клава поняла, что сам он перейти к делу не предложит, воспитание не позволит.

— Извини, но, может быть, всё-таки займемся тем, ради чего ты записался ко мне на прием? — неловко предложила Клава и сама поежилась, до чего ужасно вышло на слух. А как сказать иначе? «Давай уже трахаться?» Пожалуй, от такого предложения дроу вообще в обморок упадет!

Возражать темный эльф не посмел. Скромно опустив ресницы в знак согласия, ответил: — Как вам будет угодно, госпожа.

Впрочем, разделся шустро, в постель следом за суккубой запрыгнул по первому же знаку.

А дальше опять пошло черте как! На каждый поцелуй этот вежливый зануда спрашивал отдельного разрешения. Безусловно, его проникновенный шепот звучал очень сексуально, но поминутно отвлекаться от процесса на светскую болтовню Клава не привыкла.

— Делай всё, что хочешь! — прикрикнула она на него, не выдержав прелюдии дольше пятнадцати минут.

Дроу оказался послушным — тут же закруглился с предварительными ласками и плавно вторгся в податливое лоно своим приличного размера «копьем».

И только Клава откинулась на подушки, только собралась расслабиться и получить удовольствие от работы — как же! Дроу, войдя, двигаться не торопился. Замер, прислушиваясь то ли к собственным ощущениям, то ли к отклику ее тела. При этом он так внимательно смотрел суккубе в лицо, что расслабиться стало ну никак невозможно.

Поймав ее ответный недовольный взгляд, вежливый парень снова засыпал ее вопросами:

— Вам удобно, госпожа?

— Подложить подушку?

— Я правильно вошел?

— Мне сменить угол проникновения?

— В каком темпе мне нужно двигаться?

— Вам нравится, когда грубо или когда нежно?

— Делай, как обычно! — взорвалась Клава.

— Простите, госпожа, но с женщинами я не имел дела прежде, — повинился дроу.

Клава опешила, приподнялась на локтях:

— Как это? Правда? Но ты выглядишь достаточно опытным.

Темный эльф мягко улыбнулся:

— У меня есть любимый.

— А... — подзависла Клава.

В голове вихрем мелькнула лестная мысль: неужели она перекует гея в натурала?! Тогда ей никак нельзя облажаться! И тотчас на смену первой пришла мысль трезвая: это просто

любопытство. Естественно, что парень хочет попробовать хоть разок в жизни с девушкой, тем более вся Академия про нее, попаданку, жужжит. И уж точно ради ее прелестей дроу не бросит своего любимого бой-френда, он слишком порядочный и воспитанный для подобной ветрености.

Сбиваясь и краснея, она объяснила, что, в принципе, особой разницы в процессе нет. Предложила, чтобы ему было привычнее, начать с тыла, но дроу отказался, заявив, что записался к ней именно из желания узнать женщин с правильной стороны. К тому же любимый посчитает изменой проникновение в чужую попу, а к лону это не относится.

Покивав, Клава взяла устное руководство процессом на себя. Процесс пошел быстрее. Следуя командам, темный эльф держался гораздо уверенней.

В итоге он-то получил удовольствие, да еще какое! Кончив, упал на постель, еле отдышался. А Клава растеклась на простынях совершенно вымотанная и взмыленная. Даже скачки с оборотнем, даже многочасовые эксперименты с вампиром не стоили ей стольких усилий, как это «дистанционное управление»!

Однако она ни словом, ни взглядом не дала понять парню, что осталась им недовольна, а то мало ли, вдруг сильно расстроится? Кто этих матриархальный мальчиков разберет. Тем более, грех жаловаться, старательности у него хватало с лихвой, авось на следующий раз пойдет легче.

Ради поддержания телесных сил и в качестве моральной компенсации, пока одевалась и приводила волосы в порядок, Клава схомлячила пару пончиков.

На прощание она даже поцеловала задремавшего дроу в щечку. Тот не отреагировал, блаженно посапывая и обнимая подушку. Перед тем как уйти, Клава постояла минутку над кроватью, поражаясь контрасту черного тела и светлого постельного белья. Такой экзотический красавец — и на простынях в банальный цветочек моды советской эпохи. Почему-то даже оборотень не поразил ее воображение настолько сильно, как этот чернявый седой юноша.

На выходе из особнячка, где жил дроу, Клаву настиг вызов от Сирены.

— Как ведь чует, что я закончила! — проворчала суккуба.

И остановилась посреди дорожки, осененная догадкой: а что, если ее медальон, собирающий излишки мужской сексуальной энергии, связан с общей информационной сетью Академии? Без сомнений ведь связан! А кому, как ни директрисе, иметь все доступы и пароли от такой сети? Так что не исключено, что русалке поступают соответствующие сигналы. Клава поежилась: неприятно, когда за тобой следят, тем более в такой деликатной профессии.

У директрисы оказалось для нее неожиданное задание: в Академию привезли давно заказанный груз — фургон с компьютерной техникой. И теперь от Клавы, как от представителя техногенной цивилизации, требуется помощь в освоении и настройке. Короче говоря, никто в Академии понятия не имеет, как подключить монитор к принтеру, а мышь воткнуть в роутер.

Пожав плечами, Клавдия отправилась помогать технарям.

В специально отведенном подвальном помещении главного здания Академии собралось немало парней — все, как один, ботаники! Трое даже в очках. На суккубу они глянули с особым интересом: не как на сексуальный объект вожеления, а как на единственную, кто хоть сколько-то разбирается во всех этих проводах и коробках. И пусть Клава не считала

себя даже уверенным пользователем, однако в отсутствии Вильгельма она осталась здесь главным специалистом по электрической технике. Уж на что, а воткнуть нужный штепсель в подходящее гнездо, ее знаний хватит. И уже это привело команду ботаников в бурный, но почтительно тихий восторг. Для разнообразия подобное отношение к своей особе Клаве пришлось по душе.

Она не стеснялась болтать без умолку, объясняя свои действия, винясь, что плохо во всем разбирается, выдавая все догадки и обрывочные знания об электронике, какие у нее всплывали в голове. И парни постепенно расслабились, перестали ее стесняться. И — о чудо! — совместными усилиями команде во главе с суккубой удалось все коробки распаковать, все агрегаты расставить на столах, ничего при этом не уронив и не разбив. Все провода они распутали, все гаджеты и устройства подключили правильно, работая слаженно, активно жужжа коллективным разумом.

К величайшему облегчению Клавы, технари во всех мирах оказались одинаковыми. Стоило ей дать примерный вектор и толчок к пониманию, что тут к чему, как дальше парни уже сами соображали подробности, догадывались о возможностях, а у нее только уточняли некоторые основные моменты.

Спустя час кто-то понял принцип, благодаря которому Вильгельм запитал Клавин ноутбук от энергетического кристалла — и вся техника ожила! Однако попаданка тут же охладила восторги команды, заявив, что требуется установить на всё это «ПЭО», чтобы получать от железа толк. Непонятная аббревиатура в первый момент привела ботаников в состояние соляных столбов, словно страшное заклинание окаменения. И тут Клава не удержалась от удовольствия поймать мгновение триумфа: она, словно фокусник, достала из не приметного конверта установочные диски. На свою торжествующую улыбку не дождалась общего крика ликования, пришлось пояснить, что к чему. Просто в суете она сразу заметила упаковку с дисками и флешками, побоялась, что их потеряют, на них наступят, выльют кофе или еще как-то повредят, поэтому придержала до времени при себе.

Устанавливать программы, системы и утилиты Клава сама не стала, боясь опозориться, с важностью доверила эту миссию самым разумным из ботаников. Те приняли от нее сакральные знания с неподдельным благоговением, от которого суккубе хотелось безудержно хихикать. Парни оказались настолько влюблены в технику, что готовы были дрочить, лаская взглядом клавиатуры, но не Клаву!

Еще пару часов компания провела в сосредоточенном сопении и относительной тишине. К Клаве за советом обращались всё реже. С чувством выполненного долга она устроилась в темном уголке с чашкой кофе и печенькой, благо сразу за дверью в коридоре нашлись автоматы по продаже напитков и разнообразных «хрустелок».

— Вот бы еще интернет наш земной сюда подключить! — мечтательно вздохнула оне.

Ее мигом услышали, несмотря на скрипение мозгов и ругань в полголоса в адрес создателей операционной системы, которая не поддавалась уговорам и не желала устанавливаться с первого раза, слетая в неподходящие моменты. Оказалось, земной интернет здешним ботаникам знаком не понаслышке, и серфингом по сайтам забавлялся не один Вильгельм. Вот только коды, использующиеся в земной информационной паутине, настолько проще, чем те, с какими работают коммуникаторы, что отображать страницы верно получается раз через сотню, и это весьма раздражает. Клаве пообещали со временем устроить вай-фай для ее ноутбука, а пока попросили помолчать.

Суккуба лишь вздохнула с улыбкой: вот и кончилась ее короткая слава специалиста по

земной технике. Хотя ей же легче.

От скуки она попыталась пофлиртовать с ближайшим свободным ботаником, но встретила стену искреннего непонимания: какой флирт, если вон парни, как диких мустангов, приручают экзотические компы иного мира! Клаву такой расклад немало веселил. Она с ними душой отдохнула. Такая редкость: в комнате битком молодых мужчин, а на нее никто не смотрит!

Пользуясь удобной возможностью, ибо когда еще выдастся шанс поболтать с не озабоченными сексом вменяемыми парнями, она завела разговор о спорте вообще и приемах самообороны в частности. Ее сетования терпеливо выслушали в знак уважения за заслуги, и, чтобы не отвлекала от дела пустословием, сразу направили к нужному преподавателю, ведущему секцию единоборств. Ребята сами любезно связались с преподавом, договорились на счет новой ученицы, назначили встречу — и всей компанией под дружелюбные смешки выпроводили суккубу на индивидуальное занятие.

Явившись по адресу, Клавдия немного растерялась: ее встретил гном! Самый настоящий гном, с носом-свеклой, с бородой до пяток, лысый, как коленка, а ростом как раз Клаве по колено. Одет он был предусмотрительно в домашний стеганный халат.

— Заходи-заходи! У меня плотное расписание, не тормози! — поторопил ее гном.

Клава мысленно хихикнула: с таким коротышкой у нее еще не было. Даже интересно стало, как это возможно физически.

Оказалось, вполне возможно. У Клавы пропали сомнения в его мужественности, когда гном протянул ей фартук, который велел надеть на голое тело, а сам сбросил халат — и Клава узрела, как длинную бороду проткнуло орудие любви. Картина получалась впечатляющая: лысина, брови, ехидные глазки, носище, усы, борода-борода-борода, из нее где-то на середине, как крючок для полотенец, член, а дальше опять борода до самого пола. Причем ствол гнома оказался длиннее его локтя! И толстенький, как переспелый огурец.

Клава разоблачилась и, внутренне хихикая и робея, облачилась в фартук. В голове крутилась догадка: гном любитель ролевых игр? Но на деле вышло проще. Фартук, самый обыкновенный для фетишистов, розовый в белый горошек, с оборочками и длинными лямками, которые полагалось завязывать бантом спереди, дважды обернув вокруг талии, — так вот, этот фартук гному был технически необходим!

Пока готовились, мастер единоборств не молчал, а любезно, пусть и немногословно, разъяснил притихшей суккубе: он сам из древнего рода подземных гномов-ездунов. Раньше их народ жил, понятно по названию, под землей, в пещерах, где было довольно жарко из-за геотермальных источников, поэтому в одежде они особо не нуждались. Зато с гигиеной и ваннами никогда не было проблем, кстати. И в ходе эволюции получилась у народа гномьего интересная разница между женскими и мужскими особями: мужчинам выгодно было иметь маленький рост, чтобы шнырять по шахтам, а женщинам, чтобы легче рожать потомство и управляться с домашним скотом (молочными слизняками и мясными сколопендрами) — женщины сохранили обычный человеческий рост или даже немного выше. Поэтому классическая домохозяйка выглядела так: в фартуке вместо платья, спереди на сиськах по два сосунка-младенца, держатся за лямки, чтобы у мамыши руки не занимать, а сзади, уцепившись за поясные завязки того же фартука, на попе висит муж. Нашлась у них и еще одна особенность: из-за длительных походов в шахты мужья занимались сексом с женами редко, но по полдня. А как на полдня оставишь хозяйство и многочисленное семейство? Так

вот и нашли выход — удовлетворять потребности в близости, не отрываясь от хлопот.

Рассмотрев с разрешения гнома «причинный» орган, Клава не нашла для себя ничего пугающего и разрешила ему для взаимного удобства использовать ее заднее отверстие — так он оседлает ее крепче и не будет соскальзывать в процессе. Гном предупредил, что ездить на ней будет не меньше двух-трех часов. Клава пожала плечами и согласилась. Только попросила пыхтеть погромче, чтобы она о его присутствии не забыла и не села бы на него случайно. Гном самодовольно хмыкнул:

— Нашего брата так просто не раздавишь!

И забрался на вставшую на колени суккубу сзади.

Ощущать маленькие руки с коротким пальцами на своей коже было необычно. Клава смущалась и пыхтела не тише самого ездун. Когда же он вошел в заранее смазанный проход, медленно, натужно, со вздохами удовольствия, неожиданно глубоко, Клаве даже стало приятно. Обнаружилась еще один сюрприз: член гнома не сразу принимает настоящий размер, на «вырост» ему также требуется время. То есть если сейчас он с хороший огурец, то от трения станет с молодой кабачок.

Суккуба по команде поднялась с колен, еще сильнее сжимая ягодицами ствол, и довольно зашипевший гном велел ей для пробы попрыгать на одном месте, пройтись по комнате. Нормально — ездун держался за пояс фартука крепко, движений суккубы не стеснял, даже не казался тяжелым, хотя на деле весил десяток кило. Любовник ощущался как хорошо подобранный рюкзачок. Клава решила, что походить по его апартаментам в фартуке и неглиже пару часов будет вполне терпимо.

Против ожидания, ей не пришлось заниматься домашним хозяйством или готовкой. Мастера единоборств ведь предупредили, что она хочет изучить приемы самообороны. Так вот, гном предложил ей «экспресс-курс». Благодаря тесному физическому соединению, добавив крупицу магии, он сможет напрямую записать в память ее тела нужные комбинации движений. Удобно! Никаких изматывающих тренировок, никаких многодневных упражнений. Разумеется, Клава, оговорившись, что это должно быть для нее безопасно как в физическом, так и в психологическом плане, согласилась.

И они на внутреннем лифте спустились в подвальный этаж. Там оказалось домашнее «додзё» гнома, где их уже поджидала группа студентов первокурсников. Все в тренировочных костюмах вроде кимоно для занятий дзюдо. Клава сперва растерялась и даже в испуге не хотела выходить из лифта, но ездун шлепнул ее по ягодице для ускорения.

«Представь, что ты в купальнике, — попробовала успокоить саму себя Клавдия. — Спереди фартук вообще сойдет за платье, а тылы гном прикрывает. Всё нормально!»

Впрочем, ученики при виде их пары сами растерялись больше, чем она. Многие, непривычные к обычаям коренных жителей Академии, покраснели до корней волос. К облегчению Клавы, большинство в группе были парнями человеческого вида и телосложения. Выделялись только два худосочных вампирёныша, один чертенок типа Василия, из экзотики нашелся шестирукий синеконский парнишка типа индуистских богов. Все они были на вид явно младше Клавы, что также придало ей некоторую уверенность.

Тренировка началась с того, что гном, несколько не утративший важности из-за своего положения «всадника», объявил ученикам, чтобы нападали на суккубу сперва по одному, затем по несколько и с разных сторон.

И пошла тренировка! Клава отдала контроль над своим телом мастеру единоборств, буквально копчиком чувствуя его уверенность и многолетний бесценный опыт. Ее тело

двигалось с потрясающей легкостью, даже изяществом, она реагировала с быстротой, какая и во сне не снилась!

Сперва тушевавшиеся парни скоро вошли во вкус, стали драться в полную силу, выкладываясь, обливаясь потом — и наслаждаясь необычной тренировкой. Клава уже не смущалась того, что при высоких замахах ногой фартук ничего не скрывал у нее ниже пояса. Да и груди вскоре выскочили между бретелек поверх лифа. Должно быть, видок у нее был при этом еще тот!

Мышцы сладко ныли от напряжения, разум пьянился от всемогущества настоящего бойца, полученного ею почти задаром. И подпрыгивание на попе воодушевившегося гнома доставляло пикантную остроту и одновременно с тем томную расслабленность. Наверное, ее стиль боя можно было бы назвать «пьяная самка богомола» — Клава смеялась уже не только мысленно, но в открытую, заражая смешинкой противников.

В итоге, как и следовало ожидать, все парни вымотались полностью, Клава осталась непобедимой, а гном полностью удовлетворенным. Мастер по окончании тренировки сполз с нее, упавшей на четвереньки и пытающейся отдышаться, чмокнул в благодарность в ягодицу и ушел к лифту, волоча за собой халат по полу, уехал домой отсыпаться после такого марафона.

Парни же предложили Клаве воспользоваться здешними душевыми, даже пропустили ее первой. Она успела ополоснуться под струями теплой воды — когда эти хитрюги по одному просочились в душевую. И присоединились к ней.

Клавдия после изматывающей тренировки двигалась на автопилоте. Чем, видимо, и воспользовалась ее суккубья внутренняя сущность. Обернувшись от кафельной стены и увидев перед собой смущенных, покрасневшихся, но целеустремленных и совершенно голых парней, она визжать не стала. Напротив, плотоядно улыбнулась — и приняла в свои объятия разгоряченных первогодок, изголодавшихся по женской ласке.

Что было дальше, Клава помнила, как в тумане. Впрочем, туман тоже был — от пара не исключенной воды. Тела были скользкие и горячие, поцелуи торопливые и смущенные. Прикосновения жадные и мимолетные.

Она помнила, что стояла, будто в пояском поклоне, сзади в нее толкался один, во рту второй, обеими руками она надрачивала еще двоим. В разноразной выстрелив семенем, они сменяли друг друга — и так по очереди. Один, особо осмелевший, подполз к ней снизу, сидя на полу, приник сперва к покачивающимся на весу грудям, точно голодный олененок, затем самозабвенно уткнулся носом в ее лобок, запустил язык в складки, принялся играть с клитором, а себе надрачивал сам. Клава не возражала. Пусть, несмотря на всю эту карусель, она сама так толком и не кончила, балансируя близко на грани, но ощущения оказались забавными. Она была словно под кайфом, получая их бурную свежую энергию — первогодки не умели, да и не хотели прятать свои эмоции и закрываться от нее. Медальон, привычно болтающийся между грудей, раскалился от вобранных излишков магических сил.

Суккуба была почти счастлива.

Как она добралась до дома, Клава запомнила еще хуже. Кажется, парни толпой пошли ее провожать, но на площади их встретил Флаф. Мальчишки разбежались, испугавшись шипящего ругательства инкуба, а Клава лишь хрюкала смешками — до того казалась нелепой обиженная моська ревнующего приятеля.

навеселе от переизбытка сексуальной энергии, она забыла зашторить окно в спальне, а теперь этот недочет исправлять было уже поздно. Желудок сводило от голода, ибо давеча она пообедала парой жалких пончиков в гостях у дрю, а поужинала еще более жалкой печенькой в компании компьютерщиков, потом закусила несколькими глотками «натурального протеинового коктейля» в спортзале. К тому же нещадно болела натруженная спина, саднила попа, першило в горле, тянуло в паху, словно она с разбега садилась на шпагат...

Кое-как проснувшись, она с трудом сообразила, что звенит не только у нее в голове, но и браслет на запястье. Кто-то решил обрадовать ее с утра пораньше срочным вызовом? Бурча ругательства и пытаясь сфокусироваться на слишком блестящих кристалликах-кнопках коммуникатора, Клава без дружелюбия ответила на звонок.

И подскочила в кровати, мгновенно покрывшись холодным потом: позвонила медсестра — с Персиком произошел несчастный случай.

Не помня себя от беспокойства, Клава пулей вылетела из постели, кое-как оделась, торопливо привела себя в порядок — и понеслась бегом в лазарет. Всё это время медсестра не разрывала связь, через коммуникатор присматривая за нею, чтобы она в состоянии шока сама не угодила в неприятности, не скатилась бы с лестницы и хотя бы не забыла надеть обувь перед выходом из дома.

Как успела рассказать медсестра, непоседливый кот решил обыскать весь городок в поисках Пумы. Успев облазить всё кругом не по разу, Персик в конце концов пробрался на территорию Школы, где его понесло за каким-то лешим прямиком на площадку для практических тренировок первоклашек. Он перелез через трехметровый кирпичный забор — и попал под выстрел магической энергии. Иными словами, в него случайно срикошетило не пойми какое заклинание, выполненное учеником с грубейшими ошибками. Разумеется, малолетний растяпа сразу же был привлечен к ответственности, но даже присутствовавший при инциденте учитель не может распознать, какие чары пришли в действие. Следовательно, не получается подобрать «противоядие», чтобы вернуть несчастного кота в исходное состояние.

Рыдая на бегу, Клава успела вообразить себе самое ужасное! От страха за пострадавшего любимца в голову лезли жуткие кошмары, один другого хуже. Поэтому, когда она ворвалась в палату и увидела, что Персик жив! Пусть расстроен, но при этом цел! Не превратился в страхолюдное чудовище, не отрастил клешни, стрекала и лишней десяток членистых ног! Клава чуть не рухнула на пол на колени, готовая в слезах благодарить всех богов за чудесное спасение своего хвостатого обормота.

Персик не услышал ее громкого вздоха облегчения, он большим нахохленным полосатым клубком свернулся на кровати, на которой не так давно лежала сама попаданка, и, спрятав ушастую голову под подушкой и придерживая ее когтями, в голос причитал:

— У-уу!.. Мамуленька больше меня не будет любить такого-о! Она больше никогда не возьмет меня на ручки-и! Не посадит к себе на плечо-о! Не разрешит лежать у нее на коленках и спать на животе! Она никогда больше не почешет меня за ушком! Не похвалит мой пушистый хвостик! Не расчешет меня щеткой-ёй-ёй-и-и!..

— Маленький мой, как же я испугалась! — в ответ запричитала Клава.

Она присела рядышком на край постели и попыталась прижать своего котика к груди. Но почему-то не получилось сделать это, как обычно — длины рук как будто не хватило. Почему-то вправду не удалось поднять кота, то ли она обессилила, то ли он крепко держался

за простыню. Но Клава не обратила на это внимания.

— Мамуленька? — Персик сверкнул на нее влажным глазом из-под подушки, дернул сопливым носом, шевельнул усами. — Не надо, не трогай меня. Я не хочу тебя поранить своими колючками или искрами молнии.

— Что? — растерялась Клава. — Персик, солнышко, деточка, лапочка... Ты плохо себя чувствуешь, это понятно. У тебя галлюцинации, да? Не бойся, это пройдет, всё будет хорошо, я тебе обещаю, мама рядом...

Она убрала подушку, хоть Персик, упрямо цепляясь, чуть не порвал наволочку когтями, и всё-таки прижала его круглую, как кочан капусты, голову к своему сердцу. Принялась гладить по взъерошенному загривку и широкой полосатой спине.

— Мамуль, как ты можешь? — всхлипнул Персик, прижимаясь к хозяйке. — Я стал мутантом! Чудовищем! Монстром!

— Ш-ш, лапусь, не выдумывай, — утешала его Клава, сама чуть не плача от жалости к перенервничавшему до легкого бреда любимцу.

— Разве ты не замечаешь, как я изменился? — повысил голос страдающий Персик. — Я теперь совсем не такой, как был! Не тот, кого ты любила!!! Теперь ты меня разлю-ю-би-ишь! Ы-ыы!..

— Масечка, я тебя никогда не разлюблю! — зарыдала, не выдержав, Клава.

— Мамулечка, не бросай меня! — брызнул слезами Персик.

— Ты мой самый-самый любимый, самый-самый лучший котик на свете! — продолжала клясться Клава.

— Ты у меня единственная в мире, мамулечка! Во всех мирах и измерениях! — не отставал Персик.

— А я думала, ты заинтересовался Пумой?

— Я ни на кого тебя не променяю, мамуля!..

Он так усердно терся о Клавин живот, что повалил ее на кровать и плюхнулся сверху, придавив не хуже, чем давеча волк-оборотень. Но Клава не замечала обрушившегося на нее немалого веса, просто дышать стало трудновато и в глазах черные мушки заплясали. Но она всё равно продолжала обнимать навалившуюся на нее грудку меха, всхлипывающую и дрожащую.

— Ты вправду не замечаешь за своим котом изменений? — подошла к ним медсестра, всё это время тактично стоявшая в сторонке. — Персик, милый, слезь уже с нее, иначе придавишь или придушишь. Ты ведь не хочешь ее смерти, да?

— У-у! — взвыл с новой силой кот, отпрянув от обмякшей под ним хозяйки. — Я стал чудовищем!..

Он забился в угол кровати, накрылся от горя тонким больничным одеялом, с головой и поникшими ушами, но вяло дергающийся хвост остался снаружи.

— Ты в порядке? Дышать можешь? — уточнила у Клавы медсестра.

Та кивнула. Отдышалась, приподнялась на локтях поглядеть, как там котик — и обомлела. У нее в ногах сидел, накрывшись одеялом, если не тигр, то пантера, не меньше! И полосатый хвост был толщиной с ее локоть. Видимо, ее материнские инстинкты привыкли воспринимать Персика крошечным котенком, таким он навсегда остался для нее с момента их первой встречи. И таким будет до конца их дней. Только прикрывшее привычную полосатую шкурку одеяло нарушило эту иллюзию, показав истинный масштаб изменений.

— Ну, на ручки, наверное, не подниму, не осилю теперь, — пробормотала Клава.

Чуткий кошачий слух уловил вырвавшиеся слова, и из-под одеяла снова послышалось тихое подвывание.

— Ты некоторое время пребывал в дисбалансированной форме, но это быстро прошло, — обратилась к Персику медсестра. — Больше у тебя никаких щупалец или шипов появляться не будет, не волнуйся. Всё стабилизировалось окончательно, в будущем изменений тоже не прогнозируется. По сравнению с тобой прежним ты просто увеличился в размере. Из-за этого внутренние органы и системы тоже оптимизировались, и к счастью довольно быстро. Если обобщать, сейчас ты больше похож на представителя того же вида, к какому принадлежит мисс Пума, чем на себя прежнего. Но согласишься, всё могло бы быть куда хуже. В принципе, ты во многом выиграл: согласно проведенной мной диагностике организм стал более приспособленным к нашему миру, срок жизни удлинился, здоровье укрепилось, возможности деятельности расширились. Особенно изменился речевой аппарат и пальцы передних лап. Теперь ты готов к самостоятельной жизни разумного, трудоспособного существа. Собственно, я ожидала от тебя именно таких изменений, правда, не настолько стремительных.

Персик внимательно выслушал медсестру, перестав всхлипывать и выставив из-под одеяла одно ухо.

Клава тоже пыталась понять смысл сказанного, но напрягалась тщетно. В голове отложилось лишь одно: какое-то время из ее маленького Персика под воздействием перепутанной магии лезли щупальца и шипы?! Где этот мальчишка-двоечник, который промазал и попал в неповинного котика? Где этот слепой учитель, который не остановил тренировку вовремя?! Уж она им!..

— То есть, я смогу сам открыть себе банку с кормом? Не надо будет просить у мамули покормить меня? — уточнил на самом понятном для себе примере Персик.

— Именно, — кивнула медсестра.

— Но я хочу, чтобы мамуленька обо мне заботилась! — опять завыл кот.

— Маленький мой!.. — по привычке заикнулась Клава. Но от этого слова, попавшего по свежей душевной ране, Персик ударился в рыдания.

— Это нормально, — вздохнув, успокоила Клаву медсестра. — Нервная система восстановится от потрясения через несколько дней. Пока что пусть он побудет здесь, под моим наблюдением. Составлю ему успокоительную микстуру. И немного посидеть на диете ему тоже не помешает, лишний вес вреден для неокрепших костей и связок.

От такой новости у Персика настроение тоже не улучшилось.

Вежливо постучавшись, в палату вошли двое: высокий эльф в костюме-тройке при галстуке и с ним насупленный мальчишка лет двенадцати, в клетчатой школьной форме. Обоих Клава узнала: с эльфом она мимоходом столкнулась в первый свой день в Академии, когда разгуливала по коридорам в неглиже. А мальчишку видела, когда Василий показывал ей сад и Школу. Тот самый кудрявый «херувимчик», который спустил на нее толпу школоты, благо между ними тогда был спасительный забор.

Поклонившись Клавдии, эльф-учитель витиевато извинился за случившийся инцидент. Однако при учтивости выражений лицо у него оставалось холодным и надменным, что возмутило Клаву до глубины души. Едва не угробил ее котика — и нисколько об этом не сожалеет? Бесчувственный чурбан! Статуя мраморная! Вон как поджимает губы на ее испепеляющий взор, глаза красивые отводит, паразит такой!

Благо, что Клава от накатившего возмущения слова вымолвить не могла, иначе

обматюгала бы эльфа с ног до головы, мало бы не показалось! И самой потом стыдно было бы. Но сейчас ее буквально изнутри распирало от негодования, еще чуть-чуть и лопнет!

Мальчишку тоже заставили извиниться. Он попытался было буркнуть, что посторонним на площадке для тренировки нечего шляться, мол, кот сам виноват, раз пролез, куда не положено. Однако воспитательный подзатыльник от учителя прервал поток оправданий, «херувимчик» отвесил положенный поклон и громко объявил:

— Искренне сожалею, что не увидел вовремя вашего кота, мисс суккуба! — и шепотом добавил: — Иначе прицеливался бы точнее.

За что получил еще один, более осязаемый подзатыльник.

— Какие-то у вас приемы воспитания доисторические, — не удержалась от замечания учителю Клавдия, которую от подзатыльников передергивало. Интересно, а розги в здешней Школе тоже практикуют по субботам?

— С этими троглодитами иначе нельзя, — авторитетно заявил эльф и поджал губы вообще в тонкую ниточку. Видите ли, оскорбился, что попаданка ему замечание делает. — Кстати о наказании!

Эльф предложил Клаве в воспитательных целях высосать из мальчишки магическую энергию, так чтобы тот неделю не смог устраивать фокусы.

— Почему я? — изумилась Клава, имея в виду, что мелкий хулиган еще не достиг разрешенного законом возраста, чтобы общаться с суккубой.

— Не к инкубу же мне обращаться за этим, — пожал плечами эльф. — Никакое другое наказание не окажет на него столь же сильного эффекта.

Мальчишка, внимательно слушавший препирательства взрослых, построил жалобную мордашку, захопал в сторону Клавы своим херувимскими ресницами и заранее приготовился хныкать на тему «Пощадите, я больше не буду!».

Клава оброненные эльфом слова восприняла по-своему: мол, мера наказания избрана, а исполнение лучше доверить именно суккубе не только как обиженной стороне, но как девушке, ведь обращение к инкубу может быть расценено как пропаганда однополых отношений среди несовершеннолетних, что нанесет непоправимый вред неокрепшей психике наказуемого.

— И как вы себе представляете, что я должна с ним делать? — недовольно уточнила Клава, кивнув на затихшего мальчишку. — Он же ребенок!

— Не волнуйтесь, в его годы все прячут под матрасами журналы фривольного содержания, — пренебрежительно фыркнул эльф.

— Будет достаточно разрешить мальчику потрогать грудь, — хихикнула медсестра. — Через одежду, разумеется.

Клава заметила, как у херувимчика вытаращились глаза в предвкушении. Ради такого наказания он, видимо, готов был перетерпеть неделю без занятий магией. А если она покажет ему лифчик, то хоть месяц? Суккуба нахмурилась:

— Вам не кажется, что для него это станет отнюдь не наказанием?

Эльф задумчиво глянул на подопечного, оценил всю гамму эмоций, отразившихся на ангельски-невинной мордашке.

— Простите, об этом я не подумал, — с ледяным безразличием повинился эльф.

— Куда уж тебе-то, — хихикнула медсестра. — Чтобы ты — и думал о женской груди?

Эльф наградил медсестру взглядом испепеляющего холода, однако это не пресекло сдавленные смешки, наоборот подстегнуло к веселью, непонятному для Клавы. Впрочем,

суккуба и не собиралась вникать в деликатные подробности.

Клаву осенило! Она поняла, что же для двенадцатилетних отроков бывает настоящим наказанием.

— Не найдется губной помады? — спросила она у медсестры. Та с понимающей улыбочкой охотно одолжила свой блеск в миниатюрной баночке.

Клава жирно намазала блеском губы, вернула баночку медсестре. И обернулась к мальчишке, с обманчивой ласковостью поманила:

— Иди-ка сюда!

Тот повелся, подошел и горящими глазами уставился на ее бюст.

А Клава неожиданно накинулась на него с объятиями, да принялась осыпать липкими поцелуями: в обе щеки, в лоб, в зажмуренные глаза, в ухо — куда придется, ибо тот тотчас стал вертеть головой, безуспешно пытаясь уклониться от «телячьих нежностей». Для подростка нет ничего более унижительно, чем «сюси-пусси» от взрослых тетушек, которые продолжают считать их детишками! Для пущего эффекта Клава между поцелуями в наигранном восторге противнейшим голосом приговаривала:

— Ах, какие у нас кудряшки! Ах, как мы выросли, совсем мужчина! Скоро придет время невесту искать! Или уже присмотрел себе кого из девочек? На свадьбу пригласишь? А в школе хорошо учишься? Оценки какие получаешь? Учителей слушаешься? Домашние задания вовремя делаешь? На контрольных шпаргалки не прячешь? Ни у кого не списываешь? Девочек-одноклассниц не задираешь? А за косички их не дергаешь? В женскую раздевалку не подглядываешь? А руки перед едой моешь? Спать вовремя ложишься? В постель не писаешься?

Мальчишка, облюнявленный по всему лицу, измазанный ароматным блеском для губ, красный, как вареный рак, с великим трудом вырвался из ее цепких рук. Отбежал и спрятался за учителем, сгорая от стыда — и противоречивого возбуждения, ведь, пока крутился в тесных объятиях, успел поневоле ощутить упругость груди суккубы, мягкость ее губ, запах и тепло спелого женского тела.

— Отлично, всё получилось. Неделю без магии, пока резерв снова не пополнится, — констатировала успешность эксперимента медсестра, сверившись с показателями на каком-то своем специальном приборчике-сканере.

Клавдия с чувством собственного превосходства взглянула на эльфа. Тот, наблюдая за наказанием, заметно развеселился. Губы уже не сжимались в презрительную полоску, а кривились, едва сдерживая ухмылку, в прищуренных глазах искрились смешинки. Привычная маска ледяного безразличия явно дала трещины. «До чего ж красив, паразит!» — невольно подумалось Клаве.

Поймав на себе ее взгляд, эльф долю секунды не отводил глаз, чем вогнал в краску уже самую суккубу. Затем, вновь вернув на лицо холодное спокойствие, еще раз повторил извинения, почти ласково взял приунывшего мальчишку за шиворот и с чисто эльфячьим достоинством покинул лазарет. Клава поймала себя на недостойной мысли: хотела бы она получить этого красавчика в свою постель, вот уж тогда она согнала бы с его мраморного личика эту ледяную маску! Вот бы отомстила за несчастный случай с Персиком, случившийся исключительно из-за его профессиональной небрежности! Уж она бы ему припомнила все свои переживания!..

Клава побыла в лазарете еще полчаса. Помогла медсестре напоить котика успокаивающей микстурой с запахом валерьянки, посидела с ним, пока он не заснул. А

потом медсестра ее выгнала, объявив, что Клаве нет надобности здесь торчать и мешать оздоровительному сну ее пациента. За Персиком она и сама присмотрит, всё равно других больных в учреждении не наблюдается. А когда тот выспится и пройдет необходимые исследования и процедуры, они Клаву вызовут по коммуникатору на вечернее свидание.

С тяжелым сердцем, но относительно успокоенная, суккуба отправилась в коттедж некромантки. В голове роились мысли и подозрения, выстраивались хаотические цепочки предположений, строились теории всемирного заговора в пределах одной конкретной Академии... Но никаких путных идей, понятное дело, в гудящем от стресса разуме не родилось. Единственное, что она признала себе по силам — наблюдать и беспокоиться. Ни на что иное Клава не была способна. Причем, как ни горько это было признавать, беспомощной и бесполезной она оставалась в любой жизни, в любом мире...

Пока голова была занята нерадужными размышлениями, ноги принесли Клавдию к центральной площади. Подняв глаза на возвышающуюся, как упертый в небо перст, башню, суккуба поймала себя на иррациональном ощущении отвращения. Почему-то ужасно не хотелось подходить к башне, просто до урчания в животе. Кстати, на циферблатах часов, насколько она сумела разглядеть из промежутка между домами, стрелки снова показывали разное время. Клава, заинтересовавшись, торопливо обошла «задворками» четверть площади — и опять выглянула из-за угла следующего дома. И на третьем циферблате несинхронность! Что же это? Опять случайность или...

Пока Клава стояла в сомнении и смятении, стрелки на часах сами собой подтянулись к одному значению — прямо у нее на глазах. И что странно, при этом пропало ощущение опасности, исходящее от башни. Живот суккубы перестало крутить, убежать отсюда подальше расхотелось. Чертовщина.

И всё-таки не зря Клава не спешила выйти из тени здания! Оставаясь незамеченной, она увидела, как из башни вышел человек... Флавиан! Уж кого, а инкуба Клава издалека без ошибки признает. В голове вспыхнула идея спросить, что же он здесь потерял? Неужели по совместительству заделался часовщиком и починил привирающий на все четыре стороны механизм?

Однако вместо того, чтобы просто окликнуть куда-то спешившего инкуба, Клава сочла разумным вызвать его по коммуникатору.

— Привет, ты где? — спросила она, когда тот отнюдь не сразу ответил.

Флавиан успел отойти от башни и развернулся к ней так, чтобы ее не было видно на картинке голограммы.

— Привет, — кивнул Флаф. — Я в западной части города, иду к клиентке.

Клава бровью не повела на его ложь, она уже достаточно освоилась в Академгородке, чтобы не путать центр с заречными кварталами. Вместо обличительных упреков она коротко рассказала о зловключениях Персика, но в конце добавила, что уже всё разрешилось. Ее приятно порадовало, что, несмотря на вранье о своем местоположении, весть о проблемах кота Флавиан воспринял с искренним беспокойством, вдобавок он довольно неуклюже попытался успокоить саму Клаву. Именно эта косноязычная неуклюжесть ее и подкупила, ведь со своими клиентками инкуб профессионально болтлив и всегда находит нужные слова. Видимо, с нею настоящие эмоции выбивали его из привычной колеи благожелательной галантности.

Пообещав заглянуть к ней позже, Флавиан отключился. А Клава так и не решилась в лоб спросить, что же ему понадобилось в часовой башне.

Размышляя об этом, также возвращаясь то и дело к мыслям о бедном Персике, Клавдия добрела до дома Пумы. Там на пороге ее ждал сюрприз — большая корзина красных яблок.

— Эдди принес, — пояснил призрак, соскучившийся без собеседников.

— Кто? — не поняла Клава.

Основатель терпеливо пояснил: Эдди — кентавр-пони, которого Клавдия уже видела, когда тот приносил заказанные в сетевом магазине продукты. На это суккуба пожалала плечами и потащила тяжелую корзину на кухню — мыть, чистить, варить варенье что ли, ведь одна она столько не съест, а оставить портиться жалко, очень уж красивые яблочки, сочные, спелые, одно к одному.

Если честно, яблокам Клава обрадовалась не только потому, что они были вкусные. Это был повод заняться делом и перестать накручивать себя мыслями о Персике. Или о Флавиане, занятом своими секретами. К тому же Основатель назойливой мухой жужжал над ухом, поневоле за хлопотами начнешь прислушиваться к разглагольствованиям старого мага.

Кстати, Клава первым делом спросила у Основателя совета по поводу кота. Тот внимательно выслушал — и отмахнулся от ее переживаний. Заявил, что всё это чепуха, никакой не несчастный случай, а простая подзарядка от выброса сырой энергии у школяра. То есть медсестра права: со временем Персик сравнялся бы размером с Пумой, но из-за происшествия изменения произошли скачком, только и всего.

— Из него какие-то шипы и щупальца лезли, — надрывным шепотом поделилась Клава.

— Деточка, когда в тебя пулянут неоформленным заклятием, еще не то полезет! — развел прозрачными руками Основатель. — Вот, помню, в прошлом году Вольф жаловался, как у него пять лишних хвостов выросло после неудачного экзамена, один двоечник постарался после бессонной ночи зубрежки. Хех, это надо было видеть — волк-оборотень с крокодилыми хвостами веером! Хех, м-да. Вот для таких случаев вы с Флавианом и нужны в Академии, деточка.

Клава рассеянно покивала. И передумала варить варенье, взялась стряпать пирожки с яблочной начинкой. А Основателю налила чашку кофе с капелькой коньяка, (правда, пока тот отвлекался на разглагольствования, сама же по глоточку и отпивала между делами).

Призрак, пользуясь наличием слушательницы, от рассуждений о пользе суккуб и инкубов для процесса обучения перекинулся на любимого конька: принялся ворчать, что, была б его воля, женщин оставил бы на кухнях, в крайнем случае разрешил бы варить зелья, но к обучению серьезной магии не подпускал бы и на пушечный выстрел. Мол, так ладно и хорошо у Клавды получается месить тесто — вот бы все женщины были столь же благоразумны, как она, и знали бы свое место! Нет же, лезут в науку со своими куриными мозгами.

— Даже Сирена? — кольнула Клава, не забывая вежливо кивать.

Основатель поперхнулся запахом остывшего кофе. Кхекнул, мдакнул. Продолжил тему, ударившись в воспоминание: в давние времена-де в Академию вход юбкам был заказан. Когда он-де возглавлял Совет, никто и помыслить не мог, чтобы на должность некроманта позвали кошку вроде Пумы — вот же нелепость, надо же было додуматься! То-то от нее проку никакого, ни гомункула нормально слепить не умеет, ни тело для переселения души вырастить и оживить!

Клава разошедшегося призрака осаживать больше не стала. Пусть бушует, пока его никто не слышит, кроме нее. Выпустит пар, старый женоненавистник, глядишь, полегчает ему. А она, может, что-то интересное узнает, мало ли старикашка в сердцах проболтается?

Поэтому Клава помалкивала, к месту поддакивала, месила тесто, чистила-резала яблочки, лепила пирожки, отправляла в духовку противни — и внимала.

Всё недовольство Основателя в итоге крутилось вокруг трех вещей: первое — женщины, которым Совет Академии разрешил учиться и преподавать. Второе — Совет, который творит чёрте что и превращает его Академию, дело всей его жизни и посмертия, в какой-то балаган и бордель. Ишь, пустили на священную землю женщин и, хуже того, потребовали себе инкубов и суккуб для разврата, вместо того чтобы укреплять дух и тело воздержанием и упражнениями. И третье: тяжело ему и невыносимо существовать призраком на птичьих правах. Без тела он не может вернуться в Совет, чтобы высказать кучке сбрендивших старикашек, как надо вести дела в его Академии. Когда он имел неосторожность умереть, эти подлые мерзавцы просто лишили его права участвовать в голосованиях!

Как ни хотела Клава возразить, что не по своей воле она записалась в суккубы, а для того, чтобы не взорвать этот мир, не перекосить континуум пространства сикось-накось — старается для общего же блага! Однако она стерпела, смолчала. И скромно спросила: а где же был всё это время Основатель? Ведь перемены вершились далеко не в один следующий день после его похорон, а год за годом. Неужели за столетия он не нашел себе некроманта получше, чем мисс Пума?

Призрак на ее справедливое замечание помрачнел. Признался, что вообще-то вернулся на этот свет относительно недавно — когда на пост директора избрали русалку. До Сирены Академией заведовали, как положено, старцы людского облика, в балахонах, с традиционными посохами, в шляпах с высокой тульей и с седыми бородами до полу. И только непоседливой русалке взбрело в голову разгадать тайну наследия Основателя.

На этом месте Клава как раз закончила с пирожками, отправив печься последнюю партию. Она вымыла руки, налила себе чашечку кофе и села за стол напротив призрака. Подперла кулачком подбородок и принялась внимательно слушать.

Основатель с воодушевлением продолжил.

Опасаясь, что его великие исследования кто-нибудь похитит, еще при жизни чародей сотворил в своей башни тайник, куда переместил все книги, рукописи, философские камни и прочие собственноручно созданные артефакты. Как найти и открыть тайник, он никому не поведал, даже ближайшим ученикам, предугадывая коварное предательство.

Клава с глубокомысленным видом покивала собственному выводу: Основатель как был при жизни, так и остался после смерти маниакальным параноиком. Вдохновленный редкостным пониманием с ее стороны, призрак объяснял дальше.

Итак, последователи обыскали всю башню, перебрали буквально по камешку, облазили все подземелья под городом, но так ничего и не нашли. От разочарования сделали из башни часы, а из подземелий складские помещения. Принялись водить экскурсии и слагать легенды о великой мудрости Основателя, о грандиозных его исследованиях, которые были до того могучими, что грозили поколебать устои Вселенной, если бы попали в нечистые руки, поэтому Основатель и решил унести их с собой в могилу. Впрочем, могилу его тоже вскрывали, перетрясли его бранные косточки, но ни бумажки, ни клочка пергамента не нашли.

И только Сирена оказалась достаточно настойчивой и находчивой, чтобы подобрать «ключик» к его тайнику.

«Влюбленная женщина готова горы своротить, чего уж, — подумала Клава с легкой печалью. — Только вот ключик к его сердцу Сирена не сумела найти, раз Пума утверждала,

что любовь у директрисы безответная. Когда у мужчины нет желудка, а у женщины нет стройных ножек, тут не до романтики.»

В общем, тайник оказался в сердце башни, на самом виду. Правда, невидим для непосвященных. Разумеется, то был не сейф и не чулан — Основатель всё-таки был вправду великим магом. Тайник он обустроил себе хитрый, магический, весьма вместительный, со множеством функций, короче, ужасно полезный. Говоря проще, это был карман в индивидуально созданное подпространство. Открывался он с такой точки, что случайно не попадешь. Даже сама Сирена лишь благодаря упрямству и чистой случайности обнаружила, как в этот карман можно проникнуть.

Уж Клава намекала, что никому на свете не расскажет тайну, как этот самый карман открывается, но Основатель сделал вид, будто гложущего ее любопытства не замечает, продолжал разглагольствовать дальше в свое удовольствие.

В его личном подпространстве-де ужасно удобно устроен дополнительный кабинет для размышлений и творчества: там тихо. Тепло в меру. Воздуха неограниченный запас, что немаловажно для живого существа, туда попавшего. И там нет времени! В магическом подпространстве есть только настоящий момент. То есть для человека, туда попавшего, сие курьезное обстоятельство не сразу становится заметно: человек мыслит, дышит, ходит по кабинету туда-сюда, читает книги, делает что-то, занимается магией без страха повредить окружающим вещам или существам, как это обычно бывает в реальном мире. Однако сколько бы ты там ни находился по собственным ощущениям, какие бы долгие ни проводил эксперименты — ты не состаришься ни на минуту, останешься точно таким, каким вошел в этот карман. Даже не проголодаешься и не захочешь в туалет!

— Удобненько, — согласилась Клава.

Если бы она решила заняться каким-нибудь сверхважным делом, лучшего кабинета и выдумать не могла бы — ничего не отвлекает, даже естественные надобности организма. Хотя как можно дышать, иметь бьющееся сердце, текущую по венам кровь — и при этом в конце концов не ощутить заполнившийся мочевой пузырь или сигнал от опустевшего желудка — этого она понять не могла. Одно слово магия!

Так вот, умерев, Основатель расстался с бранным телом, отказался улететь в светлое райское небытие — вместо этого умудрился в виде призрака добраться до тайника-кармана, где и спрятался. Рассуждал он так: призраки нестабильные сущности, обычно на сороковой день после погребения фантомы имеют обыкновение рассеиваться, истончаться и всячески деградировать, теряя разум и личность. Такой участи он себе не желал, слишком много важных знаний хранила его память, слишком много экспериментов он не успел довести до финала, слишком много вещей и явлений не изучил.

И если в подпространстве не портятся продукты, если книги, там хранящиеся, не ветшают, не выцветают чернила, не желтеет и не сыплется прахом бумага — то и призраку там ничего не грозит?

Таким образом Основатель застрял в тайнике, о котором никто не знал, на долгие-долгие годы, сложившиеся в столетия. И только Сирена, можно сказать, освободила его из одиночного заточения. Заядлый отшельник, он к тому времени уже был сыт тишиной, произвел все эксперименты, на какие оказался способен в призрачном виде, научился манипулировать небольшими предметами — и страшно соскучился по дневному свету. Русалка помогла ему стабилизироваться, привязала неугомный дух к праху в родной могиле на кладбище — и перенесла в дом к помогавшей ей некромантке. Пума же с

воодушевлением взялась за проблему искусственного тела. Правда, до сих пор ее старания успехом не увенчались, к искреннему огорчению Основателя.

— А сейчас что хранится в этом кармане? — спросила Клава.

Вопрос ее был бессовестно проигнорирован.

— Ох, как же я забыл! — всплеснул руками призрак. — Они ж там который день сидят голодными!

— Кто? — сразу вскинулась Клава. Как для любой женщины ей была невыносима мысль, что кто-то где-то томится не покормленный.

— Гомункулы! — развел руками Основатель, указал пальцем на пол, намекая на лабораторию некромантки в подвале. — Раз мисс Пумы сейчас нет дома, ты должна присмотреть за ее питомцами. Она же присматривала за твоим Персиком.

Клава поежилась: ей эти похабные человечки и в банках-то не понравились, в присутствии Пумы они не стеснялись дразнить суккубу. Что же будет, когда она спустится в подвал одна? Каждого придется откупорить? А если они разбегутся? И чем они питаются, какой-нибудь гадостью наверняка? Даже спросить боязно!

16

К ее великому облегчению как нельзя вовремя явился Флавиан. Инкуб был какой-то мрачный, поэтому Клава шикнула на Основателя, чтобы отвязался со своими гомункулами. В первую очередь суккуба решила накормить пирожками приятеля, вдруг и он от тепла и кухонной душевности разговорится? Обидевшись, что его не слушают и вообще променяли на молодого развратника, Основатель задрал нос и удалился на заднюю террасу — прошествовал прямо сквозь стену.

Флаф от пирожков не отказался. Напротив, воспринял нехитрую выпечку, словно чудо света. С благоговением откусил еще горячий, посмаковал во рту, обжигая язык, замычал в блаженстве, закатил глаза:

— На вкус прямо такие, как моя мама пекла!

И сам же от этого открытия расстроился ужасно. В молчании умял полдюжины, благо Клава любила лепить пирожки маленькие, аккуратные и с симпатичным гребешком.

Суккуба ему ностальгировать не мешала, тихонько сидела рядом, подливала кофе в чашку. Только когда он слегка расслабился, осмелилась спросить:

— Ты скучаешь по дому?

— Ужасно, — почему-то шепотом признался Флаф, улыбнулся, не поднимая глаз от тарелки. — Спасибо.

— А разве в каникулы не едешь к родным?

— Не отпускают меня! — громко вздохнул инкуб, возвращаясь к своему обычному состоянию. — Тут дел полно даже в каникулы, сама понимаешь...

В благодарность за пирожки инкуб согласился помочь Клаве управиться с гомункулами.

Как она и опасалась, человечки в своих склянках сходили с ума от скуки. Как только в подвале включили свет, эти малявки принялись беситься в растворе так, что едва не поскидывали банки с полок. Только Флаф сумел их приструнить — пригрозил, что, если не угомонятся немедленно, то останутся голодными еще на пару дней.

К счастью, Флавиан как-то уже помогал Пуме с гомункулами, поэтому Клава перестала бояться сделать что-то не так и погубить весь кривляющийся выводок. Пусть и уродцы, но жалко ведь. Пришлось переступить через брезгливость и последовать указаниям Флафа: надо было каждую банку откупорить, отсоединив проводки и трубочки от воздушного

фильтра, пускающего пузырьки, как в аквариуме, вынуть гомункула и посадить в специальное корыто с высокими стенками, из которого тот не смог бы выбраться. После чего банку вымыть с мылом изнутри, оттереть от накопившегося осадка и слизи, залить новый раствор. За это время гомункул должен был успеть поесть — кроме питательного раствора, в котором они плавали, мелюзга не упускала возможности пожевать обычную человеческую пищу, так что маленькие пирожки Клавы пришлось очень кстати.

Но это в теории ничего сложного.

На практике, стоило посадить в корыто трех и больше человечков, те сразу начали строить живую пирамиду: вставляли друг другу на плечи, карабкались один по другому, чтобы дотянуться до высокого бортика. Клаву эти копошения приводили в ужас, сходный с лицемерием баночки червей для рыбалки. Хуже того, оказавшись на воздухе, а не в растворе, гомункулы подали голос! Противные пищание голоски слились в гомон, а спустя минуту они дружно скооперировались в хор и принялись скандировать суккубе, сопровождая слова похабными жестами:

— СУ-ККУ-БА! ПО-КАЖЬ! СИСЬ-КИ-ИИ!

И так без умолку.

Чтобы мелюзга не вылезла и не разбежалась, Флавиан взял мытье банок на себя, у него это получалось быстрее и лучше, а Клаву приставил к корыту, велел раздать паршивцам по пирожку на рыло.

Скандалисты есть отказывались. Ими овладела похоть в самом неприкрытом виде, ибо одежды гомункулам не полагалось в принципе. Пирожки-то они взяли, всей толпой протягивая к наклонившейся Клаве крошечные ручонки, но затыкать рты едой не спешили, ибо в растворе не больно-то поголосишь, а назад посадят сразу, как поешь. Вместо обеда они орали — и с упоением драчили, при этом не забывая строить рожицы засмущавшейся суккубе. Одно облегчение, друг на друга в содомском порыве хотя бы не прыгали, вот такого зрелища Клавина психика точно не выдержала бы.

— Просто они на твою энергетику реагируют, — посмеивался Флавиан, шустро бегавший к мойке и обратно с банками. — У них же мозгов, как у растения: видят свет — тянут к нему листики. Вот и они: видят суккубу — тянут к тебе... кхм, ну, сама видишь, что.

— Вижу! Спасибо! — возмущенно и смущенно откликнулась Клава, отпрыгивая от корыта, чтобы не забрызгало.

— К тому же в банке не больно-то подроочишь, — добавил чуть ни не с пониманием Флаф, — раствор сразу испортится, придется в скисшем плавать, пока не сменят.

Клава фыркнула: вот же где не к месту проснулась мужская солидарность!

Закончив с банками, Флавиан подошел к ней со спины и шепнул на ухо обольстительным голосом, от которого у Клавы аж мурашки по всему телу пробежали:

— Теперь понимаешь, как трудно с ними Пуме? А если вспомнить, что эти малявки предназначались как заготовки для тела Основателя — это ж вообще проваленный эксперимент!

— Почему? — пробормотала суккуба, невольно выгнув спину, чтобы положить голову ему на плечо. И плевать, что его ладони как-то незаметно, как-то очень естественно переместились с ее талии на бюст, каждая лодочкой легла на грудь.

Инкуб слегка сжал пальцы, лаская сквозь одежду ее отчетливо напрягшиеся соски, выпирающие сквозь ткань.

Из корыта заулюлюкали, восторженно завопили, хором застонали, принявшись драть

с утроенным рвением.

— Можно? Хочется поскорее закончить с ними, — одним дыханием шепнул Флаф ей в шею.

— Валяй, — выдохнула Клава, прикрыв глаза.

В его объятиях ей было очень уютно. И совершенно безразлично, что снизу на них пялятся мелкие похотливые уродцы. В конце концов, они тоже какие ни есть, а человечки, мужички, значит, ее публика.

Флавиан воспользовался тем, что Клава сегодня надела легкое платье с широкой юбкой и глубоким воротом. Инкуб мастерски зубами расстегнул пуговку у нее на воротнике сзади под волосами. Одной рукой под восторженный писк гомункулов ненадолго скользнул за ворот, достал из лифчика и вытянул поверх платья одну грудь, принялся пальцами терзать горошину соска. Клава забылась, задышала глубоко и шумно — и не возражала. Флаф же, осмелев от ее покорности, медленно, не торопясь, на глазах попадавших на колени гомункулов, приподнял к поясу подол платья.

— Трусики!.. — выдохнули хором гомункулы.

На этом инкуб не остановился: придерживая подол локтем той руки, которой всё еще ласкал грудь, второй рукой забрался в трусики. Клава промычала что-то томное, одобрительное, и слегка расставила ноги. Однако не настолько широко, чтобы помешать спустить тонкое белое белье до колен.

Гомункулы уже не визжали и не скандировали. Они даже не дрочили и боялись шевелиться. Только глаза таращили, запоминая каждый момент, впитывая бледной кожицей живительную энергию инкуба и суккубы.

С удовлетворением Клава заметила краешком блаженствующего сознания, как тяжело приходится партнеру, как тесны ему стали штаны, как настойчиво кое-что твердое упирается в ее ягодицы.

— Возьми меня, — шепнула она. — Не только пальцами.

Флаф всхлипнул сквозь стиснутые зубы. Та рука, что ласкала грудь, ненадолго покинула свое место. Клава воспользовалась моментом и высвободила вторую грудь — и гомункулы от такого богатства попадали вповалку друг на дружку, растеклись по покатым стенкам корыта. Еще Клава позволила трусикам скользнуть до лодыжек, после чего оставалось лишь переступить одной ногой — так будет удобнее раскрыться полнее. Пальцы, что всё еще оглаживали и массировали ее влажные губы, воспользовались разрешением и проникли глубже, развели налившиеся соками створки шире, принося тянущее удовлетворение и предвкушение, сильное до пробегающей по телу крупной дрожи.

Инкубу не потребовалось много времени, чтобы свободной рукой расстегнуть ширинку и приспустить белье. Чертыхнувшись на мешающий подол платья, он нашел-таки ожидающий его вход в тело суккубы. Клава немного прогнулась вперед, расставила ноги еще чуть шире и оперлась вытянутыми руками об оказавшийся поблизости стол. Правда, ей пришлось развернуться к гомункулам боком, что они сопроводили расстроенным воем, однако тотчас притихли, узрев настоящий мужской орган, который был не чета их стручкам. Клава засмеялась, услышав, как сосредоточенно они засопели от зависти, провожая колючими глазами член инкуба, плавно входящий в ее влажное, горячее лоно.

Войдя полностью, Флавиан жарко прижался к ней со спины, обхватил обеими руками тяжелые груди.

— Тебе нравится? — шепнула, хмельно смеясь, Клава.

— Обожаю тебя, — без тени шутливости выдохнул Флаф. — Ты лучшая.

Клава польщено усмехнулась: инкубу есть с кем ее сравнивать!

Им не потребовалось много лишних движений, чтобы удовлетворить друг друга. Кажется, они получились настолько слаженной парой, что одно проникновение уже вознесло обоих на порог рая. Несколько толчков, от которых боязливо зазвенели на столе колбы и банки с растворами — и Клава с довольным стоном выгнулась под Флавианом. Сжала его внутри себя настолько жадно своим пульсирующим, как будто живущим собственной жизнью лоном, что Флаф еще разок несмело толкнулся — несмело, потому что никто его отпустить не собирался, — и послушно излился, с силой, пусть и коротко подмахивая бедрами, будто собрался посадить ее прямо на стол.

Изогнувшись, Клава схватила его за волосы, притянула к себе, задыхающегося, и завладела его ртом в пожирающем поцелуе. Недолго, но он успел увидеть под закрытыми веками взрыв Вселенной.

— Ты тоже лучший, — усмехнулась она на его ошарашенный вид.

Пока они поспешно и смущенно приводили в порядок одежду, гомункулы молча, с чавканьем, слопали выданные пирожки до крошки. Еще разок торопливо спустили напряжение с набухших от зависти яичек, потом в корыте же без стеснения справили нужду — и запросились в личные чистые банки. Хмыкнув, Флавиан по очереди каждого ополоснул под струей воды в умывальнике и рассадил по местам.

Пока гомункулы «расквартировывались», на Клаву все поглядывали только искоса, украдкой, с каким-то мрачным уважением.

— Возьмешь с собой пирожков? — предложила Клавдия инкубу, когда они закончили и поднялись обратно на кухню.

Флавиан, следовавший за ней тихой тенью, молча кивнул. Так же молча принял из ее рук корзинку из-под яблок, теперь устланную чистым полотенцем и наполненную пирожками.

Клава тоже вдруг помрачнела. Почему-то именно сейчас всплыло в памяти его давнее предупреждение, чтобы она не вздумала в него влюбляться.

«Если уже наелся, можешь угостить свою девушку», — она едва прикусила язык, чтобы не ляпнуть такое вслух.

Но Флавиан почувствовал, что у нее на уме. С секунду всматривался в ее глаза, словно хотел в них найти какой-то смертельно важный ответ. Но не нашел, Клава успела отвести взгляд. Тогда он взял корзину и ушел, буркнув какие-то пустые слова прощания.

Послonyaвшись в одиночестве по дому, Клавдия успела за четверть часа покусать свои локти, проклясть себя шлюхой, порвать на себе волосы, попинать ногой ножку дивана... Потом глянула в случайно оказавшееся на виду зеркало, ужаснулась на растрепанную шевелюру и пошла в ванную причесаться. Там, задумавшись, приняла душ, привела себя в порядок.

Рассердилась на Флавиана, обругала его вслух нехорошими словами.

Вышла из ванной, оделась. И решила пойти на свидание по заказу — всё-таки работа есть работа. Пусть можно было бы объяснить Сирене, что у нее нет настроения трахаться из-за несчастного случая с Персиком. Но себе зачем врать? После близости с Флафом хотелось поскорее оказаться в чужих объятиях, чтобы забыть это странное, неправильное ощущение правильности его рук...

Клава помотала головой, рыча на себя саму за девичью глупость. Конечно, он кажется

ей приятнее прочих парней — потому что он инкуб, это раз! Потому что он ее первый мужчина — это два! Только и всего, ничегошеньки больше.

Перед тем как выйти из дома, Клава с веселым жизнерадостным видом вернулась на кухню. Доложила Основателю, какие похабники эти его гомункулы. Голос ее не дрогнул, когда она вскользь упомянула, что вместе с инкубом подзарядила человечков сексуальной энергией, чтобы росли лучше. И в отражении натертого до блеска чайника она поймала понимающую усмешку призрака. Но оставила его ехидство без внимания.

На скорую руку приготовила вкусняшку для Персика.

Впрочем, в лазарете надолго не задержалась. Медсестра разрешила на цыпочках пройти в палату, чтобы посмотреть на мирно спящего котика. С ее слов Клава узнала, что Персик успел от горя умять пять порций диетического обеда, после чего полчаса гулял по зданию след в след за медсестрой, донимая ее всевозможными вопросами: о своем здоровье, об особенностях больших кошек и вообще о разном. Затем потратил полчаса на изучение сантехники в туалете, ибо доселе справлял нужду в саду при доме Пумы или где-нибудь на газонах. Разобравшись, наигравшись со сливом и утомившись от новых впечатлений, он легко поужинал миской кошачьих галет с молоком, после чего крепко заснул без всяких снотворных и успокоительных микстур. Гостинец от мамуленьки ему передадут утром или даже ночью, если он по кошачьим повадкам проснется для перекуса.

Медсестра обещала никуда не отлучаться с дежурства и звонить Клаве при любой необходимости. Ей и самой было всё в новинку, раньше-то в лазарете никто из пациентов на ночь не оставался. А за милым воспитанным котиком ухаживать одно удовольствие!

Раз любимец кушает хорошо, кризис остался позади. Решив так, Клава вздохнула с облегчением. И с чистой совестью отправилась на очередное рабочее свидание.

Клава не уставала любоваться центральными улочками городка, напоминающими ей сказку о волшебной табакерке. Но сегодня работа привела ее в квартал такой живописной красоты, что просто просился на обложки глянцевого любовных романов. Чего стоит один пруд с лебедями, вокруг которого росли раскидистые деревья сплошь в цвету. Фасадами на пруд выходили строгие особнячки то ли в стиле модерн, то ли нео-готика, Клава в архитектуре слабо разбиралась, что отнюдь не мешало ей наслаждаться видами.

Ей оказался нужен довольно мрачный флигель, чьи краснокирпичные стены увивал сплошным ковром плющ. Дом буквально вопил о том, что в нем не может проживать студент, только интеллигентный преподаватель из родовитого семейства, где все предки дворянских кровей с профессорскими степенями.

Когда в ответ на робкий стук дверь перед ней отворилась, Клава сама захотела завопить.

На пороге возник эльф — тот самый, с которым сегодня уже виделись в лазарете. Судя по поджатым губам и нахмуренным бровкам, он тоже был не особо счастлив снова ее лицезреть.

— Вы?! — воскликнула Клава.

— Пройдите, — посторонился он, пропуская ее в дом. — Нет необходимости привлекать внимание соседей и всем объявлять, что я имел глупость вызвать суккубу.

— Глупость? — опешила Клавдия.

От закипающего внутри праведного возмущения она даже не огляделась толком, лишь мельком скользнула взглядом вокруг: дорогой интерьер в шоколадных и бежевых тонах, темное полированное дерево, кое-где финтифлюшки из лакированной бронзы, обивка

мебели и портьеры из мягкого плюша. То ли эльф имел принципиально консервативный вкус, то ли получил квартиру от своей родовой прабабушки. Хорошо хоть пыли на том же шоколадном плюше не было заметно — неужели высокомерный учитель дружит с пылесосами? У Клавы в голове мелькнула забавная картинка: эльф, выряженный в фартук и косынку, вооруженный шваброй и веничком для пыли! Хотя, вдруг он спец по очищающей магии? Хлопнул в ладоши — и утруждаться не надо, продолжай ходить с презрительным видом дальше.

Кстати сказать, он вышел встречать суккубу в домашнем джемпере с бело-бежевым узором, в коричневых брюках и плюшевых тапках с помпонами. Не постеснялся подчеркнуть неофициальность встречи? Ибо соблазнять тут было совершенно нечем, на вкус Клавы, разве что русалочьей светлой гривой до пояса, гладкой, шелковистой и ненавязчиво благоухающей шампунем. Неужели подготовился к свиданию и сбегал в душ?

Пока Клава хлопала глазами, эльф с недовольной миной выдвинул оправдания:

— Можете считать это минутной прихотью. Я слышал хороший отзыв о вашей, хм, работе от своего, хм, друга. Это он уговорил меня попробовать. Разумеется, я не мог предположить, что наша встреча состоится раньше и оставит малоприятный осадок. Я думал отменить бронь, чтобы не занимать ваше время, но более важные дела потребовали мое внимание. Если хотите, можем считать свидание состоявшимся, тем более средства уже переведены с моего счета, я не стану требовать их возврата.

Клава попыталась переварить услышанное. Это было непросто, тем более отвлекало то, что эльф старательно не смотрел ей в глаза.

— Нет, почему же, — заявила она, оскорбившись предложением незаработанных денег. — Если у вас нет других, более важных дел сейчас, вы можете составить собственное мнение о моих способностях суккубы. Ведь зачем-то ваш друг вам меня порекомендовал, верно?

Эльф снова поджал губы. Кивнул:

— Тогда пройдемте в спальню.

Отчего-то его неуверенность, слишком явно сквозящая сквозь неприязненную холодность, неожиданным образом вселила в Клавдию смелость. К тому же обида за Персика продолжала kloкотать и побулькивать на дне души, никуда не девшись.

В спальне она ожидала увидеть по меньшей мере кровать с балдахинем, на деле же всё оказалось довольно скромно и даже аскетично, в суровом восточном духе. Но кровать была просторная, пусть и слегка жестковата.

— Что ж, раздевайтесь, — сказал эльф. Встал спиной к окну, скрестив руки на груди.

Сам раздеться не и подумал! Хоть бы тапки снял для приличия!

Клава силой воли усмирила всколыхнувшееся внутреннее kloкотание и мысленно пожалала плечами: вдруг у него фетиш такой, стриптиз любит посмотреть? Что ж, ей не жалко, пусть смотрит. Она, не торопясь, разоблачилась, аккуратно складывая одежду на стул возле кровати. На несколько минут повисло взаимное молчание. Эльф внимательно взирал, как будто оценивая, прикидывая что-то в уме, а Клава не смогла придумать подходящую тему для светской беседы. Без трусов рассуждать о погоде казалось глупым.

Закончив с бельем, она выпрямилась и вопросительно посмотрела на эльфа.

Тот с придиричивым видом обошел вокруг нее, задумчиво потирая гладкий подбородок.

— Позвольте? — пробормотав, взвесил в ладонях ее груди, точно дыни на рынке покупал. Даже взял губами сосок, пробуя на упругость. Пососал, лизнул.

Отошел. Покачал головой:

— Пожалуй, я откажусь.

— Что? — не поверила ушам Клава.

Эльф наконец-то взглянул ей прямо в глаза, заявил:

— Я никогда до вас не имел сексуальных отношений с женщинами. И даже с вами начинать не собираюсь, меня женское тело не прельщает.

Клаву залило жаром по уши, словно в лаву окунулась. Прошипела:

— То есть, мало тебе искалечить моего кота, ты еще меня хочешь унижить?!

Эльф отшатнулся от нее, как ошпаренный. К его стыду под колени подвернулась кровать, на которую он и плюхнулся задом. Попытался сохранить лицо, произнес:

— Я полагал, этот вопрос мы разрешили утром, разве нет? Хотите, я еще раз принесу извинения? Извольте: мне жаль, что с вашим воспитанником произошел этот несчастный случай. Довольны?

Он с чувством превосходства смотрел на нее снизу вверх, полностью одетый перед ней, абсолютно голой. И такая злость Клаву обуяла, что словами не выразить.

— Нет уж, одних извинений мне мало! — надвинулась она, потрясая перед лицом побледневшего эльфа внушительным бюстом.

— Что вы еще хотите? Денег? Это незаконно! — слабо возмутился тот, отодвигаясь.

Но так как он сидел на краю постели, при попытке отстраниться он элементарно растянулся на покрывале. Чем Клава немедленно воспользовалась: напрыгнула на него, оседлала колени, прижала всем телом, придавила всем весом.

— Я требую удовлетворения! — объявила она со злорадной торжественностью. — Сатисфакции! Вызываю тебя на дуэль!

— Какую еще дуэль?! — взвился, забарахтался под нею обездвиженный беспомощный эльф.

— Вы оскорбили меня, сударь! Своей халатностью и пренебрежением к обязанностям! Невыполнением обещания по собственной заявке! — провозгласила Клава. — Обязуетесь не использовать магию против соперника, то есть меня, так как я ей не владею? В противном случае вы будете признаны человеком... то есть эльфом без чести и достоинства!

— Вы свихнулись от горя по своему коту?!

Клава тряхнула его посильнее, дабы не возникал, и продолжила:

— Дуэль эротическую объявляю открытой! Проиграет тот, кто испытает оргазм раньше соперника!

— Какой к чертям оргазм?! — вопил эльф, плюнув на манеры. — Откуда я знаю, что с тобой надо делать?! Я никогда не спал с бабами! И не хочу!! Ты не имеешь права меня совращать! Это форменное изнасилование, а не дуэль! Я замужем!!!

— Ты сам сказал, что твой муженек уже отдал любви суккубы, — оскалилась Клава, как настоящий демон. — И он тебя записал на этот эксперимент. Считай, что я действую с его одобрения!

И в то же время, несмотря на демонстрируемую агрессию, внутренний голос Клавы причитал в панике, ибо она понятия не имела, что же она делает! И что должна будет делать дальше, раз уж начала?

С огромным трудом ей удалось вытряхнуть отчаянно сопротивляющегося эльфа из его джемпера, а затем из брюк, при этом не позволив ему сбежать дальше кровати. Трусами пришлось пожертвовать и просто порвать, ибо терпение и силы ее были на исходе.

Никогда бы она не подумала, что парень способен сражаться за свою невинность до последнего всхлипа! Лишь когда она просто села на его вялый член и усилием лона вобрала его в себя, точно как, обедая, засасывала вареные вермишелины из тарелки спагетти — он признал первое поражение. Затих, тихонько всхлипывая и подвивая, закрыл лицо ладонями, отдавая свое тело на милость победительницы. Клаве стало его даже немножко жалко, чуть-чуть заворочалась совесть: он просто не хотел изменять своему парню! А она пристала, с честного пути сбивает... Но отступить поздно. Заткнув совесть вместе с внутренним голосом за компанию, Клава занялась художественной выездкой на безучастном эльфе.

Уж она мстительно отвела душу! Вытворяла с ним всё, что приходило в голову: лизала в разных предположительно чувствительных местах, целовала везде, где дотягивалась, щекотала волосами и гладила грудями, обнимала, ласкала — ноль отдачи! Даже не покраснелся нисколько, только морщился и терпел, как сеанс скверного массажа.

Она не отступилась: плюнула на обещание не применять магию и взялась исследовать энергетические каналы. Прodelала с ним всё, что испытала на вампире. Но если Вильгельм от ее стараний и перевозбуждения уплыл под конец в обморок, то этот остроухий вредина даже не воспрянул членом. Клава аж растерялась, гадая, что же сделать с этой вялой сосиской.

И тут ее осенило! Она вспомнила саму себя в момент потери девственности и старания Флавиана. Клава ухмыльнулась так, что эльфа под ней передернуло в предчувствии ужаса. Впрочем, снова забарахтаться он не успел — она ловко перевернула его на живот, села на поясницу и принялась охаживать ладную подтянутую попу. Сперва действовала языком и пальцами, смоченными для скользкости в ее собственных соках, благо эльф ей попался не только занудный, но и до скрипа чистоплотный. Постепенно попытки вырваться сменились крупными вздрагиваниями в такт ее бесчинствам, а обиженный скулеж судорожными вздохами. Опять переворот — и Клава с торжеством насадилась на воспрявший член, плотно обхватила его влажными жадными губами, стиснула и снова всосала в себя.

Взглянув на нее, на ее раскачивающиеся груди, эльф горестно застонал и вознамерился снова опасть духом и телом, но не тут-то было! Клава ему унывать не дала: распахнула крылышки, выпустила хвост — и ввинтилась юрким кончиком в укромную дырку в его пятой точке, которую успела хорошенько растянуть и смазать.

Эльф вскинулся снова, распахнув глаза, забыв выдохнуть. Клава, чтобы он напрасно не махал руками, мгновенно примостила его ладошки себе на бюст.

— Ты!.. — обличающе прошептал он срывающимся голосом, ибо проблематично объясняться связно, когда в тебе полметра хвоста, крутящегося там, как штопор. — Ты!!!..

— В тебе не член чужого мужика, поэтому ты своему благоверному не изменяешь, — осклабилась суккуба. — Расслабься уже, ну? Наслаждайся! Когда еще твой муженек тебе разрешит попробовать женской ласки.

И она принялась плавно опускаться и снова привставать на коленях, то выпуская почти до головки из себя его наконец-то ожившее достоинство, то заглатывая обратно до самых яичек, в тесную теплоту и обволакивающую мягкость. При этом она, сама удивляясь такой своей многозадачности, не оставляла без внимания хвост: двигала им то быстрее, то медлительно томно. То проникала настолько глубоко, что на тощем животе можно было увидеть ходящий туда-обратно бугорок, то вынимала почти до конца, кисточкой дразня края трепещущего отверстия. Одним словом, пригодились уроки ликероводочного чертенка.

И даже при этом эльф оказался жутко упрямым! Пытка продлилась не меньше получаса,

Клава уже потеряла надежду на выигрыш и в уме сочинила речь с извинениями. Натруженные мышцы ног ныли, скакать так долго «верхом» ей еще не доводилось. Даже хвост устал! Но наконец-то тот расслабился, и она ушам своим не поверила, уловив слабый выдох. Однако струйка семени, выплеснувшаяся в ее уныло чавкающее по инерции лоно, подтвердила долгожданную победу.

Эльф распластался на кровати, опустошенный, в прямом смысле слова затраханый до мушек в глазах.

Клава полюбовалась на результат своего упрямства — и поняла, что полностью удовлетворена свершившейся местью.

— Спасибо, — негромко и хрипло, но чертовски насмешливо произнес эльф, когда она одевалась, стоя к нему спиной. — Это было познавательно.

— Рада, что понравилось! Обращайтесь в любое время!

Фыркнув, Клава подобрала свою одежду с пола и покинула спальню с гордо поднятой головой.

17

Спустя полчаса блужданий по незнакомым улицам Клава поняла, что заблудилась. Как это у нее получилось, имея при себе техно-магический навигатор, встроенный в коммуникатор, она сама не понимала. Логично: если бы понимала, то не тупила бы столь отчаянно и нашла бы путь к центральной площади. Возможно, марафон секс-мест с эльфом пагубно отразился на ее разуме, временно сделав еще большей душой, чем она была доселе — так ей сейчас самокритично представлялось.

Живописный район выглядел еще более высокомерным и неприветливым, чем показался ей в начале. И спросить дорогу было не у кого — никаких прохожих на всех пройденных улицах и переулках. Стучаться в незнакомые дома она стеснялась, утешая себя мыслью, что все местные жители днем кукуют в Академии, а значит, ей никто и не откроет. Звонить же Флавиану или тем более Сирене совершенно не было желания — всё равно, как собственноручно расписаться в своем ничтожестве.

От зарождавшейся в душе истерики Клаву спас счастливый случай: заслышав смутно знакомое цоканье, она припустила бегом по переулку:

— Постойте! Подождите, пожалуйста!

Завернув за угол, она узрела удивленного пони-кентавра, который только что закончил выставлять перед дверью одного из домов пакеты с заказанными покупками.

— Эдди? — выдохнула суккуба с облегчением, от страха мгновенно вспомнив имя парнишки.

— Добрый день! — робко улыбнулся он в ответ. — Вы здесь по делам?

— Угу, — закивала Клава. — Представляешь, заблудилась тут, как в лабиринте! Брожу битый час и не могу понять даже, в каком направлении идти!

— Это бывает, — утешил ее Эдди, тряхнув длинной пшеничной гривой, которой позавидовали бы подиумные модели. — Когда заходишь в дальние кварталы, откуда не видна башня Основателя, то сразу теряешь ориентир. Она как маяк, и к этому сильно привыкаешь, если живешь в центре.

— А ведь точно! — всплеснула руками Клава. — Но как же удачно я с тобой столкнулась.

Парень залился румянцем, опустил жирафы ресницы. С усилием заставил себя перестать ей «выкать».

— Давайте, я... тебя провожу? Или лучше подвезу, точно! Наверняка устала тут ходить в туфлях-то...

И он принялся суетливо сгребать со своей крутобокой конской части опустевшие сумки, которые были связаны ручками по двое и переброшены через спину, словно натуральные подседельные котомки. Предполагалось, что Клава заберется на него, а сумки он может и в руках нести.

— Мне? Верхов на тебе покататься? — рассмеялась Клава. — Да ты что, я же тяжелая!

— А я грузоподъемный! — заверил ее кентавр. — Ты не смотри, что я пони, мы лошадям и верблюдам не уступаем! Зато с нас падать проще, — добавил он, явно стараясь пошутить, что не очень вязалось с испуганным от собственной смелости видом.

Клава оценила, захохотала.

— Да нет, я же не умею верхом ездить! — отнекивалась она. И сама покраснела, вспомнив, как только недавно скакала на эльфе.

Чуть не сболтнула: «Тем более без седла!» — но вовремя прикусила язык, побоявшись обидеть, ведь разумным существам сбруи не положено, а свободолюбивым кентаврам, наверное, вообще седла представляются сродни рабским ошейникам.

Поглядев на расстроенного ее колебаниями парнишку, Клава решила, что стоит попробовать: во-первых, ноги ее и вправду плохо держали после постельных упражнений, а во-вторых, убедившись, что наездница из нее никакая, Эдди через пару минут взаимных мучений ее просто вежливо ссадит на землю и чинно-спокойно проводит до центра.

— А вообще, если честно, мне всегда хотелось покататься на лошадке, — заявила суккуба, и кентавр засиял, как счастливая лампочка. — Только сразу скажи, как устанешь! Ты же вот, работал целый день, покупки развозил.

— Неа, сегодня у меня был выходной, это я по спец-заказу прискакал.

Клава только теперь заметила, что Эдди и одет не как обычно в фирменный курьерский комбинезон. Сегодня он гарцевал в выходном костюме: круп и бока покрывала светлая попона с вышивкой по кайме длиной до колен, ниже конские ноги до самых копыт закрывали четыре просторные штанины типа шаровар, но и копыта были почти совсем невидны под оборчатými манжетами, подхваченными бантами. Человеческий торс был облачен в приталенную рубашку с пышным жабо, заколотым брошкой, и в жилетку в полоску. Причем как рубашка, так и жилетка застегивались сзади, как впоследствии выяснила Клава, на кнопки и крючочки, чтобы густая грива, росшая вдоль хребта от макушки до самого пояса, не скатывалась под одеждой в колтуны, а имела возможность вольно струиться локонами и красиво развеиваться на скаку.

— Ой, как круто! — восхитилась Клава, забравшись на присевшего ради ее удобства пони-кентавра. Она мысленно твердила себе ради смелости, что это просто странный диван, но по ощущениям было нисколько не похоже на мебель.

— Конечно, это тебе не на двух ногах рысить, — снова неуклюже пошутил Эдди.

Он осторожно выпрямился, и Клава поневоле обняла его человеческий торс за талию, прижалась к спине, как подружка мотоциклиста. Вот никогда бы она не подумала, что в жизни ей доведется проехать на кентавре, да сидя по-женски, спустив ноги на одну сторону, как настоящая принцесса! И жутко боясь скувырнуться.

И действительно, Эдди везти ее вроде было совсем не тяжело. Ехать верхом оказалось необычно и довольно приятно, хотя равновесие держать было всё-таки сложно — попа норовила сползти то назад, то вперед, а еще надо было ноги держать так, чтобы не запачкать

подошвами светлую выходную попону. И обнимать парня было немножко стеснительно, словно его собственное смущение через прикосновение передавалось ей. Да еще качка от размеренного шага... В общем, Клава мысленно дала себе зарок, что всадницей и впредь будет исключительно в постели. Попробовала покататься разок, и хватит с нее экспериментов.

Чтобы не просто сопеть от неловкости, Эдди под неспешный шаг принялся сбивчиво расписывать, каково это — работать курьером и развозить продукты. Оказалось, делом своим он даже гордится. Для Клавы это выглядело обычной подработкой на полдня, неплохой, но и не выдающейся для студента. Она ошибалась: без курьера половина преподавателей и ученых в Академии умерла бы с голоду!

— Многие, конечно, предпочитают ужинать в столовой или сами покупают продукты по дороге домой, — объяснял он. — Но те, кто с головой ушел в науку или магические проекты, за целый день, бывает, не находят свободной минутки, чтобы сбегать перекусить. Сидят сиднем в своих кабинетах, как отшельники в кельях, а под конец рабочего дня, когда лаборанты и ассистенты просто выгоняют метлой своих профессоров — те приходят домой и там снова садятся за рабочий стол. Настолько занятые люди, что вспоминают о еде лишь ночью. Вот тогда они и благодарят нас, курьеров, за заботу: кто же еще, как не мы, позаботится, чтобы лучшие умы мира не погибли от недоедания? По заранее составленному графику мы изо дня в день доставляем прямо на порог клиента корзины со свежим молоком, только что выпеченным хлебом и всем остальным, согласно сделанному заранее списку. Придет такой задумчивый профессор домой, взойдет на крыльцо, споткнется о корзинку — тут и вспомнит, что пора бы поесть! А тех, кому молоко, нектар или кровь требуются ранним утром на завтрак, обслуживает мой напарник. Он вампир. Студентам-вечерникам несложно перед рассветом обойти заказчиков, а потом лечь спать до заката.

— У тебя есть друзья среди вампиров? — ухватила за интересующую тему Клава. Беседовать, глядя в ухо или затылок, а вернее отплевываясь от развевающейся гривы собеседника было непривычно и неудобно, зато информатор из парнишки мог получиться ценный, это Клава сразу почуяла.

— Не то чтобы друзья, — замялся Эдди. — Несколько знакомых, да. А что?

— Да вот, хотела спросить, не знает ли кто, куда вдруг пропал Вильгельм, — забросила удочку Клава.

— А, это, — насупился кентавр. — Я сам у всех спрашивал, вся вампирская тусовка в недоумении, ведь он душа компаний, а ни с кем не попрощался перед отъездом. Вообще ночная братия распускает слухи, что все эти исчезновения дело нечистое. Забавно, да? Те, кого дневные существа обычно считают нечистью, подозревают, что дело нечистое!

Клава не позволила отвлечь себя на шуточки.

— А что, еще кто-то пропал? Мне сказали, что Пума уехала по делу Михаэля, — прикинулась она наивной простачкой. — Есть еще кто-то, внезапно исчезнувший из Академии?

— Разве Флаф об этом сам тебе не рассказал? — удивился Эдди. — Новая волна таинственных исчезновений началась как раз сразу после твоего появления. Правда, в этом году несчастье с Михаэлем сразу заставило весь город встать на уши. Все жужжат, переживают и ругаются на Сирену, что она ничего не предпринимает.

— Погоди, что значит «новая волна»?

— В прошлом году примерно в это же время года тоже исчезали студенты и

преподаватели, но тогда это касалось только женщин. Нынче пропадают исключительно мужчины, если не считать Пумы. Кстати, Пума, считай, второй раз пропадает. В прошлом году почти все через неделю вернулись назад, но при этом то ли делали вид, будто не помнят, где были, то ли действительно у них кто-то стер память, чтобы они ничего не смогли рассказать. Кстати, среди тех пропадавших была и наша директриса.

— Сирена? — ахнула Клава.

— Ага. Городок-то маленький, все слухи-новости мигом разносятся. Особенно через магазины и лавочки, — пояснил кентавр, немножко гордясь причастностью к миру оживленной во всех отношениях торговли. Вспомнил, сам удивляясь: — Странно, что Флаф просил тебе об этом не говорить. Как можно об этом не узнать, если все вокруг в курсе?

Клава пожалала плечами.

— И что же, никаких предположений, куда все пропали? — спросила она.

— В том и загадка, — продолжил рассуждать Эдди. — Взять хоть Пуму: если она уехала из города, то должна была пойти либо на вокзал, либо воспользоваться порталом. Но никто ее ни там, ни там не видел, соответствующих отметок о покупке билетов тоже не осталось. Зато некоторых других, исчезнувших, в последний раз видели на центральной площади. Все они якобы шли в сторону часовой башни в компании с каким-то человеком. Что интересно, кто это человек — никто не знает и не может понять. Когда пытаются вспомнить, кто же это был — память свидетелям отказывает, все описывают вместо лица расплывчатое пятно. А фигуру якобы скрывал черный балахон. Некоторые поговаривают о черепе-фонаре в руках или о серпе, как у бога смерти.

Эдди под конец понизил голос. И интонации стали такими, будто он о городской страшилке рассказывает, а не о реально происходящих безобразиях.

— Еще говорят, будто в момент исчезновения из-за потусторонней магии сходят с ума часы на башне Основателя, — добавил он. — Стрелки движутся в обратную сторону, каждый из четырех циферблатов показывает разное время.

Клава поежилась. И невольно вздрогнула, заметив за крышами домов верхушку одной башни.

Она поспешно прыгнула со спины кентавра. Оказалось, за разговорами они успели выехать на довольно оживленную улочку с лавками и кафешками, так что прохожих здесь было немало, и все они со смешками поглядывали на суккубу, рассеянную на бедном пони.

— Давай в кафе зайдем? — вдруг осмелев, предложил Эдди.

Клава вежливо заулыбалась:

— Извини, у меня скоро встреча. Спасибо, что подвез! — она хихикнула. — Пока!

— До свидания, — поблёк кентавр, вздохнул.

Клаве стало неловко. Всё-таки у парня выходной, вон как вырядился, точно на свидание собрался, а сходить поесть мороженое, видимо, не с кем. Бедняга.

Она, быстрым шагом пройдя до поворота улицы, на ходу проверила расписание на коммуникаторе. И резко затормозила. Растерянно обернулась: Эдди шустро успел отовариться в окошечке цветочного киоска и теперь стоял посреди улицы с букетом фиолетовых пионов в руках, смущенно улыбаясь на улыбки прохожих.

Клаве пришлось вернуться:

— Значит, это у нас с тобой свидание? — сказала она, подойдя.

— Угу, — засиял он. Протянул ей букет: — Ну, так зайдем в кафе? Тут подают замечательный горячий шоколад и кремовые пирожные. Ты любишь сладкое? Или еще в

меню есть фруктовые десерты, они кисленькие, освежают.

Он взволнованно перебирал всеми копытами, буквально гарцуя на месте.

Клава кивнула, ибо делать было нечего:

— Идем, конечно.

— А потом в театр! — вдохновился Эдди. Похвастал: — Я заранее взял билеты.

— Здесь есть театр? — изумилась Клава.

— Конечно! И классический есть, и музыкальный — там птицеобразные выступают, они очень красиво поют. И еще есть панорамный — это вроде вашего виртуального кино, как мне говорил Вильгельм, — затараторил Эдди. — Но я взял на классический спектакль, там человекообразные актеры и старинная пьеса, надеюсь, тебе понравится.

Галантным, пусть и немного неуклюжим жестом он пригласил ее занять место за столиком под полосатым красно-белым навесом у входа в кафе. И если Клаве подошло обычное плетеное кресло, то для кентавра расторопные официанты гурьбой вынесли специальную длинную низенькую лавку, на которую он лег лошадиным пузом, подогнув ноги, чтобы оказаться примерно вровень с собеседницей.

К слову, работали в кафе забавные на взгляд Клавы существа: крошечные гномики с ладонь ростом, но с длинными тонкими обезьяньими хвостами. В яркой одежде и в форменных кепках, очень шустрые, они не бегали, а просто мелькали вокруг. Клава моргнуть не успела, как ей вручили меню с картинками. Десерты выглядели один аппетитнее другого. Увидев яблочный пирог, она вспомнила:

— Кстати, спасибо за корзину яблок! — сказала она Эдди, тоже погрузившемуся в изучение меню. — Я напекла пирогов, получилось очень вкусно.

— Ой, это не я, это меня просили передать, — засмутился кентавр. Почему-то покосился на мелькающих официантов-коротышек, понизил голос да еще прикрылся меню: — И меня просили не сообщать, кто прислал яблоки. Поэтому я не буду ничего говорить, они наверняка сами к вам потом заглянут в гости, если наберутся смелости.

По его выразительным взглядам было нетрудно сообразить, что гостинец прислали либо эти самые коротышки, либо кто-то из их братии. Клава недоуменно наморщила брови, пытаясь угадать, что же могло понадобиться столь мелким мужчинам от суккубы, во много раз превосходящей их габаритами. Ничего не придумав, она решила отложить этот вопрос до времени.

За пирожными и сырными булочками с хрустящей корочкой Клава ненавязчиво выяснила, что кентавра на свидание к суккубе записал Флавиан, без его напора Эдди сам никогда бы не решился потерять невинность с малознакомой девушкой. А знакомых девушек у него не было, так как других пони-кентавров в Академии не имелось, подходить же к верблюдихам или кобылам со столь щекотливым предложением Эдди попросту боялся. При этом вопрос стоял не просто о мужском самоутверждении. Дело в том, что Эдди относился к тому типу магически одаренных личностей, чей дар мог проснуться только после инициации во взрослую жизнь. Таким образом, услуги суккубы парню были просто необходимы, хотя бы для того, чтобы не сделаться второгодником.

Клаву немного покоробил веселый рассказ, как Флавиан с рулеткой измерял длину тела кентавра, лазя у того под брюхом, чтобы убедить его, что с суккубой они сумеют «найти подход» друг к другу. С другой стороны, тот же Флаф заверил робкого приятеля, что на первом свидании с ним ничего смущающего не случится, ибо, по словам инкуба, порядочные девушки больше всего в отношениях любят разговоры и романтические походы по кафешкам

и театрам, а к поцелую допускают кавалеровне раньше, чем на третьей встрече. То есть, выходило, что сегодня Эдди секса не предвидел, поэтому вел себя относительно спокойно и общаться с суккубой не боялся. Клава решила, что это очень мило. На самом деле очень-очень мило!.. Вот только у нее не было настроения идти в театр, а потом тратить еще несколько дней на уламывание невинного юноши. Если уж соблазнять беднягу, то быстро, чтобы не успел передумать и сбежать, а то ведь эдак и впрямь весь график обучения себе испортит от чрезмерной стеснительности.

И только она задумалась, как бы помягче ему намекнуть, чтобы вместо театра он пригласил ее к себе, как произошло нечто любопытное.

— Тревога! Тревога! Всем посетителям срочно укрыться в помещении! — запищали и засуетились официанты.

Посетителей в кафе было, к счастью, немного. Кроме Эдди и Клавы только парочка негуманоидных каракатиц за соседним столиком угощали друг друга с ложечки фруктовым льдом. Взволнованно замельтешив множеством ног, каракатицы поспешно зашли за официантами в здание.

— Что случилось? — завертела головой Клава.

— Нам тоже нужно укрыться, — озабоченно зашептал Эдди, да от волнения запутался ногами в лавке, на которой сидел. — А, уже поздно, они слишком близко. Спрячемся за столом, может, на этот раз обойдется.

Он настороженно смотрел куда-то в сторону цветочного ларька, вытягивая шею. Справившись с ногами, присел прямо на землю между столом и стеной здания. И потянул к себе Клаву, заставил сесть на корточки позади себя.

— Да что там? — не унималась суккуба, против предупреждений выглядывая поверх кентавра и стола.

Оказалось, улочку переполошил уже известный Клаве дроу. Он выбирал в цветочном ларьке роскошный букет белых роз, и было видно, что перепуганный продавец был бы рад тоже спрятаться, но отказать покупателю не имел права.

Дверь в кафе, откуда выглядывал пучок официантов, захлопнулась, когда на другом конце улицы показался светлый эльф, тоже прекрасно знакомый суккубе. Заметив дроу, эльф радостно помахал рукой и перешел с быстрого шага на легкий бег, его явно несли крылья любви. Дроу торопливо расплатился, мигнув коммуникатором на запястье, и тоже поспешил навстречу.

— Ложись! — обнял и прижал Клаву к стене, закрыв своим телом, Эдди.

Клава при таком раскладе ожидала не меньше, чем атомного взрыва. Однако ничего не произошло. Она настороженно прислушивалась секунду-другую, затем спросила шепотом:

— Какого черта, а? Отпусти, мне дышать трудно!

Эдди неохотно выпустил ее из рук, опасливо обернулся на парочку: так и есть, бесстыжие эльфы обнимались и увлеченно целовались посреди улицы, совершенно не замечая опарашенных взглядов со всех сторон.

Когда спустя утомительную минуту лобзний парочка разлепилась и, держась за руки, ушла в сторону района, где жил светлый, Эдди наконец-то объяснил ей, что это было.

А была у этих эльфов драма жизни, дотягивающая до шекспировской трагедии! Оба влюбились друг в друга с первого взгляда и без оглядки. И не помешало то, что светлый работает учителем в Школе, а темный поступил студентом в Академию. Гораздо проблемнее было то, что светлый владел магией воздуха, а темный — даром огня. Каждый по

отдельности они прекрасно управлялись со своими стихиями. Но стоило этим двоим сойтись вместе, как самообладание обоих куда-то испарялось. Взаимоподпитывающая стихийная магия вырывалась из-под контроля. Со вспышками страсти вокруг них в буквальном смысле слова в воздухе вспыхивали испепеляющие всё и вся клубы пламени, трещали молнии, кружились воронки раскаленной плазмы, и так далее, и тому подобное. Весь городок не остался безучастен к истории их поистине пылкой любви.

— Интересно, что с ними случилось? — недоумевал Эдди, и все вокруг, кроме Клавдии, разделяли его любопытство. — Почему-то сейчас ничего не взорвалось и не сгорело. Странно! Неужели они наконец-то нашли способ мирно уживаться? А то ведь даже съехаться и жить вместе не могли, несчастные!

Клава догадывалась, в чем причина изменений, но предпочла промолчать.

Пока все вокруг делились своим изумлением, она незаметно для кентавра вылила себе на подол чай — цветочный, оставивший ярко-розовое пятно на светлой ткани. Суккуба решила пожертвовать одеждой, но выиграть во времени. И, улучив момент, громко огорчилась, «заметив» «случайно» опрокинувшуюся чашку, «к счастью» не разбившуюся. (Конечно, чашка не могла разбиться, если она сама ее аккуратно поставила на землю, а скатерть на столе слегка перекосила для достоверности — якобы в панике чуть стол не перевернули.)

Под ее настойчивыми намеками Эдди краснел, мялся, сомневался, но всё-таки уступил натиску и пригласил даму к себе домой, чтобы поскорее застирать несчастное пятно. Это Клаве и нужно было — хороший повод оказаться в комнате кентавра, щеголя в нижнем белье. А дальше дело техники... так ей мнилось.

Однако девственник попался ей упрямый!

— Но ведь Флаф говорил, что порядочные девушки не занимаются этим на первом свидании! — откровенно паниковал кентавр, цепляясь за свою попону, от которой Клава целеустремленно пыталась его избавить для начала. — Флаф клялся, что у него все клиентки такие! Только каждая девятая после третьего свидания приглашает зайти к себе домой на чашку чая!

— Очень их понимаю, иначе лазарет был бы переполнен беременными студентками. А я не порядочная девушка, я суккуба, не забывай, — хищно улыбалась Клавдия. От этого сопротивления в ней проснулась охотница — в данном случае за копытной дичью, в смятении моловшей ерунду.

Суккубе удалось загнать парнишку в его спальню. Там половину комнаты занимала низкая лежанка, застеленная ворохом пестрых одеял и пледов, а так же в другом углу имелся стол для уроков, при котором был стул, по конструкции похожий на кушетку-козетку на колесиках.

— Что же на тебе так много одежды! — сетовала суккуба, гоняясь за пони кругами по лежаку, который оказался на удивление очень крепким.

— Показывать посторонним шерсть на своем теле — это верх неприличия! — упорствовал девственник.

— А разве грива — это не шерсть тоже? — ехидничала Клава.

Ей уже удалось лишиться его попоны, оставшейся в гостиной, теперь она уцепилась за «шаровары» с молнией на спине. Вжикнуть застежкой от талии до хвоста не составило труда — и кентавр завалился на постель, стреноженный собственными штанинами.

— Грива — это украшение! Вот ты ведь не хочешь сверкать лысиной? А подмышки

наверняка бреешь! — перевел стрелки кентавр.

Клава восприняла это как сигнал согласия — и сбросила с себя лифчик. Пони перестал дрыгать ногами и запыхтел, не зная как бы совладать с собой и отвести взгляд от ее груди и ярких ореолов сосков. Усмехнувшись, суккуба теперь без помех избавила его от полуспущенных штанов, заметив, что нижнего белья парень не носит. Затем она сняла с себя трусики, едва не повергнув юношу в нервный обморок. Забралась на лежащего на боку кентавра, оседлала его конскую часть — и занялась застежками на его жилете и рубашке. Парнишка нервно дергал раздувающимися ноздрями, косился на нее выпученными глазами и мучительно краснел — ведь на этот раз она села на него не по-дамски, а обхватив широко разведенными коленями. Клава едва держалась от смеха, до того ей было весело. И щекотно! Было щекотно и ужасно приятно ощущать внутренними сторонами бедер и ягодицами короткую мягкую шерстку, покрывающую всю конскую часть кентавра и заходящую на торс до груди, словно бархатный корсет.

Отбросив одежду, чтобы не мешалась на кровати, Клава взялась исследовать и расчесывать пальцами действительно роскошную гриву. У тяжело задышавшего от ее прикосновений Эдди оказались на удивление развитые плечи, на лопатках бугрились заметные мышцы, руки тоже были вполне рельефными — и не подумала бы на него, пока не раздела, ведь всю красоту прятала свободная одежда.

Понимая, что хребет конской части не самая его чувствительная зона, суккуба переместилась вперед, взялась изучать рельефный торс, где под короткой шерсткой имелись все нужные мужчине кубики и даже несколько лишних, располагавшихся там, где у лошадей была грудь. Грудь же человеческая у кентавра оказалась безволосой. С невинными крошечными сосками, которые Клава тотчас и облизала.

— Ой-ой-ай!.. — слабо запротестовал Эдди. Засучил задними копытами по одеялам, но отталкивать суккубу не думал. Только отвернул пылающее лицо и зажмурился, чтобы соблазнительница не маячила перед глазами своей бесстыдной наготой.

Клава не постеснялась, встала на четвереньки, подползла к конскому брюху и подняла ту заднюю ногу, что дергалась сверху. Так и есть — возбуждение в наличии. Она даже присвистнула, померила «обнажившийся клинок» своим локтем в длину: на один локоть «шланг» был в шерсти и еще половина локтя — розовая безволосая нежная кожица с просвечивающими венками.

— Ай! Осторожнее! — заскулил пони.

Клава отпустила ногу, довольно тяжелую и своевольно дергающуюся. Села перед кентавром по-турецки и задумалась, потеряв подбородок рукой:

— И как же нам с тобой сподручней трахнуть?

От неприличного словечка Эдди застонал и уткнулся лицом в ворох одеял. Оттуда простонал:

— Не знаю! Если бы ты была кентаврихой, мы сделали бы это стоя.

— Ага, а под конец ты бы на меня прилег всем весом! — фыркнула Клава. — Спасибо, не надо, не хочу быть раздавленной.

Она походила вокруг поникшего пони, прикидывая возможные позы. Если он на боку лёжа, а она у него под брюхом — ей будут мешать его ноги, особенно задний «окорочок». Получить копытом в разгар утех ей не улыбалось. Если он на коленях, а она под ним, стоя на четвереньках — он точно на нее ляжет. Или будет так толкаться, что вытолкает ее из-под себя, придется ей держаться за его передние ноги. Но Клаве и так будет чем заняться,

принять конское достоинство — та еще задачка! Опрокинуть кентавра на спину и залезть на его пузо сверху тоже не выход, вдруг она ему так хребет в районе человеческой поясницы сломает? Или он взбрыкнет, забудется и перекатится на бок — тогда опять смотри пункт выше.

Взгляд Клавы случайно наткнулся на стол и кушеткообразный стул на колесиках. И в голове вспыхнула гениальная идея!

— А ну-ка, давай мебель двигать! — растолкала она увядшего было пони.

Вдвоем они быстренько освободили стол от лампы, книг и прочих положенных на письменном столе вещей, и выдвинули его на середину свободной части комнаты.

— Ложись! — указала ему Клава забраться на стол.

Эдди покраснел, пробурчал, что на столах обычно раскладывают секретарш легкого поведения, а не честных парней. Но залез, как велели: задние ноги стояли на полу, грудная клетка конского туловища лежала поперек столешницы, передние ноги локтями опирались о стол, а копыта свешивались.

— Ой! — стукнулся Эдди высоко вознесшейся макушкой о люстру на потолке. Пришлось со стола слезать и немного его передвигать, дабы ничего не мешало.

— Так, ты готов? Я еду! — со смехом уточнила Клава.

— Ну, наверное, — пробурчал пони, переступая задними копытами.

Суккуба опустила кушетку-стул так, чтобы, лежа на ней на спине, свободно проезжать под столом, но при этом ее бедра были бы на уровне брюха пони.

— Стыковку начинаю! — воскликнула Клава.

Придерживаясь за столешницу, она весело покаталась вперед-назад, подмигнула смущенному до крайности кентавру — и скользнула в импровизированный тоннель растопыренными ногами вперед.

Стол оказался меньше шириной, чем длина ее туловища, так что голова Клавы, ее шея и бюст остались видны между передними ногами кентавра. Наклонившись вперед, Эд смог дотянуться до ее груди, робко тронул сосок — и тотчас отдернул руку, испугавшись собственного порыва.

— Ничего-ничего, мне приятно, продолжай, — ободрила его Клава, с задумчивым видом ерзая под столом.

Получив разрешение, он неуверенно положил обе ладони на ее покачивающиеся груди, пусть для этого ему пришлось довольно сильно ссутулиться.

Клава не сильно обращала внимания на эту ласку. Куда больше ее занимала проблема «стыковки». Очень уж толстый и длинный оказался у пони орган размножения. Она вспомнила лекцию Сирены: мол, между конских ног у кентавров располагается настоящий фаллос для брачных отношений, а еще где-то спрятан псевдо-пенис для игр и удовольствий...

Клава отринула сомнения и опасения. Ведь говорил же ей Флаф, что ее тело приспособится к любому партнеру! Значит, и этот шест она сейчас возьмет без шеста.

Она поднатужилась, пошире развела колени, расслабилась, выдохнула — и с наскока наехала на мягко тыкавшийся ей между ног орган. И впрямь! Чудо! Она не почувствовала боли, только приятное, как всегда, напряжение в растягивающемся лоне. Клава поелозила на гладком упругом «шесте», приноравливаясь. Немного покаталась вперед-назад, совсем чуть-чуть, на ширину ладони по длине. И решила, что ничего так, можно продолжать.

Под сдавленные стоны Эдди она рискнула насадиться еще немного глубже. Кстати, идея

с каталкой ей пришлось по душе и в процессе нравилась всё больше и больше! Можно было держаться снизу за стол и легко двигаться на хорошо крутящихся колесиках.

Она усмехнулась, глянув на кусающего губы Эдди — ему, видимо, тоже всё нравилось.

Недаром помянутый, псевдо-пенис, он же недоклитор явил себя прямо перед лицом Клавы: то, что ей показалось складкой шкуры между передних ног, оказалось подобием мошонки. От Клавиных усилий эта псевдо-мошонка тоже припухла от прилившей крови, в ней раздвинулась щель — и обнаружился еще один член, правда, этот был без яичек. Но Клаве было достаточно тех, меховых, тяжелых, похожих на бильярдные шары, зашитые в шкуру, которые сейчас шлепали ее по ляжкам. Всё-таки целиком до основания «шланг» она в себя не смогла «с разбега» засунуть, только гладкую половину. Но, судя по реакции, Эду и этого хватало для первого раза.

Настоящий член ходил в ее лоне, как мягкий поршень, теперь кентавр сам взял дело «в свои руки» — стал правильно двигать крупом, подхватив амплитуду толчков от суккубы. Ей же оставалось удерживаться на месте, крепко вцепившись в крышку стола. И это было, пожалуй, близко к удовольствию — такого мощного во всех отношениях любовника у нее еще не было! Даже оборотень со своим узлом перед пони меркнет.

«Клитор» выполз из своей меховой «норки» на длину Клавиного указательного пальца и продолжал удлиняться, делаться толще. Она любовалась снизу вверх на кентавра, который в блаженстве немного откинулся человеческим туловищем назад и бездумно пощипывал себя за соски, гладил грудь и торс, наверняка не соображая, что делают его шаловливые пальцы. Она решила, что слишком много наслаждения не бывает — и взяла его «клитор» в рот, принялась посасывать.

От дополнительного, внезапно обрушившегося на него острого удовольствия Эд вскрикнул — и заходил крупом активнее. Клава сама бы ойкнула, если б у нее не был занят рот. А так у суккубы только глаза округлились, ощущая, как «поршень» стал вколачиваться в нутро всё сильнее, всё резче, всё глубже. В мозгу ее, который стал медленно и верно застилаться туманом оргазма, мелькнула трусливая мысль: а не вытолкнет ли он ее желудок через горло, так-то стараясь? Но по-настоящему паниковать не было желания и причин — как ни стыдно признаваться перед самой собой, Клаве это ощущение огромного члена в себе ужасно понравилось. Ее суккубья сущность ликовала и пела!

Пытаясь не уплыть в бессознательный туман, и также стараясь сосать, а не кусать гигантский «клитор», сочащийся пряным вязким секретом, Клава сосредоточила внутреннее зрение и постаралась рассмотреть энергетические каналы в любовнике. Так и есть: сперва совершенно незаметные ниточки благодаря ее стараниям превратились в ясные потоки, бурные, сильные, как весенние горные реки. Выходит, она вправду помогла пробудиться в нем магии!

Осознание этого, чувство исполненного долга и глубокого удовлетворения делом своих рук и прочих органов, вкупе с небывалой телесной наполненностью захлестнули ее такой волной блаженства, что Клава на несколько минут потеряла самосознание в океане искрящегося небытия...

Спустя полчаса отдыха, понадобившегося обоим партнерам, Клавдию, распластавшуюся на спине кентавра, осенило:

— А ведь земные лошади и пони умеют нагибать шею вниз и щипать траву под копытами! Ты тоже так сможешь?!

— Щипать траву? Неа, — усмехнулся Эд. — А поднять рукой что-то с земли — это

запросто.

Воодушевившись сим ответом, суккуба немедленно разложила кентавра в новой позе: на кровати, на спине кверху копытами. А главное — мужской его торс оказался в привычном для нее положении! Клава снова забралась на кентавра, облизываясь в предвкушении. На сей раз ей было довольно удобно откинуться поясницей на крутую лошадиную грудь, а оседлать сравнительно тонкую человеческую талию. Эд лежал смиренно, руки по швам и ноги, как у зайчика, копытного. Ждал. И с интересом смотрел за елозящей по нему суккубой. Клава с удовольствием отметила, что парнишка стал гораздо меньше смущаться.

Несколько долгожданных поцелуев в губы, заставившие его, прежде нецелованного, распалиться и раскраснеться заново. Его ладони, повинувшись ее рукам, шмякнулись и крепко сжали ее груди — теперь так, как надо, как обоим удобно! И его псевдо-пенис, который был на самом деле ничуть не хуже прочих членов, ею испробованных, так правильно и уверенно уткнулся в ложбинку между ягодиц.

— А теперь второй заезд! — дурачась, объявила суккуба.

Эд продолжал пожирать ее влюбленными глазами.

Клава, лукаво улыбаясь, немножко привстала, «послюнявила» пальчики сперва у себя во рту, кокетливо строя глазки облизнувшемуся пони, затем запустила их во всё еще влажное и не вполне сошедшееся после «поршня» лоно. Собрав соки и смазав задний вход, направила в себя псевдо-пенис. Опустилась, вобрав полностью, прикрыв глаза и наслаждаясь приятным ненавязчивым скольжением внутри.

И кентавр застонал, прикусив нижнюю губу, не забывая, однако, массировать ее груди и пощипывать за бесстыдно торчащие соски.

— Что же ты со мной делаешь! — прошептал он, видимо, сокрушаясь о своей похищенной невинности. — Как же я теперь буду?..

Клава изогнулась на его «клиторе», поглядела назад — так и есть: среди поджатых и подрагивающих четырех ног выше всех снова вознеслась «пятая нога» в «розовом чулочке». В голове разрезившейся суккубы мелькнула шальная идея: а не впустить ли после «ключика» в «заднюю дверцу» и этого «удава»?

К счастью для ее тела, второй заезд вымотал всадницу до того, что она просто рухнула на одеяла и мгновенно заснула. Как справился со своим «удавом» бедный брошенный ею на полпути кентавр — этого она уже не увидела.

18

Утром, пока готовила завтрак для себя и вкусности для Персика, чтобы кот не подумал, будто мамуля его бросила, Клава попыталась исподволь разговорить Основателя на тему прошлогодних исчезновений. Конечно же, ничего у нее не вышло. Вместо этого призрак слово за словом вытянул из нее все известные ей сведения — и про то, что город полон слухами, и про таинственную фигуру, которая сопровождает намеченные жертвы до башни. И даже проболталась про то, что эта фигура может быть ни кем иным, как их инкубом. Всё-таки разница в опыте владения искусством риторики была очевидной и сыграла не в пользу Клавдии. После словесного поединка суккуба ощущала себя морально раздавленной и психологически угнетенной.

Призрак рассердился за ее легкоеверие, заставил признать, что их инкуб — хороший мальчик, пусть и оболтус, но никогда не позволит себя втянуть в темные незаконные делишки. Следовательно все эти слухи есть пустая болтовня старух-лавочниц и городские легенды, порожденные бестолковыми разумами студентов-двоечников, которые всё это

придумывают от безделья, вместо того чтобы, сидя на лекциях, внимательно слушать преподав.

Вот так-то.

В унынии и замешательстве Клава вышла из дома и направилась в лазарет.

По дороге, однако, кое-что заставило ее оживиться. А именно: замеченная в скверике стайка школьников, мальчишек лет двенадцати. Все они уплетали смутно знакомые Клаве пирожки, весело болтали — и громче всех веселился печально ей известный хулиган-херувим.

— Везет тебе! Вечно кто-нибудь тебе подкинет то ручки, то блокноты, то еще что! — обратился с белой завистью к ангелочку один из его приятелей, запихивая, как хомяк, очередной пирожок за щеку

Так и есть! По характерному гребешку на корочке Клава опознала свою выпечку. Заинтересовалась еще больше, подкралась поближе к школьникам, спряталась за невысоким забором и кустом желтого хризантемо-шиповника.

— Это кто-то из девчонок в него влюблен! — подал идею другой «хомяк».

— Хватит лопать! — возмутился херувимчик, захватил корзинку с остатками провизии обратно, поставил себе на колени, обнял, как родную.

— Ну, так вкусно же! — в свое оправдание выдвинули мальчишки.

Пока один демонстративно медленно тянулся к корзине с одной стороны, второй, с другой, быстренько утащил из-под локтя херувимчика еще пару пирожков.

— Конечно, вкусно! Я с вами поделился и хватит, всё остальное мое! — возмутился златокудрый ангелочек. — Прямо как у моей мамки пирожки — обалденные! Как узнаю, кто из девчонок так печь научился, сразу на ней женюсь!

Мальчишки загоготали:

— А если она старая?

— Или страшная?

— Или старая и страшная?

— Всё равно женюсь! Они после свадьбы всё равно все становятся старые и страшные, и толстые, даже самые красивые. А тут хоть сразу знаешь — умеет готовить! А раз так, то заранее будешь уверен: жизнь в браке будет удачной.

— И сытной! — загоготали приятели.

Клава потихоньку, пока ее не заметили, двинулась дальше своей дорогой. В голове крутились мысли: что же получается? Она дала пирожки Флавиану, тот передал их какой-то девчонке, своей подружке, а та анонимно подкинула этому сорванцу? Что ж за дурочка такая, что готова променять красавчика инкуба на малолетнего хулигана? Клава всю оставшуюся дорогу до лазарета изнывала от оскорбленных чувств и недоумения.

В лазарет она явилась не вовремя: у Персика был посетитель поважнее. Медсестра позволила ей подсмотреть через щелку в двери, и Клава чуть не заорала от ужаса, благо медсестра же заткнула ей рот ладонью, чтоб не сорвала урок.

— Какой урок?! — замычала через ее ладонь Клава в возмущении, когда та закрыла дверь у нее перед носом и оттащила подальше в коридор. — Он же его сожрет!

— Никто никого не съест, — авторитетно заявила медсестра. Убрала руку от ее лица, вытерла обслюнявленную ладонь салфеточкой, достав оную из кармашка короткого розового халатика. — Этот наг — учитель, он владеет особой техникой обучения под гипнозом. Для нашего Персика это самый быстрый и щадящий способ овладеть началом письменности.

— А-а... — протянула Клава.

Она еще раз подкралась к двери, снова подсмотрела: ну да, никто никого не ест. Просто котик сидит, замороженный, на своей кровати, а перед ним возвышается наг. Самый настоящий человек-змея, с толстенным чешуйчатым хвостом, ритмично свивающимся на полу в крутые кольца, с трещащей костяной погремушкой на приподнятом кончике. В пиджаке, светлой рубашке и при галстуке. А вместо набедренной повязки — в тон пиджаку юбка-килт, любимого фасона директрисы «карандаш». Свитые в косы черные волосы уложены тюрбаном на голове и перевиты золотыми цепочками. На носу очки, а в руках какие-то таблички, которые он показывает загипнотизированному Персику. Монотонный голос бубнит что-то неразборчивое, почти поет речитативом под аккомпанемент трещотки.

— Пока наш малыш занят, пойдем, проверим твое здоровье? — потянула медсестричка ее за руку, многообещающе при этом улыбаясь.

Клава поежилась — никогда не любила медосмотры. Но делать нечего, раз надо.

Медсестра отговорила тем, что тело суккубы стремительно изменилось под воздействием нового для нее образа жизни, изменилась и ее энергетическая система. Она уверена, что всё идет правильно и хорошо, однако проверить с помощью чуткой аппаратуры и элементарного ручного осмотра не повредит.

— Раздевайся, — велела она, заведя слегка растерявшуюся Клаву в приготовленную для нее палату.

— Совсем? Или до белья? — уточнила Клава настороженно. Что-то странным показался вспыхнувший блеск в глазах медсестры, и ведь не подумала предложить пациентке ширму или одноразовую сорочку, что ли.

— Совсем, совсем, — широко улыбнулась та. Честно, глядя прямо в глаза, призналась: — Давно хотела узнать, что же такое находят мужики в суккубе. На вид-то мы все одинаковые, верно? Но от тебя все самцы сходят с ума, пусть ты и не прирожденная демоница, а так быстро вошла в роль.

Следуя указаниям перешедшей на полусшепот медсестры, Клава, переборов внутренние колебания, разделась полностью и улеглась на узкую жесткую кушетку, покрытую прохладной простыней. Медсестра покружилась вокруг, придвигая к кушетке всякие аппараты, тихо жужжащие, изредка вспыхивающие огоньками или мигающие непонятными цифрами на табло.

— Я запишу показатели, — туманно пояснила она.

Клава, лёжа, нервно пожала плечами: мол, записывай, раз надо, только иголками не тыкай.

Иголок не предвиделось, но вместо них медсестра несколько минут водила по ее коже датчиком, похожим на обыкновенную ручку для письма, прикрепленную к одному из аппаратов длинным шнуром.

— Всё органы работают нормально, без отклонений, — заявила она после этого.

Ручку убрала, но зато быстро скинула свой халатик, оставшись в симпатичном кружевном белье, безбожно просвечивающем на самых деликатных местах.

— Ты ведь еще никогда не пробовала с женщиной? — мурлыкнула она.

Ошеломленная, Клава вскинулась, села на кушетке, замотала головой:

— Нет, и как-то не хочется, если честно. Можно мне уже одеваться, да?

— Нет, еще рано, — остановила ее медсестра, мягко нажала на плечи, чтобы легла обратно. Сама, красуясь, завела руки за голову, показывая тощенькие ребра и плоский

животик, и вынула из волос шпильки, позволив каскадом рассыпаться по спине.

— Хочешь сравнить нас? Хочешь меня потрогать там? — предложила она медовым голосом.

Клава покраснела, отвела глаза, пробормотала:

— Да не особо, чего я там не знаю-то.

— И всё-таки придется попробовать, — настаивала на своем та. Залезла на кушетку и оседлала Клавины бедра, принялась пальчиком кокетливо выписывать узоры у суккубы вокруг пупка, который от непрошеной ласки задержался, пытаюсь втянуться вглубь живота. — Прости, но я не могу пригласить сюда парня для тебя. Мне нужно довести тебя до возбуждения, чтобы взять пробу феромона на анализ. Запах же возбужденного самца заглушит все показатели. Так что придется тебе потерпеть.

Клаву передернуло: вот, значит, каково это — под давлением переходить на другую сторону! То-то Флавиан паниковал от перспективы насильно сменить ориентацию. Теперь-то она его понимает. Ей вот тоже не особо радостно, притом что у медсестры просто нет того органа, которым по идее лишают невинности и к которым Клава, напротив, успела вполне привыкнуть. Бедный, бедный Флаф — во сколько же раз ему было страшнее от угрозы сделаться «би»?

И всё-таки, пусть вся ее сущность молча вопила о протесте, Клава волевым усилием взяла себя в руки: медсестра так заботливо ухаживает за Персигом, что она просто обязана в благодарность дать ей провести эксперимент! Тем более что самой тоже самую чуточку, ну совсем крошечку стало любопытно, чем же могут ублажить друг друга две девушки.

— А можно, как-нибудь потом? Когда я морально подготовлюсь? — лягнула она, сама не ожидая, что это вырвется вслух.

Видимо, ее тело было несогласно с экспериментом больше, чем казалось ее разуму. Медсестричка, довольно легкая, худенькая по сравнению с фигуристой суккубой, предприняла попытку просунуть узкую ладошку в деликатную зону между сжатых коленок. И Клава, как ни пыталась себя сдерживать, взбрыкнула, едва не сбросив ее с себя. Затем шустро на локтях отползла к краю кушетки — и остановилась, лишь стукнувшись головой о какой-то нависающий аппарат. Тот закачался на шаткой треноге, грозя опрокинуться и разбиться, и от этого Клава съежилась еще больше — неизвестно, сколько ей пришлось бы отрабатывать долг за испорченную, явно редкую и дорогую технику!

Воспользовавшись тем, что объект исследования на секунду отвлекся, медсестра протянула руку и нажала пальцем на какую-то секретную точку между грудей Клавы.

Клава вскрикнула от неожиданного укола мимолетной боли. И тут же все мышцы ее напряженного тела расслабились, она с неловкостью кое-как уложила себя обратно на кушетку, в растерянности ощущая, как руки и ноги гудят, словно она их отлежала во сне до онемения. Она стала, как ватная кукла! Полностью беззащитная перед хищницей в кружевном белье.

— Не смотри на меня, как на злодейку, это быстро пройдет, — снова блеснула глазами экспериментаторша. — Не понимаю, почему ты настроена так категорически против? С парнями ты охотно пробуешь любые позиции и роли.

— Потому что не хочу с девушкой! — проямлила Клава, радуясь, что хотя бы язык у нее не отнялся. — Мне это неприятно!

— Но ты ведь не пробовала? Откуда тебе знать, будет тебе приятно или нет? — мурлыкнула медсестричка, пощипывая ее торчащие вишенками соски. — Закрой глаза.

Просто не смотри. Отдайся ощущениям! Я не сделаю ничего ужасного. Я даже не буду ничего в тебя засовывать.

Она хихикнула.

Клава, чувствуя себя крайне неудобно, послушалась и зажмурилась. С одной стороны, она же доверила этой искунительнице своего котика, так что стыдно бояться за свою невинность, которой она давно лишилась. С другой стороны, лежать под девушкой, которая выглядит слабее тебя — однозначно унизительно! А вот с третьей стороны суккубья сущность уже проснулась в ней, предвкушая плотские удовольствия, ранее невиданные. Разум плевался и чертыхался, а лоно налилось тяжестью, груди отяжелели, соски очень охотно отзывались на пощипывания, рассылая искры до позвоночника. Ну что ты будешь делать! Придется лежать смиренно и стараться больше не брыкаться.

— Вот и умница, — тихонько мурлыкнула соблазнительница.

И показала суккубе такой класс интимного массажа, что у Клавы не то что щеки — уши загорелись! Причем онемение с конечностей прошло, как и было обещано, очень быстро, но Клаве уже расхотелось куда-то убежать или сопротивляться. Она самозабвенно извивалась на неудобной кушетке, раскрываясь и подставляясь. А в голове засела единственная внятная мысль: ну вот как? Как можно одной девице довести до белого каления другую, при этом ничего в нее не запихивая?!

Когда Клава сдавленным писком оповестила об испытанном потрясающем оргазме, медсестричка с удовлетворением перевела дух. Отбросив растрепавшиеся волосы за спину, она оглянулась на приборы — те запищали в такт оргазменным волнам, сотрясавшим тело суккубы.

— Ну, вот и отлично, — вздохнула экспериментаторша. Подытожила: — Теперь можно одеваться.

— Еще рано! — рыкнула Клава.

Отбросив расслабленность и негу, она вскочила и рывком подмяла под себя ойкнувшую медсестричку. Та засмеялась, пытаясь скрыть неловкость и растерянность, ибо Клава накинулась на нее с поцелуями, достойными изголодавшегося самца.

— Ты чего разошлась? — пробормотала девушка, но ее никто не слушал.

Клава повалила ее на кушетку, зацеловала от ключиц до живота, попутно задрав мешающий лифчик на шею и куснув каждый сосок на небольших грудях. А затем, не обращая внимания на слабые протесты и смущенные барахтанья, перевернула ее, поставив на четвереньки, и зубами порвала тонкие ляпочки на боках трусиков.

— Ты полегче как-нибудь, — робко попросила медсестричка, замирая под ее натиском.

— Угу, — бросила Клава.

И выпустила на волю хвост!

Ощувив властные пальцы под животом и язык сзади, медсестра испустила такой чарующий стон-призыв, что у суккубы вообще контроль отказал. словно научившись от своих жадных партнеров, Клава обрушила на девушку под собой всю страсть животного влечения, пробужденного ее же играми. Понятно, что вместо мужского инструмента пришлось использовать кончик хвоста и пальцы, однако в итоге обе остались очень довольными.

После, передохнув пару минут во взаимном молчании, обмениваясь лишь задорными улыбками, они одновременно вдруг встrepенулись и кинулись одеваться — вспомнили, что рабочий день в разгаре, перерыв пора заканчивать.

— Как я и думала: аппараты зафиксировали всплеск феромонов, — заявила медсестричка. Натянув халатик прямо на влажное тело без белья, она торопливо запиховала в скрученные узлом волосы шпильки. — Они не имеют отчетливого запаха, и всё же это очень сильное вещество, действующее через систему обоняния прямо на мозг. Такое эффективное, что во время секса с тобой мужчины теряют головы и влюбляются без памяти.

— Вот еще чепуха! — фыркнула Клава. — Случились у меня недавно двое, тоже экспериментаторы: как были влюблены только друг в друга, так и остались.

Медсестра одарила ее хитрым взглядом:

— А вот помяни мое слово, они к тебе еще заявятся, причем оба!

Клава только плечом дернула на такую очевидную ерунду. Всё-таки она верила, что никакие феромоны не заменят романтику и тем более настоящее чувство.

Вернувшись в палату к Персику, они уже не застали там учителя-нага. Вместо змея с котом занимался рисованием Флавиан. От хмурого взгляда инкуба не укрылось то, какие они обе довольные, покрасневшиеся, запыхавшиеся и растрепанные. Да еще переглядываются с улыбочками, как заговорщицы.

Клава, поздоровавшись с инкубом, едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Тот наградил ее взглядом, точно был благоверной женошкой, встречающей на пороге своего загулявшего муженька. Она словно своими ушами услышала: «Где ты шлялась, пока я сижу с нашим ребенком?!»

Флаф действительно заботливо развлекал котика: учил его пользоваться яркими детскими фломастерами, коих целый радужный набор был раскидан по аккуратно застеленной одеялом постели. Тут же валялись разбросанные рисунки-каракули — первые творения Персика.

— Мамуль-мамуль! — увидев Клаву, поспешил похвастаться кот. — Я теперь умею читать! И учусь писать! Вот! Я рисовать теперь могу! Смотри — я тебя тоже нарисовал!

Флаф, поджав губы и не глядя ей в глаза, подал листок с кривым неуверенным рисунком. Ее абстрактный портрет: кислотно-красные два кружочка плюс треугольничек — это платье и бюст, еще розовый кружечек и голубые жирные точки — это лицо и глаза, а желтая вермишель сверху — это волосы. Клава поглядела и от умиления слезами брызнула, кинулась обнимать своего такого замечательного, совсем подросткового любимца.

Чтобы не мешать семейной идиллии, инкуб вскоре откланялся. Однако перед этим успел вдоволь испепелить Клаву непонятно отчего мрачными взорами, которые прожгли ей лопатки и затылок, пока она сюсюкала над весело тараторящим котом.

— Жили у бабуся два веселых гуся! Один серый, другой белый — я с ними свихнуся!.. — напевала себе под нос Клава, отправляясь на рабочее свидание по уже знакомому адресу.

Медсестричка как в воду глядела: уже сегодня поступил вызов от дроу. Разумеется, она предполагала застать там и второго остроухого. Клава шла и гадала, чем же обернется для нее нынешняя встреча. Вроде бы в прошлый раз оба выглядели довольными. Неужели, обговорив всё между собой, они успели перессориться — и обвинили в разладе ее, суккубу? И теперь собираются предъявить ей претензии, взыскание, повестку в суд, штраф, и прочая, и так далее?

Однако дверь ей открыл дроу, сияющий, как гладкий скол на куске каменного угля. За его спиной Клава увидела, конечно же, светлого эльфа. Тот при ее появлении вскочил с

диванчика, ожег суккубу настороженным взглядом, потушился, зарделся. У Клавы брови приподнялись сами собой: против ее страшных ожиданий «гусь белый» теперь поджигает губы не от недовольства или брезгливости, а от смущения и чтобы спрятать улыбку. А жаль, улыбающимся она его видела возле цветочного ларька, ей понравилось, хотелось бы, чтобы он улыбнулся и ей.

«Гусь серый», (точнее чернокожий-беловолосый), эмоций не думал прятать. Он фонтанировал счастьем, как встряхнутая бутылка газировки. Чуть не под руки проводил растерявшуюся суккубу до кресел перед накрытым к чаепитию столиком, усадил, вручил ей чашку ароматного горячего чая, подставил блюдечко, куда гостеприимно наложил всяческих пироженок и кусочек тортика с кремовой розочкой. И при этом, разговаривая с нею, он то и дело кидал на своего светлого такие выразительные взгляды, полные обожания и гордости за своего избранника, что Клаве аж завидно сделалось. Напротив, светлый, хоть и был явно старше, чем его муж, как по возрасту, так и по положению в Академии — краснел, как барышня, и лучился ответной нежностью, которую всеми силами пытался скрыть. Впрочем, у него это плохо получалось, а вскоре он и стараться бросил, слегка расслабившись от болтовни мужа — и от неловкости, которую явно испытывала суккуба, чувствовавшая себя рядом с этой парочкой третьей лишней.

Когда дроу и Клава достаточно наговорились о погоде и вкусняшках, имевшихся на столе, о кондитерском магазинчике, где это было куплено и куда дроу обещал ее как-нибудь сводить на разведку, светлый, напряженно улыбаясь, решительно отставил свою чашку.

Клава мигом сообразила, что грядет серьезный разговор. И оказалась права: остроухий мягким, прекрасно поставленным голосом завел речь о сложностях отношений между двумя магами, имеющими взаимоисключающие стихийные способности. При этом он сверлил глазами неповинную ватрушку на столе, а под столом так мило украдкой держался за руку с дроу, что Клава окончательно растаяла сердцем.

Выяснилось, эти два несчастных гуся не могли нормально провести вместе даже одну ночь! В спокойном состоянии их магические способности отлично подпитывали и дополняли друг друга — как горн кузнеца и огонь в очаге. Однако стоило им перейти от дружбы и трудового сотрудничества к романтике, стихии то и дело стали вырываться из-под контроля, устраивая внезапные взрывы, запугав уже весь городок! Так что в постели у них была беда, одним словом. Приходилось заниматься любовью второпях, оставаясь постоянно начеку, без возможности расслабиться или, не дай боже, заснуть в объятиях любимого.

Взаимный этот нервирующий кошмар закончился с появлением в их жизни суккубы.

— Благодаря тебе мы смогли познать настоящую страсть, — потушившись, признался светлый. — Ты без преувеличения распахнула перед нами врата рая. Спасибо тебе.

— Да не за что, на здоровье, — буркнула Клава, чья очередь пришла зардеться и отвести глаза.

Вот только одного раза с каждым из них для стойкого эффекта было недостаточно. Магические потоки, бурно оживлявшиеся при сексе, выровнять могла только Клава и никто больше. Поэтому «лечение» следовало повторить, дабы пара смогла спокойно воссоединиться, а город по ночам не вздрагивал бы от взрывов.

— Ну, я не против вообще-то, — протянула Клава, покраснев под умоляющими взглядами обоих. — Надо так надо. Давайте втроем попробуем, что ли.

Кажется, ничто на свете не могло настолько осчастливить этих двоих, как ее согласие разделить с ними постель. Клаве даже польстило, как засияли их глаза, как они, уже не

прячась, взялись за руки в радостном порыве. «Как будто я добрый доктор, который сказал, что у них будет долгожданный ребенок!» — хихикнула она мысленно. Впрочем, это же маги, вдруг они знают способ сплести какой-нибудь кокон и там вырастить себе общее чадо? Вот проживут вместе и надумают создать полноценную семью. Мало ли неизвестных Клаве способов размножения существует в этом мире!

Вот так, с мыслью о будущих детях шахматной окраски, — а какие еще получатся отпрыски при одном отце блондинистом, а втором черном с серебряной гривой? — Клава и отправилась в радушную супружескую постель, дабы выправить бедолагам их энергетические потоки посредством направленного влияния на половые чакры... А если уж честно, ей было жуть как волнительно окунуться в настоящую, неподдельную любовь, пусть даже имеющую к ней самой самое крайнее отношение.

Суккубу со всем почтением разложили на свежих простынях (теперь в листочек, а не в цветочек, как в прошлый раз), и первым к ее телу приобщился с должной долей благоговения светлый. На сей раз ему не потребовалось полчаса для раскачки. Под восхищенным алчным взором возлюбленного эльфа завелся мгновенно — и обрушил на обомлевшую Клаву такой пыл страсти, что у той, казалось, пальчики на ногах заискрились. Она едва-едва заставила себя не улететь в море блаженства, а заняться делом — отлаживанием пресловутых энергетических каналов партнера.

Однако стоять в стороне и ограничиваться любованием дроу не думал. Он присоединился к ним, зайдя к супругу с тыла. Светлый с готовностью подчинился ему, при этом оставаясь в суккубе. Теперь за плавные движения тройственного соития отвечал дроу — он вторгался в супруга, а тот, следуя натиску, входил глубже в лоно суккубы.

У Клавы, лежащей под ними двумя, сами собой перестали глаза закатываться, напротив — вытаращились. Хотя очень хотелось забыться в сдвоенном потоке, буквально водопаде чистой энергии, полившей на нее, однако еще больше хотелось смотреть, не упуская ни мгновения, наблюдать, впитывать в себя через кожу эту нежность, что почти святающейся аурой окутала их. Светлый, рискованно вывернув шею к плечу, самозабвенно целовался с супругом, тот отвечал с не меньшим пылом, не забывая вести всех троих к вратам небесного восторга.

И довел-таки! Клава едва не захлебнулась от переполнившего ее звенящего ощущения самой жизни. Парни, против опасений, не рухнули на нее, дружно кончив следом, удержали друг дружку — и так в обнимку негромко по-доброму поржали над охающей от переизбытка чувств суккубой. Та ничуть не обиделась, сама тоже похихикала, когда отдышалась.

После краткого перерыва на чай и на лениво-расслабленную постельную болтовню ни о чём парни разохотились на продолжение. А что Клава? С удовольствием дала себя соблазнить еще разок!

Теперь они поменялись местами и окружили ее своей нежностью со всех сторон. Теперь Клава устроилась на коленях у дроу, лицом к нему и держась за его плечи. Трепетно прильнув к ней со спины, сзади в нее вошел светлый. Теперь эльфам было неудобно целоваться только друг с другом, и Клава наслаждалась двойным вниманием. И это было невероятно приятно! Два любовника принесли ей двойное удовольствие, заполнив оба ее жадных, влажных, горячих отверстия, двигаясь слаженно, в едином медлительном ритме. Кажется, они наслаждались не меньше, чем она, ощущая движения друг друга в глубине ее тела, вместе, но отдельно, так близко — и каждый в своем особенном сладком плену.

Никто до этой парочки не ласкал ее так тщательно, размеренно, неторопливо и со

вкусом! Она плавилась, как мороженое между пластами вафель в брикете пломбира. Один целовал ее груди, пощипывал губами соски, раскачивающиеся перед его лицом. Второй щекотал дыханием шею, оглаживал ладонями живот, бока, бедра — и норовил куснуть за мочку уха.

Клава, успев расплести их энергопотоки еще в первый заход, теперь с чистой совестью отдалась бездумному наслаждению. И два эльфа ее не разочаровали! Вдвоем они без спешки и суеты отправили ее в дальние звездные выси... А когда она, захныкав от переизбытка удовольствия, запросила пощады — переключились вновь друг на друга. И Клава, раскинувшись рядом на постели, не мешала им своим присутствием и нескромным пристальным вниманием. В самые страстные мгновения, когда она невольно думала, что они забыли о ней и пора бы ей покинуть чужую спальню — то один, то другой останавливали ее, внезапно вовлекая в поцелуи, но не прекращая любовных игр...

Клава ушла от них нескоро. С блаженной улыбкой на лице, не замечая окружающего мира, впечатленная открывшейся вселенной искренней любви, где один безусловно и всецело готов раствориться в другом — и взамен получить ровно столько же. Она завидовала им? Конечно. И желала бесконечно долгого счастья.

— Спасибо тебе! — сказал перед расставанием ей темный эльф. — Раньше у нас никогда не получалось... так нежно.

— Мы боялись случайно убить друг друга в порыве, — негромко рассмеялся светлый, нежась в объятиях супруга. — Но ты забрала лишнюю энергию там, где она мешала — и стало хорошо.

— Чудесно, — поправил его дроу. — Я считаю, для закрепления эффекта нам следует повторять встречу раз в полгода.

— Раз в месяц, — поправил светлый с задорной, очаровательной улыбкой. — Чтобы наверняка!

Клава не отказалась. Правда, неизвестно, будет ли она через месяц всё еще в Академии или найдет способ вернуться домой, несмотря на метаморфозы Персика... Но лучше не портить себе настроение заранее оговорками.

Отгнав назойливые мысли о проблемах, Клава выпрямилась и подняла голову. И призналась мысленно себе самой: да! Она хотела бы и для себя найти вторую половинку. Которая вот так же, как эта парочка, приняла бы ее со всеми заморочками, проблемами, тараканами, фетишами.

«Но, видно, не судьба мне быть моногамной...» — вздохнула она мысленно, шагая мимо скверика.

И едва не запнулась на ровном месте!

Спряталась за фонарный столб, прикинувшись облачком тумана, что, ожидаемо, вышло у нее из рук вон плохо.

Однако в ее сторону никто не смотрел.

Флавиан, из-за которого Клава едва не встретилась носом с булыжной мостовой, тоже прятался! За живой изгородью. И во все глаза подглядывал за школьниками, которые опять здесь ошивались без дела. Вытянув шею, Клава удостоверилась: опять тут херувимчик со своими адъютантами. И теперь трескают за обе щеки конфеты и пироженки из той самой кондитерской, куда ее давеча приглашал дроу. Снова их угостила неизвестная поклонница мелкого хулиганистого ангелочка?

Клава перевела взгляд на инкуба: непонятно только, что он-то здесь делает? Пялится на

подростков, да еще с таким умилением и печалью на задумчивой физиономии.

Суккубу прошиб озноб от внезапного озарения: неужто ее наставничек — тайный педофил?! Теперь-то ясно, каким путем ее пирожки попали к херувимчику! Сам инкуб и подкинул, никаких девиц, тайно сохнувших по малолетке, в природе нет. Зато есть взрослый парень, который на словах резко против однополых отношений (ага, особенно в роли пассива!) — а на деле глаз не отводит от смазливой мордашки, выпачканной кремом!

— Фу! — скривилась Клава. Хотя сама не поверила в свое открытие. — Да не может быть!.. Или может?

«В этом мире всё возможно!» — сказал ей рассудительный внутренний голос.

Суккуба вздохнула. И, натянув маску пофигизма, вышла из-за фонаря, зацокала каблуками дальше по своему маршруту. Краем глаза с каким-то мстительно вредным удовольствием заметила, как заполошно сиганул прочь инкуб, завидев ее через улицу.

Настроение суккубы оказалось безнадежно испорчено. У нее не было доказательств преступления, однако одного подозрения в неблагонадежности Флавиана хватило, чтобы радужные краски в ее душе разом поблекли до унылых серых тонов, грязных, истоптанных в пыли реальности. Мечты о второй половинке? Какая глупость! Наверное, во всей вселенной только эльфы еще способны на такой душевный подвиг. На такую самоотверженную наивность...

Клава остановилась на часовой площади. Посмотрела на башню. Поняла, что в таком состоянии сидеть дома в компании ворчливого Основателя ей совершенно не хочется. Проверила на коммуникаторе расписание — и безмерно обрадовалась очередному вызову от нового клиента. К нему она и отправилась, пусть даже до назначенного времени, судя по часам на башне, оставалось лишних сорок минут...

К удивлению, она едва не опоздала! Стоя на пороге незнакомого дома, догадалась свериться с часами, встроенными в коммуникатор.

— Снова эти проклятые куранты барахлят! — поняла она и чертыхнулась в сердцах.

Представительный наг, как раз открывший дверь, поморщился от ее раздраженного шепота. Клава старательно изобразила улыбку: сразу ясно, перед ней воспитанный мужчина из приличной семьи, имеющий старомодное воспитание и не терпящий плащадной брани. Судя по обилию золотых цепочек на длинных косах, сейчас распущенных и достигающих поясицы, очень может статься, что он вообще из змеиной аристократии. В любом случае, лицом к лицу наг производил приятное впечатление, и Клава обрадовалась, что у ее Персика такой интеллигентный учитель.

Первое впечатление ее не подвело. Наг вправду оказался во всех отношениях приятным мужчиной с отличными манерами. Клава в его обществе быстро забыла о мрачных мыслях, расслабилась — и даже на длиннющий змеиный хвост почти перестала обращать внимание. Подумаешь, хвост! Она с кентавром справилась, и тут наверняка не сложнее.

Выпив по бокалу хорошего красного вина, они без проволочек перешли к делу.

Наг оказался не только преподавателем, не только специалистом по обучению при помощи гипноза, он вообще был творческой личностью с широкими взглядами. В данное время он искал для себя музу-вдохновительницу для занятий художественной фотографией. Причем это были не новомодные голограммы, а именно фото, которые он распечатывал целыми альбомами или большими картинами-плакатами для украшения интерьера.

Клава согласилась позировать. Полуобнаженной. В наряде нагини-танцовщицы, состоящем из позванивающих цепочек и бус из драгоценных камней и жемчужин. Понятно,

что из подобного материала лифчик и юбка мало что прикрывали. Ей даже не пришлось собираться со смелостью, чтобы переодеться в его присутствии, ибо сама справиться с цепочками и подвесками она не смогла бы. Наг-художник внушал доверие. Шевельнулась в сознании мыслишка, что он и на нее исподволь насылает гипнотический транс, однако Клава ее прогнала, как нелепую. Такому приятному мужчине, чтобы зачаровать женщину, никакой магии и никаких фокусов не нужно, хватит белозубой улыбки, особенно яркой на фоне смуглой бронзовой кожи. А когда он, сославшись на жару от софитов, разделся до килта, по-домашнему мягкого, клетчатого, и на руках, груди и торсе заиграли мускулы, каким древнегреческий бог Марс бы позавидовал — в Клаве окончательно угасли подозрения, ее суккубья сущность расправила плечи и выставила грудь во всей красе, прикрытую тоненькой сеткой цепочек.

И они действительно битый час снимали Клаву в разных позах! То она воображала себя несравненной Клеопатрой на фоне бархатных драпировок, то неприступной опасной жрицей, то пыталась танцевать нечто соблазнительное. Аж устала!

Когда сделали перерыв, оживившийся от прилива вдохновения наг показал ей через специальный монитор получившиеся снимки. Клава глазам не поверила: а ведь неплохо вышло! И наряд у нее не пошлый, а эротичный. И вполне она фотогеничная!

— Вот эту, где у меня сосок из-под цепочек выскочил, пожалуйста... — хихикая, попросила она, но наг не дал договорить:

— Разумеется, я удалю неудачные кадры, не волнуйся.

— Да нет же! Стой, не выбрасывай! — Клава развеселилась еще больше. — Очень удачный, мне нравится. Можешь отослать его на коммуникатор нашему инкубу?

Клава не могла поручиться, как именно расценил эту шалость наг, он лишь одарил ее понимающим взглядом. Может быть, подумал, что Флаф требует отчета о ее работе. Но просьбу выполнил, снимок отослал.

А дальше Клава еще пуще расшалилась: не сняла костюм танцовщицы, когда ей разрешили переодеться, так как фотосессия подошла к концу. Она шутливо пристала к нагу с расспросами о разнице между двуногими и змеелюдьми. Разумеется, особенно ее интересовали различия в сфере размножения. Наг снова окинул ее проницательным взглядом и предложил перейти в гостиную. Там включил приятную музыку, под которую Клава тотчас принялась танцевать — в меру своих представлений о том, как должна двигаться соблазняющая змеедева в сезон спаривания.

Видимо, у нее против опасений получалось неплохо.

Наг взирал на нее, рассматривал задумчиво и оценивающе, сложив руки на мускулистой груди — и Клава уж думала расстроиться из-за неудачи, как ощутила нечто округлое и продолговатое, настойчиво поглаживающее ее между ног под прикрытием «подола» из длиной позванивающей бахромы. Она улыбнулась, не останавливая танец. Вот ведь, совершенно забыла, что у этого мужчины есть хвост, который можно разложить по периметру просторной комнаты. И теперь кончик его с костяной погремушкой игриво атаковал с тылов, да так целенаправленно!

Клава раскраснелась, под льющуюся из спрятанных за драпировками динамиков мелодию стала танцевать откровеннее, шагочек за шажком приближаясь к ждущему ее нагу.

Погремушка, измазавшись в соках в одном жарком местечке, переместилась назад, словно сама имея глаза, точно нашла другую точку интереса, стала там гладко скользить по кромке входа, возбуждая и дразня. Хотя куда уж дальше возбуждать суккубу? Она и так была

давно готова.

Клава с коварной улыбкой обняла нага за талию. И растегнула килт, давно ее начавший раздражать. Под соскользнувшей вниз тканью нашлось искомое: чешуйчатая жесткая кожа раскрылась щелью, вероятно, в спокойном состоянии сомкнутой и незаметной. И оттуда выдвигалось нечто впечатляющее.

— Это что? Как это? — забыла о танцах Клава, пригнулась, чтобы рассмотреть.

На первый взгляд ей показалось, что у нага два члена, у основания сросшиеся друг с другом: один сверху, маленький и острый, а ниже нормальный, обычный, длинный и толстый. Она даже тронула пальчиком верхний — нет, не колется, не режет кожу, но всё равно жесткий, как кость, и напоминает по форме лезвие открывашки для консервных банок.

— Этот отросток нужен для того, чтобы половые щели нагини не закрылись в момент спаривания и не отрезали любовнику достоинство, — усмехнулся наг.

— О! — уважительно протянула Клава. Значит, она права, это впрямь открывашка.

И ахнула: он наконец-то воспользовался преимуществом в мускульной силе и притянул ее к себе, прижал к бронзовому торсу. Поцеловал в губы, словно прося подтвердить разрешение. И она ответила, конечно же.

Как оказалось, из этой открывашки для змеиной шкуры получился превосходный стимулятор для клитора, принесший Клаве немало приятных моментов. К тому же погремущка на кончике хвоста идеально ввинтилась своими шаровидными сегментами в попу суккубы, выдавливая из Клавы стоны и сладкие вскрики, которые наг с упоением собирал губами с ее припухших губ. А член... Он вошел туда, куда нужно, и двигался так, как нужно было обоим.

Жаль только, что закруглились они довольно быстро — слишком оба были распалены предшествовавшей фотосессией.

Клавдия ощутила себя настоящей принцессой, когда на пороге, прощаясь, наг поцеловал ей руку на старинный манер. Только кареты не было или хотя бы такси, пришлось пешком прогуляться. Впрочем, размяться и подышать воздухом после хорошего секса было приятно, освежало... И всё же чего-то не хватало. Чувствовалось какое-то внутреннее неудовлетворение.

Подумав еще немного, Клава снова свернула не в сторону дома.

Остаток вечера она решила посвятить спорту. Ну, как спорту — полюбившимся единоборствам. Гном-тренер не удивился ее позднему звонку, разрешил прийти, тщетно пряча собственную радость. На этот раз суккуба не стала прикрываться фартуком, а нацепила галстук от мужского костюма, держась за который мастер имел удовольствие посетить ее лоно, лицом уткнувшись между грудей.

Возможно, такое положение оказалось менее удобным для тренировки. Или из-за того, что гном позвал в этот раз второгодок, умеющих контролировать себя куда лучше прошлых соперников, проиграл их «тандем» в общей свалке довольно быстро. Или всё случилось, потому что наученные опытом первоодок эти парни сразу напали на Клавдию без формы, то есть совершенно обнаженными. А при виде множества готовых к атаке «орудий» суккуба невольно стала тормозить, тут уж мастер оказался бессилён что-либо сделать.

Впрочем, ни мастер, ни сама она не особо огорчились скорой капитуляции. Суккубу уложили на бочок прямо на татами: пока гном наслаждался ее телом спереди, сзади ее тщательно и совкусом брал какой-то особо искусственный студент. После пары эльфов и нага

с его игривым хвостом Клаву такое двойное проникновение не пугало, напротив, ей опять казалось мало. Мало! Она сама ухватила следующего страждущего — приподнявшись на локте, поверх головы тренера потянула член студента в рот.

Когда и как кончил с нею гном, Клава не заметила. Она вообще смотрела на окружающий мир сквозь ресницы, сквозь слезы бездумного наслаждения, дрожащие под полуприкрытыми веками. Парни вокруг боготворили ее! Второгодки, не такие нетерпеливые, как прошлые ее «противники», брали ее сразу по двое, меняясь спереди и сзади, следующие в ожидании своей очереди пользовались ртом и руками суккубы, мяли ее груди и гладили ягодицы. Она купалась в лучах обожания, отдавалась их ласкам без сомнений и размышлений.

Командными усилиями им удалось заездить ее до потери сознания! Пусть тень какого-то непонятого неудовлетворения продолжала гнездиться в ее груди — всё же это было прекрасно...

19

Кажется, Клава начала привыкать к своей работе. Даже как-то втянулась, стала уверенной и немного властной дамой — себе на удивление.

— А тебе точно есть восемнадцать? — строго прищурилась она, окинув недоверчивым взглядом нового клиента. Мало того, что ростом мал! И глазаст. Так еще и подозрительно хихикает!

— Наша раса взрослеет раньше, чем люди, не волнуйся, тётя! — заверил ее парнишка. И снова хихикнул в кулачок, да так выразительно, что Клава решительно развернулась, чтобы идти прочь: пусть у нее будет невыполненный заказ, но не штраф за совращение несовершеннолетних.

— погоди! Стой, кому говорю! — заволновался коротышка. Спрыгнул с крутой ступеньки, ухватил суккубу за руки и потащил в свою берлогу. — Я тебе документ покажу, если не веришь, корова упёртая.

Клава оскорбление пропустила мимо ушей. Она еще посмотрит, что у него там за документы такие!

Этот прохиндей ей не понравился с первого взгляда. Не из-за роста, были у нее и мельче любовники, а этот дотягивает макушкой ей до ключиц. И не из-за телосложения: ноги короткие, колесом, туловище вытянутое, грушей. Грудь узкая, впалая, а животик «пивной». Ступни, как ласты, пятидесятого размера с лишним. Руки худые, до коленок дотягиваются, кисти крупные, пальцы длинные и проворные, как паучьи лапки. Плечи узенькие, покатые, шея тощая, тоненькая, а голова здоровая такая! Без ушей. Яйцеобразная и лысая, как коленка. Всё остальное тело, покрытое кожей нездорового серовато-голубого цвета, также было совершенно безволосое, даже ниже пупка не было дорожки, полагающейся взрослым парням. А видно Клаве было всё отлично, так как встретил он ее в одних только шортиках на босо тело, типа «семейники» на слабой резинке низко на бедрах. Лицом парнишка тоже не вышел: нос только намечен бугорком и двумя дырками, рот маленький, безгубый, зубки виднелись острые, язык черный, длинный и узкий, как хвост змеи. Зато глаза, пусть без видимых век, ресниц и бровей, просто огромные — каждый в четверть мордочки шириной! Черные совершенно, не разобрать ни зрачка, ни белка, ни радужки.

Жил этот синюшный парнишка на границе городского парка в персональном фургончике со ржавой крышей, утыканной антеннами и спутниковыми тарелками. Клава не понимала, где он вообще нашел фургончик, ведь здесь во всём городке, на всей территории

Академии и Школы она до сих пор не видела ни одного автомобиля и тем более автобуса, грузовика или, не дай боже, трамвая. Этот же обжил «дом на колесах», точно стащил его из американской комедии про скрывающихся от ФБР пришельцев.

— И какой же ты расы, скажи, пожалуйста? — хмыкнула она, позволив втянуть себя в фургон через узкую низкую дверцу, напоминающую люк.

Внутри сего скромного жилища было, как и ожидалось, тесно. Потолок низкий — Клава сразу приложилась темечком при попытке выпрямиться в полный рост, поэтому пришлось сесть в продавленное старое кресло, покрытое вытертым пледом. Развернуться вширь здесь тоже было негде — стены без окон увешаны разнокалиберными мониторами древнего образца (такие даже в Клавином мире уже считались устаревшими), вместо тумбочек и прочей мебели жужжали системные блоки, перемигиваясь диодами, разгоняя ветер дребезжащими вентиляторами.

— Я из гоблинов, кхи-хих!

— Ага, так я и поверю, — проворчала Клава. — Скорее ты из школьного клуба любителей радиотехники.

— Ну, и это тоже, — охотно закивал своей большой головой коротышка.

— Ну? Я жду удостоверение личности! — поторопила она его.

«Пришелец» занял свое, по-видимому, постоянное место — вертящейся кресло на колесиках за письменным столом перед стеной мониторов с самым четким изображением.

— Одну секундочку! — возвестил он. Крутанулся на стуле, красуясь, затем припал своим сплюснутым носом к допотопной клавиатуре и с пулеметной скоростью что-то набрал мелькающими паучьими пальцами. Тотчас застрекотал принтер и выплюнул листок с распечатанной анкетой.

— погоди, если ты так хорошо разбираешься в технике, то почему парни не позвали тебя настраивать компьютерный класс?! — осенило Клаву.

— Ну... — протянул коротышка, отводя черные глаза в сторону. — Они позвали бы. Но так получилось...

— Тебя выгнали из клуба? — догадалась Клава.

— Я сам ушел, — отрезал, надувшись. Выглядел он при этом забавно.

Клава внимательно просмотрела анкету, ища упоминание о возрасте. Ее коммуникатор добросовестно и ненавязчиво накладывал поверх листка голограмму с переводом текста.

— погоди! — поймала она нестыковку. — Тут же написано, что половая и общественно-моральная зрелость в твоем случае наступает с тридцати пяти лет. А до твоего дня рождения еще полгода! Значит, ты пока еще несовершеннолетний? Ты собирался меня обмануть?

Она, возмущенно потрясая перед его лицом бумажкой, резко вскочила — и тут же плюхнулась обратно, со стоном схватившись за ушибленную о низкий потолок голову.

— Ой, не ту версию файла распечатал, упс, — изрек «пришелец». Выхватив у нее из рук листок, пробормотал: — Ты ничего не видела, сейчас всё поправим.

— То есть как поправим?! — еще больше возмутилась Клава, однако вскакивать снова остереглась, протестующее закрипела расшатанным креслом. — Ты чего там мутишь, а?

— Ничего особенного, просто залез в базу данных Академии, — честно выдал коротышка, увлеченно нащелкивая что-то на клавиатуре.

— Это незаконно! — понизила тон Клава, растерявшись.

— Я же никому ничего не делаю плохого, просто поправляю закравшуюся ошибку в

собственном досье, — хихикнул прохиндей.

— Да ты!.. Да я!.. — не нашла со словами Клава.

— Согласись, это ведь право каждого студента и гражданина — знать в точности, что там про тебя написала в служебной анкете директриса? — оглянулся на нее несовершеннолетний хакер. — Вдруг они про нас там гадости какое-то пишут, а?

— погоди, ты про всех там можешь прочитать? — уточнила суккуба.

— Ага! — хвастливо задрал ноздри к потолку «пришелец».

Он показательно щелкнул клавишей — и на мониторах высветилось досье на Клаву. Похлопав глазами, она заметила мелькнувшие пункты: вес, рост, размер одежды, предпочтения в питании... И фотография ее испуганной глупой физиономии во весь экран. Снято сразу же после ее появления в этом мире, вон и бретельки пижамной майки виднеются.

— Предлагаю тебе взаимовыгодное сотрудничество! — объявил коротышка. — Я тебе информацию, а ты мне — минет. И оба останемся довольны! Как тебе? А если у тебя будет много вопросов, тогда еще дашь пощупать сиськи.

Клава нахмурила брови, подпустила строгости в голос:

— Какой-токой информацией ты собираешься меня купить? Сплетнями, которых в любом интернете можно нарыть терабайтами?

— Чем? Это что за лопата такая странная? — не понял коротышка. Видимо, в их сети информацию рыли в каких-то других единицах веса. Или он сам страдал бессистемным образованием.

Не дождавсь толкования непонятого слова, он победно ухмыльнулся и вывел на экран новое досье — на Флафа.

— Вот этим! Я знаю, ты хочешь многое о нем узнать. Я прав, тётенька суккуба? Хех!..

Клава сглотнула. Сложила руки на груди.

— С чего ты взял? — спросила сухо.

— А с того, — торжествовал коротышка, — что у тебя в анкете написано вот это!

Снова негромкий стук клавиш — и на мониторах крупная надпись:

«Личные симпатии: тайно влюблена в Флавиана И.»

— Что за ерунда! — возмутилась Клава до глубины души, стукнула себя кулаком по коленке. — Ничего подобного! Кто это за меня решил? Кто это такой умный нашелся?!

— Сирена, конечно, — пожал узкими плечами «пришелец». — Это ее закрытые рабочие файлы, она их сама же и заполняет.

— Директриса? — захлопала глазами Клава.

— А ты знаешь другую русалку в Академии? Я нет.

— Но с чего она решила...

— Она хитрая селедка, ей виднее, — отрезал коротышка. Потребовал ответ: — Ну, так что? Сделка? Будет мне минет? Есть мне смысл править свою анкету или ты у нас идейно против малолеток?

— Нет, подделка документов — это преступление, — вздохнула Клава. Коротышка пригорюнился от ее серьезного тона, поэтому она заторопилась объяснить: — Лучше скажем так: я считала, что записаться ко мне на свидание могут только половозрелые особи, поэтому даже не спросила тебя о возрасте. К тому же тебе была необходима срочная корректировка энергопоток, правильно?

— Верно-верно, тётенька суккуба! — обрадовался тот. — Мне очень надо, ну просто

горю!

Вскочил со стула и сдернул шорты вниз до кривых коленок.

Клава с интересом поглядела на причинное место и хихикнула — свистулька, иначе не назвать.

Он обиделся, сел, не подумав подтянуть штаны обратно, крутанулся к мониторам и пробурчал:

— Вообще-то, так оно и есть: записаться к тебе на сеанс энерготерапии разрешается только половозрелым самцам, не имеющим зарегистрированных брачных отношений или получившим разрешение супруга. Мне пришлось попотеть с настройками аккаунта, чтобы найти лазейки в системе и легально обойти запреты.

— У, намучился! — фыркнула Клава.

— Так что? Нужна тебе секретная информация или нет? — повысил он тон недовольства. — Если нет, то вали отсюда, я лучше порнушку себе включу и подрочу в свое удовольствие!

И он включил, паршивец! Такую порнушку, что у Клавы челюсть отвисла.

— Это как?.. — выдохнула она, подавившись воздухом. — Это что за безобразие?!

— Вязка оборотня и суккубы в кабинете директора, — растянул рот до отсутствующих ушей коротышка.

Клава глазам своим не верила: ее акробатические упражнения без трусов засняли на скрытые камеры слежения! Черно-белое изображение, снимали из-под потолка, зато из всех четырех углов помещения одновременно, так что неизвестные мастера видеомонтажа сляпали клип из самых сладких кадров.

— Это что! — протянул коротышка, довольный ее реакцией немого ошарашенения. — А еще вот такой ролик по сети бродит, еще популярнее.

И паршивец включил на все экраны запись лекции о человековедении для нелюдей, где суккуба изображала наглядное пособие. Клава и не подозревала, что вела себя там настолько пошло! Вон, прогибалась, разводила руками попушопия, спереди тоже всё показала, а потом еще стояла и откровенно балдела от того, что ее щупает в разных местах длиннющая очередь студентов-монстров. И всё это опять-таки ловко нарезанное по кадрам, поданное с режиссерским шиком, да под проникновенную, отлично подобранную музыку.

— Ох ты ж блин, нихрена себе, ё-моё... — пробормотала Клава на одном выдохе.

— Годная порнушка!

Коротышка не терял времени, принялся под столом наяривать себе кулаком, да так активно, что Клава побоялась, как бы не оторвал свистульку-то. Не зная сама, зачем она это делает, от смущения ли или уже чисто машинально по привычке, суккуба подтянула к себе его стул на колесиках, шлепнула его по рукам, так что тот отдернул кулаки, ойкнув от неожиданности — и сама взяла в рот, плотно обхватила губами его серо-синюю фитюлилку, взялась «насвистывать».

— Ты это... Оуу!.. Ты не думай, — пыхтел «пришелец», дергаясь на стуле, словно наехал на голый электрический провод. — Я всё равно все эти ролики выловить в сети не смогу. Не надейся! Уу-ы!.. Щас кончу-у!..

Клава глотать семя побрезговала, больно ее цвет кожи смущал — мало ли какого вкуса окажется сперма. Довела дело до конца рукой. Впрочем, клиент остался всё равно доволен: буквально растекся на стуле, обвиснув всеми конечностями, запрокинув голову к потолку и прикрыв глаза. Правда, блаженствовал так меньше пары секунд, Клава даже не успела

собраться с мыслями.

— Кайф-фф!.. — объявил коротышка, встряхнулся всем телом. И, ухватившись за край рабочего стола, притянул себя обратно к клавиатуре, застучал команды.

Еще пара секунд растерянности — и Клава непонятливо заморгала на мелкоячеистую сетку фотографий с девичьими лицами, смотрящими в объектив строго, смущенно, спокойно или кокетливо.

— Кто это? — уточнила Клава.

— Все клиентки инкуба Флавиана за прошедший год, — пояснил коротышка. Щелкнул клавишей, и некоторые из портретов подсветились, в то время как большинство ушло в тень. — А это те, с кем он имел сексуальный контакт.

— Примерно каждая девятая, — прикинула Клава. И вспомнила, как брыкался пони-кентавр под нею: «Только каждая девятая после третьего свидания приглашает зайти к себе домой на чашку чая!»

— Ну да, примерно, — кивнул «пришелец». — Девки ведь не то что парни, всё выбирают себе хахалю лучше, всё присматриваются, всё кобелятся. Нашему брату что надо для счастья?

— Минет и сиськи пощупать, — фыркнула Клава.

— Вот-вот! — закивал коротышка. — А этим фифам надо кафешки, цветуёчки и обнимашки! А даст ли хоть разок вообще в конце концов, хрен разберешься! Тьфу!

С одной стороны суккубе было неприятно смотреть на эти лица, которые прежде были для нее лишь теоретическими соперницами, а теперь приобрели реальные черты немалого гарема. С другой стороны, она ощутила явное облегчение от того, что Флаф с большинством из этих девиц лишь играет в хоста, эдакого кавалера для приятного времяпрепровождения и болтовни по душам. А с третьей стороны — обидно! Ей-то приходится с каждым желающим заниматься сексом, зачастую без всякой романтики, без предварительных свиданий, флирта и долгих разговоров. Грусть-печаль — доля суккубья!

— И зачем ты мне это показываешь? — уточнила Клава. Теперь голова работала ясно, выгода от сотрудничества с коротышкой представлялась очевидной. И суккуба демонстративно расстегнула верхние пуговицы на воротнике блузки.

— Ну, я подумал, вдруг тебе интересно будет, — сглотнул голодную слюну «пришелец», пожирая черными глазищами-фарами шею в воротнике.

— Хм... — протянула Клава.

Провокационно развела колени пошире, а так как сидела она на продавленном кресле низко, то под натянувшимся подолом юбки можно было бы увидеть трусики, если, конечно, сесть на пол и посветить фонариком. Коротышка не догадался, как надо правильно подсматривать. Он, не слезая со стула, стал просто шею выворачивать, что при огромных размерах и значительной тяжести его яйцеобразной головы было опасно минимум вывихом, максимум сломанным позвоночником.

— А что еще ты можешь мне показать? — вкрадчиво спросила Клава. Не выдержав такого зрелища, схватила его за подбородок и заставила выпрямить шею.

— Ой! — недовольно сказал он, хрустнув вставшими на место позвонками.

Оказалось, рассказать ей и показать доморощенный хакер мог многое благодаря безнаказанному лазанью по закрытым секторам сети Академии.

Для начала они проверили личное дело Флавиана. И пусть коротышка глумливо хихикал, Клава вычитывала досье с напряженным интересом вовсе не из-за тайных

симпатий, приписанных ей русалкой. Инкуб оказался совсем не так прост, как хотел казаться! Собственно, согласно анкете, на роль инкуба он подходил на натянутые шестьдесят три процента, тогда как Клава идеально вписывалась в образ на все девяносто пять. Учился он отлично, в срок получал зачеты и успешно сдавал экзамены, при этом появлялся на лекциях и практических занятиях крайне редко. Так что его присутствие на той самой лекции по чернокнижию, где всем классом умудрились призвать Клаву — это было исключение из его правил, большая редкость.

Графы анкеты о его родном мире, о семье и родителях, о хобби, предпочтениях и планах на будущее сияли пустотой.

— Когда он только появился в Академии посреди учебного года, — принялся взхлеб рассказывать коротышка, — он был отщепенцем похуже меня! Откуда он, с каким даром магии — ни слова из него нельзя было вытащить. Никогда бы не подумал, что это серый заурядный тип станет инкубом!

Клава фыркнула в кулачок: уж кто бы говорил о серости.

А потом Флафа приветила Сирена, и парня как подменили. По словам возмущенного коротышки, за невзрачным инкубом принялись увиваться все девчонки в Академии и даже некоторые преподавательницы и парни.

— Почему? Почему он? Он же никакой! Да таких на твоей Земле пачки! Вагоны! Цистерны! — раздухорился «пришелец» от праведной зависти.

Пришлось Клаве, чтобы не отвлекался, расстегнуть еще пару пуговиц.

Коротышка заткнулся, посверлил ее бюст чернящими немигающими глазами и вернулся к делу.

Со временем Флавиан освоился в Академии, завел постоянных клиентов, клуб поклонниц, научился правильно себя подавать и корректно реагировать на внимание окружающих. Спустя полгода его было не узнать даже на фотографиях — превратился из провинциала в принца! Он обзавелся друзьями, такими же одиночками, как он: Вильгельм — слишком светлый для детей ночи, Эдди — слишком тихий для табуна кентавров, Василий — сладкоежка, на самом деле не переносящий алкоголь.

Не имея терпения усидеть на месте, Клава поднялась с кресла, подошла к столу и встала рядом с его стулом. Руки так и чесались отобрать клавиатуру и самой пуститься в серфинг по ссылкам, однако, к сожалению, она понимала, что ничего в этом не понимает, без специалиста ей никак не обойтись.

— А что за тайна с прошлогодними исчезновениями девушек? — спросила она. — Есть в сети об этом информация? Можешь поискать?

— Да что искать!

Он раздосадовано махнул рукой и словно ненароком задел ее бюст. Клава усмехнулась, поймала его длиннопалую ладонь и положила себе на грудь, для воодушевления.

«Пришелец» сглотнул. И впрямь воодушевился — затараторил еще быстрее, так что иногда понять было сложно из-за проглоченных слов.

Действительно, в прошлом году произошел странный случай. Эдди ей не наврал, рассказав о пропавших на неделю студентках и преподавательницах. И если прогул студенток можно было бы объяснить дружным побегом на самовольные каникулы, то учительницам такое легкомысленное поведение было, мягко говоря, несвойственно, ведь грозило бы не просто плохой оценкой, а выговором от директора или даже увольнением. Взрослые люди вообще редко без предупреждения срываются с места и бросают работу, не

подписав отгул или больничный и тем более не купив проездной билет хотя бы в одну сторону.

И тем не менее ни единого документа в сети по вышеозначенным «пропаданкам» не было. Кроме одной: у мисс Пумы на этот период значилась командировка на тему «Практика новых способов поднятия големов и вселения души». Рядом пометка: «Эксперимент успехом не увенчался, технология требует доработки и замены энергетического источника».

— Погоди! — поморщилась Клава от пришедшей на ум мысли. — Если все пропавшие были клиентками Флафа, то неужели и Пума?..

— Нет-нет! — захихикал коротышка. — Ничего у них не было, кроме приятельских отношений. Я сам об этом подумал и какое-то время следил за ними по камерам безопасности. Знаешь, сколько таких скрытых камер по всему городу? Никто ничего не утаит от ока администрации! Ну, и моего заодно.

— Да, — недоверчиво хмыкнула Клава, — никто и ничего. Кроме того, кто устроил «новую волну» исчезновений.

— А, это да, это есть такое, — вынужденно согласился хакер. — А можно я тебя за попу потрогаю?

— Одной рукой! Одна рука на клавише, вторая на Клаве!

— Чего? — не понял каламбура «пришелец», ибо на его родном языке клавиатура называлась иначе. Клава не стала терять время на объяснения шутки.

Пока коротышка жамкал ее одной рукой то за попу через юбку, то стеснительно лапал за грудь через блузку и лифчик, свободной рукой он продолжал тарабанить по клавишам, ничуть не потеряв в скорости. По просьбе Клавы он снова залез в засекреченный сектор сети Академии и проверил личные дела всех ее знакомых и любовников.

Как она и предполагала, в анкете на крылатого Михаэля значилось, что парень погиб при несчастном случае, а тело «передано специалисту для восстановления жизненных функций». И рядом пометка: «Восстановление проведено успешно, память объекта и личностные качества сохранены в полной мере». Подписано мисс Пумой.

Клава вздохнула с облегчением: хотя бы в этом Сирена ее не обманула. Однако больше пометок не было — ни о том, куда отправили парня, ни о том, где он проходит реабилитацию после восстановления. Словно умер, воскрес и испарился без следа.

Не лучше обстояло дело с остальными: Вильгельм прошел контроль личного транспорта на въезде-выезде с территории Академии задним числом. То есть сперва уехал, а потом как бы вернулся и махнул коммуникатором перед считывающим устройством магического шлагбаума.

Василий удрал на внезапные каникулы, схлопотал двойку на пропущенном экзамене — и лишь после этого подал заявление на академический отпуск по семейным обстоятельствам. Заверено заявление было самой директрисой и подано, кстати, с ее персонального адреса.

Вольф, незабываемый волк-оборотень, внезапно подал в отставку и переехал, не оставив нового адреса.

Клава еще могла поверить, что два ее эльфа, «два веселых гуся», сразу же после их тройного свидания вчерашним же вечером собрали вещи и улетели в свадебное путешествие. Но что и Эдди быстро подхватился и через пункт телепортации отправился в гости к родителям посреди учебного года, не дождавшись хотя бы выходных — это она отказывалась

понять. Тем более запись об отправке зарегистрирована на полдня позже, чем якобы была произведена. Персонал такой забывчивый попался? Что-то крайне сомнительно. Наг, специалист по гипнозу, вообще умудрился нынешним утром сесть на поезд за полчаса до открытия вокзала.

Втройне подозрительно выглядел спешный отъезд клуба боевых искусств во главе с тренером-гномом. Во-первых, по словам всезнающего коротышки, никогда раньше они не выезжали на соревнования полным составом, брали только лучших ребят, которые имели шанс выиграть у соперников. А тут даже первогодок захватили с собой — не иначе как в группу поддержки, чтобы болели за своих на трибуне.

— Я искал этот студенческий чемпионат, на который они сорвались, — продолжал хакер, — прикинь, так и не нашел! Во всей всемирной паутине, во всей вселенной никто не слышал ни про такие игры, ни про универ, их организовавший. Такое впечатление, что они в черную дыру рванули. Кстати, вот в черной дыре им спортивная форма точно не понадобится, видимо поэтому они все шмотки отправили оптом в прачечную и забрать обещали завтра перед тренировкой, которую забыли отменить. Вот копия квитанции, смотри.

Клава кивнула. Уж что, а испачкать спортивную форму спермой она им помогала сама.

Выходило, что пропадали именно те, кто имел дело с Клавой.

Все подряд, кроме Флавиана.

А информация, объясняющая их исчезновение, вносилась задним числом в сеть с адреса директрисы. Клава мысленно сделала себе пометку выяснить, есть ли у Сирены помощник или секретарь. Может быть, у русалки завелся тайный недоброжелатель, который действует за ее спиной и хочет сместить с директорского кресла?

Но если так, то почему выбрали связь с Клавой в качестве повода для отбора жертв? Суккубе оставалось только надеяться, что все эти исчезновения, как и в прошлом году, не принесут похищенным серьезного вреда. Но всё это выглядело крайне неприятно и очень ее расстроило. Складывалось четкое ощущение, что ею пользуются, как разменной фигурой в непонятной игре. И до сих пор даже не соизволили поставить в известность, ради чего это всё проворачивают за ее спиной!

От всех этих открытий на сердце стало погано. Лучше бы ей в лицо наговорили гадостей, чем так втихую ею играть, как вещь, подкидывая из постели в постель к заранее выбранным парням. В подтверждение ее мыслей коротышка хакер продемонстрировал метки, оставленные на заявках в списке на прием к суккубе: первые несколько кандидатур подтверждены Флавианом, остальные, кроме самого хакера, подтвердила Сирена.

— Не боишься теперь, что тоже пропадешь? — невесело улыбнулась Клава «пришельцу».

— Поучаствовать в тайном всеакадемическом заговоре? — радостно переиначил тот. — Да я только «за» обеими руками! И членом, хе!

Голосующий член Клава оценила по достоинству, вознаградила дополнительным минетом. Всё же полноценно соблазнять парня она опасалась, впрочем, он и не просился в ее лоно, ему с лихвой хватало того, что она соглашалась ему дать.

Пока суккуба старалась под столом, вдохновленный коротышка по ее просьбе сопоставил предположительные даты исчезновения каждого пропавшего с видеозаписями с камер наблюдения на центральной площади. Камер этих там было развешано немало, так что обоим пришлось хорошенько потрудиться.

К сожалению, тщательная сверка видеоархивов не принесла желанных ответов, напротив, подкинула новые вопросы.

В ночь, когда с башни свалился Михаэль, камеры регистрировали безмятежное спокойствие пустынной площади. Никто подозрительный — да и сам ангел! — возле башни не показывался. Словно он и не прыгал на копыта ограды.

— погоди, а как же замеченные свидетелями метания стрелок на башенных часах? — вспомнила Клава.

Они прокрутили записи еще раз — тишь да гладь. Стрелки на всех четырех циферблатах вели себя чинно и вперед-назад не прыгали.

Клава попросила показать следующий день, когда она и Пума опрашивали местных жителей и хозяек тамошних магазинчиков. Камеры послушно продемонстрировали искомое.

— Ой, какая я всё-таки толстожопая, — вслух подумала Клава, поглощенная просмотром. И тут ее осенило: — Ну-ка, что это там, в витрине той лавочки?

Вдвоем с хакером они сверили две записи, от ночи и от следующего полудня. Нестыковки действительно нашлись, Клаве не примерещилось: витрины большинства лавочек были оформлены иначе, чем днем. Они отмотали на предыдущий вечер — то же самое, что и в полдень. А ночью почему-то иначе, словно все хозяйки дружно маялись бессонницей и зачем-то переставляли товары и аксессуары эдак, а потом по-старому.

— Неа, это ночью всё стояло по-старому, — понял коротышка. — Это записи двухлетней давности! Вот только два года назад камеры на площади были установлены другого типа, и записи невозможно просто незаметно подменить.

Он для сравнения показал Клаве архивное видео с тем же числом и временем, но сделанное два года назад. В самом деле, картинка была куда хуже, редактируй до посинения, а такую хорошую, как на новых камерах не получишь.

— Как будто там не видео заменили, а саму площадь выдернули на час из прошлого! — воскликнула в досаде Клава.

— Мы же в Академии магии, здесь всё возможно, — пожал узкими плечами коротышка, заставив суккубу задуматься.

— Из-за сдвига времени и прыгали стрелки башенных часов? — не поверила она собственной догадке.

— Когда прыгали стрелки, кое-кто замечал на площади фигуру, смазанную, как на плохом снимке, — поддакнул хакер.

— Поэтому и смазанную, что одна нога здесь, а вторая два года назад, — вздохнула Клава. — Может, и не было никаких похищений? Может, это такая местная магическая аномалия? А все пропавшие просто переброшены на неделю вперед в будущее.

— А кто ж знает, — снова поддакнул коротышка, увлеченно лапая ее бюст наконец-то обеими руками.

— Молодец! Тебе надо на полицейского следователя учиться. Хочешь расстегнуть мне лифчик?

— Еще спрашиваешь! А трусики снимешь?

— Разумеется! Только после твоего совершеннолетия.

— Ы-ых...

20

Полученными сумбурными сведениями Клава не стала делиться ни с Основателем, ни даже с Персиком. Если всё дело в магической временной аномалии, то почему в наличии

столько подозрительных записей в анкетах пропавших? Зачем кто-то пытается замести следы, вместо того чтобы собрать консилиум специалистов и тщательно изучить проблему?

Вечером, измучившись в сомнениях, она явилась к кабинету директрисы. И затаилась под дверь, не рассчитывая что-либо подслушать, но просто не решаясь ответить для себя самой, зачем она здесь: чтобы удостовериться, что у Сирены нет секретаря-злодея? Что она не держит помощников, злоупотребляющих доверием? Что она не потеряла коммуникатор со всеми паролями от секретных баз информации?

Клава колебалась, стоит ли начать за русалкой слежку. Или каким-то иным образом разведать, есть ли у нее в любовниках подозрительная личность? Вряд ли, очень вряд ли. К тому же Сирена влюблена в призрака Основателя, при таком романтическом раскладе она не заведет в кавалера заведомого преступника.

С другой стороны, как правильно начать тянуть за ниточку, чтобы и клубок распутать, и самой не удавиться? Если она начнет барахтаться, не привлечет ли к себе ненужное внимание? От настырных особ, которые задают много неудобных вопросов, обычно предпочитают тихо избавляться, пока те не наделали много шума. Подумаешь — попаданка! Найдут себе другую суккубу, не такую любопытную. Как ее призвали, так и новую выдернут, мало ли дурочек в параллельных пространствах.

Клава поймала себя на ощущении, как будто она тонет в вязком болоте! И не за что ухватиться рукой, чтобы остановить это пугающее погружение. Нет рядом ничего основательного, твердого, что вселило бы в нее уверенность в окружающем мире...

— Ой, а ты чего тут? — распахнула дверь кабинета Сирена. — Спросить что-то хотела? Почему не позвонила? Я всегда на связи, не стесняйся!

— Я... Да нет... Как бы... Ничего такого... — проблеяла застигнутая врасплох Клава.

Сирена, сияя улыбкой праведного удовлетворения от плодотворного рабочего дня, сладко потянулась всем телом до кончика хвоста в своем эластичном водяном шаре, вытянув его на минутку в форме капли. Зевнув и пустив струйку пузырьков, русалка весело предложила:

— А пойдем в бар, пропустим по рюмочке сладенького коктейля! Составишь мне компанию? Или у тебя другие планы?

Клава пробормотала, что планов у нее никаких, даже список свиданий пустует на два дня вперед.

— До пятницы я совершенно свободна! — сказала она и сама же нервно хрюкнула смешком.

Сирена вскинула брови за строгими очками, но расспросы о причинах нервозности отложила до более удобного времени.

— Я просто шла от библиотеки, — попыталась объяснить свое здесь появление Клава, и почти не соврала, так как действительно до этого заходила в библиотеку, чтобы вернуть кое-какие прочитанные учебники, выбранные еще с Василием. — А потом я пошла искать туалет, но заблудилась. И когда нашла знакомый коридор, то обрадовалась и пришла сюда. Вот.

— Как же можно заблудиться при коммуникаторе, в котором есть подробный план Академии? — улыбнулась Сирена.

— Долго ли, умеючи? — буркнула Клава. — Уж в чём, а в заблуждениях я мастер. В заплутаниях...

Русалка посмеялась — и извинилась, что личный туалет при директорском кабинете

суккубе не подойдет из-за повышенной мокроты, так как переделан специально под русалку. Но по дороге к выходу она любезно довела Клаву до общественного туалета, где имелась кабинка для двуногих человекообразных.

Сидя на унитазе, Клава торопливо набрала на коммуникаторе сообщение для Флавиана: «Я с Сиреной, мы идем в бар». В свете найденных в сети улик против русалки суккуба окончательно утратила к директорше доверие. А теперь, когда она вдруг предложила развлечься вдвоем, внутренний голос Клавы просто верещал об опасности. Разум, запутанный и замороженный, не мог предложить никакого внятного выхода, поэтому Клаве оставалось действовать по наитию. И тот же паникующий внутренний голос велел ей хоть как-то подстраховаться, послав сигнал инкубу. А кому еще? Больше в этом мире судьба попаданки никого не волнует. А Флаф почему-то ведет себя так, словно несет за нее ответственность.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — чутко уловила ее настрой русалка, поджидавшая под дверью туалета, никуда без нее не собираясь уходить, против тайных чаяний Клавы. — Может, тебе лучше пойти домой и лечь спать пораньше?

— Нет, всё нормально! Идем в бар! — запротестовала суккуба, мигом воспрянув духом. Если ее теперь хотят прогнать спать, она никуда не уйдет! Это ведь хороший шанс напоить Сирену и попытаться разговорить, вдруг та проболтается о чем-то интересном?

По пути до клуба Сирена без усталости болтала о всяческих банальных проблемах на работе, коих вечно полно у любого человека любой профессии. Клава слушала в пол-уха и сочувствующе охала в нужных местах.

Против ожидания в баре они не задержались надолго. Заулыбавшийся русалке бармен, уже известный Клаве Стив Спрут, тепло поприветствовал дам, смешал им по коктейлю в высоком стакане — оба пришлось взять Клаве. Но пить дамы пошли не за столик.

— Присоединишься к нам? — подмигнула русалка бармену.

Тот оглянулся, ища взглядом среди посетителей своего напарника. Кивнул:

— Идите вперед, я только сменщику своему скажу.

И выложил на стойку ключ с брелком, украшенным зелеными, как бутылочное стекло, стразиками.

Сирена сделала знак Клаве, чтобы та забрала ключ и следовала за ней. Суккуба вздохнула: у нее и так в каждой руке было по полному стакану с зонтиками и дольками фиолетового апельсина. К тому же русалке через толпу тусующихся и танцующих людей и нелюдей пройти было нетрудно — в упругом-то водяном шаре, который просто расталкивал зазевавшихся или хмельных. А вот Клаве пришлось попытаться, чтобы никого не толкнуть слишком невежливо, не попасть кому-нибудь под ногу или копыто и при этом донести коктейли до выхода, не расплескав. Хотя один зонтик всё-таки потеряла, какая жалость.

От дверей клуба они свернули за угол здания, где русалка подкатилась к широкой пологой лестнице, ведущей к входу в подвал.

— Это нора Стива, поплаваем у него, — пояснила Сирена.

«Поплаваем — в смысле зависнем?» — решила Клава. Ей опять пришлось изощриться, ибо открыть замок на двери или подержать стаканы Сирена не могла или не захотела.

Под смех русалки выяснилось, что стразики это и есть ключ с паролем от квартиры, заключенным в информационных кристаллах. А обычный металлический ключ с бороздками и изящным под старину кольцом служит брелоком. Надо было не искать в темноте замочную скважину, а просто приложить кристаллы к дверной ручке.

В подвале оказался влажный воздух, но не с запахом сырой земли сплесенью, как обычно тянет из подземелий, а с соленым привкусом моря. Клава осторожно сошла по лестнице в темноту, пригнувшись и прислушиваясь к собственным гулким шагам. Русалка укатилась вперед, не опасаясь на что-нибудь наткнуться шаром — похоже, часто здесь бывает и чувствует себя, как дома.

Неожиданно зажегся свет — множество неярких огоньков вдоль бассейна, занимающего почти всё немаленькое помещение. Вот откуда запах воды, вот отчего каждый шаг и шорох так отчетливо слышны — звуки отражались от кафельных стен и пола. При включенном освещении блики на воде заиграли ленивыми зайчиками на потолке.

Несмотря на отсутствие мягкой мебели, которую заменяли несколько пляжных шезлонгов, на нехватку окон — вместо них были щели-отдушины под потолком, забранные жалюзи, — всё равно в «норе» Стива Спрута чувствовался какой-то своеобразный уют. Это не был общественный бассейн, пахнущий хлоркой, это было приватное жилище холостяка, куда он возвращался после рабочего дня, чтобы расслабиться.

— Можешь пока осмотреться, — разрешила Сирена, видя интерес на лице суккубы. — Он не будет против, не стесняйся.

Поставив наконец-то на подвернувшийся столик коктейли, Клава прошлась вокруг бассейна, осторожно, стараясь не поскользнуться на гладком кафеле. Вдоль стен было мало вещей, видимо, только всё самое нужное для повседневной жизни: шкафчик со старинным граммофоном и обширной коллекцией пластинок к нему; гамак, сплетенный из толстого каната, подвешенный в специальной нише; книжный шкаф, похоже, герметично закрывающийся, чтобы не портилась бумага, кристаллы и прочие информационные носители. Кухонный уголок выглядел компактно и удобно: с холодильником, столом типа барной стойки, с морозильным ларём, набитым рыбой, с плитой и чайником вроде электрического. В другом дальнем углу была дверь, ведущая в крошечную прихожую, откуда можно было попасть в чулан, приспособленный под гардероб, в туалет с почему-то круглым унитазом с запрятанным куда-то бачком и в ванную комнату с душем и шкафчиком, полным бутылок с лосьонами для чувствительной сухой кожи и кремами от загара.

Когда, быстро утолив любопытство, Клава вернулась к бассейну, Сирена уже «распаковалась» из своего пузыря. Оставив персональный водоем возле входной двери, словно уличную обувь, русалка запрыгнула в просторный бассейн и наслаждалась, плавая из конца в конец в толще воды, не выныривая на поверхность. Клава не могла не заметить, что и одежду свою, вплоть до нижнего белья, русалка бросила в раскрытом пузыре, а волосы распустила. В воде длинные пряди выглядели колыхающейся длинной вуалью, окутывающей ее до блестящих зеркальными чешуйками бедер.

Клава присела на краешек шезлонга, отхлебнула коктейля.

— Что же ты? Иди купаться! — выглянула Сирена.

Суккуба невольно отметила, как изменилось лицо директрисы без строгих очков и без старомодной прически «фигой», она стала казаться моложе вдвое и гораздо милее. Глаза невольно соскочились на красивый бюст русалки, прикрытый лишь прядями волос.

— У меня же купальника нет, — пробормотала Клава.

— Здесь можно без купальника! Нагишом! — засмеялась Сирена. Прицельно плеснула в нее брызгами: — Сбегай в душ и ныряй ко мне. Давай скорее, сейчас Стив уже явится — он полбассейна займет, уж тогда не поплаваешь!

— Да он вроде не кажется таким уж толстым, — проворчала Клава. Но послушно

отправилась в ванную.

Когда она вернулась, смущенно замотавшись в полотенце, хозяин «норы» уже пришел и вовсю стругал бутербродики в кухонном углу.

— Привет, Стёпа, — неловко улыбнулась Клава.

— О, ты уже? Тогда и я быстро под душ — и мигом назад! — радостно объявил он, выставив большую тарелку с закусками на стол-стойку.

— Шустрее, я жду! — капризно поторопила русалка из воды.

— Да, моя принцесса! — усмехнулся Стив. Вышел из-за стойки и прошествовал к двери, чпокая по кафелю крупными присосками перекатывающихся мощных щупалец.

Впечатленная, Клава плюхнулась на подвернувшийся кстати шезлонг:

— Он что, осьминог? — шепотом уточнила она у хихикающей русалки, вдруг глаза ее обманули.

— Стив Спрут? — весело переспросила Сирена, высунувшись из воды и облокотившись о бортик. — А ты как думаешь?

— Ну... — промычала Клава.

Русалка игриво потянула за край полотенца, и оно предательски легко сползло с Клавы, оставив совершенно голой.

— Если не веришь, можешь сама пересчитать его ноги, он будет рад тебе всё показать, — предложила Сирена. Провела мокрым пальчиком с острым, пусть и коротко остриженным ногтем по внутренней стороне бедра суккубы, раз коленки той были так завлекательно широко расставлены из-за низкого сидения шезлонга. — О, какой мне тут соблазнительный вид открывается! Ты здесь выглядишь такой нежной, розовой, мягкой, аппетитной — так и хочется укусить! Или хотя бы лизнуть, попробовать, соленая ли у тебя там слизь...

Вспыхнув, Клава не нашла лучшего выхода, как спрыгнуть в бассейн. Так она хотя бы будет на одном уровне с русалкой.

— Ты плавать-то умеешь, попаданка? — громко спросил возвратившийся к ним Стив, мокрый, ибо какой смысл вытираться, и благоухающий гелем для душа.

— Не очень хорошо, но утонуть не должна, — заявила Клава с вызовом.

— Ну, что ты! Мы не допустим трагедии, это была бы большая потеря для всей Академии. — Хмыкнув, русалка щелкнула пальцами, и Клава ощутила вокруг лица и головы какое-то легкое давление воздуха. — Теперь попробуй нырнуть?

Клава, неуклюже болтая ногами, нырнула. И под водой обнаружила на своей голове большой прозрачный пузырь воздуха. Этот пузырь позволял ей держать глаза открытыми и свободно дышать. Магия и чудеса, одним словом.

— Как здорово! — воскликнула она, вынырнув, отчего пузырь стал невидимым.

Сирена кивнула, показывая, что всё идет по задуманному ею плану.

Пока Клава испытывала свой волшебный «скафандр», Стив переместился в другой конец помещения — открыл входную дверь, чтобы впустить нового гостя.

— Развлекаетесь? Я не помешаю? — под наигранным весельем инкуб явно пытался скрыть напряжение.

— Ты чего такой натянутый, как медуза на якоре? — хохотнул осьминог, дружески хлопнув его по спине от всей души, чтобы расслабился. — Присоединяйся! Дамы не против, полагаю?

От щедрого удара Флаф по инерции сбежал с лестницы и едва успел затормозить перед

бассейном.

— Отнюдь! — проворковала Сирена, подплывая к бортику. Быстро высунувшись из воды, она ухватила не успевшего отпрыгнуть инкуба за лодыжки — и опрокинула его в бассейн с фонтаном брызг.

— Чем больше участников, тем оргия веселее! — захохотала русалка. С легкой ностальгией поведала: — У меня на родине в сезон нереста все взрослые особи сбивались в одну стаю и резвились в теплых волнах до рассвета!

— В теплых волнах из икры и молоко, угу, — поддел приятельницу Стив.

— А сам-то? — в шутку возмутилась Сирена, принялась бить хвостовым плавником по воде, стараясь окатить осьминога волной повыше. — Мужчины твоего народа вообще извращенцы. Клава, представляешь, эти маньяки своим женщинам дарят вместо букета цветов или пучка селедки собственные оторванные щупальца! Фу!

— Фу! — согласилась Клава.

К счастью, ей некогда было проникнуться садизмом описанной картинке, ибо сперва нужно было помочь опрокинутому инкубу понять, где верх, а где дно, а потом отбуксировать его к бортику, чтобы дать откашляться и отдышаться. Там она его и раздела, выбрасывая промокшую одежду за бортик на пол, всё равно кафель был сплошь покрыт лужами.

— Неправда! — возмутился осьминог, осторожно забираясь в бассейн, чтобы не расплескать лишних брызг и не задеть кого-то ненароком длинными щупальцами. — Послушать тебя, так мы членовредители и спариваемся с кем попало. Такой подарок мужчина преподносит только в первую брачную ночь, когда у обоих молодоженов самые серьезные намерения завести семью. И не оторванное с мясом щупальце ноги, а специально отстреливающийся кончик полового органа с гигиенично упакованным в одноразовый мешочек семенем.

— Ага, орган, который от ноги фиг отличишь! — захохотала русалка. — Членоногий ты мой кальмарчик!

Она снова щелкнула пальцами, чтобы снабдить и Флавиана пузырем-шлемом для дыхания под водой.

И дальше под шуточки и смех расшалившейся русалки началась поистине оргия! Сирена сперва, на глазах у посмеивающегося Стива и мрачнейшего Флафа, обласкала ноги Клавы. Её, рыбохвостую, именно ноги суккубы и волновали только, возбуждали прямо-таки. А Клава косилась на инкуба и только попискивала, когда острые зубки русалки царапали зарозовевшую нежную кожу под коленкой или кое-где в более интимных местах. Сирена крутила Клаву в воде так, пользуясь относительной невесомостью, что та вскоре потеряла всяческую ориентацию в пространстве, с трудом отличала покрытое бликами света дно от волнующейся водной поверхности. Но сильной болью легкие укусы не отзывались, как поняла Клава после глубокого поцелуя в губы, от которого занемел весь рот вместе с языком: в слюне русалки было некое анестезирующее вещество, возможно, слабый парализующий яд, вызывающий подобие опьянения.

Когда же Сирена вдоволь наигралась с ее ногами и раздражила до тяжелого желания то, что между ног имелось, она передала ошеломленную суккубу в руки Стива. А сама уплыла на другой конец бассейна в объятия хмурого инкуба.

— Смотри на меня! Не отводи взгляда! — со смехом приказала Сирена.

И Клава смотрела. Ощущала, как по телу скользят сотни присосок, как ее гладят мужские руки и прохладные щупальца — и смотрела только вперед, на русалку, лопатки и

шею которой целовал инкуб, мял ее груди умелыми пальцами, ласкал живот, спускаясь ладонью ниже — к раскрывшейся ниже пупка щели. Эта щель, бесстыдно алая на фоне зеркально-стальной чешуйчатой рыбьей шкуры, словно загнипнотизировала Клавдию. И еще взгляд инкуба из-за плеча русалки, темный, почти угрожающий.

Между тем и Стивен не терял время даром. Он тоже, прищутив глаза, поглядывал поверх головы Клавы в сторону второй пары любовников, и не прекращал дразнить жаждущее тело суккубы всеми своим конечностями, благо их было много — больше, чем привыкла Клава. Каждую грудь ее обвилось отдельное щупальце, пройдя завитком под тяжелой округлостью, словно изображая экстравагантный бюстгальтер. Кончиками эти же два щупальца легли на ключицы, нежно поглаживая, слегка двигаясь, при этом присоски массировали кожу, а две особенно крупных накрыли припухшие соски, всасывая во влажную прохладу с необычайной силой.

Клава поначалу вздрагивала от непривычных ощущений от прикосновений, но очень быстро привыкла и расслабилась, откинувшись на мускулистую грудь, кажущуюся сейчас такой надежной. Тем более Флавиан рядом, только протяни руку — так чего же ей опасаться? Клава раньше уже отдавалась порывам похоти, купаясь в чужих взглядах. Но почему-то делать это с вездесущим осьминогом в присутствии инкуба оказалось еще более возбуждающим. У нее дыхание срывалось от накатывающего волнами удовольствия, и непонятно было, что ощущалось кожей сильнее — приятно тянущие присоски или колющие взгляды.

Клава зажмурилась только тогда, когда Сирена взмолилась о большем и заставила инкуба войти в нее не только пальцами. Неожиданная молния злости уколола Клаву в самое сердце, скрутив нутро тугим узлом. В затуманенной голове мелькнуло удивление: неужели она так ярко прочувствовала ревность своего партнера? Или это чувство родилось в ней самой?

В тот же момент и Стив, не выдержав долгой прелюдии, проник в тесные отверстия в теле суккубы кончиками щупалец — в рот, в лоно, в анус. Клава вскрикнула бы, но из горла вырвалось лишь сдавленное мычание от кайфа наполненности. Щупальца терлись внутри, массировали присосками обильно смазанную слизистую, продвигались, извиваясь, всё глубже, распирая всё шире. Клава не воспротивилась, когда ощутила, что сзади в нее вторгаются сразу два кончика, изгибаясь, растягивая, расширяя место для третьего, трущегося у чувствительного краешка входа. В лоне также буйствовали два щупальца, кажется, самые толстые, а третье присосками изводило клитор и нежные, припухшие нижние губы.

Руки Стива обнимали ее за талию, прижимая к жесткому мускулистому торсу бережно, но крепко, чтобы она не вздумала вырваться. Но ей и не хотелось. Она чувствовала его скрытую тоску и печальную ревность — и ей хотелось его утешить, дать ему то тепло, которое он заслуживает в ответ на свое неразделенное чувство. Преданность и верность, что осмеяли и отбросили, как нелепые, ненужные, не понятые, нежеланные...

Флавиан первым выбрался из бассейна, сел на бортик, свесив ноги в воду.

Вскоре следом за ним закончили и Клава с осьминогом. Стив посадил обессиленную, но довольную суккубу, сам тоже устроился рядом, позволяя человеческой половине тела обсохнуть, а щупальцами лениво шевеля в воде.

В бассейне осталась плавать кругами только Сирена. Русалка забылась в упоении нереста, скорость же помогала ей сбросить накопившуюся в пазухах рыбьего брюха икру.

— Батюшки, сколько же в ней убирается! — подивилась и пожалела бедняжку Клава. — Как же она это всё таскала-то?

Икринки, полупрозрачные шары размером с теннисный мячик, заполнили всю емкость, паря в завихрениях течения и перемешиваясь, словно праздничное конфетти, рассыпанное горстями, или как пенопластовые снежинки в стеклянном пресс-папье.

— Она сбрасывает икру обычно раз в год, — с легкой печалью произнес Стив, поймав рукой пару икринок, подплывших к самой поверхности. — Когда становится неважно, она приходит ко мне.

Клава сочувствующе вздохнула. Тихонько придвинулась к молчащему инкубу, положила голову ему на плечо — утомившись просто сидеть, якобы чтобы лучше видеть продолжающийся танец одинокой русалки.

— Теперь на целую неделю я лишен собственного бассейна! — вздохнул еще горше осьминог. — Не смогу прочистить и сменить воду, пока это всё тут будет плавать. Зато потом засолю в банках — знатная выйдет закуска к пиву, деликатесная!

Клава укоризненно проворчала:

— Зачем ты так говоришь, Стёпа? Ты же любишь ее!

— Нет, а, по-твоему, я должен это всё выбросить? Слить в канализацию? — вот теперь с полной искренностью возмутился бармен. — Потому и буду ждать неделю, чтобы понять, есть ли здесь хоть одна оплодотворенная икринка! Я ж не каннибал какой, чтобы детей любимой женщины в банках засаливать. Другое дело, если вся пустая — не выбрасывать же? Лучше сам съем.

Клава так и представила, как страдающий от неразделенной любви осьминог будет жевать бутерброды с громадными, норовящими скатиться с куска хлеба икринками, и тайком плакать по жестокосердной русалке. Хрюкнув смешком, суккуба тут же чихнула. Поднялась на ноги, шлепая босыми ступнями по мокрому холодному кафелю, направилась в ванную, гнусаво пояснив:

— Я всё, закончила с водными процедурами. Пойду одеваться, а то еще простыну тут с вами! И вообще домой уже пора.

— Ага, она тут еще долго может плавать, — кивнул Стив.

Флавиан тоже встал, принялся с праведным ворчанием собирать разбросанную по полу одежду, мокрую насквозь, сколько ни отжимай.

— Одолжить тебе что-нибудь из моего гардероба? — предложил Стив.

— Обойдусь, спасибо, — буркнул инкуб. — Всё равно штанов у тебя нет. Не идти же мне по улице в сухом свитере, который мне велик, и в мокрых брюках? Если целиком мокрый буду, тогда хоть прохожие неправильно не поймут.

Флавиан проводил Клаву до коттеджа некромантки, сделав изрядный крюк, пусть она и страдала его всю дорогу простудой с осложнениями и потерей потенции. Только удостоверившись, что она вошла в дом и закрыла за собой дверь, он поплелся к себе, переодеться и сушиться. Клава проводила его взглядом, украдкой подсмотрев сквозь занавеску на окне.

Клава переоделась, высушила волосы, причесалась. Связалась через коммуникатор с Персигом, поболтала с ним полчаса, затем пожелала сладких снов и виртуально чмокнула в носик. Потом приготовила ужин, почему-то посчитав, что нужно накрыть стол на двоих. Очень обрадовалась, что Основатель ушел бродить по кладбищу и не докучает ей ставшим

привычным назидательным ворчанием.

Не зная, чем еще заняться, устроилась на диване в гостиной с учебником «Об основах энергетических связей и потоков, общее в системе индивидуума и планеты». Почитав немного, незаметно для себя задремала.

Спустя недолгое время резко вскинулась, услышав робкий стук в дверь.

— Да, Флаф! Иду-иду! Ты как раз...

«...вовремя успел к ужину» — застряло у нее на языке, оставшись произнесенным.

На крыльце за порогом стояла группа маленьких человечков. Все преданно смотрели на Клаву снизу вверх, комкая в кукольных ручках широкополые синие шляпы с остроконечными высокими тульями. И дрожали тоненькими длинными хвостиками с кисточками, точь-в-точь как у пустынных тушканчиков.

— Э-э... Здравствуйте? — произнесла Клавия. — Вы ко мне?

— К вам, госпожа суккуба! — пропищал, видимо, старший среди человечков, у него на хвосте поблескивал крошечный орден с бантиком. — У нас к вам большое дело, если позволите объясниться!

— Отчего ж не позволю, — пробормотала Клава. — Не хотите пройти в дом?

— Если позволите, мы бы тут объяснились, — отказался старший. — Незачем топтать зря чистый пол в доме, если госпожа суккуба откажется.

— Что ж я сразу должна отказаться?

Клава присела на пороге на корточки, чтобы разговаривать с гостями на равных. Потянула носом: от человечков пахло старым деревом, высохшим под лучами солнца. Такой запах характерен для деревенских бревенчатых домов, не один год простоявших под дождями и переживших весенние половодья. Этот запах ей попадался совсем недавно — от сухих и слегка пыльных прутьев лозы.

— Погодите, а это не вы, случайно, на днях прислали мне корзинку яблок? — осенило ее.

Человечки потупились, поникли хвостами:

— Мы. Извините.

— Спасибо! — от души поблагодарила Клава. — Яблочки были замечательные, из них получилась очень вкусная начинка для пирожков.

— Не стоит благодарить за такую малость, госпожа суккуба.

— Ой, зовите меня просто Клава!

— Как вам угодно, госпожа Клава, — дружно поклонились человечки.

— Чем же могу быть вам полезна? Боюсь, мои услуги вам не пригодятся из-за разницы в размерах, простите.

— Как раз наоборот, госпожа Клава! Мы, народ домовых лепреконов, просим вас о большом одолжении! — с горячностью заговорил старший. — Сегодня ночью состоится великий праздник, объединяющий наш народ. В это день мы все танцуем и веселимся, прославляя Богиню-Мать, даровавшую небо, землю и жизнь всему существу. Не согласитесь ли вы, госпожа Клава, на нашем празднике исполнить роль Богини?

— О, это так лестно! Спасибо. А что я должна буду делать? Я точно подойду вам? Это не опасно — в первую очередь для вас? Вдруг я наступлю или...

— Не волнуйтесь, всё будет в порядке! — замахал ручками домовой. — Мы очень юркая нация, ни один человек не сможет на нас наступить, даже если захочет специально.

— А, это как с мухами? — подыскала сравнение Клава. — Вам кажется, что мы,

большие, двигаемся и разговариваем медленнее, чем вы?

— Совершенно верно!

Для наглядности члены посольства несколько секунд показательно мельтешили по двору и саду, да так шустро, что у Клавы перед глазами мелькали только ломанные и размазанные тени, намекающие на траектории их прыжков.

— Верю-верю! — засмеялась она и замахала руками. — Так что нужно будет делать мне?

Старший посол смущенно засопел, но произнес вслух твердо:

— Изобразить рождение мира!

— Ух ты! — удивилась Клава.

— И станцевать танец плодородия, — пискнул помощник посла, преодолев робость, отчаянно трепеща хвостом. — Обнаженной.

Клава покивала: к кому же еще обратиться с такой просьбой, как не к суккубе?

— Прошу нас понять, у нас очень долгое время не было возможности проводить праздник так, как это полагается по завету предков, — затараторил домовый, неприметно дернув помощника за хвост, чтобы не лез вперед старших. — Когда вы появились в Академии, мы сразу поняли: вот оно, долгожданное благословение богов! Вы — идеальная кандидатура на роль Богини-Матери.

— Я не отказываюсь, не подумайте! — подняла руку Клава, чтобы успокоить заволновавшегося домового.

— На празднике будут присутствовать только члены нашего клана, — поспешно добавил тот. — Посторонние глаза не смутят вас.

Только Клава открыла рот, чтобы заявить, что ее, пожалуй, уже ничем не смутишь, как в переговоры вступила новая сторона: из-под куста вышла вторая делегация, похожая на первую как две капли воды. Разница состояла лишь в том, что у новоприбывших лепреконов кончики хвостов были ярко-желтого цвета, а одежду они носили зеленую.

— Что значит, праздновать будет только ваш клан?! — заорал на первого посла старший лепрекон зеленых. — А мы без праздника останемся, по-вашему? Да нам урожай нужен больше, чем вам! Что вам в домах выращивать — плесень? Чтобы мох колосился в подвалах? А у нас сады и огороды! Отдайте суккубу нам!

— Не отдадим! Ишь, удумали! Вы опоздали, она согласилась с нами праздновать! — зашумели человечки в синем.

— Подождите-подождите! — решила вмешаться Клава. — А разве нельзя праздновать вместе? У вас есть какие-то кардинальные различия в ритуалах?

— Конечно, есть! — в один голос заверили оба старейшины, и зыркнули друг на друга с рычанием и зубовным скрежетом.

Выяснилось, что домовая мелюзга поклонялась рожденному Богиней Небу, а садовая почитала произведенную Богиней Землю. Зато танец плодородия был общим у обоих кланов.

— И как же мне в танце показать, что я произвела небо и землю? — растерялась Клава.

На это ей прикатили по траве два яйца. Одно, из полупрозрачного синего камня необыкновенной красоты, символизировало Небо, понятное дело. Второе яйцо было тоже из камня, но черного глянцевого, с мелкой золотистой искоркой. Каждый размером с Клавиным кулак.

— В танце Богиня рождает из своего благодатного чрева Небо, затем Землю, — пояснил домовый, указав поочередно на яйца.

Клава задумалась: выходит, если ей предлагается танцевать обнаженной, то чрево тут подразумевается в прямом смысле слова. Так вот почему не находилось дам, желающих осчастливить эту нацию праздником! Действительно, тут только суккуба выручит. С другой стороны, после свидания с кентавром, узла волка-оборотня и недавних щупалец осьминога её уже ничего не пугало — даже каменные яйца с кулак, которые перед танцем следовало в себя запихнуть. Ну, потанцует перед мелюзгой где-нибудь в темном саду, ну, выдавит из себя камушки — зато целый народ обрадует!

— А у вас нет еще одного клана? — с подозрением спросила она.

Двое старейшин потупились:

— Есть. Те, кто хранят подземелья, чердаки и кладбища. Но они не посмели явиться к вам с просьбой.

— Почему же не посмели? — подал голос из форточки Основатель, успевший тихо вернуться с кладбища. — Вон их делегация, за забором прячется.

Клава громко и приветливо попросила подойти и представителей третьего клана. Запинаясь, те объяснились, что третьего яйца не будет, против ожиданий развеселившейся суккубы, ибо они, сектанты по мнению двух других родственных кланов, поклоняются не Небу или Земле, но Космическому Началу, которое оплодотворило Богиню-Мать.

И Клаве предъявили каменное изваяние мужского органа, искусно высеченное высотой в рост лепрекона. Камень красиво переливался затаенными в глубине фиолетовыми и серебристыми всполохами, действительно чем-то напоминавшими космос с фотографий астрономов.

Клава хихикнула в кулачок, поглядев на священную «запчасть». И взялась наводить дружбу народов среди трех кланов. Оказалось, вполне возможно провести праздник совместно, всем лепреконским миром. Такого много веков не бывало, но отчего же не вспомнить теперь древние славные традиции. С Космическим Началом вопросов у Клавы не возникло: она станцует танец плодородия, потом продемонстрирует, так сказать, процесс зачатия мироздания. А вот дальше выходила заминка: яйца следовало «рождать» один за другим. Ладно, если Клава протанцует как-нибудь и постарается раньше времени из себя эти довольно тяжелые камни не выронить. Но оба засунуть в одно лоно, а после там же пошуровать Началом точно не получится. Да еще она опасалась, что Небо и Земля родятся одновременно!

— Боюсь, даже в рот я не запихну второе, — Клава с сомнением крутила черное яйцо в руках, примериваясь. В отличие от нижних отверстий, рот у суккубы не умел растягиваться до неприличных размеров. Да и за зубы страшно, всё-таки камень прятать в за щекой и прыгать в танце — это чреватое не праздником, а походом к стоматологу. Дома-то дантисты страшные, а в этом мире кто их знает, какие они? Жуть!

Зеленый и синий лепреконы шепотом посоветовались друг с другом. И вперед выступил садовый:

— Не сочти за дерзость, госпожа Клава! Небо и Земля не могут родиться одновременно, это будет противоречить нашим преданиям. Но мы, как знатоки грядок и удобрений, не возражаем, если ты исторгнешь священное яйцо не из лона, а из сраки Богини.

— Чего? — Клава невольно вылупила глаза.

— Это он по-старинному манеру назвал задницу, — любезно пояснил Основатель из форточки.

— Спасибо, я поняла! — буркнула Клава.

Лепреконы от ее реакции втянули головы в плечи. Клава запоздало сообразила, что стороны друг друга неверно расслышали: Основатель прав, зеленый коротышка употребил просто старинное слово, ничего ругательного не имея в виду. Это как вагина — лоно, сиськи — перси, анус соответственно — срака. Просто ей так послышалось, ведь в ее языке аналогичное устаревшее слово перешло в раздел матерных, а у них, напротив, стало возвышенным, относясь к Богине.

— То есть, вы не обидитесь на меня за святотатство, если я так сделаю? — осторожно уточнила она.

Лепреконы, уразумев причину ее шока, дружно выдохнули, снова заулыбались.

— Как можно! Ведь мы дети Земли! А ничто так не удобряет почву, как добрый навоз!

— Тем более в легендах сказано «родится из чрева», — добавил с видом эрудита домовой, — а зад не меньше связан с чревом, чем лоно.

— Что ж, тогда у меня всё получится, — подытожила Клава.

Так как праздник должен был начаться уже через несколько часов, ей пришлось немедленно приступить к репетиции танца. Все лепреконы радостно разбежались готовиться, с суккубой остались две пожилые жрицы в качестве учительниц хореографии. К счастью, ритм у танца оказался простой до примитивности, а фигуры легко запоминались. Пока она приплясывала посреди гостиной под строгим присмотром наставниц, усевшихся на столе, Клаве подумалось, что движения во многом похожи на индийские танцы. В детстве она предостаточно насмотрелась фильмов о смуглых влюбленных и жестоких раджах — и сейчас вот пригодилось, схватывает всё на лету!

Разучив священный танец плодородия и ненадолго простившись с почтительными жрицами, Клава, ощущая в душе и теле какую-то небывалую легкость и радость, приняла душ, затем облачилась в по-праздничному яркое струящееся платье, без нижнего белья, чтобы не мешкать на празднике с раздеванием. И без особого труда запрятала в себе священные яйца. Попробовала и Космическое Начало, всё-таки какие-то сомнения в своих возможностях у Клавы оставались. Но нет, ствол лепреконского лингама вошел в лоно без проблем. Да так приятно, гладко там обосновался, что Клава с трудом удержалась от игры с собой — пусть и хотелось отрепетировать, но нельзя, ведь от избытка влажности удержать камни будет еще сложнее.

Когда она вышла, готовая к своей роли, на крыльцо, там ее уже ждали: толпа лепреконов с многочисленными фонариками в руках — их оказалось на изумление много! Просто река светлячков, тянущаяся от порога до ворот сада и дальше, по всей улице, насколько было видно. Клаву встретили приветственным гомоном, осыпали зерном, блестками и лепестками цветов. И, затянув праздничный гимн всем миром, повели, держась за краешек подола, куда-то в рощу, что шелестела напротив кладбища.

Сперва Клаве это казалось неким причудливым пикантным сном. Однако тяжесть внутри, отдающаяся при каждом шаге, так что приходилось сжиматься, чтобы не выронить реликвии — эта тяжесть убеждала, что она не спит. И эта же тяжесть действовала на суккубу крепче, чем игристое вино. Хотелось петь вместе с мелким народцем — и она стала подпевать, утроив ликование лепреконов. Хотелось сбросить одежду и танцевать босиком по росистой траве, голой, позволяя обнимать себя ночному прохладному ветерку, чувствуя разгоряченной кожей ночь, тыкаясь бесстыдными горошинами сосков в ласковую темноту, истекая соками, как почва весной, словно впрямь стала Богиней, готовой родить Небо и Землю...

И Клава рассмеялась в голос, увидев, как опешил вернувшийся Флавиан, столкнувшись с процессией, что текла по широкой дороге в сторону рощи. Он был далеко от нее, но в слабом сиянии фонариков она прекрасно видела выражение его лица. А также то, что он всё-таки успел зайти к себе домой и переодеться в сухую одежду, утепившись от простуды трикотажной курткой крупной вязки.

Инкуб проглотил удивление и последовал за ними на отдалении, но не прячась.

Танцуя на выбранной лепреконами поляне, Клава видела устремленные на нее глаза Флавиана. Она чувствовала его взгляд всем телом, всей кожей. И засмеялась от его смущения, когда пришла пора Богине встретить со всем жаром и страстью дарующее жизнь Космическое Начало, направленное собственной ее рукой.

Она извивалась на примятой траве, упираясь сосками в ясное ночное небо, смаргивая звезды слезами наслаждения — загоня Космическим стволом глубже в себя стремящееся наружу яйцо Неба, пока не пришло его время. Она чувствовала распирающее давление сзади и спереди, она крепилась изо всех сил, дрожала снаружи, содрогалась внутри — и срывала дыхание вздохами-вскриками:

— Ах!..

— Ах! Ах! Ах! Ах! — подхватывала в своем ритме поющая толпа мелюзги, пляшущая среди высокой травы, вплетая выкрики в песнопение.

— Ох! — срывалось с губ Клавдии.

— Ох-ох-ох-ох! — не отставали лепреконы, размахивая фонариками.

— Аа-АА!.. — протяжно взвизгнула напоследок Клава, доведенная Космическим Началом до края Вселенной.

— А! А-а! А-аа!.. — в разноразной заорали лепреконы и принялись обниматься друг с другом, словно слышали звон новогодних курантов. Садовые с домовыми, домовые с подвальными и чердачными — все кланы объединились под началом Богини.

Флавиан сел под деревом. Не удержался от смешка-хрюканья, когда под ликование мелкого народа обессилевшая, запыхавшаяся, но довольная Клава-Богиня «родила» сперва синее яйцо, а затем кокетливо «высидела» черное. Дальше лепреконы в ее присутствии не нуждались: всё их внимание переключилось на «обновленные» реликвии, влажные от «плодородных» соков. Они принялись их ритуально с песнями отмывать шампунями, поливать ароматическими маслами и полировать старыми зубными щетками, после чего собирались спеленать в носовые платочки и завязать атласными ленточками до следующего праздника. Клава с облегчением и с чувством исполненного долга покинула центр поляны, подхватив с травы платье.

— Как тебе представление? — весело спросила она. Подойдя, бросила платье на землю, чтобы сесть рядом с инкубом и не исколоть голую попу травинками.

Флавиан покосился на ее вздымающиеся груди, на колени, расставленные не по-девичьи вольно, чтобы высушить ветерком обильную влагу между ног. Но промолчал, пусть она сама напрашивалась на отповедь своей вызывающей позой и многозначительной хмельной ухмылочкой.

— Я и не знал, что у домовых есть собственный культ, — пожал плечами Флаф. Всё-таки не выдержал, снял куртку и накинул на плечи суккубе.

Клава кофту, хранящую его запах и тепло, тут же сбросила легким движением. Слишком ее распалила роль богини. Каменный фаллос пусть и был по-своему хорош, однако ее тело посчитало эту забаву лишь разминкой и ждало большего.

— Простудишься! — укоризненно покачал головой Флаф.

— Тогда согрей меня? — охотно развернулась к нему Клава всем телом.

Он замер.

Суккуба этим мгновением растерянности воспользовалась и обвила ногами его за пояс, обняла руками за плечи, прижалась грудью к груди, тесно и жарко. Даже кончики носов почти соприкоснулись.

— Согласен, тебе не повредит немного остыть, — сглотнув, произнес Флавиан, не отводя взгляда.

Клава молчала. К чему слова, разве непонятна ее просьба?

Но инкуб не шевелился. Сидел, хуже каменного истукана! Кажется, космический фаллос в ее руках недавно и то был отзывчивее. Недовольно стиснув зубы, Клавдия сама взялась за ширинку на его брюках:

— Чего жадничаешь? Ты ведь не кончал с Сиреной, я видела.

Он дернулся от имени русалки, будто она дала ему пощечину.

— А тебя разве не достаточно удовлетворил бармен? — парировал он.

— Скажи еще, что я должна быть сыта после секса с Космическим Началом и рождения Неба и Земли! — тихо рассмеялась она, уткнувшись носом ему в шею. Прошептала мечтательно: — Флаф, я ведь тоже девушка, не хуже, чем твои девять из десяти. Я тоже любви хочу, а не только секса. Вон, видел, как Стёпа на эту селёдку смотрел? Аж завидно!.. Что?

Пока она изливала душу, он резко поднялся и ее за плечи вздернул, поставил прямо. Наклонился перед ней, у Клавы мельком блеснула мысль, чего это он вздумал ей кланяться в пояс — ан нет!

— Ой! Ты чего вдруг? — изумилась она, в мгновение ока оказавшись закинутой на плечо попой кверху, головой вниз. — Флаф?

— Что? — невозмутимо спросил он, собравшись куда-то ушагать далеко с грузом в виде нее.

— Поставь меня, я тяжелая!

— Нормально, — сухо буркнул он.

Клава трепыхаться опасалась, как бы инкуба не опрокинуть. Он и так, кажется, пошатывается под ее весом.

— Флаф! Моё платье забыли! И твою куртку!

— Домовые нам принесут потом.

— Не принесут! Они уже все пьяные!

— Наплевать.

— Не наплевать! Хорошие вещи! — не желала уgomониться Клава. — И вообще, куда ты меня несешь? Я же голая совсем! Тебе не стыдно светить моим задом на всю округу?

Уговорила всё-таки, инкуб развернулся и поставил ее на землю.

— Дурак совсем? А если пупок развяжется? — покрутила пальцем у виска Клава. И быстро оделась, нырнув в платье, а сверху и куртку накинула, присвоила.

Не ввязываясь в дискуссию, подождав, когда она будет готова, Флаф крепко взял ее за руку и повел за собой.

— А куда мы идем? — не унималась Клава. — Если далеко, то я босиком далеко не дойду...

Вот зря она опять! Когда с травянистых тропинок вышли к бульжной мостовой,

Флавиан снова взвалил ее на плечо. Пришлось Клаве затаиться и по возможности держаться за него самой, чтобы не раскачиваться и не нарушать центра тяжести двойной шаткой фигуры.

22

К счастью, далеко добираться не понадобилось, Флаф обитал в квартирке на полпути от дома Пумы до центральной площади.

Когда он открыл перед Клавой дверь, та не удержалась:

— Какая пошлость! Прямо как в бульварных романчиках! — восхитилась она.

Флавиан насупился, прошел в прихожую и дальше, в спальню. Клава, пошаркав ногами о ковровый половичок перед дверью с изображением кошачьих лапок, поскакала следом.

— И многих твоих клиенток ты так встречаешь? — спросила она, внутренне замирая.

— Я не вожу клиенток к себе домой, — отрезал он, строго на нее сверкнув глазами. — И ты не моя клиентка.

Клава притихла. А рот сам собой растянулся в дурацкой счастливой улыбке. Еще никто на свете не приводил ее в тайное любовное гнездышко, где в тесной прихожей висит связка воздушных шариков в форме сердечек, в кухонном секторе на столе стоят зажженные и уже оплывшие воском свечи, а еще специально купленный кремовый торт в коробке, перевязанной бечевкой. Возле полутораместной старенькой софы, (застеленной недавно вытасненным из упаковки постельным бельем, так что остались характерные складки), в ведерке для мытья полов стоит охапка бордовых и розовых крупных цветов, похожих то ли на пионы, то ли на махровые розы.

Они оба в сомнении посмотрели на софу.

— И что? — робко спросила Клава.

Сосредоточенно нахмурившись, Флавиан сперва расстегнул свой браслет коммуникатора на запястье, снял с шеи медальон инкуба, положил всё на тумбочку. Затем проделал то же самое с Клавой, пробормотав:

— Это нам пока не понадобится, мы же не собираемся тянуть друг из друга энергию.

Потом снял с нее кофту и стянул через голову платье, оставив снова в неглиже. И Клава сразу немного застеснялась, прикрылась ладошками.

— Ложись, — велел он, кивнув на постель.

— Ага, — согласилась она. Забралась на софу, закуталась по уши одеялом. Нагнулась над букетом, рискуя свалиться, но уж очень хотелось понюхать цветы.

Флаф же ушел в кухонный угол своей съемной однушки, собрал на сервировочный поднос то, что нашел в холодильнике и на плите в сковородке под крышкой: мягкий хлеб с хрустящей корочкой, котлетки на тарелку — слегка подгоревшие местами, видимо он очень торопился, когда забежал сюда, чтобы переодеться. Какие-то фрукты типа абрикосов и винограда сложил в симпатичную сухарницу, спутав ее с вазой для фруктов. Разлил по чашкам остывший кофе и по бокалам розовое игристое вино. Всё это на подносе с осторожностью донес до софы и водрузил на одеяло у Клавиных ног, сам сел с краешка.

— Ужин в постель! — объявил он, ожидая, что она как минимум поднимет его на смех.

Клава шмыгнула носом. Ей показалось это ужасно романтичным и безумно милым. Стараясь удержаться и не пустить растроганную слезу, она взяла бокал с вином. Флавиан неуверенно улыбнулся и тоже поднял бокал. Они звонко чокнулись и отпили по глотку.

— Ты всё это успел... — произнесла Клава, стесняясь смотреть ему в глаза.

— Сразу, как проводил тебя домой, — кивнул он. — Вдруг подумал, что тебе будет

приятно, если я приглашу тебя к себе. Ну, и надо было как-то...

— Создать атмосферу, — кивнула она. — Спасибо.

— Всё остыло, наверное, стало невкусно. — Флаф указал на котлеты.

— Хлеб можно есть холодным, — хихикнула Клава. — Я правда проголодалась, так что не откажусь от романтического перекуса. Я, кстати, тоже приготовила ужин, думала почему-то, что ты зайдешь.

Она, отринув неуместную стеснительность, принялась за импровизированные гамбургеры из котлеты и двух кусков хлеба.

— А ты почему не ешь? — жуя за обе щеки, спросила у Флафа.

Тот как будто задумался о чем-то. Для храбрости еще глотнул вина:

— Что-то аппетита нет, не хочу.

— Ага! Подгоревшие он не хочет, видите ли! — хрюкнула она. И тут же забеспокоилась: — А у тебя не поднимается температура? Вдруг простудился, пока в мокрой одежде шастал по улицам? Ты смотри! Если у парней пропадает аппетит, это однозначно не здорово! Кстати, подогрей-ка чайник, я кофе по ночам не пью, тем более холодный.

Раз он отказался от еды, суккуба умяла почти весь хлеб, то того он был воздушным и мягким, практически пушистым.

— Торт будешь? — с сомнением подошел Флаф к коробке.

— Буду! С чаем! — объявила Клава.

Инкуб улыбнулся на ее непосредственность, отрезал кусочек с большой желтой клубничинкой и положил на блюде от чайной пары. Чашку с чаем и ложечку, разумеется, захватить забыл. Но Клава не расстроилась. Забрав из его рук блюдо, она велела своему кавалеру:

— А ты чего одетый расхаживаешь? Раздевайся и ложись! — и похлопала свободной рукой по соседней подушке.

— Зачем? Секс у тебя сегодня уже был! Я пытаюсь устроить любовь. Как могу, так и пытаюсь.

— Неплохо получается, — деловито одобрила Клава. — Но я хочу свой десерт! Так что без разговорчиков на место!

Со вздохом, инкуб покорно разоблачился и улегся рядом. А так как софа была неширокой, то пришлось потесниться.

Клава заулыбалась, слыша его напряженное сопение. Но ей обещали любовь! И отступаться от задуманной шалости она не собиралась. Откинула одеяло в сторону, чтобы инкуб не думал кутаться, как девственница перед брачной ночью — и весь кусочек кремowego тортика плюхнула ему на живот. И со вкусом размазала вверх, на грудь, и вниз. Особенно вниз. Инкуб только сдавленно охнул, не ожидал он от нее подобного изощренного коварства.

— Лежи и не крутись, а то белье испачкаешь! — строго предупредила Клава, приготовившись всё размазанное тщательно слизывать с кожи, покрывшейся гусиными пупырышками от холодного крема.

— Извращенка! — прошептал Флавиан, закатывая глаза.

— Суккуба! — важно поправила его Клава. — И ты сам сделал меня такой, сам выбрал для меня профессию. Так что я просто требую своего законного эмоционально-чувственного питания. Помолчи лучше, пока у меня будет рот занят, я всё равно не смогу тебе отвечать. Ты же не хочешь, чтобы я поперхнулась?

И она сразу начала с самого сладкого, того, что против воли самого инкуба столь упрямо и неотвратно восставало из комочков тающего крема и кусочков бисквита.

— Как же ты научилась... — пробормотал Флаф между плохо сдерживаемыми всхлипами.

— Напрактиковалась! — горделиво отозвалась суккуба, на мгновение выпустив изо рта «эклер».

Когда она управилась, довольно нескоро, ибо не торопилась, инкуб, вылизанный от шеи до колен, даже вздрагивать уже не мог.

— Ой, чайник выкипает! — опомнилась Клава, спрыгнула с софы, понеслась к плите, не помыслив прикрыться. Флавиан нашел-таки в себе силы приоткрыть глаза и полюбоваться на ее подпрыгивающие округлости.

Вернувшись к постели с чашкой чая, громко прихлебывая на ходу, Клава удивилась: она думала, что после второго захода за вечер инкуб вырубится, ведь он-то не привык каждый день ставить рекорды со своими «одна из десяти на третьем свидании». Но нет, он не собирался отдаться объятиям сна. Салфеткой пытался оттереть с себя сладкие следы, а сам явно о чем-то опять крепко задумался.

Она забралась в постель, обняла его со спины, тесно прижалась.

— Что? — спросила в задрюк.

— Почему я влюбился в тебя? — спросил Флавиан тихо. — Против всех причин и обстоятельств. Зачем?

— Не обращай внимания, — улыбнулась она, а сердце сладко ёкнуло. — Это всё мои феромоны. Медсестра сказала, в меня влюбляются все, кто со мной переспал. Хотя, думаю, есть и некоторые исключения.

— Я просто ничтожество, — еще тише пробормотал инкуб. — Никто, без имени, без семьи, без дома. Ни на что не способен, кроме как ублажать женщин. И тех с трудом, кое-как.

— У-у! — протянула Клава. Потрогала рукой его лоб. — Да ты, похоже, всё-таки простудился. Был бы ты девчонкой, я бы сказала, что у тебя «пэмээс». Но ты ж вроде как парень. Значит, точно простуда.

— Нет, я серьезно! — стоял на своем Флаф, распаляясь от собственных мыслей всё больше. — Даже мой младший брат гораздо талантливее меня! У него природный дар к магии, стихийные проявления, необузданные и мощные. Когда он закончит обучение, он станет великим ученым или несравненным творцом! Перед ним открыты все возможности — и на любом пути он проявит себя с лучшей стороны. А я? Я оказался инкубом. Инкубом! Знали бы мои родители, до чего я пал, — он с горечью рассмеялся.

— Погоди, у тебя есть младший брат? — Клава отфильтровала главное, но отвлекаясь на эмоции. — Да еще маг? Но ведь ты сам говорил, что у тебя в семье нет никого с даром?

— До его рождения и не было, — неохотно буркнул Флаф. — Когда я привез его на вступительные экзамены в Школу при Академии, меня тоже случайно просчитали. Разглядели задатки. Много ли надо таланта, чтобы сделаться инкубом, это же не алхимия и не метафизика.

— Так это твой братишка — тот херувимчик с золотыми локонами и голубыми глазищами? — догадалась Клава.

— Он самый. Ты его видела, — с очевидной неохотой признал Флавиан.

— Да, и я подумала, что ты тайный педофил, раз подглядываешь за детьми, —

хихикнула она.

Флаф шутку не оценил, покачал головой:

— Надеюсь, до такого я всё-таки не докачусь в своем падении.

— Ну, что ж ты так? — погладила его по плечу Клава, заглянула в лицо. — Можно подумать, тебя насильно заставили этим заниматься! Или... Что? Правда заставили?

Он промолчал и отвернулся.

Клава насторожилась. С чего бы это вдруг он решил перед ней открыться? Сам заговорил о себе, о своей семье, да еще с нею. Сейчас? Очень подозрительно!

— Ты должна вернуться в свой родной мир, — произнес он твердо, не глядя ей в глаза.

— Ну, вернусь когда-нибудь, — пробурчала Клава, сбитая с толку.

— Немедленно! — вспыхнул он вдруг. Схватил ее за руки, сжал в своих ладонях, но глаза не поднимал, словно был в чем-то перед ней виноват. — Ты собрала достаточно энергии, чтобы самой открыть портал. Это не так сложно, как кажется, ты справишься. Тебе опасно здесь находиться, понимаешь? Тебе нужно убираться из этого мира, не откладывая! Иначе ты пострадаешь.

— Что ты такое говоришь? — еще больше растерялась она. — Как я могу прямо сейчас? У Персика...

— Оставь своего кота здесь! — оборвал ее Флавиан. — Ты не сможешь его забрать с собой, заряда хватит только на одну тебя.

— Как это так?! Я никуда не уйду без Персика! — возмутилась Клава.

— Оставь его! — повторил Флаф. — Здесь ему ничего не угрожает. И здесь ему будет лучше. В твоём мире уже нет для него места, он мутировал. Там он не проживет столько, сколько может прожить здесь. Там он снова деградирует и вернется в состояние животного, а здесь проживет долгую жизнь разумного существа. Ты обязана выбрать для него лучшую судьбу и отказаться от него ради него самого.

— Подожди, как я могу... — пролепетала Клава, хлопая глазами, чтобы согнать невольными навернувшимися слезы. — Но как я его брошу? Как он без меня? Как я без него?!

— Нет времени на раздумья, ты понимаешь?! — рявкнул Флаф, встряхнув ее за плечи. — Если удержишься, тебе грозит смерть!

— Почему?! — заорала она в ответ. — Почему вдруг?!

— Ты помнишь, как погиб Михаэль? — решил пойти ва-банк инкуб. — Это я столкнул его с башни. Я вызвал его на разговор, потому что ревновал, я вышел из себя — и сбросил его. Здесь даже мне ты не можешь доверять, понимаешь?

— Нет, не понимаю! — воскликнула она в смятении. — Я видела его воспоминания! Ты врешь — ты не сталкивал его, а наоборот хотел вытащить! Произошел несчастный случай!

— Но тебе неизвестно, почему это произошло!

— Так скажи мне правду! — потребовала Клава. — Объясни мне! А не отталкивай просто так!

— Просто? — с горечью усмехнулся Флаф. — Как будто я хочу выпускать тебя из рук!

— Правда? — недоверчиво и тихо спросила Клава. Положила ладонь ему на щеку, и он потянулся за ее рукой.

— Знала бы ты, как я ревную тебя ко всем этим парням! — прошептал он, улыбаясь так, словно готов заплакать.

— Но ведь ты знаешь, что они все для меня мало что значат, — ответила она. — Ты должен это понимать.

— Должен, но не могу поверить, — выдохнул он одним дыханием.

И Клава бездумно потянулась к его губам, они соединились в поцелуе, полном нежности, словно соревнуясь, кто готов уступить больше. Однако натура инкуба вспыхивала не хуже суккубьей сущности — и Клава только охнула, когда неожиданно оказалась лежащей на постели под тяжестью его тела.

— Можно?.. — шепнул он, вглядываясь в ее глаза, словно хотел там увидеть свою собственную вселенную.

— Займись со мной любовью, — тихо попросила она, стесняясь нахлынувшей кротости. — Без изысков и извращений. Просто войди в меня.

Дважды просить инкуба не нужно было. Припав к ее губам поцелуем, теперь полным страсти и требовательности, он вошел в ее лоно и, не найдя причину сдерживаться, стал сразу двигаться резко и глубоко, выбивая из нее вздохи и слабые стоны.

Клава крепко обхватила его руками и обвила ногами, словно боялась отпустить. Она раскрылась перед ним телом и душой, как не раскрывалась полностью, до дна души ни перед кем другим. Она желала его всем своим существом — не сущностью суккубы, а собственным телом и духом, словно ненадолго вернулась к себе прежней, той, что была всю свою жизнь...

— Ой! — вскрикнула она коротко.

Флаф немедленно прекратил толчки, вопросительно заглянул ей в глаза:

— Что-то не так?

Она не удержалась, расхохоталась:

— С тобой у меня постоянно что-то не так!

Он забеспокоился, слез с нее, трясущейся от смеха, внимательно посмотрел и даже потрогал, что там у нее такое произошло. И лицо его вытянулось, когда он поднес к глазам свою руку:

— Ни хрена себе... — пробормотал Флаф.

— Что? — привстала на локтях Клава.

Он показал ей — кровь на подушечках пальцев.

— Ты только что потеряла девственность.

— Да я ж вроде давно не невинная! — не поняла Клава.

— Понимай, как хочешь, а твоя девственная плева порвалась только сейчас, — заявил Флавиан с плохо скрываемой ноткой гордости.

— Почему? У тебя же агрегат меньше, чем у оборотня, не сравнить с щупальцами осьминога и шлангом пони! Я скорее поверю, что у меня там зубы кусачие выросли!

— Ты приняла меня на глубинном уровне и решила подарить мне свою девственность, — стоял на своем Флавиан.

Клава хотела еще что-то сказать, привести новые аргументы против этой нелепости. Но он взял ее за руку и поцеловал в костяшки на тыльной стороне ладони. А потом перевернул и коснулся губами запястья с венками. А потом уткнулся в сгиб локтя... А потом уже Клава плохо соображала, так как сама накинута на него, придавила к кровати, оседлала — и наконец-то довела дело до конца, выжав из своего инкуба все причитающиеся соки.

Потом они долго лежали в молчании, тесно обнявшись, и это было, пожалуй, даже лучше, чем секс.

На тумбочке завибрировал коммуникатор Флавиана, запиликал сигналом входящего вызова. Инкуб дернулся было, но замер, точно боясь вырваться из рук Клавы.

— Не будешь отвечать? — удивилась она.

— Сирена, — с какой-то обреченностью провала произнес он.

Клава поежилась. Уж кого, а русалку она хотела бы видеть сейчас меньше всего.

В дверь постучали:

— Флаф! — раздался приглушенный голос директрисы. — Ты дома? Я знаю, что ты там! Я слышу звонок коммуникатора! Открой немедленно, если не хочешь тревожить своих соседей. И если не хочешь, чтобы я вошла без приглашения. А у меня есть право войти в любое помещение на территории Академии, Школы и города, ты сам это знаешь.

Флавиан вскочил, стал с лихорадочной спешкой одеваться. Подобрал и бросил платье Клаве. Та, не вылезая из постели, натянула платье, поняла, что задом наперед и навыворот, стала переодеваться, запуталась, матюгнулась...

Сирена вошла в квартиру без приглашения. Сама открыла дверь, поигрывая в руке универсальным ключом, прошла в комнату. Клава, кое-как просунув голову в ворот платья, воззрилась на нее округлившимися глазами: на русалке были туфли на высоком каблуке. Хвост заменили две ноги, стройные и длинные, как у манекенщицы.

Поймав ее взгляд, Сирена с улыбкой демонстративно оглядела свои новые конечности, едва прикрытые мини-юбкой, пояснила:

— Не зря же я так пристально изучила твои ходули, Клавдия. Вот, себе тоже сконструировала. Передвигаться на них мучение, конечно, зато не нужно прятаться в пузыре. А у вас тут жарко! И сексом пахнет. Даром время не теряли, как вижу. Взаимно повышаете квалификацию? Молодцы.

Она подцепила пальцем с тумбочки медальон суккубы, взвесила в руке:

— Полный! Столько энергии, столько усердия и стараний.

— Сирена, не могла бы ты... — со злостью, но пока еще вежливо начал было Флавиан.

Однако русалка ловко обогнула его и оказалась возле Клавы. Сунула медальон себе в карман пиджака, схватила суккубу за локоть и заставила подняться с софы.

— Флафи прав, дорогая Клава. Ты уже накопила достаточно энергии, пора ее употребить на дело. Тебе надо срочно покинуть это пространство! Идем, я провожу тебя.

— Но как же!.. — воскликнула Клава. Но кто бы стал ее слушать? Одновременно она услышала крик Флафа:

— Сирена, прекрати!..

И мгновенно наступила темнота. Затем сразу вспышка света — и удар. Клава поняла, что упала на каменный пол, русалка при прыжке через пространство не посчитала нужным поддержать ее при «приземлении». Знакомое место: верхняя площадка часовой башни. Перед глазами столбики перил, ограждающих винтовую внутреннюю лестницу.

— Ты думала, я так сразу верну тебя в твой мир? — предположила директриса, вышагивая вокруг на негнущихся непривычных ногах. — Нет, дорогая, твое возвращение пока откладывается. Ты нам еще здесь нужна.

Клава поднялась с пола, голова немного кружилась... Поднялась лишь за тем, чтобы снова упасть: теперь ее швырнуло невидимой силой через перила в колодец башни.

Она вскрикнуть не успела.словно в замедленных кадрах мимо мелькнул спиральный пролет лестницы, один виток, второй... Впереди, то есть внизу ее ждала стремительно приближающаяся земля, каменные плиты пола. Но Клава не долетела до них — вновь коротко блеснул свет перехода, уши заложило от хлопка сомкнувшегося воздуха.

Клава снова упала на жесткую поверхность. Но сознание не выдержало магических путешествий дважды подряд и отключилось.

Клава очнулась с неприятной тупой головной болью. И это не было следствием похмелья — она просто ударилась затылком, когда упала.

Очнулась она в шкафу. В огромном книжном шкафу с застекленными дверцами. Ради того, чтобы суккуба в него поместилась и даже смогла сидеть, поджав ноги, несколько нижних полок были любезно вынуты, а книги сложены снаружи на полу высокими стопками-колоннами.

От неудобной позы ломило шею, затекла рука, онемела попа. Клава осторожно села, стараясь не стукнуться макушкой о низкий потолок узилища. Получается, Сирена сбросила ее в пролет лестницы, в воздухе она перенеслась в некое иное пространство, а уже там ее кто-то затащил в шкаф и запер. Наверное, сама Сирена следом и сиганула — в тесном пространстве еще сохранился запах сырой рыбы и нотка соли с йодом, странно смешавшиеся с атмосферой библиотеки. Понятное дело, русалка ведь духами пользоваться не приучена, да и дезодоранты ей ни к чему. Интересно, русалки вообще потеют? Или у них вместо потовых желез как раз и есть те, которые слизь вырабатывают, чтобы кожа от воды не скукожилась...

Вяло размышляя о всякой ерунде, Клава осмотрелась. В шкафу смотреть было не на что: стенки задняя и боковые деревянные, сверху тоже сплошная доска — полка. Спереди как витрина, двойные дверцы с толстыми стеклами. Клава подергала — не открываются. Прежде чем стучать кулаками по стеклам и орать, чтобы ее выпустили, она предусмотрительно всмотрелась во «внешний мир».

Снаружи было не то чтобы сумрачно, но и не сказать, что светло. Свет не исходил от какой-то лампы или от окон — окон, кстати, Клава не увидела, — а лился сверху, рассеянный, как от облаков. Насколько ей удалось разглядеть, приплюснув щеку к стеклу, потолка в этом непонятном помещении видно не было именно за пеленой светящегося тумана. Вместо стен сплошные книжные шкафы, поставленные один на один, соединенные узенькими лестницами и галерейками, всего метров двадцать высотой. Эдакая неприступная крепость из полок и книг за парными дверцами. Или можно даже сказать колодец, правда, широкий.

Книги здесь были везде, не только в шкафах или на столах, но на полу стопками и просто кучами. Среди книг встречались отдельные бумаги, папки, свитки, блокноты, кроме того разные непонятные алхимические приборы, незаконченные конструкции неизвестного предназначения, а также возвышался глобус звездного неба.

Посреди свободного от ученого барахла пространства стоял длинный стол, на котором лежало нечто, покрытое белой простыней, из-под которой просвечивали перемигивающиеся лампочки. Клава сразу узнала большого голема из подвала Пумы. Если ее творение здесь, то и некромантка должна быть где-то поблизости? Не могла же она позволить его украсть. Скорее саму кошку украли вместе с големом, а Сирена придумала отмазку про командировку.

Клаву осенило: а не угодила ли она в тот самый карман подпространства, о котором ей рассказывал Основатель? Его тайный кабинет, запрятанный так хорошо, что многие поколения учеников отшельника не могли его отыскать. Нет, ну верно — кто же в здравом уме станет прыгать с верхней площадки башни? Да не наружу, как Михаэль, а через спираль винтовой лестницы!

Воспоминание о погибшем ангеле навело на нее тоску — и подтолкнуло к мысли о том, а в ту ли сторону должен был он вообще упасть? Если бы грохнулся в «карман», наверняка

остался бы жив-здоров. Однако додумать эту идею она не успела: среди книжного беспорядка показалась кошка-некромантка, легка на помине.

— Пума! — воскликнула Клава, хлопнула ладонями по стеклу. И замерла, сообразив, что некромантка-то не сидит, в отличие от нее, в шкафу, и ошейника с цепью на ней не видно. Вдруг ее и не похищали вовсе? Тем более как можно заставить работать того, кого похитили против воли — она же пакость устроит в отместку! Вот если договорились сотрудничать, другое дело, но так это не похищение уже получается, а сообщничество.

Некромантка, увидев ее, обрадовалась вроде бы, подбежала так быстро, насколько позволял мешающийся на пути хлам:

— Клава? Ты уже здесь? Неужели успела собрать нужное количество энергии?

— Насколько я поняла, Сирена сказала, что успела, — проворчала Клава, сев по-турецки и сложив руки на груди. — А ты, значит, с ними заодно?

Пума тоже села перед дверцами, распушила усы, что на языке кошачьей мимики означало неудовольствие.

— С ними? — переспросила некромантка.

— Со сладкой парочкой — директрисой и ее ручным инкубом! — объявила Клава.

Пума фыркнула:

— Ну, можно и так сказать, в принципе. Не хочешь выйти из шкафа?

— А можно? — насторожилась Клава.

— Если пообещаешь не буянить и не портить вещи, я тебя выпущу. Всё равно отсюда сбежать невозможно без разрешения Основателя или Сирены.

— Ладно, обещаю ничего не ломать, — кивнула Клава, понимая, что в первую очередь Пума волнуется о целостности своего творения. Но и суккуба не варвар, смысл ей крушить магическую библиотеку и тратить силы на бесполезный вандализм.

Пума действительно отперла ее шкаф, благо ключ, обыкновенный железный ключ всё это время торчал в замочной скважине. Клавдия, покряхтывая, вылезла из тесной «одиночки», потянулась — и с удовольствием пнула ближайшую стопу книг. Стопа от удара расплзлась в кучку, а вот Клава заохала и запрыгала на одной ноге, так как не сообразила, что босой ногой пинать твердые корочки вообще-то больно.

— Спустила пар? — ухмыльнулась Пума.

— Угу, — жалобно прорыла суккуба. — И долго нас собираются здесь держать?

— Нас — недолго, — раздался голос Вильгельма. — Все ждали только тебя, Клава.

Подпрыгнув от неожиданности, Клава неосторожно встала на ушибленный пальчик, снова ойкнула и перепрыгнула на другую ногу, поджав пострадавшую на манер цапли.

— Ура, танцы! — послышался ехидно-восторженный голос «пришельца»-хакера и хлопки в ладоши, изображающие аплодисменты. — Суккуба, давай теперь стриптиз! А то скучно сидеть в тишине без зрелищ. Сеть тут не ловит, а между собой нам ругаться уже надоело.

— А ты здесь как оказался? — задрала голову Пума к верхним полкам одного из шкафов. — Ты же энергетически бесполезный объект! Эгоцентрист, не способный на бескорыстную отдачу.

— По-вашему, я дурак с одного минета в нее влюбляться? — хрюкнул «пришелец», действительно обнаружившийся за стеклянными дверцами, подобными тем, за какими сидела Клава. — Всем остальным она предоставила полный доступ к телу, а мне сиськи через лифчик дала пощупать! А теперь сижу с вами за это — где в мире справедливость?

— Не ври, я лифчик разрешила расстегнуть! Сам виноват, что не справился с застежкой, — возразила Клава.

— Он тут с нами за компанию, чтобы не разболтал по всей Академии о тайном эксперименте и похищениях, — произнес Вильям. Клава оглянулась на голос, и вампир помахал ей рукой из своего шкафа. Бедняге с его немаленьким ростом пришлось сложиться в три погибели, чтобы более-менее удобно устроиться между полок.

— Неужели Клавдию к нам забросили? — послышался новый голос с другой стороны.

— Проснулся! Ну, ты и мастер дрыхнуть, — ответил ему следующий.

— Что здесь еще делать-то? Одно хорошо, что есть и пить не хочется и в туалет проситься не приходится, не тянет.

— А я бы вас и не стала выпускать, я вам не тюремщик, чтобы до параша водить, — фыркнула Пума.

— Жестокий вы зверь, мисс Пума!

Суккуба вертелась, как юла, оглядываясь на знакомые голоса, зазвучавшие со всех сторон. Тут Вольф скалится во все сорок клыков, до того рад ее видеть. Здесь наг скрутил себе из собственного хвоста кресло. Там гном-тренер бегаёт из угла в угол — вот уж кому не тесно на полке! Рядом полный ряд шкафов в четыре яруса набили клубом единоборств, две команды. Чуть дальше строил рожицы и пытался привлечь к себе внимание чертенка Василий. Еще один шкаф целиком отвели Эдди, чтобы бедный пони-кентавр хоть как-то мог развернуться. Выше заперли парочку эльфов: встретившись с ней взглядом, и светлый, и дроу, нежно обнимавший супруга, заулыбались смущенно — сразу видно, что эти вдвоем не скучали и наши, на что употребить время ожидания. Даже лепреконов поймали и запихнули в три отдельных тумбочки, разделив по кланам, чтобы не передрались между собой. В общем, получился то ли гарем суккубы, то ли коллекция ее обожателей, из-за которых и пришлось бесценные тома и талмуды вынуть с полок и свалить в кучи на полу. Не было только Флавиана, медсестры из лазарета, бармена-осьминога и самой Сирены.

Клава нашла взглядом даже Михаэля! Ангел-альбинос сидел, нахохлившись и обняв колени, сердито зыркал по сторонам через стекла, исчерченные трещинами. Он-то здесь дольше всех, получается, томился, бедолага. Едва-едва свою «камеру» не разнес, да стекла, очевидно, были заговоренные, под ударами не сдавались.

Проследив ее взгляд, Пума с возмущением пояснила:

— Помнишь, мы с тобой этого оболтуса поднять не могли? Я так и думала, что на нем противодействующее заклятье! Оказалось, наш Флаф сперва к башне Сирену вызвал, а та на труп навела чары молчания, чтобы ангелочек не проболтался, что его Флаф сам и сбросил! И чтобы ты из-за этого доверие к инкубу не потеряла.

— Вообще-то Клаве давно известно, что Михаэля столкнул Флаф, — заявил Вильгельм. — От такой новости она сама чуть не слетела с башни, чему я свидетель. Однако доверять ему меньше не стала, ибо настоящее чувство никакими кознями не задушить.

— Я видела, как Флавиан пытался удержать Михаэля! — с горячностью возразила Клава. Уверенные слова вампира заставили ее вспыхнуть: чего это он вдруг за нее решил, какие у нее к кому чувства?! — И сам Флаф мне признался, мол, вызвал парня на разговор. А всё потому, что я, как дура малолетняя, пришла домой в слезах, вот он и разозлился!

— А на самом деле чувства здесь совсем не при чем, — подал голос хакер-«пришелец». — Просто Флавиану нужно было собрать здесь всех, с кем трахнулась суккуба, вот они и начал с белобрысого. В ходе разговора два самца поцапались, и один,

замахнувшись да промахнувшись мимо щуплого юркого соперника, случайно сам перекинулся через перила площадки. Флаф попытался дело исправить, так как ему надо было сбросить белобрысого не на мостовую, а с лестницы, но силенок у него не хватило, чтобы эту тушу крылатую поднять.

— Только перья мне повыдергивал, придурок, — процедил, не сдержался, Михаэль. — А как я без перьев полечу?

— Да ты и с перьями летал, как корова, — хмыкнул Василий. — Тебе же, страусу, взлетная полоса нужна, желательна с обрывом в конце. И с попутным ветром в задницу.

Парни клуба единоборств заржали, аж стекла во всей библиотеке зазвенели. Пришлось тренеру на них прикрикнуть. Михаэль еще больше насупился, промолчал.

Клава негромко с участием спросила у Пумы:

— Так всё-таки ты его совсем оживила? Получилось?

— Живее прежнего! — махнула лапой некромантка. С достоинством пробурчала: — Я же не фокусник балаганный, а практикующий преподаватель. Свое дело знаю, работу кое-как не буду делать — охота себе репутацию портить из-за всяких дураков, которые не могут свалиться туда, куда их толкают.

— Виль, почему же ты молчал, если знал, что твой приятель опасный убийца и врун?! — развернулась Клава к вампиру.

Тот пожал плечами, едва при этом не выдавив стекло, в которое упирался локтем:

— Я поверил его эмоциям, а не словам. Не убийство было его целью, и делал он это не по своей воле. Впрочем, подробностей он мне не раскрыл.

— Да просто все вампиры сами убийцы! — съязвил «пришелец». — С чего упырю отказываться из-за такой малости от своего приятеля? Подумаешь, несчастный случай устроил! С кем не бывает.

Такое обвинение не могло остаться без внимания: со всех сторон заговорили разом, повышая тон. Нашлись и сторонники невинности инкуба, и обвинители, а также те, кто просто возмутился хамством коротышки. Сам же «пришелец» с довольной физиономией внимал спровоцированной полемике.

— Молчать и слушать! — гаркнула Пума, легко перекрыв всех, словно это была обыкновенная лекция для шумных первоодок. — Никто не должен был пострадать в ходе эксперимента! С Михаэлем действительно произошел несчастный случай, негативные последствия которого удалось полностью устранить.

— Да уж, а моя пострадавшая психика никого не волнует, — пробурчал в полной тишине альбинос.

— Как скажете, мисс Пума, — согласился «пришелец». — Вам виднее. Всё-таки в прошлом году действительно никто серьезно не пострадал. Подумаешь, у двух десятков женщин стерли память — какие пустяки!

Кошка-некромантка помрачнела.

— Пожалуйста, Пумочка, объясни, что всё это значит? — попросила Клава, жалобно шмыгнув носом. У суккубы уже голова пухла от всего этого.

— Ладно, расскажу, — нехотя согласилась Пума. Прикрикнула, обращаясь к парням: — Но если кто-нибудь будет меня перебивать, получит двойку за семестр. Две! За некромантию и за чернокнижие.

— Так не честно! — заволновались самые говорливые.

— Так, уже всем по тройке, — мстительно сообщила Пума.

— За что всем-то? — удивился Вильгельм.

— За компанию!

Приступила Пума к рассказу с самого начала, от появления в Академии Клавы.

— Обычно я готовлюсь к занятиям с вечера. В тот раз так же: собрала все нужные материалы, перечитала план лекции. И легла спать. Откуда же я могла знать, что Основатель утащит у меня из сумки кристаллы для пентаграммы вызова и зарядит их у меня же в подвале! Он ведь способен переносить небольшие предметы, вот по очереди и уволок. А энергию для зарядки взял из аккумуляторов, к которым было подключено жизнеобеспечение гомункулов. Причем Основатель не просто зарядил кристаллы, но внедрил в них функцию поиска самой подходящей кандидатуры на должность суккубы. Ну, а дальше всем известно: только зашла речь о суккубах, парни на лекции повыпрыгивали из трусов — и дружно усилили вектор поиска. Флавиан в тот раз ничего не подозревал, равно как и я, и Сирена. Потом мы все переругались, пока Клава лежала без сознания в лазарете. Я наорала на Основателя за подставу, Сирена наорала на меня, чтобы я не орала на ее любезного. Сама она наорала на него за то, что он провернул это, не посоветовавшись с нею.

— Удивительно, что всё обошлось, — вздохнул Вольф. — Основатель совершенно не думал, что из-за выдернутой из своего мира девушки всё наше пространство может вывернуться наизнанку к чертям собачьим.

— Эгоист, — развела лапами Пума. — И с таким вот себялюбцем я вынуждена не только иметь дело, но жить под одной крышей.

Все дружно стали сочувствовать некромантке. Но та отмахнулась и продолжила повествование.

Основатель призвал суккубу не из каприза или старческой вредности. Он предполагал использовать ее способности для превращения гомункула из биотехнологической куклы в настоящее живое тело, чтобы в оное вселился его дух. Тем самым Основатель желал собственного воскрешения, вполне понятная мечта и цель для призрака величайшего колдуна. При этом он всех обязал участвовать в своем плане: Флавиану следовало обучить суккубу и найти для нее наиболее подходящих партнеров, Пума была обязана подготовить гомункула, а Сирена — прикрыть все их действия.

— Не поймите меня неправильно, — как-то смущенно добавила некромантка, — я была против манипуляции с разумными существами без их ведома и согласия, но в то же время я не могла упустить шанс провести такой грандиозный эксперимент. В общем, наука оказалась для меня важнее этических норм. За что прошу у всех вас прощение.

— Но не раскaiиваешься, — усмехнулся Вильгельм.

— Но почему нужна была я? — спросила Клава. — Ведь Флавиан проделывал нечто подобное с похищенными девушками в прошлом году!

— Если бы у него всё получилось, мы бы нынче здесь не собрались, — съехидничал коротышка хакер.

— У Флавиана есть предрасположенность к магии инкуба, однако нет врожденного дара, как у тебя, Клава, — пояснил за Пуму Вильгельм. — К тому же девушки не так охотно отдают сексуальную энергию, как парни. Парни теряют головы после первого же раза, открываются легко, так как нам самой природой положено отдавать своей паре всё, что у нас есть — ласку, пыл, сперму, зарплату. Девушки же больше расположены забирать и рассудочно планировать совместное будущее, копить энергию для производства потомства.

— Короче, батарейки из баб никудышные, — хихикнул коротышка «пришелец». — И

Флаф, как тайный агент заговорщиков, прошлогоднее задание провалил.

— В общем, да, — согласилась с выводом Пума.

— И вся кутерьма из-за того, что Сирена хочет элементарно переспать со своим любовником, а не ловить руками пустоту, когда пытается его обнять, — вздохнул Василий. — Романтичненько.

— Не уверена, что ее любовь взаимна, — покачала головой Пума. — Больше похоже на то, что Основатель позволяет ей себя любить, пока ему это выгодно.

— Да-да, он же ведь терпеть не может женщин в принципе! — вспомнила разговоры с призраком Клава. — Использует влюбленную в него русалку ради своих целей, как подло!

— Получив тело, Основатель вернет себе все магические способности, какие были у него при жизни. А был он тогда самым могущественным колдуном в этом мире, — вставил наг.

— Тогда вся Академия окажется в его власти. А следом и весь мир! — ужаснулась Клава. — С Сиреной ясно — любовь зла. Но почему Флавиан в этом участвует?

На это со всех сторон посыпались самые разнообразные предположения:

— Может, он сын Основателя от Сирены?

— С ума сошел? Как ты себе представляешь, каким образом они его зачали?

— А если Флаф влюблен в Сирену? Она же его инициировала!

— Тогда тем более зачем ему помогать своему сопернику?

— Пообещали ему много денег, только и всего.

— Инкубы и так зарабатывают хорошо. А если бы он хотел сколотить капитал и получить титул — давно бы уехал отсюда и устроился бы в каком-нибудь маленьком королевстве при симпатичной наследной принцессе. Инкубам это провернуть раз плюнуть!

— Остаться при одной невесте, когда можно иметь гарем? Не смей!

— Зачем ему гарем? Он у нас вообще бабник только по обязанностям.

— Ага, пожалей бедняжку!

— А ты не завидуй!

— Ваше бы красноречие да на экзаменах! — громко фыркнула Пума. — Чушь нести вы горазды, а как вытяните билет, так сразу немеете, как рыбы!

— Кстати о рыбах! — напомнил хакер. — У директрисы есть на каждого поступившего студента подробное досье. При таком раскладе ей не составляет труда найти нечто интересное, чтобы сделать из любого своего послушного слугу.

— Неужели они его чем-то шантажируют? — предположила Клава. — И поэтому заставили сделаться инкубом!

Все принялись думать и высказываться по новому кругу. Однако никто не знал даже того, из какой страны и из какого мира приехал в Академию Флавиан, к тому же, в отличие от других студентов, он ни разу не уезжал домой на каникулы и праздники.

— У него знаменитые родители, раз он держит это в секрете?

— Он в прошлом был преступником?

— Он сменил пол и скрывает это?

— Ерунда, суккуба заметила бы следы операции!

— Клава до него была девственницей, откуда ей знать, как и что должно выглядеть?

— Хватить городить чушь несусветную! — не выдержала, вспыхнула Пума. — Всем двойки за полугодие! За идиотизм и клиническое отсутствие логики!

Все обиженно притихли.

— Интересно, почему Флавиан не подходил к своему младшему брату? — задумчиво произнесла Клава, вспомнив сцену, случайно подсмотренную возле сквера.

— Какому еще брату? — не поняла Пума. — У него есть брат?

— Есть, — кивнула Клава. Спихватилась: — Ох, это, наверное, был их секрет! Его младший брат учится в Школе.

— Вообще-то я был в курсе, — признался Василий. — Вот только понятия не имею, почему Флаф никогда его не навещает, как родственник, хотя имеет на это право. Зато тайком то и дело отсылает всякие подарочки и вкусняшки. Кстати, они даже зарегистрированы под разными фамилиями, и младшему не известно, что старший остался в Академии. Я подумал, они просто в ссоре.

— Но Сирена точно должна знать, что они братья, — задумалась и Пума. — Вообще-то довольно удобно было бы шантажировать старшего, угрожая безопасности младшего.

— Держать ребенка в заложниках? — ахнула Клава.

— Это пока что всего лишь наши домыслы, — повела плечами некромантка. И вдруг закричала: — Берегись! Сейчас кто-то грохнется!

Она отпихнула Клаву ближе к шкапам, под прикрытие лестницы и галерейки.

И точно: в туманной дымке, мерцающей на месте потолка, ровно посередине открылась темная дыра, из нее с истошным визгом выпала медсестра из лазарета. Однако девушка в воздухе успела сгруппироваться, как цирковая гимнастка, и успешно приземлилась на ноги на груду книг.

Парни в шкафах зааплодировали и заорали «браво!». Однако Клаве показалось, что больше прыжка они оценили короткий розовый халатик, задравшийся на бедрах, так что стали видны кружевные чулки с поясом и завязками и трусики.

— Ох, так вот какой у Основателя тайник? Основательный! — вскользь огляделась медсестра. Невинно поправила полы халатика, осторожно сошла с груди разъезжающихся под ногами книг и уточнила у публики: — Мальчики, если у кого-то неважное самочувствие или возникли проблемы со здоровьем, обращайтесь. Меня сюда, хм, прислали следить за ходом эксперимента, чтобы все вернулись назад живыми и здоровыми.

— Как мило со стороны Сирены, такая предусмотрительность! А я-то подумала грешным делом, что ты успела с нашей Клавой переспать, — съязвила некромантка. И округлила глаза, заметив, как от ее шутки густо покраснели и медсестра, и суккуба. Парни в шкафах тоже это заметили, кто-то в восторге заулюлюкал, кто-то обомлел.

Развить щекотливую тему не дало появление Флавиана: инкуб с каким-то объемистым свертком в руках выпрыгнул из «дыры в потолке», ловко и, пожалуй, привычно приземлился на ворох рыхлых папок и древних свитков, подняв тучу пыли. Тотчас послышалось звонкое безостановочное чихание.

— Персик?! — узнала Клава, всполошилась: — У него же аллергия на пыль! Мой котик!

— Не волнуйся, я захватила аптечку, — заявила медсестра. Она вытащила из кармана коробочку размером с портсигар, подкинула ее невысоко в воздух — и поймала уже большим чемоданом. Клава моргнула на это фокус, сообразила, что тут скорей всего дело в элементарном магическом сжатии пространства.

Действительно, Флавиан держал на руках Персика, закутанного в плед.

— Уже можно смотреть? — высунул голову из складок ткани кот. — Мы приехали? Где мамуля? Мамуленька! Пумочка! — закричал он радостно, увидев Клаву и некромантку. Выскочил из пледа, да так шустро, что Флаф от толчка задними лапами в грудь упал обратно

в ворох свитков. Немудрено потерять равновесие — котик-то стал теперь не меньше габаритами, чем Пума.

Пока котик опасно пробирался между магическим беспорядком к ним, Пума ошарашено уточнила у Клавы:

— Этот юноша — наш Персик?

— Ах, да ведь! Ты же не знаешь, — сообразила Клава. — Просто Персик разыскивал тебя по всему городу, когда ты исчезла, и случайно попал под руку херувимчику в Школе... Погодите-ка! А если не случайно? — она оборвала саму себя на полуслове. — А если это нарочно было подстроено, чтобы лишить младшего брата Флафа магической энергии? Меня заставили высосать его так, чтобы он неделю не смог колдовать!

— Простите, мисс Клава, но это действительно была случайность, — подал голос из своего шкафа светлый эльф. — Мальчик просто не может контролировать свою силу, так что прицелиться в кота нарочно он не сумел бы при всём желании.

— Неправда! Везде заговоры! Заговоры! — веселился «пришелец».

— Ты что-то сделала с моим братом? — с подозрительностью уточнил Флавиан, подошедший следом за котом.

Персик, выгнув спину, потерся о ноги мамуленьки со вкусом и с таким усердием, что едва ее не уронил. Благо инкуб оказался рядом, и Клава упала прямо в его объятия.

— Ничего противозаконного, — пролепетала суккуба, с неловкостью уцепившись за его рубашку.

— Надеюсь, — усмехнулся он.

— Что ж ты не отправил его домой вовремя? — спросила она.

— Некуда было его отправлять, — с болью улыбнулся Флаф. — Никудышный из меня инкуб, а старший брат просто отвратительный.

В это же время Пума и Персик с не меньшим напряжением уставились друг на друга, словно увиделись впервые. Хотя по большому счету так оно и было — теперь Персик не был тем мелким земным котом, а сделался для кошки-некромантки равным. По ее обомлевшей морде сразу было ясно, что такого красавца она в жизни не видела. Под откровенно пристальным вниманием Персик смутился и не смел на нее глаза поднять, от напряжения даже замурлыкал заискивающе. И Пума растаяла мгновенно, ей никто еще не мурлыкал, тем более у всех на виду и с таким невинным прямодушием!..

Флавиан не дал Клаве отстраниться, стиснул руки на ее плечах еще сильнее, наклонился к уху, едва слышно зашептал:

— Я договорился с медсестрой, она заблокирует твою способность откачивать энергию, и ты станешь неинтересной для Основателя и Сирены.

— Но как же?.. А если они?.. — пробормотала Клава в растерянности. Флавиан вдруг решил вывести ее из дела? Значит ли это, что ей грозит опасность? Но что тогда сделают с ним самим?

— Надо спешить, — отрезал он.

Разумеется, они не успели.

24

— Привет дружной компании! Вижу, тут у вас шумно и весело, — объявила Сирена, плавно спускаясь с высоты, словно на невидимом тросе. Она по-прежнему была при двух ногах, а в руках держала цветочный горшок с землей и с чахлым цветочком незабудки.

— Землю с могилы Основателя притащила, чтобы он мог тут показаться, — пояснила

для Клавы Пума.

Действительно, следовавшего за русалкой призрака суккуба не сразу разглядела на фоне светящегося потолка.

Спустившись, Сирена поставила горшок с землей под стол, на котором лежал голем, а с самого голема она суетливо сдернула покрывало. Основатель встал возле стола, с легкой брезгливостью разглядывая предназначенное для него вместилище.

— Пумочка, ты всё приготовила? Надеюсь, оживление можно начинать без промедлений? — с лихорадочным предвкушением спросила директриса.

Некромантка проворчала, что ее лучшее творение давно в полной готовности. Она подошла к столу, занялась контрольной проверкой подключенных к телу приборов. Как издали разглядела Клава, голем действительно был похож на куклу — эдакий двухметровый Кен с ямочкой на волевом подбородке.

— Флаф, будь добр, позаботься о нашей суккубе, — продолжала раздавать указания Сирена.

— Прости меня, — шепнул он, не глядя Клаве в глаза. И застегнул ей на запястьях два массивных браслета, покрытых рунами и кристаллами.

— Ты не виноват, — вздохнула Клава, — наверное.

— Итак! Раз все готовы, — воскликнула Сирена, хлопнув в ладоши, — давайте же начнем!

— Эксперимент века, — насмешливо проворчал Основатель.

— Клава, сосредоточься на потоках энергии, — деловито велела ей Пума.

И Клава завопила — не столько от неприятных ощущений, хотя голова резко закружилась, так что Флавиану снова пришлось ее обнять, сколько от неожиданности: через ее тело полилась целая река энергии! От каждого парня и мужчины, сидевших в шкафах, к ней протянулась струйка силы, и все вместе они составили бурлящий водопад не слабее尼亚гары.

— Меня мутит! — пожаловался Эдди.

— А я сейчас блевану, если не прекратите, — пригрозил коротышка-хакер.

— Потерпите минутку, — рассмеялась Сирена. — Мы быстро управимся. Да, Пумочка?

— Энергетический поток пойман, напряжение стабильное, — отозвалась некромантка, щелкая кнопками и переключая рычажки на приборах. — Направляю энергию во внутренний контур голема.

— Дорогой, приготовься! — обратилась Сирена к Основателю.

Тот поморщился и огрызнулся:

— Попрошу без указаний.

— Прости, я волнуюсь, — повинулась русалка. — Мы так долго готовились к этому моменту!..

И тут голова голема лопнула, как шар из папье-маше, набитый взрывчаткой.

— Что?! — взвизгнула Сирена.

— Ох, блин!.. — расслабилась Клава, обмякла в крепких объятиях Флавиана.

Запястья под раскалившимися браслетами перестали зудеть и ныть, словно исколотые иголками. Система при големе резко прекратила доить из нее энергию, при этом струйки силы от парней продолжали течь со всех сторон, наполняя суккубу буквально до распирающей эйфории.

Особенно выделялся поток, идущий от Флавиана. Клава не сразу его распознала, так как инкуб стоял у нее за спиной и прижимался вплотную. Его бессловесное обращение к ней

имело привкус клубничного зефира с ноткой мятной мигрени и бананового раскаянья. При всей своей странности, этот поток был самым вкусным... Если не считать еще один.

Клава поразила: самый мощный поток окутывал всё помещение, он не был струей — он был всепоглощающей, проникающей во все прочие потоки тучей. Так что не удивительно, что она его с трудом заметила. Это как искать хобот и не заметить слона! Она даже понять не могла, от кого он исходит, кто же влюблен в нее больше всего на свете. Впрочем, у нее не было на это времени.

— Ты испортила его специально! — накинулась Сирена на Пуму.

— У меня лапа не поднялась бы! Это лучшее мое творение! — кричала в ответ некромантка, скаля клыки.

— Значит, поток энергии сделала слишком сильным! — искала причину неудачи Сирена, чуть не плача от разочарования.

— Нормальным был поток! — парировала Пума. — Я знаю, что делаю! Это твой призрак не захотел влезать в голема! Не понравилось ему, видите ли, искусственное тело! Лампочками в боку светить не пожелал, привередничать изволит!

Русалка в растерянности оглянулась на Основателя:

— Дорогой? Но ведь мы же договорились, что это временное решение? Ты согласился потерпеть!..

— Сомневаюсь, что тебе самой понравилось бы заниматься любовью с некромантской куклой, — пожал плечами призрак. — Давайте не будем зря терять время и искать виноватого. Не получилось, и ладно. Предлагаю попробовать иной вариант.

— Какой же? — нахмурилась Сирена.

Основатель усмехнулся — и указал на живописную группу из суккубы, жмущегося к ее ногам Персика, распушившего хвост трубой и загривок гребнем, а также Флавиана.

— Персика не отдам! — мявкнула в ужасе Пума.

— Не кот и не суккуба, тогда... — пробормотала русалка. И закричала: — Нет! Мы так не можем поступить! Одумайся, это будет убийством!

Она осеклась и засипела. Основатель лишь махнул рукой в ее сторону, и крошечные голосовые связки в ее горле стиснуло спазмом. Русалка выпучила глаза, принялась хватать воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Однако призрак не удостоил ее ни единым взглядом.

— Пума, я собираюсь вселиться в этого милого юношу, — проговорил Основатель, надвигаясь на обмершую Клаву и не сводя пронзительного взгляда с инкуба за ее спиной. — Помоги, будь любезна.

— Нет! — рявкнула некромантка.

— Отказываешься? — изобразил улыбку призрак. — Что ж, тогда мне придется убивать по одному мальчишке, пока не передумаешь. Пережать маленький кровеносный сосуд в сердце или в мозге мне под силу, не сомневайся.

— Ты не посмеешь! Они нужны тебе все! — попыталась поймать его на блефе Пума.

— Уже не нужны. Посмотри сама: суккуба чуть не светится от переполняющей ее энергии. Этого мне более чем достаточно.

Пума промолчала, только уши нервно дергались и хвост стегал по полу.

— Подойди ко мне, Флавиан, — велел ласковым тоном Основатель. — Не прячься за своей возлюбленной шлюхой. Впрочем, ты и сам не без грешка, два сапога пара. Жаль, что не могу выбрать кого-то другого вместо тебя — такое обилие самцом, а годишься ты один...

Ну же? Или ты хочешь, чтобы умер твой маленький братишка? Учти, это мой тайник, и теперь я могу перемещаться отсюда в Академию и обратно за мгновение ока.

— Вы не сможете добраться до Школы! — возразила Клава, вцепившись в инкуба и не пуская его выйти вперед, закрывая его своей грудью. — Вы же не имеете права отойти далеко от кладбища!

— Наивная моя девочка! — усмехнулся призрак. — Академия — дело всей моей жизни. На каждом перекрестке стоит моя статуя. В каждом кабинете и в каждом доме висит мой портрет. Я здесь бог! Создатель и хранитель.

— То есть вы и через портреты можете проникнуть, куда вам вздумается, — с ужасом поняла Клава.

— Умница, сложила два и два, — посмеялся призрак. — А теперь посторонись и не мешай. И будь любезна, направь в меня твою живительную энергию.

Клава решительно стиснула зубы. Уж она ему направит, мало не покажется! Но сперва нужно было позаботиться о другом:

— Персик, отойди к Пуме! — велела она.

— Но, мамуленька! — испуганно захныкал кот.

— Твоей хозяйке ничего не грозит, животное, брысь! — шикнул на кота призрак.

Персик шарахнулся в сторону. Пума подбежала к нему, обняла, хотя сама тряслась не меньше, пусть и не от страха, а от злости. Призрак же продолжал ворчать:

— Развели в Академии зоопарк! Мало того, что женщин пустили, так еще всяческих зверюшек набрали, нелюдей, уродов. Учить кентавров магии, ха! Это ж надо было додуматься! Я помню, кто из Совета имел глупость предложить такую моду. Жаль, я поздно догадался, что таких идиотов надо во сне душить — нет же, в память о нем другие идиоты проголосовали за! Всех не передушишь, увы.

— Ну, что, суккуба? — прикрикнул он на Клаву. — Что ты копаешься?

— Держи! — воскликнула Клава. Сложив руки вместе и выставив два указательных пальца пистолетом, она представила, что стреляет в призрака. На поражение! Она всем сердцем пожелала, чтобы он взорвался и развеялся на мелкие электроны...

И Основатель впрямь разлетелся, как воздушный шарик, в бабахнувшей вспышке яркого света. Клава на мгновение зажмурилась, затем поморгала:

— Я его того? А?.. — с надеждой пробормотала она.

— ВЕЛИКОЛЕПНО! — заорал Основатель трубным гласом, так что все схватились за уши.

Клава чуть не затопала ногами от огорчения: ничего у нее не вышло. Призрак как развеялся, так и обратно собрался! Да еще стал гораздо плотнее и ярче, чем был прежде — уже и не совсем призрак, но еще не человек.

— Это великолепно! — закричал Основатель, ощупывая сам себя за руки, туловище, за голову и лицо. — Я переполнен жизнью! Я при жизни таким живым себя не чувствовал! Кажется, я даже сексуально возбужден! — Он с восторженным недоверием оттянул пояс и заглянул себе в штаны.

Сирена, будучи не в состоянии выговорить ни слова, только всхлипнула в робкой радости. Однако приближаться к возлюбленному пока благоразумно остереглась.

— Я знал, что вы все идиоты, но не верил, чтобы настолько! — продолжал орать в эйфории Основатель. — Самцы не просто поддались чарам суккубы! Здесь есть один совсем без разума! Вернее — без ума. Безумно влюбленный, до полной потери инстинкта

самосохранения!

Хохоча, Основатель указал пальцем в Флавиана.

— Идиот! Ты по-настоящему в нее влюбился! Ха-ха-ха! Безумец! Жертва древнего инстинкта размножения! И как тебе эта сладкая мука? Ревнуешь и терпишь, что твоя самка ложится под других самцов? И хуже того, она получает удовольствие под ними, при этом не сгорает от стыда. А ты ни слова не можешь ей сказать! Ты сам такой же — ублажаешь других, а мечтаешь о ней одной. Ха-ха! Какие вы идиоты!

Он чуть ли не пополам сгибался от хохота. И резко прекратил. Выдохнул, продолжил разговор почти обычным тоном, только изредка всхлипывая от сдерживаемого смеха, кривя рот в ухмылке:

— Я передумал. Клавдия, ты хочешь, чтобы я не забирал тело твоего драгоценного Флавиана?

— А можно? — спросила та, ожидая подвоха.

— Да, деточка, можно, — ухмыльнулся Основатель. — Мне не нужно его жалкое тело человека, притворяющегося инкубом. С твоей энергией я легко сделаюсь истинным богом. А богам плотская оболочка не требуется. Просто выпей любовь своего милого Флафа до дна и передай эту энергию мне.

Клава лихорадочно пыталась понять, в чем же ловушка этого якобы простого предложения.

— Не делай этого! — прохрипела Сирена, изо всех сил борясь с болью и комком в горле. — Если выпьешь Флафа, он умрет!

— Умереть от любви, пасть замертво под ноги возлюбленной — прекрасная смерть для любящего, разве нет? — провозгласил Основатель, не отрицая ее правоту. Развернувшись к русалке, он легко сбросил с ладони в ее сторону трескучую ломанную линию молнии, и русалка снова захрипела от боли, повалившись на никому уже не нужные книги.

— Сделай это, — воспользовавшись моментом, торопливо шепнул Клаве Флавиан, отважный и хмурый в своем самоотверженном решении совершить героический поступок. — Как только он обретет достаточную плотность — взорви его! Ради этого можешь пожертвовать моей жизнью. Вернувшись, он уничтожит в безумии Академию, а затем примется за иные миры, за твой тоже.

Клава кивнула. Она не знала, что ответить, и сказать вообще что-нибудь боялась, очень уж хотелось сорваться на слезы и истеричный рёв от нервной усталости. Поэтому лучше стиснуть зубы и попытаться что-нибудь сообразить. Судьба мира (нет, даже миров!) в ее руках — не это ли мечта каждой попаданки?! Значит, у нее нет права оплошать. Просто нет, и точка.

Ну, а на нет и суда нет. Если выход есть по определению, она его найдет... Уже нашла!

Клава улыбнулась: вот оно! У нее есть козырь в рукаве. Как и она сама поначалу, Основатель не видит слона за хоботом. И кто из них после этого идиот?

Она мысленно потянулась к Персику, погладила его по шерстке. Кот, почуяв ее обращение, прекратил хныкать и икать в объятиях мрачной Пумы.

— Мамуль?

— Не бойся, лапуль, мамочка всё устроит, — уверенно пообещала Клава.

— Нашла время сюсюкать со своим котом! — всплеснул руками уставший ждать Основатель. — Вот за что я баб презираю — за их...

Он не договорил, ибо Клава, почерпнув половину энергии из чувств Флавиана, а вторую,

большую половину, из чистой и безграничной любви своего котенка, — ударила с такой мощью и посылом, что вся библиотека зашаталась и заскрипела.

— Сырой магией шибает! Нифига себе! — взвизгнул кто-то, кажется, «пришелец».

Клава раздосадовано цыкнула: цель каким-то чудом почуяла подвох и успела увернуться.

— Чуть в меня не попала, дура! — заорал Основатель, брызжа призрачной слюной. — Попаданка и есть безмозглая! Таким макарком пространства дырявят, коза ты необразованная!

— Ты же сам просил в тебя целиться, запомятовал уже? — фыркнула Клава. И снова подняла руки, сложенные пистолетом.

— Совсем рехнулась?! — завопил Основатель. И подлейшим образом в последний миг спрятался за Фавианом.

Клава ахнула — уж в кого, а в инкуба «стрелять» поражающим зарядом она не хотела. Но поздно: поток сорвался с ее рук и ударил в препятствие.

Однако взрыва не последовало. То ли сказалось то, что половина энергии была взята из самого же Флафа, то ли помогла его сущность инкуба, к любовным токам привычная. В общем, Флавиан засветился с макушки до пят, недоуменно взмахнул ресницами. И исчез в воронке стихийно возникшего портала.

Клава издала решительный вопль — и дельфинчиком скакнула в затягивающийся портал следом за инкубом. Едва-едва попа не застряла, но суккуба поднатужилась и протиснулась.

— Идиоты!!! — услышала она вдогонку желчное.

И портал смачно чмокнул, сомкнувшись.

— ...Я инкуб наполовину, паршивый старший брат, посредственный любовник и ноль в роли возлюбленного... — услышала Клава бормотание. Мысленно усмехнулась: эдакий анти-аутотренинг. Разумеется, это ее дорогой Флаф убивается, кто же еще.

— Ты не ноль, ты отрицательная величина, ибо всё отрицаешь и сам себя ешь поедом, — проворчала она. И, жмурясь от яркого солнца, потянулась обнять сидящую рядом на траве вредную задницу.

Флавиан заткнулся, подавился непроизнесенными возражениями и тысячей доводов в пользу своей непригодности. Вместо глупых слов суккубу окатила такая волна нежности, что впору купальник надевать. Клава нежилась и наслаждалась: потерлась щекой о шершавую ткань его брюк, забралась рукой ему под рубашку:

— Самоед ты мой!.. Эх, ладно, хорошего помаленьку, — окоротила она сама себя с великим усилием воли.

Села, открыла глаза, обозрела местность: земля, небо, простор во все стороны. Ничего, кроме жухлой жесткой травы. И они двое. Клава никогда в жизни не бывала в степи, но, кажется, это она и есть, иначе не назвать. Даже на горизонте холмов или гор не наблюдается — плоскость абсолютная.

— Ну, и где мы очутились? — высказала она главную мысль вслух.

— Я идиот. И трус, — критично покаялся Флавиан.

Клава на это утверждение красноречиво выгнула бровь, но перебивать не стала.

— Когда ты там сражалась, я не знал, что делать. И в глубине души страстно желал оказаться дома. Просто дома, у моих родителей, и чтобы не было никаких проблем.

— Ну, логично, — кивнула Клава. — Нормальная мысль для нормального человека. И где твой дом? Куда идти-то?

Флаф горько улыбнулся:

— Идти некуда. Дома нет.

— Как так? — заранее расстроилась Клава, поняв по его тону. — Всех... убили?

Он пожал плечами.

— В прошлом году я недостаточно старался, собрал мало энергии, и Пума не смогла поднять голема для Основателя. Тогда он еще был согласен на искусственное тело, м-да.

— А почему они вообще тебя завербовали? — потребовала начать с начала Клава.

— Понятия не имею, почему выбрали меня. Я просто привез братишку поступать в Школу, и Сирена вдруг вызвала меня для разговора, наобещала золотые горы, диплом и профессию. Я ведь в нашем захолустье о таком и не слыхал. Показалось, что передо мной открылись врата рая. Ну, а потом оказалось, что способности у меня посредственные. Основатель решил, что я не приложил достаточно усилий, чтобы решить возложенную на меня задачу — не довел до страстного безумия выбранных в доноры клиенток. Поэтому он использовал собранный мною тогда заряд, чтобы сдвинуть временную ось над моим родным домом. То есть запер моих родителей и всю семью с домочадцами в петле времени. Сейчас здесь, — он постучал кулаком по земле, — кусок пространства, вырванный из прошлого трехмиллионнолетней давности.

Клава присвистнула.

Затем прищурилась: он не врал и его не обманули. Сквозь пустую степь просвечивали струны энергий, тянущиеся в сдвинутое пространство. И там жили люди. Там стояло поместье: большой дом хозяйской семьи, фермы арендаторов, домики работников, коровье пастбище, загон для табуна лошадей, свинарники, сараи, сыродельня, курятники, винный погреб...

— Поэтому мне и пришлось врать тебе. Им нужна была суккуба, а я просто должен был сохранить брата. Он — это всё, что теперь у меня осталось.

— К твоим родителям будет классно приезжать на летние каникулы, — облизнулась Клава на примеревшийся запах молодого сыра. Да с молодым вином, мм!..

Флавиан шумно сглотнул и посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

— Только Основатель знает...

— Старый маразматик! Что он знает? — рассмеялась Клава. И поцеловала опешившего Флафа в губы.

— Впрочем, кое-что он знает, — улыбнулась она ему, дурашливо потерлась губами о губы, носом о нос. — Так выходит, ты меня любишь?

— Ну, вроде бы, — пробормотал он.

Клава зажмурилась от вновь накатившей волны энергии. Кажется, если она сейчас куда-нибудь эту всю силищу не спустит, если что-нибудь не вытворит — ее просто разорвет от счастья на тысячу, на сотню тысяч маленьких Клавочек!

— Позови их, — прошептала она, прислушиваясь сквозь перевернутый трехмиллионнолетний кусок мира.

— Кого? — шепотом спросил Флаф, самозабвенно лова губами ее сомкнутые ресницы.

— Твоих родителей. Позови их.

Он не поверил разумом. Но разгорелся сердцем. И послушно обратил мысль к таким далеким, но самым близким людям.

— Еще, продолжай, — шептала она, не двигаясь, не шевелясь — и в то же время стараясь изо всех сил распутать клубок, запутанный противным самовлюбленным старикашкой, считающим других непроглядными идиотами.

Флавиан обнял ее и прижал к себе, уткнувшись носом в ее шею.

— Есть! — выдохнула Клава. — Поймала. Теперь тянем-потянем... Закрой глаза, сюрприз будет.

Флаф крепко зажмурился. И их накрыл шум жизни: издалека доносилось мычание коров, всхрапы лошадей, топот, скрипы, стуки, жужжание работающей техники, крики петуха, говор и смех людей. Всё это было пока еще прозрачным, дрожащим, как мираж, но уже почти реальным.

— Там узел остался, — сбивчиво пояснила Клава, хмуря брови и виня себя за криворукость. — Я просто побоялась порвать поток, поэтому сильно дергать не стала. Лучше позовем сюда кого-нибудь знающего из Академии, чтобы поставили всё на места и закрепили, как надо.

Флавиан не сводил с нее сияющих глаз и не мог выдавить ни слова.

— Что? — Она слегка пихнула его кулаком в живот. — Выдыхай уже!

— Обожаю тебя! — выкрикнул он так громко, что Клава всерьез побоялась, как бы в поместье их не услышали.

— Ну, я ж не зря учебники читала... Пару штук... Пару глав... — пробурчала она, потупившись.

Флаф сорвал с шеи свой медальон инкуба — и облил Клаву таким количеством энергии, что та на него заругалась:

— Расточитель! Ну что ты творишь?..

За его спиной вновь открылся портал:

— Идем? — протянул Флаф ей руку.

— Куда? — только и успела она спросить, как их затянуло в дыру между измерениями.

И выплюнуло в спальне в коттедже Пумы.

— Кажется, у меня появился второй дом, — прошептал Флаф, крепко прижимая к себе Клаву. — Там, где ты.

— Фу, как романтично, ты меня придушишь, — проворчала она, выкручиваясь из его рук, ощущая, как предательски пылают щеки. — Думаю, не долго Пума согласится терпеть меня в своем доме. Тем более если они с Персиком поженятся, выгонят меня на улицу.

— Мне всё равно, где. Лишь бы с тобой, — не унимался инкуб. — Куплю нам особняк с видом на площадь...

— Только не с башней в окне! Не хочу!

— Тогда и я не хочу.

Клава раздраженно запыхтела: не чересчур ли рано они начали планировать совместный быт? Слишком уступчивого мужа-подкаблучника она тоже не хочет!

— Раз уж мы здесь, надо утеплиться, — решила она, выдвинула ящик тумбочки, где держала нижнее белье. — А то прохладно в этой твоей степи. Да и светить задом перед Основателем не хочу, когда вернемся и будем спускаться из дыры в потолке.

Флаф промолчал, но она отчетливо ощутила кольнувшую его мысль — не желает, чтобы парни видели ее без трусиков. Клаве показалось это забавным, но она поспешила перевести разговор на другую тему:

— Надеюсь, Пума присмотрит за Персиком, пока мы тут гуляем по миру.

— Сирена тоже разозлилась, — поддакнул Флаф. Клава усмехнулась: он смутился и отвернулся, когда она выбрала себе трусики! — Озверевшая директриса страшна в гневе, даже Основателю не поздоровится, если не сумеет ее усмирить. Я подожду тебя внизу, ага?

— Ага, — кивнула Клава.

Она решила платье не менять, но лифчик всё-таки надеть: пусть ее груди сейчас в идеальной форме, однако при резких поворотах корпуса всё-таки мешают центробежной силой — бывает, что заносит...

Одевшись, она оглянулась на окно, где стоял кактус Борис в своем облупленном горшке из «прошлой жизни».

— А про тебя-то я совсем забыла, — вздохнула она. — Извини, колючий мой. Вот разберемся с величайшим колдуном вселенной — и пересажу тебя.

Она полила растение остатками чая, благо на тумбочке возле кровати нашлась забытая чашка.

И выронила чашку из дрогнувших пальцев, взвизгнула на весь дом от неожиданности.

— Что случилось?! — грохнул дверью взлетевший с топотом по лестнице Флавиан. Под мышкой он держал банку с гомункулом, человечек болтался в воде зеленый и кислый — укачало от тряски, не привык, чтобы с ним носились по крутым ступенькам.

— Да вот, испугалась немного от неожиданности, — кивнула на кактус Клава. — Похоже, он тоже здесь акклиматизировался успешно.

Борис смотрел на них в оба круглых глаза, заинтересованно хлопая колючими ресничками. Глаза располагались примерно на середине дубинко-образного зеленого ребристого тела растения. Если же брать в расчет две пухлые ветки по бокам, то форму кактуса можно было сравнить с трехрожковым классическим канделябром. А если присмотреться к небольшим отросткам, выросшим невысоко над землей — два шарика внизу и один «палец» над ними, то становилось очевидно, что Клава с выбором имени не ошиблась, кактус впрямь был самым настоящим парнем.

— Чего еще ожидать от любимого цветка суккубы! — хохотнул Флаф. — Вот погоди, он себе скоро вырастит пасть с зубами и языком, шесть ног, три хвоста — и будет везде таскаться за тобой, стуча горшком и стреляя в твоих любовников колючками.

— Вот и зачем ты ему это всё подсказал?! — возмутилась Клава. — Хотя вроде ушей он себе еще не отрастил. Надеюсь.

— Не надейся! — рассмеялся Флаф.

25

Почти бегом взлетев по винтовой лестнице, инкуб и суккуба взяли за руки и бесстрашно прыгнули в колодец пролета.

На удивление их спуск «с небес на землю» остался без внимания. Тайная библиотека наполнялась шумом ссоры: Сирена обрела голос и теперь высказывала поблекшему Основателю всё, что накопилось, хлопая по истрепанным книгам на полу вернувшимся рыбьим хвостом. Призрак даже словечка вставить не успевал в свое оправдание, только ёжился и бездарно терял энергию, полученную от суккубы.

— ...Тебя не в голема тебя в консервную банку надо после такого запереть! И в море выбросить, как бешеного джинна!

Пока «милые бранились», Пума и Персик лазили по шкафам и отпирали замки, освобождали засидевшихся узников.

— Бедняжка! Его сейчас стошнит, — скучавшая в сторонке медсестра приняла из рук

Флавиана банку с бледным гомункулом. Откупорив крышку, кинула человечку в раззявленный рот несколько пилюль, найденных в аптечке. — Собираетесь Основателя в этого крошку запихнуть? Хорошая идея, я давно Пуме это предлагала, но Основатель капризничал. В таком теле у него будут ограничены возможности применять магию, что на мой взгляд совсем неплохо. Незачем ему великие силы, пока он не прошел тесты на психическую вменяемость. Зато он сможет участвовать в дискуссиях Совета Старейшин и вернет себе право голосовать на собраниях. Надеюсь, хоть это его немного успокоит.

— И кофе дуть будет, сколько влезет, — поддакнула суккуба.

— Что вы там бормочите?! — с подозрением ринулся к ним Основатель.

— Куда ты? — рявкнула на него Сирена. — Я с тобой еще не договорила!

И она, не раздумывая, выпустила клуб огня, который, расширившись, поймал в себя завершавшего призрака и начал сжиматься, удушением своей жертвы демонстрируя всю злость русалки.

— Как удачно! — оценил Флаф. — Клава, давай скорее, пока она его держит!

— Парни, позвольте мне еще разок одолжить у вас силы! — выкрикнула суккуба на всю библиотеку.

— Для тебя — сколько угодно! — ответил Вильгельм за всех, и остальные его поддержали.

Заручившись помощью бывших узников, Клава под руководством Пумы заперла отчаянно сопротивляющегося Основателя в гомункула. Получилось у нее, правда, с пятой попытки, но зато получилось.

Когда русалке торжественно вручили в руки надувшегося гомункула с мрачной физиономией Основателя, медсестра понадобилась уже Сирене — у директрисы случился нервный припадок с бурной истерикой...

Кстати, недолго она потом оставалась директором Академии. Когда начальство Академии узнало о тайном заговоре под руководством Основателя, Сирену Ску-Брию разжаловали в тренеры по плаванию. Место исполняющего обязанности директора занял Вольф.

Вольф вместе с нагом помогли Клаве вернуть на место «малую родину» Флавиана. Совет старейшин грозился вручить суккубе орден за спасение людей из петли временного парадокса, но Флавиан попросил не предавать широкой огласке этот инцидент. Как выяснилось, те, кто был в заколдованном поместье, ничего не заметили — просто пропал один год из календаря, и всё. Такую «цифровую» нестыковку в их памяти маги-специалисты легко уладили минимальным внушением. Поэтому Флаф и не хотел, чтобы родителям и остальным о случившемся вообще рассказывали. Еще хуже, если бы это стало известно всему миру, — налетели бы репортеры и принялись бы допытывать перепуганных и ничего не понимающих людей расспросами, сочинять сенсации, одна ужаснее другой, и всячески мешать нормальной деревенской жизни. А бабушка у него была уже немолода, а мама и тётя очень впечатлительные... Хорошо, что все похищенные согласились принять извинения от Сирены и не стали писать официальную жалобу и заявлять в суд, иначе огласки точно невозможно было бы избежать. Суккуба за это всех горячо отблагодарила.

Единственное признание, на какое согласился Флавиан под давлением Клавы — встретился с братом и открылся ему, что поступил в Академию и стал инкубом. Как она и ожидала, херувимчик моментально поссорился с ними обоими и потребовал откупных, чтобы ему был резон держать язык за зубами и не растрезвонить консервативно

настроенным родителям о позорном поприще Флафа и о его невесте-развратнице. Флавиан разозлился и объявил изумленному братишке, что скрывать свою будущую жену от родителей не собирался.

Клава после такого заявления еще долго ходила под впечатлением.

Впрочем, она не расстроилась, когда Пума и Персик поженились вперед них. Кошкам получилось договориться друг с другом гораздо быстрее, чем инкубу и суккубе. К тому же некромантке не потребовалось шить подвенечное платье у придирчивой и неторопливой тети Бетси, заказывать туфли у тети Петси, перчатки и шляпку у тети Френси, а огромный многоярусный свадебный торт у тети Мэнси. В праздничном наряде Пума ограничилась белыми варежками и бантом на шее, а пирушку устроили в заведении Стивена Спрута.

В тот веселый вечер, плавно перетекший в ночную гулянку, нашелся еще один счастливый повод для тостов: сияя и смущаясь, Стив объявил, что скоро станет папой. Он решил, что глупо и дальше ждать до старости, когда ему улыбнется счастье обрести вторую половинку, лучше сразу подумать о детях. Двенадцать икринок, сброшенных Сиреной в его бассейн, оказались оплодотворенными. Из остальных он с чистой совестью приготовил закуску для кошачьей свадьбы.

Все друзья наперебой принялись заверять Клаву, что среди тех двенадцати крошечных младенцев с жабрами и хвостами нет и быть не может отпрысков Флавиана, так как он всё-таки инкуб, пусть и не самый успешный, но в состоянии контролировать плодородность своего семени. И всё же настроение суккубы в этот вечер оказалось сильно подпорчено. Так что виновнику ее сомнений пришлось смириться с бурной групповухой с участием осьминога, пони-кентавра и вампира. Не первой и далеко не последней в их начинающейся семейной жизни.

Да, Клавдия после долгих раздумий решила остаться жить в городке при Академии. И продолжать работать суккубой, раз такова ее судьба. Всё-таки гораздо лучше быть там, где ты нужна, делать то, что никто другой делать не может, принять своё призвание и внутреннюю сущность, чем бороться всю оставшуюся жизнь с самой собой, проиграть и понять под конец, как жестоко ошиблась в своем упрямстве. Тем более муж терзался точно такими же сомнениями — ровно до тех пор, пока оба не поклялись друг другу на магически заряженных обручальных кольцах, что ревновать к клиентам и друзьям никогда больше не будут.

Правда, в этом отношении Клаве приходилось несравненно легче: после окончания учебы Совет с легкой лапы Вольфа единогласно назначил Флавиана на пост директора. Якобы такому обаятельному директору высокопоставленные дамы из Министерства ни в чем не откажут.

К этому времени он нашел и воспитал себе талантливую ученика и приемника в лице Эдди. Проснувшаяся в пони-кентавре сила оказалась по счастливой случайности даром инкуба. Так что большинство забот Флавиан переложил на его выносливую широкую спину, а себе оставил только консультации. Секса с ненасытной женой Флафу хватало более чем, а разнообразием он был уже сыт. Клава же подсказала кентавру, что можно самых романтично настроенных клиенток катать по парку, начинающих ведьмочек удовлетворять с помощью «переднего агрегата», а искушенных незамужних преподавательниц радовать мощным «орудием». В общем, при таком раскладе все остались довольны.

Перед свадьбой, охватившей весь городок целиком, Клавдия ненадолго слетала в свой

родной мир, чтобы представить жениха родителям, попрощаться с ними, объявив, что уезжает жить на другой конец планеты. Впрочем, расставание не получилось слишком тягостным, так как мама полностью была очарована зятем, а отец одобрил преобразование дочери. К тому же Клава пообещала время от времени звонить через сеть и писать электронные письма, присылать фотографии.

Она рассчиталась за квартиру, забрала немногие любимые вещи — и вздохнула с невероятным облегчением, поняв окончательно, что терять ей от переселения совершенно нечего. А если вдруг что-нибудь понадобится — что угодно можно приобрести через подключенный земной интернет.

— Ура! Бабуля пришла! Пирожки принесла!

— Принесла, но на обед! Сейчас не дам! — Клава подняла корзинку с провизией для пикника над головой, чтобы облепившие со всех сторон котята не добрались до пирогов раньше времени.

— Бабуля жадина-говядина! Пирогов для родных внучат ей жалко! — хрюкнул в кулак Флавиан.

— А у дедушки Флафа в карманах есть конфеты! — сообщила Клава котяткам.

Орава с воодушевленным мяуканьем отлепилась от нее и напала на инкуба, принялись обыскивать, обшаривать. Самые шустрые мальчишки тотчас воспользовались шансом и залезли ему на загривок и на голову, хотя ясно ведь, что на плечах и за ушами конфеты он точно не спрятал.

— Мамуля! — выскочил из дома Персик, с недавних пор дипломированный специалист по лингво-программированию, защитивший диплом на тему «Воздействие на мозг звуковых волн и вибраций мурлыканья и сходство оного с эффектом фольклорных колыбельных». Увидев, что творит его орава, кот принялся ругаться на мелюзгу, отгонять и отрывать от «дедули», отчего Флаф взвыл в голос, ибо котята держались за него всеми когтями и сдаваться не собирались.

Клаве оставалось только посочувствовать коту — у Пумы внезапно поменялось расписание, поэтому на давно запланированный пикник она опаздывала, но обещала появиться сразу после лекций. Пока что Персику, взявшему отпуск, приходилось следить за восьмью котятами в одиночку. «Бабулю» и «дедулю» хвостатая полосато-золотистая орава не слушалась совершенно. Клава и рада была бы помочь с воспитанием, да без толку. При ней, по словам Персика, котята словно с поводка срывались и готовы были хоть на люстре качаться с утра до ночи без перерывов на обед.

Гомонящая орава внезапно потеряла интерес к «дедуле» и укатилась по тропинке вперед взрослых, отлично зная маршрут до речного пляжа, где и планировалось устроить пикник. Персик, едва успев запереть дом, понесся за ними, оставив сумки с полотенцами и пляжный зонтик нести Флавиану.

— Подожди, — остановила мужа Клава, прежде чем он подобрал брошенные на крыльце сумки. Суккуба заговорщицки ему подмигнула: — Пока в доме никого нет, давай пару минут отдохнем на задней веранде? Ты помнишь, о чем я давно мечтаю?

— Угу, — нахмурил брови Флавиан. — О всяких непристойностях с участием тебя, меня и кресла-качалки. А если котята вернуться, чтобы проверить, почему мы здесь застряли? Что ты детям скажешь?

— Как будто они не пронюхали, зачем их мамка с папкой в спальне запираются! —

засмеялась Клава. — Девчонки-то еще стесняются, а мальчишки меня давно расспросили про аистов и капусту.

— Бесстыжая суккуба! — покачал головой супруг. Попенял ненасытной жене: — Ты же ведь только что с работы! Неужели тебе мало?

— Вот именно! — подхватила его под локоть Клава, потащила за угол дома, однако упрямый муж упёрся, уцепившись за перила крыльца. — Я целое утро работала без передышки! Пятерым первокурсникам выровняла энергопотоки, вся измучилась, измаялась! И что мне в награду? Жалкие два оргазма за всё утро! Это же смешно! Я только в охоту вошла! Давай-давай, утоли мою жажду, инкуб мой персональный!

— Не на улице же среди белого дня! — упорствовал муженек. — Поимей совесть!

— Я не хочу совесть, я хочу иметь своего супруга! — Клава поменяла тактику, перестала его тянуть, вместо этого припала к мужниной спине своей грудью, принялась мять его зад обеими руками, пока еще через брюки.

— Прекрати использовать на мне свои штучки! — взмолился он, обняв столб крыльца, как родной.

— Ты меня сам научил этим штучкам! — парировала Клава, жарко дыша в шею и неторопливо расстегивая пояс на брюках.

— Этому безобразию я тебя точно не учил! Ведите себя прилично, мадам! Вы всё-таки жена директора Академии! — сорвался на строгий, при этом ужасно эротичный шепот Флаф, тая под ее руками, как лед под солнцем.

— Я не могу прилично, я же суккуба! — засмеялась Клава. — Стой так, стой! Мне очень нравится твоя поза. Давно хотела попробовать.

— Что? — напрягся инкуб.

— Ничего особенного, дорогой. Расслабься, тебе понравится, — успокаивающе пробормотала Клава, приспуская ему штаны и досадуя на обнаружившиеся под ними трусы.

Хвост, выглянувший из-под подола ее легкого летнего платья, в нетерпении извиваясь, оплел ногу инкуба, по-змеиному подбираясь кисточкой вверх от колена к ягодицам.

Заметив оный, Флаф от столба отпрыгнул, как ужаленный:

— Клава! — громко и сурово одернул он расшалившуюся жену. Торопливо подтянул штаны.

— Да, дорогой? — невинно отозвалась она. Облизнула губы, сексуальная как никогда. От такого зрелища инкуб подрастерял возмущение.

— Клава, — сменил он тон на просительный. — Я же говорил тебе, что не хочу менять ориентацию.

— А ты и не изменишь! Это же буду я, твоя единственная жена, — пообещала коварная суккуба. — Ты же не пробовал ни разу, что ж ты так против?

— Да? Почему, Флафи? — раздался за спиной инкуба проникновенный бархатный баритон вампира.

Флавиан подскочил на месте, когда на его плечи легли тяжелые ладони Вильгельма. В глазах приятеля выплясывали чертенята.

— Флафи, попробуй! — посоветовал вампир, ухмыляясь. — Твоя жена умеет доставить удовольствие.

— Отлично, Виль, ты как раз вовремя! — обрадовалась суккуба. — Подержишь его?

— Разумеется, — не раздумывая, согласился упырюга. — Всё, что ты хочешь, милая.

Флаф тщетно пытался вырваться из объятий вампира:

— Я против насилия в браке! — возмутился он. Высказал через плечо приятелю-предателю: — И если я готов терпеть наличие любовников у своей жены, это вовсе не значит, что я хочу делить со всеми супружескую постель! И тем более быть снизу!

— Но ведь ты любишь, когда в постели я наездница, — напомнила Клава, подходя вплотную, так что Флафа стиснуло меж двух распалившихся тел.

— Кто здесь говорит о верховой езде? — распахнул садовую калитку Эдди.

Пони явился, нагруженный корзинами с разнообразной вкусной снедью для пикника. Увидев этих троих посреди двора в недвусмысленной композиции, кентавр смутился, отвел глаза. Но убежать не стал, ибо уже свыкся с привычками суккубы и ее постоянных мужчин, одним из которых и сам являлся.

— Эд, хоть ты им скажи! — взмолился Флаф, изнывая в двойных тесных объятиях.

— Вас троих кресло-качалка не выдержит, — заявил кентавр, догадавшись, что происходит, так как уже половина города была в курсе тайных домогательств суккубы до раритетной мебели. — Вы лучше вечером ко мне приходите: я в саду поставил качели диванчиком, на три места, повышенной грузоподъемности. Заодно и испытаем.

— Эдди, ты прелесть! — воскликнула Клава.

Покраснев, кентавр пробормотал, что пойдет на пляж, покатает котят на спине, чтобы они домой не прибежали раньше времени от скуки.

— Развратники! — простонал инкуб, сдаваясь перед прихотями обожаемой супруги и подставляя губы для поцелуев.

Однако на его счастье ничего бесстыжего произойти не успело: вместо убежавшего кентавра калитку теперь распахнула кошка-некромантка.

— Ой, а вы чего тут? — спросила хозяйка, улыбаясь друзьям. И осеклась, сообразив, что же происходит во дворе ее дома. Закричала, поднявшись на задние лапы и схватившись за попавшийся кстати веник для подметания садовых дорожек: — А ну брысь отсюда, озабоченные! Трахайтесь, где хотите, но не в моем доме! Здесь спариваюсь только я с моим котиком!

— Родную свекровь — веником?! — с хохотом «обиделась» Клава, схлопотавшая по задней точке.

Больше книг на сайте - Knigoed.net